Сергей Мельник

Попаданец: барон Ульрих

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его имя барон Ульрих фон Рингмар. Его земли зажаты между вековечными лесами севера и непроходимыми лесами востока. Его пытается убить регент-наставник, его преследует клан убийц-вампиров, а на его землю идет война. Кто же он? Он наш соотечественник, волею судьбы перенесенный в тело мальчика на окраине мира, вынужденного через боль, кровь и страдания крепко встать на ноги, дабы никто не усомнился в его праве сказать: «Я здесь хозяин!»

- Сергей Мельник
  - Часть первая
  - Часть вторая

Сергей Мельник
БАРОН УЛЬРИХ

Часть первая
НАЧАЛО

Дождь крупной дробью барабанил по капюшону плаща, наполняя осенний день мокрой прохладой и шелестом осыпаясь в облетевшую желто-красную листву засыпающего леса.

Мерный шаг, тяжесть рюкзака за плечами, старая, еще от деда доставшаяся «вертикалка» — вот и весь мой скарб, вот и весь я.

Электричка уже давно скрылась из виду, протарахтев железом колес, старенькое ружье извлечено из чехла и повешено стволом вниз на плечо. Хорошо, что предусмотрительно достал плащ, сразу накинув его до выхода из вагона.

Миновав по едва видимой тропе густой подлесок, вхожу под кроны уже больших деревьев. Все, теперь можно считать, что отпуск начался.

Первые дни была суета: собирал вещи, обзванивал знакомых, пытаясь «совратить» на поход в лес, но — увы и ах. Проверенные товарищи завязли в работе либо же бездарно отгуляли свои отпуска летом. Нет, лето — это, конечно, хорошо, но вот кто знает, тот не даст соврать: конец сентября — начало октября — это самое благословенное время для лесных походов. Но не суть важно. Отпуск придется проводить в гордом одиночестве, компанию я себе так и не нашел. Впрочем, думаю, пока.

Обрезанные «кирзачи», в которых я еще в армии плац топтал, держались хорошо, рюкзак умный, с рамкой и подпоясом, хоть и неподъемный, на первый взгляд, но вес распределял на спине и потому не напрягал. Шлось хорошо, жаль, что в одиночку, если не считать, конечно, Лялю.

— Лялька! Едрить тебя за ногу! — крикнул я, свистнув пронзительно и с умилением наблюдая, как из кустов вихрем вылетел сбитый коротконогий комок шерсти, моя спаниелька, так сказать, подруга дней моих суровых.

Лет пять-шесть назад познакомился я с одной девушкой, хотел ей в подарок щенка преподнести, да только как увидел сморщенный носик прелестницы, скривившейся при виде маленького щеночка, сразу понял: собаку ей не отдам. Да и не по пути мне с таким человеком. С тех пор Лемринада по своему собачьему паспорту, а по-простому Лялька, живет со мной, радуя сердце старого холостяка своей персоной.

На часах половина десятого, на навигаторе выставлены точки, шаг мерный, воздух прохладный, купленный напульсник

показывает, что я не человек, а земное воплощение спокойствия Будды, пульс и сердцебиение в норме.

От легкости и какого-то внутреннего просветления на душе начинаю мурлыкать разные песенки себе под нос, пару раз останавливаюсь, делая фотоснимки наиболее живописных мест. Время, как и пройденное расстояние, остается позади. Шаг-другой, за ним еще один и еще. Нисколько не покривив душой, могу сказать, что я подхожу к состоянию счастья. Просто физически ощущаю, как налет серой грязи повседневности сползает с меня кусками, размокая и отваливаясь под дождем, цепляясь за ветки кустарника и оставаясь где-то там, далеко, в другой жизни, с другим человеком.

Я немолод, давно пошел в размен четвертый десяток лет, за плечами немало, но одинок как ветер в поле. Нет уже близкой родни, нет и тех, с кем бы можно было пройти рядом оставшийся земной срок. Не то чтобы я не влюблялся или же у меня не было отношений, все это было, но как-то так получилось, что вечера мне все чаще и чаще приходилось встречать в одиночестве, а городской телефон стал звонить только тогда, когда кто-то ошибался номером.

Можно, конечно, и переживать по этому поводу, но как-то не получалось. Мне интересно жить с самим собой, и даже весьма. Есть страсть к медицинской науке, недавно получил степень доктора наук, присужденную президиумом Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ по результатам публичной защиты докторской диссертации. Есть моя работа в БСМП, а в местном мединституте у меня каждую неделю девять часов лекций. Все это крутит и вертит мною, забирая одиночество, и заставляет вставать по утрам. Каждый раз гладко выбриваю подбородок и надеваю свежую рубашку, выхожу из пустой квартиры. Кручусь, верчусь, да и много ли мне по большому счету нужно для счастья? Последнее время даже стал замечать, что не в состоянии потратить зарплату за месяц, постоянно остаются деньги. Что, впрочем, радует, так как дает возможность материально подкрепить свои увлечения.

Возможно, это бич и печать моей профессии, не зря же говорят, что врачи — циничный, замкнутый и нелюдимый народ. Возможно. Впрочем, кому это интересно?

Местность же постепенно менялась, рельеф стал пестреть замшелыми валунами, появились холмы и россыпи камней, деревья расступились, давая больший обзор, а где-то впереди, на грани восприятия слуха, стал различим шум бегущей воды.

Еще час неспешного хода, и я вышел к берегу бурной небольшой реки, местами поросшей непролазными плавнями

камыша. Теперь дальше, вниз по течению, еще километра полтора-два, туда, где поток реки разливается, успокаиваясь. Немного в сторону от воды, к широкой поляне — и рюкзак с плеч. Все, на сегодня хватит, начало второго по времени, часов пять до сумерек, пора ставить лагерь.

Каркасная нейлоновая палатка ставится за минуты, внутрь кидаю рюкзак, а сам с топором и верной Лялькой обхожу по кругу лагерь, ища сухое дерево. Можно было бы обойтись простыми опавшими ветками, но хотелось сегодня ночью посидеть подольше у костра.

Хлопоты по обустройству лагеря доставляли удовольствие. Нарубил с хорошим запасом дров, тут же накрыл их полиэтиленовой пленкой от дождя, снял дерн под кострище. Вырезал рогатины-держаки для котелка. Немного еще повозившись, натянул тент.

Времени еще было порядочно, расчехлил коротыш-спиннинг, быстро смонтировал катушку и, прихватив с собой небольшой набор блесен, выдвинулся к воде.

Река в этом месте расширялась из бурного потока, превращаясь в вальяжную тихую гладь. Вода по-осеннему прозрачна и лишь местами темнеет омутами. Зачерпнув ладонями из реки, ополаскиваю лицо, наслаждаясь живой прохладой. Дождь почти прекратился, оставив после себя влажную взвесь туманной зыби, а где-то совсем под боком распевалась птичка. Покой и тишина.

Бесхитростно из набора блесен достал «колебалочку» на десять граммов, именуемую в народе «ложкой», так как в былые времена люди делали нечто похожее из столовых принадлежностей, путем усечения убирая ручку и на ее место подвешивая тройник.

Бросок-другой, перехожу от места к месту, с глубины — тишина. Перехожу еще через прогалину и чувствую, что перспективное местечко. Пятно неопавшей водной травы, легкий перекат, свидетельствующий о препятствии под водой, низко нависшие ветви близко стоящих деревьев. Чуйка рыбака просто звенит как натянутая струна, азартным мягким шепотом говоря: «Здесь! Здесь она, родимая!»

Первый же заброс и мощный с оттягом удар. Спиннинг опасно сгибается в дугу, в руки передается вибрация от идущей по дуге на леске рыбины, я еще не вижу ее, но могу с уверенностью сказать, что меня ждет: слишком силен и нахален удар, слишком быстро идет рыба под водой.

Минутная борьба — и моему взору предстает матерый «горбач», закованный в зеленый панцирь с чернополосатой

расцветкой и неимоверно ярким цветом огненно-красных плавников.

Хорош! Ой, хорош, красавец! Без ложной скромности, граммов семьсот-восемьсот, а то и кило! Спина в три пальца, да только побоюсь прикладывать: уж больно страшен перепончатый гребень из шипов. Как в песне: «Душа поет, а сердце плачет». Такого красавца грех за бока да в котелок не опустить на ушицу, и в то же время понимаешь, как редка такая рыбка в последнее время, так и хочется отпустить на волю этого красавца. Впрочем, сомнения прочь, а рыбу — на кукан, как говаривал кто-то из великих, возможно, даже я.

Уже к вечеру, возвращаясь в лагерь, приношу улов, дополненный еще парой окуней поменьше и двумя «камышовками», длинными щучками-шнурками, в лагерь. В темнеющем небе стали проскакивать багровые закатные тона, а на весело потрескивающем костре уже побулькивал котелок с ухой, дожидаясь второй загрузки почищенной рыбы. Стало быть, двойная-то ушица будет, не хухры-мухры компот в столовой, а порядочный взвар.

Полноценный закат с проблеском двух или трех самых ярких звезд встречаю с кружкой ушицы и парой просоленных сухарей темного бородинского, приятно пахнущего тмином.

Нырнув в палатку, вновь присаживаюсь у костра, бережно вскрывая плоскую бутылочку «Фамус грауса», неплохого вискаря, слямзенного еще в том году у главврача. Впрочем, с него не убудет, ему и так презенты через день носят, не то что мне, штатному терапевту.

Слегка пригубить, покатать коричневую горечь во рту, не спеша, ощущая всю прелесть своего положения и наслаждаясь теплотой, растекающейся по гортани.

— Ваше здоровье, сударыня Лемринада! — салютую еще одной рюмочкой своей спаниельке, в награду получая порцию горячих собачьих поцелуев. — А ну отставить облизывать меня хорошего!

С темнотой реально похолодало, видимо, к утру траву посеребрит инеем. Радовало, что прекратился полностью дождь и небо было уже без единого облачка, открывая моему взору бескрайнюю завораживающую глубину черной бездны, усыпанную мириадами светлячков звезд.

Отловив Ляльку, достал полотенце, тщательно вытер собаку, изрядно вымокшую за день и теперь дрожащую у меня на руках. Милая барбосинка порядочно намоталась по лесу, теперь устало засыпала, а я то и дело подбрасывал поленья в костер и выпутывал колючки репейника из ее ушей.

Уже за полночь отнес спящую собаку в палатку, да и сам, еще немного побродив по лагерю, отправился спать.

* * *

Гул, словно от рассерженного улья, полного пчел, даже сквозь сон неприятно резал слух. Едва разлепив глаза, понял, что палатка освещена пунцовым светом, словно на нее снаружи направлен прожектор.

Спазм боли скрутил тело, окончательно вырывая из сна. Бедная спаниелька жалась ко мне, испуганно поскуливая и припадая к земле. Руки пробило дрожью, с трудом расстегнув спальник, тут же рванул молнию на входе палатки, вываливаясь наружу или, вернее сказать, выползая. Яркий пульсирующий свет больно резал глаза, не давая сфокусироваться и рассмотреть что-либо отчетливо. Мысли испуганной чехардой носились в голове, не находя ответов.

В бок ткнулся испуганный поскуливающий комок, бедная Лялька жалась ко мне, ища защиты и успокоения. Обхватив собаку, прижал ее к груди, щурясь и пошатываясь, поднялся с земли, в нерешительности пытаясь сделать хоть пару шагов во внезапно словно сгустившемся, подобно толще воды, воздухе.

Резкий спазм боли сковал тело, муть тошноты дурным комом подкатила к горлу, ноги подкосились, и последним кадром сознания был резкий удар головой о вздыбившуюся землю и удирающая в лес собачка.

* * *

Сознание урывками выхватывало причудливые картины неизвестного мне помещения. Бревенчатый сруб. Какой-то загородный дом? Было больно и постоянно мутило. От силы на минуту удавалось себя держать в руках, отмечая чьи-то заботливые руки, умело обтирающие меня влажным компрессом, вливающие в меня что-то отвратительно-горькое и отдающее стойким травяным привкусом.

Я терял сознание, вновь приходил в себя, не в силах вымолвить и слова, лишь с надеждой на скорое избавление. Впрочем, кризис миновал, оставляя ватную слабость во всем теле и наваливаясь какой-то неимоверной тяжестью на плечи.

Я лежал на деревянном топчане из связанных кожаными ремешками жердей, а моей периной была скошенная трава.

Рядом сидела коренастая женщина в сарафане грубого покроя, с повязанным на голову платком, больше похожим на кусок мешковины. Это ее загрубевшие от труда руки ухаживали за мной, поднося питье, обтирая меня и кормя, словно щенка, с рук, так как сил не было практически ни на что.

Вопросы хрипом или стоном срывались с моего языка, заставляя ее то плакать, то нервно бегать по комнате и полностью меня выматывая. Странно, я ее не знал, но почему-то мои страдания воспринимались ею так живо и близко.

Непонятный свет и боль, сковавшая меня тогда в лесу, — что это было? Помню лишь, как выбрался из палатки и… все. Потом лишь эти стены из грубо состыкованных бревен и забота этой женщины.

День сменялся ночью, а я с трудом разлеплял веки, апатично оглядывал унылую бедную обстановку, с трудом проглатывал предложенную пищу, запивал горечью предлагаемого питья, вновь проваливаясь в полусон-полуявь.

Осенний лес, моя шебутная собачка, мерный шаг моей жизни — все как-то отдалилось, словно прошла целая вечность. Где я? Что со мной случилось? Лишь два вопроса постоянно вертелись в моей голове, не находя ответа.

В очередной раз, открыв глаза, осознал, что нахожусь один. Самочувствие мое все еще оставляло желать лучшего, но вот боль, похоже, ушла окончательно.

С трудом скинув с себя накрывавшие меня шкуры животных, опустил на пол необычайно похудевшие ноги, ощущая босыми ступнями холод утоптанной земли под скудно раскиданным камышом.

Убранство дома удручало какой-то дикостью и деревенской простотой. Под потолком не было даже банальной лампочки, пол был действительно земляной, лишь местами прикрытый сухими длинными стеблями камыша, а свет в комнату проникал из маленького окошка, затянутого какой-то мутно-желтой пленкой.

Что за дикость? Я, конечно, был в курсе, что в стародавние времена, когда не было стекла, люди затягивали окна пленкой вымоченного и проваренного бычьего мочевого пузыря, но вот чтобы так, своими глазами, это увидеть — такое впервой.

Пошатываясь, с трудом утвердился на ногах, у окна заметил глиняный кувшин, захотелось пить. Медленно, словно учась заново ходить, стал совершать шаги, то и дело борясь с накатывающими приступами тошноты.

Ощущения были не из приятных, я словно уменьшился и скукожился, мое тело было словно чужим и одеревеневшим, неожиданный шок от неузнавания своих рук заставил мое сердце

испуганной пташкой бешено колотиться в груди.

Я замер посередине комнаты, с удивлением рассматривая свои руки, не в состоянии осмыслить тот факт, что, по всей видимости, мое тело — вовсе не мое!

Через голову, запыхавшись, стянул с себя какую-то латаную-перелатаную рубаху, оглядывая тело и непроизвольно издавая стон. Что за бред?! Как такое возможно? Я, сорокалетний мужик, вновь стал ребенком!

— Уна! — вскрикнула женщина, входя в комнату и видя меня, застывшего с открытым ртом. — Кавим да мерте ма? (Зачем ты встал, сынок?)

В полной прострации, на грани безумия я плюхнулся прямо на пол, ощутив, как подо мной подломились от слабости ноги. Это было выше моего понимания: женщина заговорила на незнакомом языке, а мой мозг услужливо подсказал перевод слов, которые я просто физически не мог знать.

Женщина легко подняла меня на руки, поглаживая по голове и шепча мне про то, что я не должен вставать, я еще слишком слаб, мне нужно отдохнуть и прийти в себя. Она говорила без умолку, то улыбаясь, то заливаясь слезами, качая меня на руках и расцеловывая.

Я же молчал, осознавая, что ничего не понимаю, и ощущая непомерный страх от того, что произошло нечто не укладывающееся в обычные рамки моей жизни. Что же будет теперь? Кто я теперь?

* * *

Звали меня эти люди Уна, и я действительно был ребенком. По моим прикидкам, ощупываниям и тому отражению, что удалось рассмотреть в луже перед крыльцом, было моему телу от семи до восьми лет. Худощавый, светловолосый, впрочем, как и практически все население небольшой деревеньки, где я очнулся.

Около трех десятков приземистых, укрытых охапками камыша домов, таких же незатейливых сараев и кромешный лес вокруг — вот что представляла собой деревня Дальняя.

Немного отойдя от первого шока, я волей-неволей начал как-то адаптироваться и попытался узнать о том, где я и что же меня ждет в дальнейшем. Чем мне руководствоваться? Куда бежать? Кто мне поверит, а если поверит, каковы будут последствия?

С помощью женщины, которая меня вылечила, я стал выходить на улицу, чтобы посидеть на крыльце, где меня ждал мой всегдашний компаньон, древний дед Охту, отец моей мамы

Иши. У деда один глаз был почти полностью закрыт бельмом катаракты. Моей подружкой была и вертлявая, вечно сосущая палец девочка Ви, дочка соседа, которая еще плохо говорила и была младше меня, хотя занозой была той еще, постоянно бегала и крутилась вокруг меня, выдавая все мои шаги матери.

Все было просто до ужаса и примитивно до невозможности. Дома собраны без единого гвоздя, земляной пол и протекающие крыши. За удобствами — во двор в яму, пищу готовили во дворах, под навесами на костре, а на зиму, когда снега заметали все по самую крышу, худую скотину заводили в дома, чтоб не померзла, да и теплее так — получалось со слов старика Охты.

Все население деревни жило практически полностью за счет охоты, лишь по весне распахивая два поля неподалеку засеивая их пшеницей. Один колодец в центре деревни, впрочем, больше для скотины, так как в основном ходили к небольшой речке, где стирались да набирали воды впрок.

— Дед. — Я сидел на крыльце, греясь под лучами утреннего, еще не жаркого солнца, с трудом переваривая то, что сейчас весна, а не осень.

— Ась? — встрепенулся тот, видимо, проснувшись.

— А что со мной случилось? — медленно подбирая незнакомые слова, спросил я, удивляясь этому странному и непонятному умению нового языка.

— Магия, внучек. — Дед, задумавшись, пожевал губами. — От деревни повезли барону долг свой весенний. Прошли через лес, прошли деревню Речную и Ближнюю, вышли к городу. Стали ждать барона с его управляющим, а тут какой-то маг столичный проезжал, худющий, страшнющий, весь такой благородный, а ты бегал, с пацанвой игрался и не усмотрел, как под коня к нему чуть не залетел. Конь-то хоть и статный, а шуганулся от тебя, тот маг чуть и не вылетел с седла, осерчал, стало быть, знатно.

— И что? — спросил я, видя, что дед, похоже, замолчал надолго, копаясь где-то в глубинах своей души.

— Кто его знает? — Дед пожал плечами. — Мы-то и не видели, это Ви, твой хвостик, к нам прибежала в слезах, когда подошли, ты лежал без чувств на земле и пар от тебя шел, вроде ты как из бани али из печки выпал.

— У-у-у-н-а-а-а! — протянула девочка, большущими глазищами меня разглядывая, после чего протягивая мне ко рту обсосанный свой палец.

— Нет, спасибо. — Я отодвинул руку девочки, вновь переключая внимание на деда. — А где мы находимся?

— Что значит — где? — Дед удивленно на меня посмотрел. — Дома, понятное дело, где ж нам еще быть-то?

— Не, ну понятно, что не на луне. — Дед хмыкнул моей шутке. — Я спрашиваю, про место нашего дома, что это за лес, что за город, что за страна?

— Ну лес как лес, Диким кличут, город Касприв на землях барона Рингмара. — Я кивал, поощряя деда к диалогу. — Барон в графстве Миртов, пятеро их, стало быть, в графстве, баронов которые. Ну а что со страной-то не так?

— Я не знаю, ты мне скажи, — спросил я, глядя на удивленного деда.

— Ты что это, внучек, забыл, что мы в королевстве Финорском? — Он озадаченно чесал макушку.

— Дед, меня этой самой вашей шандарахнуло, магией. Я с трудом вспомнил, как меня звать, а ты удивляешься, что я не помню королевства. — Линию и легенду об амнезии мне волей-неволей приходилось поддерживать.

Ох, и странные дела творятся! Я человек, прошедший чуть ли не полжизни, нахожусь в теле мальчишки, говорю на незнакомом мне изначально языке, в дремучем, убогом уголке, где никто слыхом не слыхивал про электричество, телефон и Россию. Живут чуть ли не собирательством, говорят о королевстве, вокруг дремучий лес. Кто сошел с ума: я или этот мир?

А эти их рассуждения о магии, словно о чем-то само собой разумеющемся, что это? Вся деревня увешана амулетами, пучками трав, какими-то перышками и узелками, все верят в лесных духов и прочую мутотень. Что за дикость? Вопросы, вопросы и вопросы.

Здоровье мое постепенно налаживалось. Появился аппетит, я стал прогуливаться и помогать по хозяйству. Мне, доктору медицинских наук, пришлось выгребать козьи каки из-под трех сволочей, которых держала моя новая мама Иша. Я кормил сидящих в клетках фазанов, одомашненных в деревне вместо куриц, таскал воду в деревянных ведрах с речки, помогал деду выделывать в золе и соли шкуры животных.

По моим уже осознанным подсчетам, получалась третья неделя моей новой жизни. Душа моя металась испуганно, я узнавал мелочи, но не понимал или, вернее сказать, не мог до конца принять главное. Все теперь будет по-другому, нет больше того меня, нет больше моего города и моей прежней жизни. Есть что-то другое, похоже, это навсегда и, что самое главное, мне это нравится.

О чем я думал? О многом, о параллельных мирах и реинкарнации, я думал о магии и высоких технологиях, мне в голову даже приходили мысли об экспериментах инопланетян, впрочем, все это были лишь рассуждения и домыслы. Вариантов

тысячи, а правда одна и, как говорилось в одном из знаменитых сериалов, «где-то там…»

Истина.

Истина была не совсем радужной, деревенский быт только в книжках и по телевизору мил и облагораживает. С утра и до вечера приходилось что-то делать. Вставали все с первыми лучами солнца и горбатились, как проклятые, пока оно не садилось. Доставалось всем: женщинам, детям, старикам, мужикам, козам, коровам — и даже собак брали в лес на охоту, на зиму нужно впрок накоптить-насолить-насушить, иначе с голоду околеешь.

Нужно было всего и побольше, так как в конце лета везти долг барону, мзду, так сказать. Шкурами и кое-каким провиантом отдавать, иначе, как говорит дед Охта, приедут стражники и посекут всех плетками, а кого строптивого так вообще на ближайшем суку вздернут, да баб всех перепортят, в общем, некрасиво поступят.

Средневековье прям какое-то, впрочем, меня уже ничем не удивишь. Магия у вас тут? Да ради бога! Бароны, графы, короли? Да пожалуйста! Мне вон, доктору наук, некогда, мне надо коз покормить, травы накосить да забор, завалившийся набок, поправить. А что бы вы на моем месте делали? В милицию позвонили или в МЧС? Или, может, пламенные речи об освобождении пролетариата стали толкать с телеги? М-да уж.

Можно много и с расстановкой рассуждать о высоком, но вот когда вам банально пучком травы приходится зад подтирать или пользоваться обувью лишь в зимнее время, так как накладно шкуры о землю топтать, тут уж не до высокого — тут бы чего пожрать найти да упасть на койку, не чуя ног. После того как целый день пахал, косил, варил, крутил, строгал, сшивал.

Хотя народ привычный к такому быту, они тут родились, тут и помрут. На возраст тут не смотрят, ибо ходишь, руки-ноги есть — вперед, работать. Правда, одно послабление я себе выбил. Это рыбалка. Местные хоть и промышляли помаленьку рыбой, но вот спецами были не ахти какими. Их способы — острогой колоть или запруды корзинами прочерпывать. Методы, скажу я вам, хоть и действенные, но уж больно долгие и не особо уловистые. В то время как я хоть и был рыболовом-любителем в своем мире, но как спиннингист порядочно насмотрелся на орудия лова браконьеров, так как именно спиннинг позволял мне цеплять все их незаконные снасти в любом месте и на любой глубине.

Выбор пал на «вентерь» — народное творчество, представляющее собой длинный чулок, один из концов которого — бутылочное горлышко, уходящее внутрь конструкции. Этакая

вогнутая воронка. Рыба плавает по речке, заплывает в чулок и там мечется, не находя выхода. То, что мне нужно, — дешево и сердито.

Правда, вязать эту конструкцию пришлось деду, я долго его уговаривал, ходил вокруг него, сами понимаете, тут ни капрона, ни бечевочки в лесу не найти, всю конструкцию вязали из ивовых веток, получился не чулок, а длинная решетчатая корзина.

Вся деревня потешалась над стариком и его бестолковым, как они считали внуком, глядя, как они вяжут непонятные самоловы. Признаться, мне самому пришлось поволноваться, так как уверенности в том, что такая массивная конструкция из дерева будет работать, до конца не было. Показала практика. Оставленные на всю ночь и вынутые поутру самоловы принесли полный заплечный мешок разнокалиберных рыбин, влетевших туда.

— Эко диво, — бормотал Охту, идя со мной после нашего сбора добычи. — Это ж, как ты лихо измыслил-то такое, внучек? Да такого даже в Речной не знают! Рыба сама, считай, тебе в руки идет, а ты сидишь дома да делами своими занимаешься!

— Это я в городе углядел, дед. — А что прикажете мне ему про прошлую жизнь рассказывать? — Бегал, смотрю: корзины такие стоят, я и спросил у дядьки, который рядом стоял, что это такое.

Вот так со временем нас с дедом признали за знатных рыбаков, отряжая по утрам проверять улов, что давало мне время дурака повалять и обдумать все, впрочем, с пользой для всех. Самому мне корзины из воды не по силам было доставать да вытряхивать, а дед был слеп на один глаз, да и вторым не шибко видел. Так мы друг друга и дополняли.

Вы будете смеяться, но именно в этих условиях я осознал, что лень — это двигатель прогресса. Ну вот никак мне не улыбалось с утра и до вечера спину не разгибать. Порода у меня такая, интеллигенция, я так не могу, чтоб без книжки, теплого пледа и долгих, запутанных разговоров о главном и общемировом. Есть люди, находящие удовольствие в труде, а есть я. И я его там ну никак не находил.

Вот, к примеру, самых маленьких детей зачастую отправляли по грибы и ягоды в лес под присмотром какой-нибудь матроны. Нет, лес я люблю, но вот раком по нему лазить — увольте! Уже после второго такого похода я, подхватив под руку Охту, на окраине стал окапываться в овраге да рубить сосновые жерди.

— Внучек, на нас люди смотрят, говорят, мы умом тронулись. — Дед копал по склонам, а я выносил корзинами грунт. — Ты уж уважь старого, скажи, что задумал, а то ведь и

мне как-то стыдно не пойми чем заниматься.

— Мы, дед, землянку большую с тобой делаем. — Корзины с землей хоть и под стать мне, маленькие, но уж больно тяжелые, резали от нагрузки руки.

— А на что она нам сдалась? Аль не в самый худой год живем, да и дом у нас статный, не течет да мхом весь проконопачен. — Дед покряхтывал, но продолжал исправно выструганным из дерева острым веслом, которое тут заменяло лопату, срубать со склонов овражка пласты земли. — Что ты удумал, говори, что гадать, мож, подскажу чего.

— Да, дед, понимаешь… — Я задумался, прикидывая все варианты. — Забодали меня все эти походы по лесу за грибами. Лазаешь там по самым что ни на есть дебрям, кругом девчонки бегают, в игры играются, терн тебя исцарапывает с головы до пят. В общем, надоело.

— Хе-хе! Девчонки надоели? — Старик хмыкнул, подавая мне очередные корзины с землей. — Ну то, что от баб много шума, это понятно, мне непонятно другое: ты что решил под землю закопаться от них?

— От них закопаешься, как же, — буркнул я себе под нос, покосившись на сидящую рядышком малявку Ви, вызвав смех старика. — Не, деда, я лучше придумал. Мы грибы будем сами выращивать, как на поле пшеницу.

— Ты с дубу рухнул?! — Дед клацнул отвалившейся от удивления челюстью и выронил лопату. — Грибы на огороде не растут!

— Ну дык. — Я поднял лопату, вновь вручая ее старику. — Теперь будут. Ты уж поверь, я, когда в городе был, от одного из слуг в замке услыхал как-то, что в подвале старого замка грибы выросли сами собой!

— Брешет! — Старик в сердцах кинул вновь лопату на землю.

— Ты, дед, не спеши. — Я вновь поднял лопату, вручая ему и стараясь мягко объяснить или, если называть вещи своими именами, обмануть старика. — Люд там разный толпился, многие про то слыхали, а один заезжий так вообще сказал, что где-то далеко, в его краях, люди давно догадались, как грибы выращивать. Мол, это всем известно, что им подавай сырой подземок, иначе, мол, никак.

— Ой, внучек, брехни ты наслушался, чует мое сердце!

— Дед, может, оно, конечно, и брехня. — Я успокаивающе взял его за руку. — Только вот сам подумай, а вот как мы с тобой самоловы сплели на рыбу, ведь тоже со слухов и тоже никто не верил, а работают! Вот скажи мне по чести, работают али нет?

— Ну работают. — Он задумчиво осмотрел склоны.

— А вдруг и здесь получится? — Я с видом заядлого интригана подмигнул ему.

— Ну ладно, давай попробуем. — Он вновь взялся вырубать землю. — В крайнем случае следующей весной ледник заложим, если не получится, овражек тут глубокий, глядишь, не растает все за лето.

На том и порешили, хоть и с большим сомнением со стороны Охты, но зато с вполне обоснованными надеждами с моей стороны. Так как мой сосед по даче, Аркадий Семенович, пенсионер, держал у себя в подвале грибную ферму, ну а я помогал старику временами компост готовить, взамен получая от него корзинку-другую грибов.

За три неполных дня нам удалось вырыть и закрыть дерном и частью грунта вполне солидную землянку порядка десяти квадратных метров. Помещение внушало уважение, было сродни пещере и уже сейчас отдавало сыростью и легкой прохладой.

— И что теперь? — Дед с гордостью осматривал свой труд, держа зажженную лучину, под землей царил кромешный мрак. — Откуда грибы возьмутся?

— Сначала лотки, дед. — Я задумчиво оглядывал свою будущую ферму. — С мужиками поговори в деревне, нужны бревна солидные, с выдолбленной сердцевиной, как корыта, которые вы делаете. Их полками и ярусами надо выставить, как лестницу.

— Зачем? — Он, подслеповато щурясь, задумчиво оглядел меня.

— Бу! — ткнулась мне в бок приставучая Ви.

— Чтоб места больше, да и по уму использовать, а не абы как все покидать. — Слово «экономность» тут было незнакомо. — Ви, спасибо, оставь палец себе.

На корыта ушла целая неделя, народ хоть и помогал, но все дела бросать ради забавы незнакомой не стал. С горем пополам выставили стеллажи на четыре уровня, налепили и обожгли нечто среднее между пиалой и блюдцем, мисочки для наполнения водой, чтоб воздух увлажнять. Выложили камнем дорожки, чтоб грязь не разводить, снаружи вырыли компостную яму, куда снесли различные отходы из травы и листьев, добавив немного бытовых. Лишь после этого мы с дедом занесли первую партию мицелия — грибниц, найденных в лесу и немного просушенных.

Слава богу, я имел представление о мицелии, ведь абы какие грибы не станут расти в такой ферме. Очень большой ошибкой будет считать, что можно выращивать по-настоящему лесные грибы. Это не так. Дело в том, что практически повсеместно лесные культуры грибов размножаются путем микоризы. Если

объяснять на «дулях», то микориза — это симбиоз, соединение споры гриба с корневой системой деревьев, если еще проще, то грибы растут на корнях. Отсюда и названия: подберезовики, подосиновики — и четкая уверенность грибников, что такие-то грибы можно найти под такими-то деревьями.

Для разведения грибов нужны сапротрофы, так сказать, санитары, поедающие компост, перегной, навоз, или древесные паразиты наподобие вешенки, растущей за счет того, что поедает древесный ствол.

Что у меня было под рукой? Правильно, «гарики», то есть семейство агариковых, или совсем попсово — шампиньоны. Самые популярные сапротрофы старушки Европы и моей матушки России. Мясистые, дутые, белоснежные кругляши, великолепные как в жарке, так и в засолке.

Загрузить корыта спорами, рыхлой почвой и лесным перегноем мне удалось за полдня, а когда через полторы недели показались пока еще маленькие, но многочисленные головки-бусинки первого урожая моей подземной фермы, вся деревня по два-три человека, но посетила мою плантацию, с удивлением качая головами и цокая языком.

За трехнедельный цикл я со своей фермы собрал больше, чем вся деревня за полгода. Конечно, не скажу, что это труд — не бей лежачего, но и в сравнении с лазаньем по лесу два раза в день спуститься под землю для полива и периодически вентилировать отдушинами помещение гораздо лучше, главное, продуктивней в разы и… практически не напрягает меня, человека, изнеженного цивилизацией.

Как я уже говорил, лень — двигатель прогресса.

* * *

Два месяца по тридцать дней я уже тут. Дни пришлось отсчитывать, делая зарубки на стене сарая, так как местный народ слыхом не слыхивал ни о каких месяцах. Здесь были зима, весна, лето и осень. Ну или, на крайний случай, «перстница», как можно догадаться, если распознать слово «перст», то есть палец, это пять дней, пять загнутых пальцев на руке.

Варвары проклятые, мне нечего было почитать в туалете! Это кошмар.

С рассветом подъем на работу, с заходом солнца — спать.

Вы думаете, в связи с тем, что я изобрел самоловы для рыбной ловли и завел грибную ферму, меня минули труды повседневные, тяжкие, на меня обрушилась слава всенародная и я

теперь сижу день-деньской в шезлонге на пляже, подсчитывая дивиденды и прибыль от патентов на изобретение?

Ага, как же, шиш мне на постном масле. Как горбатился с дедом на пару, так и продолжал. Иша, моя мама, была женщиной одинокой, вся семья — я да дед. Мужа, моего отца, еще до моего рождения зверь в лесу задрал, не вернулся с охоты. А скотины у нас было порядочно: три козы и пяток фазаних с двумя петухами. Вы не представляете, как жрут козы. Это что-то с чем-то, просто машины смерти по уничтожению травы, и соответственно все, что в них входит через ротовое отверстие, потом обязательно выйдет из другого отверстия, причем, как я стал подозревать, в увеличенном объеме.

А еще в деревне царил полный коммунизм. Затарил ты закрома, набил чуланы, остальное, будь добр, отдай в общак. Правда, и нам перепадало от общины — то шкуры, то ткани кусок, а если будем участвовать в возделывании полей, то и пшена отсыплют мешочек на хлеб зимой.

Все вроде помогали всем, в общем-то, и я не ворчал, когда моя грибная ферма ушла в общак вместе с большей долей рыбного улова. Во-первых, потому что за фермой нужно постоянно следить и дежурить там, следя за влажностью и свежим воздухом, а во-вторых, денег в деревне ни у кого не было. То есть совсем. Никаких.

Нет, о деньгах люди, конечно, знали: в королевстве ходила чеканная монета трех номиналов, по цене ушедшего на изготовление материала. Это медь, серебро и золото. Но вот в деревне не нашлось ни одной самой захудалой монетки. Все натуральным хозяйством либо же трудом: ты мне помог — я тебе.

Наша семья благодаря моим трудам приподнялась, нам помогли перестелить крышу в доме, вкопали в ограде новые столбы взамен сгнивших, дали три глиняных горшка и один такой же горшок под печь. Благодаря проклятым козам было молоко, на которое мать выменяла теплые шкуры, чтоб к зиме пошить теплую одежду. В кладовой весь потолок был увешан гирляндами сушеных грибов и вяленой рыбы. Мы теперь были побогаче некоторых в деревне.

Тихий ужас!

Как, вот скажите мне, как они выживают в таких условиях? Это уму непостижимо! Это не жизнь, это какое-то существование, бесконечная борьба за выживание. У них нет ничего! Я уже второй месяц ем какие-то вываренные корни и рыбу. Нет круп, чтобы сварить кашу; мясо, приносимое охотниками, к нашему столу не доходило практически, так как съедалось влет. Даже пшеницу никто не молол на хлеб, так как ее осталось ровно на

посев, чтобы к зиме собрать часть урожая, отдав барону в уплату долга. Какого долга? А кто его знает? Вот люди в деревне не знают, а платят. Почему? Да потому, что иначе приедут стражники и всех плетьми изобьют.

Как сказал Охта, от города Касприв до Северных гор по Дикому лесу вдоль речки Быстрянки вся земля принадлежит барону. Соответственно три деревни: Ближняя, Речная и наша, Дальняя, — со всем населением являются собственностью, бесправной скотиной господина. Как он повелит, так и будет. Сказано: по весне и по осени два долга привозить к нему в замок, значит, будьте добры привозить, иначе изобьют или вообще убьют за неподчинение.

С нас, с Дальней, требовали в основном шкуры богатые да красивые пушного зверя, так как земли пахотной нет почти и живем мы в основном охотой.

Конец весны, первый долг отдали, за первые два месяца все кладовые в деревне были уже под завязку набиты рыбой и грибами, дни становились жаркими, лес зарос зеленью, так что иной раз и мне, верткому худому мальчишке, было не пройти. Народ собрался распахивать поля. Шумно, толпой, мужики выдвинулись к вырубкам. Подчищая поросль и вручную используя деревянные лопаты, стали перекапывать два небольших участка земли под посев.

Мы с дедом и вечной нашей спутницей Ви пристроились в хвосте, следуя за всеми, и так же перерывали землю, словно кроты, деревянными веслами, которые почему-то все упорно считали орудием труда, а не пытки.

Думаю, не стоит хвалиться тем, что уже после получаса такой гребли без байдарки мои руки превратились в одну сплошную кровавую мозоль.

— Деда Охта, деда Охта! — Ви юлой крутилась возле нас, то и дело приставая то к одному, то к другому. — А у Уны ва-ва, бо!

— Ась? — Дед с трудом понимал ее, так как малявка еще плохо говорила, но зато много и зачастую недоговаривала окончания слов. — Уна, что она ко мне пристает?

— Замуж за тебя хочет. — Настроение было ни к черту, руки болели адски, посему и шутки получались плоскими.

— Хе-хе, ага, как же. — Он с прищуром поглядел на Ви. — Эта «чиплия» от тебя ни на шаг, ох и достанется тебе, когда она подрастет, шелковым будешь у нее в руках.

— Уйду я от вас, злые вы. — В дополнение к рукам стала побаливать и спина.

— А ну, покаж, что она там у тебя разглядела. — Дед повернулся ко мне, после того как Ви стала дергать его за

штаны. — Иначе завалит меня, под ноги сунувшись. Ох, ну и дырищи ты на руках намослал! Не, внучек, так не пойдет, иди-ка ты отседова.

— Да ниче дед, я уже приноровился. — Бросать работу не хотелось, совестно как-то было бить баклуши, когда все пахали не разгибаясь. — У меня уже почти и не болит.

— Иди-иди, болит, не болит, а как гной пойдет, можно и без рук остаться! — Дед притопнул ногой. — И не перечь мне, а то сейчас сорву хворостину, в другом месте заболит.

Спорить было бесполезно, нравы тут были еще те: недолго спрашивают, зато быстро штаны спустят и зад надерут. Мне, признаюсь к своему стыду, уже перепало от деда, так сказать, в профилактических целях один раз. За язык длинный, аки у гадюки кусачей. Ну да я не в обиде, дед — мужик толковый, не в злости зад драл, науки ради.

— Ви! — Дед поймал крутящуюся девочку за руку. — Отведи Уну к знахарке, смотри, чтоб никуда по дороге не сворачивал! Следи за ним глаз да глаз!

— Ну, дед, спасибо! — Вот уж действительно пошутил так пошутил, девчонка же теперь с меня вообще не слезет, она и так за мной даже в туалет бегает, теперь вообще страшно представить, что учудит.

— Ха-ха, ой, не могу! — Он откровенно ржал, глядя, как малявка пихает меня в спину, что-то наставительным тоном выговаривая и грозя пальцем. — Ну девчонка будет! Огонь! У такой жены не забалуешь!

Все поле провожало меня дружным хохотом, все друг друга знают, а уж о моем «хвостике» — и подавно. Варвары. Мы еще дети малые, неразумные, а они уже сватают мне эту маленькую пигалицу. Даже родители Ви уже просто улыбаются и разводят руками, мол, что тут поделаешь, она, считай, уже у вас живет, мы ее практически и не видим.

Взяв девочку за руку, чтоб не отставала, пошел назад в деревню искать местного врача, знахаря. Признаюсь, мне как терапевту с немалым опытом было очень даже интересно понаблюдать методы работы своего доисторического коллеги. Работы-то тут кот наплакал, всего лишь волдыри слезли, нужно промыть все, неопытного специалиста может испугать сукровица, но это ерунда. Ошметки кожи подровнять, легким спиртовым раствором подсушить и, в принципе, дальше просто периодически поглядывать за тем, чтобы не попала инфекция, меняя повязку.

Дошли до дома бабы Априи, исполняющей роль участкового врача, не скоро, старушка жила на окраине деревни, особняком, почти на границе с лесом. Щупленькая, маленькая старушка с

мимическими морщинками улыбчивого человека у глаз встретила нас во дворе, вытирая руки о серый передник, так как ковырялась на грядках в траве, высаженной на ее участке.

— Ай, детки мои! Ай, до чего ж хорошо вы, голубочки, смотритесь! — заголосила Априя, увидев нас. — Ай, вы мои хорошие! Ну-ка идите ко мне, я вам молочка налью!

— Ты б коньячку, бабка, мне накапала лучше, — пробурчал я тихо себе под нос.

— Конь-бяч-ку! — тут же во весь голос скомандовала маленькая Ви, услышав меня.

— Цыц! — одернул я ее, проходя во двор и подходя к дому.

Бабка Априя что-то ворковала, ей вторила Ви, я же сидел в углу, на лавочке, оглядывая покои местного эскулапа, впечатленный увиденным.

Покои старушки напоминали сеновал и лавку таксидермиста одновременно. Кругом, куда ни посмотри, висели, лежали, стояли различные пучки трав, корешков, веточек, какой-то коры, целая куча мумифицированных трупиков различных мелких тварей, от жаб до летучих мышей. Все это дополнялось кучей горшков с различными отварами, обдающими чуть ли не радиационным фоном, стойко разнося прогорклый запах и аромат разнотравья по дому.

— Что, внучек, интересно? — Бабка внимательно меня осматривала вполне адекватным и пристально-умным взглядом. — Уж не напуган ли ты часом?

— А? Что? С чего это? — Я с трудом перевел взгляд с ее запасов на саму хозяйку. — Просто любопытно, что можно из жаб сухих извлечь?

— А ты что, внучек, знаешь, что не из сухих можно извлечь? — Бабка подошла поближе, буквально буравя меня взглядом.

Признаюсь, от постановки ее вопроса я немного смутился, дело в том, что я действительно знал, что можно получить из жабы. Буфотенин — сильный алкалоид, сходный с такими известными алкалоидами, как кофеин, морфин, кокаин или никотин.

У меня была даже на практике пара пациентов-наркоманов, которых привезла в полном «неадеквате» милиция. Парни до того были под кайфом, что просто шли по улице среди бела дня каждый с лягушкой в руке и облизывали их, как мороженое или леденец на палочке. Один потом полгода в реанимационном отделении пролежал с сильнейшим отравлением.

— Эм-м, э-э-э… — Растерявшись, невольно затянул с ответом, понимая, что безбожно, как говорят в народе, «палюсь», отчего

ощутил, что щеки наливаются румянцем. — Не знаю.

— Во-о-о-т, значит, как. — Априя лукаво мне подмигнула. — А скажи-ка мне, милочек, откуда ты «не знаешь», что с этих тварей можно получить? А заодно просвети старушку про земляночку свою чудную и про жизнь свою непростую после случая-то чудного, с тобой в городе произошедшего.

Ну бабка! Ну дает! Я сидел, хлопая ресницами, гадая то так, то эдак, что ей известно и о чем она может догадываться. Неужели всю мою конспирацию раскрыла старая бабка, которая зашептывает болезни и сушит жаб? Быть того не может! Признаться честно, я уже сжился и свыкся со своим телом и своей новой семьей. Только представил на минутку, что может случиться, если Иша узнает, что ее сына уже нет, а в его теле сидит какой-то неизвестный мужик, — и мне стало горько и страшно как за нее, так и за себя. Нет уж, бабушка, правды ты от меня не добьешься, если о чем догадываешься, все останется при тебе, иначе ведь нельзя, здесь на кону моя жизнь, пусть и взятая у другого, но куда ж мне деваться?

Априя сыпала вопросами, улыбалась, подшучивала, только мне было не до смеха, я отмалчивался или отвечал односложно, весь напряженный и внимательный к ее терминологии.

— Баба — кака! — неожиданно выдала Ви, до этого молча наблюдавшая за нашим диалогом и вдруг сорвавшаяся с места и заключившая меня в свои легкие детские объятья, словно защищая меня.

— Ты смотри-ка! — Знахарка удивленно вскинула брови. — Видишь, Уна, девочка чувствует, что я тебе со своими вопросами поперек горла встала.

— Ну почему же поперек. — Я успокаивающе гладил девочку по голове, при этом оставаясь внимательным и собранным. — Я просто устал, да и руки болят, стер до крови.

— Ах, я старая! — заголосила она, подскакивая. — Набросилась на тебя с расспросами, позабыв про все на свете! Ой, внучек, прости, совсем одичала я. Живу тут на отшибе, людей не вижу, вот и позабыла про все на свете, вопросами тебя засыпала.

Я кивал ее причитаниям, наблюдая за вполне адекватными действиями этой древней медички-«гербалистки». Она быстро осмотрела мои руки, после чего подошла и села рядом, приготовив куски ткани, пару кувшинов со своими отварами и широкий нож из черного, каленого, грубого куска железа — первый металлический предмет, увиденный мною в деревне.

— И-и-и-и-и! — испуганно заревела Ви, вновь обхватывая меня руками, видимо, испугавшись ножа.

— Ну что ты, девочка. Ну не надо, успокойся. Бабушка

помочь мне хочет. — Мне вновь пришлось ее успокаивать, поглаживая и шепча всякие глупости ей на ушко. — Ну же маленькая, успокойся, все будет хорошо. Вот сама смотри, ну ничего страшного.

Вдвоем с Априей мы битый час пытались оторвать от меня напуганную Ви, горой вставшую на мою защиту. Девочка решила умереть, но меня спасти любой ценой.

— Так, Ви! — Я усадил ее себе на коленки, рядом с приготовленными Априей перевязками и горшками. — Раз другим не даешь, сама будешь лечить!

— Б-у-у-уду! — все еще всхлипывая, протянула она.

Бабка села на лавочку за стол, подперев скулу рукой и с интересом слушая и рассматривая нашу перепалку.

— Подай мне горшки, я понюхаю. — Первый же горшок оказался наполненным простой водой. — Отлично! Бери кусочек тряпочки и аккуратно вымой мне руки. Смой кровь.

Девочка усердно принялась обмывать мне ранки, каждый раз вздрагивая при прикосновении ко мне и чуть ли не каждые две секунды заглядывая в лицо, как бы вопрошая: «Все нормально? Тебе не больно?»

— Молодец, умница, — подбадривал я ее. — Вот так, да-да, и тут тоже. Все хорошенечко вымыть нужно, запомни, маленькая: все болезни от грязи. Ну все, хватит. Промокни воду с ладошек и сама руки вытри.

Априя подхватила и унесла мокрые тряпки, поднося новые, мне подмигнула, как бы намекая: «Что, мол, бабку дурить мастак, а девочка утерла нос умнику?»

— Так, давай следующий кувшин, — втянув носом травяной запах, понял, что там намешано всего и много, определить компоненты мне не по силам. — Давай другой.

А вот следующий запах мне был знаком. Черемуха. Похоже, Априя замочила в этом кувшине все подряд: и кору, и листья, и цветки. Впрочем, мне без разницы, главное в черемухе — это фитонциды, то есть образуемые растениями биологически активные вещества, убивающие или подавляющие рост и развитие бактерий, микроскопических грибков. Сам термин был введен еще в Советском Союзе, посему нам, студентам, в институте рассказывали о фитонцидах, о целом учении, разработанном профессором и доктором наук Токиным Борисом Петровичем, в частности заметившим, что в Гражданскую войну многие раненые использовали черемуху как противовоспалительное средство от нагноения ран.

Собственно, откуда мне, доктору медицинских наук, столько известно обо всех этих травах? Все очень просто. Я терапевт, если

остальным врачам «достаются» те или иные части тела, то я вынужден знать человека от головы до ж… и даже дальше. Сотни и сотни прошли через меня, день за днем, а особенно старики, обделенные финансами в нашей стране. Что прикажете врачу делать, если субстрадированные медикаменты и активные химические вещества стоят подчас больше, чем вся пенсия старого больного человека?

Правильно, выслушать всю эту белиберду от страждущих — о настоях, травках, примочках и даже о конских каках, которые стоит втирать в больные суставы, а потом закопаться в литературу, чтобы понять, не сделают ли они себе этими травками только хуже. Положение обязывает, под налетом моего профессионального цинизма есть человек, способный сопереживать и сочувствовать. Вот и приходилось мне давать рецепты на те или иные травяные сборы или рассказывать страждущим, что заваривать и как пить. Да уж, приходилось экономить на здоровье людей.

— Смотри, Ви. — Я поднес горшочек к девочке. — Помнишь, ты целую охапку черемухи принесла и, пока я спал, закидала меня ею?

Да, на днях она учудила: наломав черемухового цвета, обложила меня им, пока я спал. У меня потом полдня голова болела, и еще неделю народ потом надо мной хохотал, называя принцессой — у них тут была сказка вроде нашей про спящую красавицу, только вместо хрустального гроба был волшебный, вечно цветущий луг.

— Да! — Она интенсивно закивала, улыбаясь мне. — Уна, спля плинцесса!

— Да-да. — Я поспешно перебил Ви, заслышав смешки старушки, которая явно была в курсе тех событий. — Так вот, Ви. Черемуху надо, как бабушка Априя, в кувшинчик сложить. Тогда получится вот такая водичка, ей ранки промываешь, и тогда ранки не гноятся. Тебе понятно?

Та вновь кивнула, уже без подсказок обрабатывая знахарской настойкой мои руки, при этом что-то воркуя на своей детской тарабарщине, уже полностью успокоившись и, похоже, находя это действие забавным.

— Вот так, молодец, девочка, — подбадривал я ее. — Умница. Все, а теперь, видишь, бабушка ножик принесла? Им нужно аккуратненько срезать вот эти «ошметки» кожицы по краям.

— Уна, бо! — Она испуганно встрепенулась.

— Ну что ты, маленькая, совсем не «бо»! — Я старался говорить мягко, чтоб не напугать ее. — Мы можем ее оставить, ничего страшного, только тогда под ней будет всегда мокреть и

будет долго заживать.

Подключилась Априя, также давая советы на пару со мной, девочка, боязливо каждый раз вздрагивая, провела первую операцию в своей жизни. Маленькая заноза упрямо не слезала с меня, целиком и полностью оккупировав мои колени и не отпуская руки.

— Фух! — на пару с Априей выдохнули мы.

— Теперь все, заматывай и тащи свою принцессу домой! — сказала знахарка, подмигнув мне. — Умотали вы меня, детки, старую! И еще — у девочки талант, спокойная, непугливая. Ты, Уна, позови, как будешь в деревне, ко мне ее отца, хочу девочке ремесло передать.

* * *

Вот так мне прибавилось головной боли. Казалось бы, простая просьба знахарки, а столько хлопот мне. Априя быстро договорилась с родителями Ви, а вот с упрямой малявкой кто будет договариваться? Ага, правильно, Уна, ему-то делать как раз нечего после утренней кормежки скота, проверки рыболовных корзин, работ в поле и на грибной ферме.

Всем, конечно, было смешно, всем весело, а у меня послеобеденный сон накрылся медным тазом.

Эта мелкая заноза устроила целый концерт с заламыванием рук, слезами и криками — вынь да положь ей Уну.

Ее вроде бы даже отец выпорол хворостинкой, а она, бестия, с дому тикать и — куда бы вы думали? Под мою кровать спряталась.

В общем, решили, что я буду отводить Ви к Априи и сидеть с ней там, пока она не привыкнет к старушке. Тут уже я попытался взбрыкнуть, но, увы, вынужден был срочно ретироваться, когда дед намекнул на стимуляцию моего нижнего полушария палкой. Знахарь в деревне человек уважаемый, а уж если Априя еще и ученицу себе пожелала, то деревня в лепешку разобьется, но ученица будет.

Вернувшись с дедом после проверки самоловов, быстро перекусил и сбегал к колодцу умыться. Через полчаса, взяв за ручку прыгающую от счастья девочку, направился к дому Априи, рассеянно кивая детскому лепету и периодически машинально поддакивая ее вопросам. Дни наступили уже по-летнему теплые, деревья и кусты отцвели весенним цветом, поле с горем пополам засеяли, и жизнь дала немного расслабиться, выделяя мне иногда минуты, часы, а порой и целые дни покоя и сладкого

ничегонеделанья.

Дошли быстро, задерживаться не стали, так как сегодня вместе со знахаркой собрались в лес, травы собирать да постигать науку.

Еле заметная тропинка быстро уводила нас прочь от деревушки, пели и щебетали птички и маленькие девочки, хихикали и загадочно улыбались бабушки, все были такими милыми, что даже я не ворчал, шагая легко, вдыхая полной грудью сытный и такой терпкий воздух леса.

После весеннего буйства природы лес щедро одарил нас, дав буквально за каких-то два с половиной часа богатый сбор трав, которые мы увязали в заплечный мешок, врученный мне, ибо такова участь всех мужчин — таскать тяжести за слабым полом.

— Давайте, детки, посидим. — Априя устало примостилась на поваленное дерево. — Тяжело мне за вами угнаться.

Скинув с плеч мешок, сел рядом с ней, наблюдая с бабкой за неугомонным маленьким торнадо, носящимся по «кушириям» со щенячьим азартом и приносящим периодически пред наши умудренные опытом очи свои изыски.

— Белоцвет, — называла бабка поднесенную девочкой травку. — По лету бесполезен, в начале весны можно корень его выкопать и запарить от мук, испытываемых животом.

— Это еще что за нежности? — возмутился я всунутой мне в волосы ромашке. — Хотя стой, мелкая! Стой спокойно, кому говорю? Это ромашка, ее, если как чай заварить, можно пить как закрепляющее при диарее или для снятия метеоризмов. Еще ей женщины голову моют.

— Что такое дирея? — спросила бабка, удивленно раскрыв глаза. — И что за страшные ризьмы снять может и зачем ей голову мыть?

— Агась! — Тут же запрыгала девочка, умудрившись всунуть мне в волосы еще с пяток цветочков.

— Ну… — протянул я, собираясь с мыслями. — Диарея — это когда, эм-м-м-м… ну жиденько когда с попы льется, а метеоризм — это когда к первому еще и со звуком.

— Фу на тебя, — махнула Априя в мою сторону рукой.

— Фу тя! — тут же поддержала Ви знахарку.

— А ты, мелкая, не фукай, а запоминай, — серьезным тоном, пригрозив пальцем, продолжил я. — Ромашка разная бывает, и пользуют ее по-разному. Я уже сказал, от каких недугов помогает, а теперь скажу еще, что девушки ей голову моют, от нее волос сальным и свалявшимся не становится долго, и кожу протирать хорошо, зуд там снять али царапины ноют.

Так мы и учились, причем, говоря «мы», я имею в виду всех

троих. Ви узнавала все обо всем, а мы с Априей то и дело пополняли свои знания, выдавая то один, то другой что-то про какую-либо из принесенных девочкой травинок.

Время далеко за полдень, солнышко прошло зенит, взяв прицел на еще пока нескорый, но такой неизбежный закат. На скорую руку перекусили нехитрой снедью, вновь отправляясь в путь, но уже обратный.

— Уна, ты странный мальчик, — в очередной раз завела свои речи Априя, плетясь следом за мной. — Скажи, откуда ты все это знаешь?

— Уна, ой! — пролетела мимо неугомонная Ви.

— Магия, бабушка, знания вроде сами собой выскакивают из меня, — в очередной раз стал врать напропалую я. А что? Удобно. Можно любую ахинею нести, а потом, закатив глаза, пощелкать пальцами и, загадочно наморщив лоб, произнести: «Магия!»

Народ здесь непуганый, дикий, до сих пор верит во всю эту белиберду, время здесь застыло где-то на уровне Средневековья, не всякий крестьянин знает, что такое плуг, в чем мне удалось самолично убедиться, чуть ли не по плечи стерев руки о лопату. Главное, как я понял, не переусердствовать, а то мало ли — вдруг объявят меня каким убивцем да сожгут на костре в лучших традициях святой нашей матушки инквизиции.

Первозданный чистый мир, незамутненный вседозволенностью цивилизации, ее распутностью и семимильным шагом железного сапога мануфактур и заводов, так страшно попирающих в мое время природу.

Хотя минусов тоже масса. Для тех, кто попробует оспорить, у меня есть жесткий аргумент, бьющий все их козыри. Думаете: медицина? Образование? Не-а. Это туалетная бумага. Поверьте мне, естествоиспытателю, только ради нее стоит вырубить к чертовой матери все эти леса! И плевать мне на всех белочек и бурундуков, так как их, так сказать, к делу не пристроишь.

— Мир вам и вашему дому, люди! — Вдруг вывел меня из мыслей тягучий голос выскользнувшего на тропу из тени деревьев человека. — Если путь свой держите в селение, именуемое родом человеческим Дальним, то о беде хочу вас предупредить!

— Ольф! — пискнула восторженно маленькая Ви.

— Господин эльф! — поклонилась старая знахарка незнакомцу.

— Ну не… себе! — воскликнул я, роняя отвалившуюся до земли от удивления челюсть и выпуская из рук мешок с травами.

* * *

Когда я был маленьким, я верил в Деда Мороза. Если уж совсем откровенным быть, то я очень долго в него верил, так как организм мой практически полностью не приемлет ночных бдений, из-за чего папу, с подарком крадущегося к елке, я поймал на месте преступления лишь годам к двенадцати.

Теперь же я чувствовал себя так, как если бы меня поймал Дед Мороз, когда я у него пытался стырить из мешка подарок. Вы только представьте себе: я сидел в двух шагах от самого натурального эльфа и даже при желании мог ткнуть в него палочкой, такой он был настоящий и «всамделишний».

Не скажу, что высокий, скорее среднего роста, с хрупкой подвижной фигурой, словно у балерины. Большие глаза, в которых почти не видно белка из-за огромной радужки, ну и как знак качества в дополнение картины заостренные ушные раковины, выходящие росчерком крыла из-под светлых волос.

Такой утонченный, женственный, и в то же время чувствовалось, что все это грация хищника.

— Вестником беды вынужден я стать для вас. — Он сидел на земле, скрестив ноги. — Я Леофоль из рода Темной Ели, мой путь лежал с северо-востока Дикого леса по реке вниз. На том берегу барон Когдейр выступил со своим войском в боевой поход против вашего барона Рингмара.

— Ох, сохраните нас, духи предков! — воскликнула старушка, хватаясь за сердце. — Нам нужно срочно в деревню! Нужно людей уводить в лес!

— В чем дело? — Признаться, червячок тревоги шелохнулся и у меня в груди.

— Если Когдейр пошел войной, то сожжет дома в деревне и народ погубит, во зло Рингмару! — пояснила старушка, заливаясь слезами.

Дальнейшие слова были ни к чему, ноги сами меня подхватили, неся по тропе назад, не чувствуя усталости, лишь бешено воздух вырывался из груди хрипом: «Успеть! Только бы успеть!»

Иша! Женщина, в глазах которой столько боли и любви ко мне, старик Охта — люди, ставшие для меня семьей в этом чужом и незнакомом мире! Душа наливалась свинцовой тяжестью тревоги и страха.

Я не успел. Ощутил гарь прогорклого дыма, а его сизые клубы, мохнатые столбы в безветренном воздухе, стали видны мне еще задолго до того, как я выскочил из подлеска, падая и спотыкаясь, как загнанная лошадь, вываливаясь к крайнему дому Априи, еще ярко пылающему диким жаром пожарища.

— Стой. — Чьи-то руки обхватили меня сзади за пояс,

настойчиво уводя назад в лес. — Сделать все равно ничего не сможешь, а вот погибнуть — вполне.

Эльф буквально нес меня на руках, впрочем, это было лишним, разум мой работал четко, эмоции хоть и зашкаливали, но поддаваться им было не в моих правилах. Предупредить возможность уже упущена, а вот помочь нужно, но не мальчишке же кидаться на баронских солдат с голыми руками?

— Поставь.

Эльф остановился, всматриваясь в мое лицо.

— Все нормально, я не собираюсь делать глупости. Нужно оглядеться, по подлеску пройдем на возвышение по восточной стороне, там с холма нам будет все видно, и пройдем незамеченными, все заросло терном.

Больше не говорили, эльф бесшумно двигался впереди, скользя, словно кот, мягкими движениями перетекая из положения в положение. Мне двигаться за ним было не тяжело, во-первых, из-за маленького роста, во-вторых, из-за маленького веса, впрочем, и опыт «скрадывания» по лесу у меня был немаленький.

С холма, на отдалении не более пятисот метров, хорошо просматривалась деревня. Вид был плачевный. Ни одного нетронутого дома не осталось, какие-то еще догорали, остальные уже едва дымили, пестрея черными прогалинами выжженной земли. Кругом носились конные разъезды стражи, закованной в металл доспехов, впрочем, видно, без особой суеты и опаски. Никто не опасался крестьян, к тому же большая часть населения деревни была собрана на небольшом пятачке возле колодца, под охраной спешившихся солдат.

— Старушка с девочкой? — тихо спросил я эльфа, кивнув на лес позади.

— Будут ждать нас, сюда не пойдут, — не оборачиваясь, ответил он.

— Как думаешь, сколько они здесь пробудут и что будут делать с людьми? — Мы залегли на холме, продравшись через густой кустарник, оставаясь прикрытыми его зеленью.

— Думаю, до утра. До следующей деревни переход дотемна не успеют совершить, останутся на ночь здесь. — Эльф задумчиво на меня посмотрел. — Если кого решили убить, уже убили, остальных так и продержат до выхода поутру. Сейчас соберут провиант, часть скотины угонят назад через реку, вон, видишь, возле реки шатры ставят?

— Да. — Я тоже заприметил возводимый отрядом барона Когдейра лагерь.

— Будут ночевать. — Эльф выжидающе смотрел на меня. —

Нам надо уходить, здесь мы ничего не сделаем и ничем не поможем.

— Иди. — Я кивнул ему в сторону леса. — Присмотри за девочкой и знахаркой, я с наступлением ночи спущусь, меня не заметят, вольюсь в толпу пленных, узнаю, что к чему.

— А если решат всех… — Он не договорил, отвернувшись.

— Ты прав. — Я еще раз осмотрел деревню. — Могут и решить всех под нож.

Иллюзий по поводу всеобщей любви, всепрощения и человеколюбия я не испытывал. В моей прошлой жизни цивилизация пестрела моральными уродами, а уж тут вседозволенность диких времен могла не оглядываться ни на что, позиция сильнейшего не нуждается в одобрении.

— Единственным верным решением будет оставить все как есть и уйти до полудня следующего дня. — Он был прав, это было разумно, но вот совесть бешеным псом металась в груди, с пеной у рта крича, что там люди, которые думают обо мне, там люди, которым я небезразличен, и им нужна помощь.

— Уходим, — тихо произнес я и уже тише, так, что сам себя еле услышал, добавил: — Простите.

* * *

Ночь в лесу прошла спокойно. Выбрав одну из опушек, встали лагерем. Априя беззвучно глотала слезы, Ви разрывалась между желанием немедленно бежать домой к родителям и желанием остаться со мной. Настроение у всех было паршивым, лишь эльф в нашей компании выглядел невозмутимым, впрочем, о его эмоциях судить сложно, он немногословен.

Уже за полночь сдалась старушка, свернувшись на подстеленном лапнике, провалилась в тревожный сон. У костра остались мы с эльфом. Ви, пристроив голову у меня на коленях, давно спала, словно щеночек, вздрагивая всем телом.

— Ты странный ребенок, Уна. — Леофоль буравил меня своими глазищами, подбрасывая веточки в костер. — И не кори себя, есть вещи, которые выше понимания и наших желаний. Все сделано верно, ты поступил верно, нельзя остановить лавину взглядом.

— Я понимаю. — Я погладил по голове девочку, отчего она улыбнулась во сне. — Но разве от этого понимания будет легче? Нет.

Вскоре я и сам уснул.

Поутру встали с предрассветным туманом, вновь раздув потухший за ночь костер, подкрепились из припасов эльфа. Помятые, невыспавшиеся, немногословные и подавленные, мы ждали, когда солнце наконец-то войдет в зенит, прочно выходя по центру небосвода.

— Я покидаю вас. — Леофоль быстро доел, собирая нехитрый свой багаж. — Дальше наши пути расходятся.

— Спасибо вам, господин эльф, — поклонилась старушка. — Если бы вы не предупредили, даже не знаю, что бы стало с нами.

— До скорого. — Я не особо за ним смотрел, целиком погруженный в свои мысли.

— Ты думаешь, мы еще увидимся? — Эльф замер, как-то странно на меня глядя.

— Мир тесен, — дежурно выдал я.

— Мир — огромен. — Он улыбнулся. — Он не кончается этим лесом.

Я смотрел за его сборами, за тем, как он скользит и двигается. Грациозный, утонченный, он появился в моей жизни в один из трудных ее моментов. Прощались недолго, молча кивнув друг другу напоследок. Вскоре мы сами стали собираться в дорогу.

До окраины, граничащей с домом Априи, добирались часа три, подойдя к месту уже к полудню.

Дальнейшие события я плохо запомнил. Много боли, море, заливающее утратой и горечью какой-то непонятной обиды, захлестывало меня с головой. Больше половины деревни не пережило этой ночи.

Дед Охта лежал обгорелым куском мяса на пороге сгоревшего дома с распоротым животом, вывалив пунцово-синие внутренности на землю. Люди, немногие оставшиеся в живых, серыми безликими тенями ходили по пеплу, не находя себе места. Плач, истошные крики боли, стоны умирающих. Все смешалось, давя на мои плечи, заставляя пригибаться к земле и наполняя руки дрожью. От всего этого самому хотелось выть во весь голос, это было страшно, так страшно и отвратительно гадко, что даже идти куда-либо было выше моих сил, ноги подогнулись, я упал на колени, чувствуя, как дорожки слез бегут по лицу.

Иша, бедная женщина, промучилась всю ночь. Ее, как и других женщин, солдаты увели в лагерь, мужики, кидавшиеся на солдат, пытаясь защитить своих жен, были вырезаны все до последнего. Самих же женщин порезали, как скотину, поутру у реки, бросив их тела голыми изломанными куклами.

Свою боль отдалить я смог лишь заботой. Я не мог позволить Ви увидеть ее родителей. Убитого отца и старшего брата, мать у реки, стеклянным неживым взглядом смотрящую в небо.

Нельзя ей видеть это, пусть ей больно, пусть она знает, что потеряла сегодня свою семью, но пусть она не увидит того, как чудовищно люди могут поступать с людьми. Я не могу позволить ребенку ощутить такую боль, я просто не представляю, как бы она смогла жить дальше и что бы это была за жизнь.

Ви я держал на руках, мы сидели возле дома Априи, пока знахарка носилась по деревне, помогая в меру своих сил тем, кому можно было еще помочь. Я качал девочку, шепча какие-то слова, гладил по голове, сам не сдерживая слез, и все говорил и говорил как заведенный:

— Не плачь, все будет хорошо, все будет хорошо… хорошо…

* * *

Вместе с оставшимися в живых жителями Дальней мы ушли в лес, собрав крохи после погрома и похоронив убитых.

Еды практически не было, благо лето и с голоду пока умирать рано. Из скотины осталось только две козы, которые спаслись из-за того, что хозяева их в то утро увели на дальний луг кормиться

и про это никто не узнал.

На месте старой деревни строиться и жить больше никто не хотел, уходили выше по течению реки, вроде бы там, в дне пути, есть луг, его следующей весной можно будет распахать, со временем рядом поставить новые дома.

Пока же ютились в шалашах, но задел на зиму нужно было делать уже сейчас. Мое состояние было хуже некуда, не хотелось ничего, апатия не давала поднять рук, к тому же не лежала у меня душа ко всему этому сельскому быту, особенно теперь, когда все приходилось начинать с нуля.

Мысль была одна — нужно уходить. Теперь я никому ничем не обязан, теперь нет людей, которые стали здесь моей семьей, тех, кому я был дорог, тех, кому я был небезразличен, тех, кто был мне семьей.

Вопрос о том, куда идти, не стоял, я прекрасно понимал, что сыт по горло крестьянским трудом, мысли мои были о Каспривe, ближайшем населенном пункте этих диких земель. Меня не пугала перспектива остаться одному или же то, что по сути я малолетний пацан, которого, как говорится, соплей можно перешибить. А беспокоила меня по-настоящему только Ви. В эти последние дни мы по-настоящему были неразлучны, девочка переживала, стала замкнутой и молчаливой. От прежней юлы осталась половинка, за которую я теперь был в ответе, которая осталась единственным моим близким человечком.

Долго думать было не о чем, вещей с собой в дорогу брать не стал, то, что на мне, плюс сменная рубашка и штаны, обуви не было вообще никакой. Кое-какой скудный провиант, два сарафана для Ви, платок ей на голову — и в путь. По-английски, не попрощавшись.

Правда, к Априи зашел, та молча осмотрела нас, вытерла слезы, расцеловала, на том и закончили.

Первый день шли, сделав солидный крюк, так как в старую деревню я решил не заходить, лишь на второй день вновь вышли к реке. В этом лесу речка была для меня единственным ориентиром. Дальше мы должны были подойти к деревне Речной, от нее еще день пути и — выйдем к деревне Ближней, из которой, как я понял, город был виден невооруженным взглядом.

Шли не то чтоб без остановок, но и подолгу не задерживаясь. Встретили по пути охотников из Речной, узнали, что их деревню беда миновала, так как к ним подошли солдаты Рингмара, уже знавшие о вторжении своего соседа.

Удивительно, но битва не состоялась, Когдейр отступил, увидев, что ему организован теплый прием. Что тут сказать? Все правильно, это не крестьян вырезать, как скот, тут уже

профессиональные солдаты, тут можно получить сдачи, в таких случаях высылают парламентеров, тут уже воюют дипломаты.

Мне стало погано на душе, Рингмар и Когдейр сидели в шатре и пили мировую, им, власть имущим, было наплевать на то, что случилось в Дальней. Война все спишет. Заключили мир, Когдейр выплатил какую-то неустоечку, и все тихо-мирно разошлись по своим сторонам.

Ну поубивали немножечко, ну так война же, а то что мирных — ну так кто тут мирный, когда война идет? Так уж получилось, барон, вы уж извините, случайно вышло. Да, ладно, барон, не берите в голову, с кем не бывает? Так они примерно между собой решили вопрос. От злости сжимал кулаки, прекрасно понимая, что бессилен что-либо сделать. Кто я — и кто они? Небо и земля.

Шли дальше, ночевали в лесу, потом опять шли, дорога вела вдоль реки, жизнь шла своим чередом, жизнь не останавливалась. Если я еще мог себя накручивать мыслями, храня внутри злость, то Ви стала потихоньку оттаивать, дети вообще легче переносят потери. Она вновь щебетала, лишь по ночам, прижимаясь ко мне, иногда всхлипывала, тоскуя по родителям.

Местность за Речной стала меняться, лес редел, деревья расходились, река становилась шире и тише, а земля стала пестреть многочисленными лугами и поросшими высокой травой холмами.

Вверх-вниз, вверх-вниз, с холма спускаемся, на следующий поднимаемся. Мирно, тихо, мысли и чувства от такой монотонности оседали, покой и шебутная девчонка ласкали взгляд и душу.

По моим прикидкам, ходу нам еще было дня на два, от силы на три, неугомонная Ви вновь стала бегать, собирая различные цветы и травки, а я читал, так сказать, лекции для моего абитуриента травоведения и натуротерапии.

Где-то к полудню мы встретили колонну барона Рингмара. Кавалькада закованных в броню доспехов всадников вышла на нас, обогнув один из холмов. Они шли не спеша, без дозоров, впереди колонны под вымпелами и флагами ехал сам хозяин земель. Барон был мужчиной уже в годах, но выглядел еще молодцевато. Седоволосый, худощавого телосложения, с прямой спиной, он ехал на поджаром черном жеребце, украшенном цветастой попоной.

Меня кольнуло беспокойство, когда колонна встала, а в нашу сторону галопом помчалось два стражника. Без разговоров, я даже пикнуть не смог, меня за шкирку подхватил солдат, усаживая перед собой, так же и с Ви, которая тут же разревелась.

— Кто такие? — Рингмар даже не взглянул в сторону

брошенных к его ногам детей.

— Мы из Дальней, ваше сиятельство. — Я стоял, опустив голову и прижимая к себе девочку.

— Вы что не знаете, что крестьянам не дозволяется без моего указа покидать деревню? — Взгляд его полыхнул брезгливостью и злостью.

— Вели пороть их, отец! — с усмешкой выкрикнул мальчишка моих лет, рядом восседающий на коне. — Совсем чернь почтения не ведает!

— Не велите наказывать, ваше сиятельство! Всех убили в деревне солдаты барона Когдейра! — Я стоял, опустив голову, и пытался выглядеть как можно более прибитым жизнью, несчастным и жалким. За себя мне не было страшно, а вот как представлю, что будут бить Ви, желваки на скулах от злости сводит. — Ваше сиятельство, мы бы умерли в лесу сами, вот и шли в Касприв, к вам на службу поступить!

Барон, похоже, окончательно потерял к нам интерес, а вот мальчишка, по всей видимости, его сын, подъехав на коне, ударил меня ногой, свалив на землю.

— Собака! — процедил он, сплюнув.

— Ульрих, прекрати! — Барон поморщился.

Свита тронулась вновь в дорогу — два закованных с головы до ног рыцаря, дамы в пышных платьях, сидящие боком на конях, молодой барон, еще какие-то богато одетые люди, лишь старший Рингмар задержался, давая указания стражникам.

— В обоз их, доставите в мой замок в Касприве. Мальчишку в конюхи определите, девчонку на кухню. — После чего стукнул коня пятками, бодро уходя вперед.

В обозе нас просто плюхнули, как мешки с картошкой, в крайнюю телегу, которой правил кряжистый бородатый мужичок, даже не посмотревший в нашу сторону. Ви, все еще напуганная, всхлипывала, я же успокаивал ее, осматриваясь и прикидывая наши с ней шансы и перспективы.

Что мы имеем? Мы едем в город, и у нас будет крыша над головой. Злоба меня давила на барона и его сыночка лютая, да вот смысл мне сбегать от них? Куда я побегу? На улицу? А если поймают? Оказывается, без дозволения я не имею права самостоятельно передвигаться. Пусть я даже сбегу в другое баронство, что это мне даст? Так же, скорей всего, определят на конюшню или в какую другую деревню отправят.

Да уж, мир просто сверкал радужными перспективами.

Я крестьянин, скот бесправный, что барин скажет, то и буду делать — скажет: прыгай, значит, прыгай, скажет: ползи, пузо сотри, но изобрази благородному змейку.

Что же мне делать? Да ничего. Ровным счетом ничего. Был бы я один, можно было б еще побрыкаться, но вот как быть с Ви? Обрекать ее на бега и судьбу вечного перекати-поля? Нет, я так не могу с ней поступить, я чувствовал ответственность за этот маленький комочек из золотых кудрей и грязного серого платья.

Значит, буду терпеть, стиснув зубы. Теперь мы слуги в замке, так тому и быть, не могу я прыгнуть выше головы. По крайней мере не сейчас. Пока.

Минул день, и прошла ночь, обоз то катил, пыля по дороге, то становился на привал, и тогда, слуги, едущие с нами на телегах, раскладывали столы и готовили еду для господ. Мы с Ви не отлынивали, во-первых, как я понял, мне бы не позволили те же слуги, а во-вторых, мне хотелось собрать побольше информации о самом Рингмаре и его окружении. Мало ли, как жизнь сложится, могут продать, могут высечь, к каким людям можно подойти с просьбой, а кого стоит избегать как огня.

Полное имя барона было Каливар фон Рингмар, сына звали Ульрих фон Рингмар, и был он единственным сыном барона. Были еще две дочки, старшие, но их барон уже выдал замуж, поэтому ни одной из них здесь не было, они были отправлены по политическим соображениям в соседние земли.

К знати в свите Рингмара официально принадлежали два рыцаря из баронства. Эдгар Вистер Самли, молодцеватый мужчина средних лет с пышной черной шевелюрой, и седой, уже в возрасте Агнер Вирт Коф, старый друг и приятель старшего барона, с которым они прошли огонь и воду в лучшие свои годы.

С Самли в поход отправилось два его сына, довольно крепкие парни лет по восемнадцать-девятнадцать, не расстающиеся с оружием и довольно нелюдимые и неулыбчивые. А вот Коф взял в поход свою младшую дочку Пестре, погодку моей Ви. Знаете, на душе так мерзко стало, когда я посмотрел на них. Две пигалицы, одного росточка, даже похожие чем-то друг на друга, но какая пропасть! Розово-белое чудо в кружевном платьице — и золото, припорошенное пылью и грязью дорог, моя Ви.

Они совсем дети, им бы бегать друг с дружкой за ручку и цветы собирать, а вот никак, никогда и ни при каком условии этому не случиться. Кто мы — и кто они?

Остальные были благородными вроде как условно: дело в том, что рыцарские и баронские титулы утверждались королем Финора, а вот звания лэров, пэров и сквайров раздавались своим людям самими крупными землевладельцами, за особые, так сказать, заслуги.

Эти-то и составляли наиболее злую и надменную массу, вечно стаей крутящуюся у ног барона, пытаясь хоть как-то

расположить его к своей персоне. Капризные, срывающие злобу на слугах или же препирающиеся между собой, они по большому счету недалеко ушли по служебной лестнице от простых смертных. К примеру, насколько я понял, ко двору в столицу подобный контингент не допускался. Все их просьбы должны передаваться непосредственно через своего сюзерена, на землях которого располагались их дома и которому, они, так же как крестьяне с Дальней, вынуждены платить ежегодный долг.

Впрочем, что мне с них? Шакалы при Шерхане. Хотя, если вдуматься, то есть возможность выслужиться перед бароном или рыцарем, и тот милостиво отвесит вам перчаткой по хлебалу, нарекая пэром Пупским, давая некоторое преимущество перед прочей массой бесправного народа.

День выдался суетным, господа рассекали вдоль строя на лошадях, заставляя солдат периодически вытягиваться по струнке и сыпля массой всевозможных указаний нам, слугам. Подай, принеси, приготовь, убери, зашей, пришей, почини, сходи… Голова уже к обеду шла кругом.

Ви я старался не отпускать куда-либо без присмотра, мне жутко не хотелось, чтобы еще несмышленая девчонка была избита за детскую шалость одним из этих благородных ублюдков.

Иллюзии и розовые пони, какающие радугой и бабочками, уже через пару часов скончались в моей душе, не успев толком зародиться. Это был тихий ужас, последняя надежда была на то, что в замке половина этих нахлебников разойдется по домам, иначе можно ноги протянуть.

День был тяжел еще тем, что мы, слуги, ели либо то, что оставалось от стола господ, в буквальном смысле объедки, либо то, что упало на пол. У солдат была своя кухня, мы же, словно звери, довольствовались объедками. Боже мой, как же человечество убого! Это не передать словами: нам, двум малым детям, работавшим, как и все, такие же слуги, как и мы, кинули два куска хлеба, не дав больше ни крошки!

Благо в мешке, принесенном мной, еще оставалась еда из деревни. Ви я покормил, сам же ограничился лишь водой, с такими коллегами, как я понял, лучше к врагам. Псы смердящие, действительно — псы у ног хозяев, никакой морали, никакого сострадания или сочувствия. Как же это тяжело!

Вечером поставили лагерь, установив шатры для знати. Завтра планировали быть уже в городе. После беготни и работ бессильно лежал возле телеги, положив голову на колени Ви, которая что-то ласково напевала и пыталась заплести мне косички.

Бедная девочка, как же тебе, ангелу, придется жить в этом

дурном мире? Не совершил ли я глупость, забрав тебя из твоего дикого леса, давая на растерзание твою душу и тело этим скотам?

Как мне быть? Как поступить? Я уже не был уверен в том, что следовало покидать лес. Чуть повернув голову, наблюдал за брожением разномастного народа по лагерю. Солдаты, стягивающие с себя тяжелый доспех, слуги, все еще суетящиеся по хозяйству, где-то чуть дальше смех и веселый гомон знатных особ.

Перед лицом остановилась пара чьих-то высоких подкованных сапог с красивой парой филигранных шпор на ремнях. Неожиданно один из сапог резко дернулся, врезаясь мне в лицо, выбивая из глаз слезы и покрываясь кровью из разбитого носа.

— Ах, ты ж тварь! — визгливо закричал младший барон, вновь пиная меня ногой в бок. — Как смеешь ты, выродок, лежать, когда твой господин стоит перед тобой?!

Я попытался вскочить, гнев сковал разум, единственной мыслью было вцепиться в горло этому мелкому гаду и не отпускать, пока из него не выйдет последний воздух, ощущая, как вместе с ним поганца покидает жизнь.

Новый удар прямо в грудь повалил меня на спину, выбив дух и заставляя судорожно пытаться сделать вздох сведенными от болевого спазма легкими. Глаза застилали слезы, все двоилось, сердце выпрыгивало из груди.

— На колени, тварь! — орал мальчишка. — Быстро!

С трудом вернув дыхание, рукавом размазывая по лицу кровь и слезы, я медленно поднялся перед ним, понимая, что сейчас убью гада, кинусь зубами рвать, как зверь дикий, и пусть меня убьют, но эта сволочь получит по полной.

Я смотрел ему глаза в глаза, чувствуя, как в нем нарастает внутренний страх, он еще не понял, что произойдет, но внутреннее чутье, похоже, било тревогу. Словно черти из табакерки, по бокам юного барона нарисовались двое солдат в полном доспехе. Видимо, зная норов своего сыночка, папа приставил телохранителей.

Я стоял, глядя на солдат, и понимал, что мне, как говорится, не светит: стоит мне дернуться — и меня в лучшем случае изобьют, а в худшем порубят мечами на куски, причем без зазрения совести.

Странный шелест, словно тысячи крыльев взметнувшихся испуганных птиц, отвлек внимание стражи от моей персоны.

Ш-ш-ш-ш-ш.

Тук. Тук. Тум-тум-тум-тум.

Глухие удары, словно от крупного града, окатили нас,

ринувшись с неба на грешную землю. Глупо вытаращив глаза, я смотрел, как на груди молодого барона расплывается бурое пятно крови, а ровно по центру проклюнулся стальной зазубренный наконечник стрелы. Он покачнулся, заваливаясь на меня, выпуская изо рта вместе с хрипом кровавые пузыри. Тяжелое тело мешком повалило меня на землю.

— Стрелы! — Орал как сумасшедший стражник, зажимая пробитое белым оперением плечо. — Мы атакованы! Тревога!

* * *

В общей суматохе и криках умирающих я, словно в замедленной съемке, выбирался из-под трупа, ошалело крутя по сторонам головой и не понимая, что происходит. Видимо, не один я этого не понимал, кругом метались напуганные люди, лишь солдаты, ретировавшись пешим строем, выдвинулись под прикрытием щитов в сторону холмов, где стояли шеренгой лучники.

Загудел горн общей тревоги, появились первые всадники, народ в спешке вооружался кто чем горазд.

— Уна! Уна! — Ви забралась под телегу, рыдая и зовя меня в голос.

— Иду, маленькая, иду, моя хорошая! — Я проскользнул под колеса, обхватывая девочку и прижимая к себе.

Первый отряд конной стражи ринулся навстречу противнику прямо под обстрел, теряя людей и коней, обходя пехоту левым флангом. Дробь копыт дрожью земли отдавалась в мою руку, прижатую к земле. Чувствовалась мощь людского потока, сверкала сталь в лучах заходящего солнца и неверном свете костров.

В лагере царил хаос, раненые кричали, катаясь по земле, всюду была кровь и темные пятна неподвижных тел. Первые залпы лучников собрали страшную жатву на поле жизни, срезая колоски чьих-то тел, валя их на землю безвольными куклами.

Меня еще била дрожь от событий, связанных с молодым бароном, кровь кипела адреналином и, похоже, все еще шла из носа. Бедная девочка уже вся перемазалась алым.

— Тише, тише, — шептал я, суматошно пытаясь понять, что же делать дальше.

Со стороны холмов ударил конный отряд противника, избежав встречи с нашей кавалерией, врубился в ряды щитоносцев, медленно ползущих к холмам. Лучники противника целиком переключились на всадников, а чуть правее шелохнулись

ряды выводимой на нас пехоты, которая была вооружена длинными пиками, качнувшимися лесом вымпелов и флажков.

Черт побери! Я узнал эти флаги! Барон Когдейр! Эти же флаги и эти солдаты напали на Дальнюю. Столкнулись две отлаженные боевые машины, сталь звенела о сталь, сталь скрежетала и пела свою песню, кто-то кричал в ужасе, кто-то в ярости, на подходе к лагерю сцепились не жизнь, а на смерть.

Рингмар явно уступал натиску противника. Застигнутые врасплох, многие уже поснимали броню и успели отложить оружие, за что теперь платили дорогой ценой. А Когдейр-то каков?! Гадский гад, мало того что вторгся первым, так еще и после подписания мирного договора организовал атаку на Рингмара. Да уж, жестокий век — жестокие сердца. Что самое противное, если он победит, его, похоже, воспоют в веках как храброго и отважного полководца.

Впрочем, мне-то что с того? Рингмар, Когдейр — пусть сегодня поубивают друг друга, что один, что другой, вполне достойные сыны своего времени.

Дело меж тем приобретало плачевный оборот для Рингмара, пехота плотно связала вражескую кавалерию, а вот нашим конным не только пришлось идти к противнику под обстрелом, но еще и пробивать пикинеров, умываясь в каждой атаке кровью, откатываясь и вновь бросаясь в бой. После второго или третьего подобного маневра в строю под седлом с нашей стороны осталось чуть более двух десятков конников, спешным порядком отступающих к лагерю.

Вновь, вибрируя, прозвучал горн, Рингмар лично выходил в бой. Да уж, впечатляло, на арену вышла совершеннейшая боевая единица. Чудовищная мощь, сопоставимая с танком, — закованный в броню рыцарь, причем вместе с конем, мощным широким тяжеловозом, нервно гребущим копытом в предвкушении битвы.

Эдгар Вистер Самли — черное воронение и голубые ленты, по бокам в тех же цветах две такие же стальные дуры. Видимо, сыновья. Агнер Вирт Коф — начищенный до зеркального блеска металл и алые ленты, ну и сам Каливар в вороненом доспехе с позолотой.

Ударный бронированный кулак просто въехал, кроша все на своем пути, в пехоту Когдейра, длинные пики разлетались щепками, мощный конь продавливал своей тупой массой сомкнутые щиты, а сами рыцари обрушивали на головы противника град ударов.

Свита барона, под стать ему, имела неплохой доспех, буквально в считанные минуты ряды нападающих разрезал

мощный клин, оставляя за собой на земле изуродованные тела. Мощь, сила, неудержимость — вот что такое рыцарь.

Да уж, все-таки дворяне могли диктовать условия на правах сильнейших, здесь и сейчас я реально увидел совершенных воинов. Впрочем, некий ореол благородства не умалял их жестокости и презрительной надменности в повседневной жизни.

Между тем видимый успех Рингмара в штурме вражеской пехоты — похоже, всего лишь последний козырь в битве, и крыть ему больше нечем.

Правый фланг все же опрокинут Когдейром, конница разгромлена, мощное воинство Рингмара, еще днем шествовавшее по своей земле, практически все лежало бездыханным.

Для меня же самым страшным оказались ворвавшиеся в лагерь солдаты противника. Черные с желтыми полосами туники — цвета Когдейра. Убийцы моей приемной семьи, все словно повторялось. Солдаты, войдя в лагерь, учинили настоящую резню: рубили безоружных слуг, раненых, прорвавшись к шатрам, установленным для знати, стали рубить благородных дам, спутниц гостей барона.

Мы с Ви лежали под телегой, боясь пошевелиться в этом безумном круговороте смерти и криков боли. Бедная девочка уже даже не плакала, закрыв глаза и уши руками, тихо стонала. Я же просто онемел, наблюдая эту кровавую картину.

Как такое вообще возможно? Неужели это люди?

Неверный свет вечера и алые лучи заходящего солнца уступили место ночи, а битва все продолжалась. Удары, наскоки, отошли одни, подошли другие. Суматоха, крики и ржание раненых лошадей — все смешалось во тьме, укрывающей землю бархатом непроглядного покрывала.

Нужно было на что-то решаться, нужно было действовать. Сколько мы сможем еще прятаться под телегой? Сколько раз солдаты пройдут мимо? Бежать без оглядки? В ночь, где все еще слышны крики и гул сражения?

Сумбур в моей голове предлагал один план безумней другого. Рингмар отбил лагерь, сейчас мы среди своих, но где гарантия, что битва останется за нами? Скорей всего, мы уже проиграли, все, что у нас оставалось, это сам барон и его рыцари, разбитое воинство насчитывало единицы выживших, а меж тем у Когдейра были в резерве так и не вошедшие в бой лучники. Легковооруженная, но меж тем пехота.

Одно было ясно: нужно выловить лошадь, а лучше две, чтобы иметь возможность менять их, только так может появиться шанс спастись, ускакав от возможного преследователя. Но проще

сказать, чем сделать. Свободные кони стояли стреноженные у разбитых шатров, под охраной десяти стражников.

Безумный день подсказал мне безумную идею. Я сам не верил в успех, но нервы уже сдавали, требуя действий. Выбравшись из-под телеги, я стал раздеваться сам и раздевать молодого барона, так и лежащего, уткнувшись лицом в землю, рядом с нашим убежищем. Мы были примерно одного возраста, роста, совпадал даже цвет волос, в этой кутерьме и хаосе была возможность, что меня охрана примет за него, нужно лишь правдоподобно сыграть этого хама — наглым образом потребовать лошадей, не думаю, что кто-то осмелится мне отказать.

Слабым местом моего плана была Ви, маленькая оборванка, по мнению окружающих, рядом с Ульрихом ее не могло оказаться. Каким образом провести ее? Это был серьезный риск: даже в случае первоначальной удачи, что меня ждало потом? Смерть, за такой обман со стороны простолюдина меня ждала смерть. Впрочем, плевать, мне нужно было выбираться отсюда и спасать Ви, на все остальное мне плевать. Как же сыграть? Что будет верным? Где я смогу найти подсказку?

Словно услышав мои мысли, судьба не иначе как своей рукой обрушила меня на землю, когда я пытался стянуть с барона штаны. Взгляд испуганно метнулся в сторону шатров, выхватывая краем сознания цветастый бутон на краю света от костра в лагере и тьмы, властвовавшей у телеги, где мы прятались.

Мне хотелось плакать от своей жестокости и цинизма, но бутоном была убитая дочка Вирт Кофа. Маленькая девочка, взятая в поход тупоголовым папочкой-рыцарем, лежала на земле, раскинув руки и кривя рот в немом крике боли, застывшем на ее детском ангельском личике.

Я сам себе кричал мысленно: «Как тебе не стыдно? Что ты за тварь бессердечная?» Но иного выхода я не видел, схватив девочку за ноги, я потащил ее к телеге, всхлипывая и стараясь не разрыдаться в голос. Мне нужна легенда для Ви, мертвым уже все равно, а у нас был шанс, безумный, глупый, но шанс выжить в этом кошмаре, и я его не упущу. Пусть я потом себя буду проклинать и ненавидеть всю оставшуюся жизнь, но что я скажу себе, когда подведу свою маленькую Ви, испуганно смотрящую на меня из-под телеги загнанным, перепуганным зверьком?

— Тихо, девочка. Главное, молчи и делай все, как я скажу. — Меня била с ног до головы дрожь, я весь перемазался в земле и крови. — Слышишь, Ви? Молчи, доверься мне, девочка. Все будет хорошо.

Раздевал трупы сам, своими руками. Ви пришлось силой доставать из-под телеги, срывая с нее жалкие лохмотья старого

платья. Бедный перепуганный ребенок даже не плакал, просто в отчаянии смотрел на меня, не в силах вымолвить и слова.

— Не бойся. Прости, маленькая, так надо. Мы должны жить. — Я нес какую-то чушь, одевая ее в окровавленное платье, потом одеваясь сам, все это время оглядываясь и замирая в испуге при малейшем шорохе. «Нужно успокоиться, мне нужно успокоиться, — твердил я, пытаясь унять дрожь в руках, ощущая, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. — Как же страшно, Боже, как же страшно! Что я творю? Все это впустую!» Паника то нарождалась во мне, то гасла под ударами животного страха, твердящего, что нужно выжить любой ценой.

Все было легко и сложно одновременно. Оделись мы быстро, немного посидев и отдышавшись, я одел и трупы в наши обноски, сложил рядышком, в обнимку, у телеги, присыпая их пылью. Вот так, сейчас они похожи на нас, двух крестьянских детей, подобранных вчера бароном в обоз. А вот нам еще предстояло с Ви сыграть роль этих покойных детей аристократов, сыграть четко, без запинки, потому что, возможно, это станет последней ролью в наших жизнях.

— Идешь сзади, держишь меня за руку, никуда не отходишь, Ви, слушай меня внимательно и запоминай. — Я встал перед ней на колени, обхватив ее голову руками. — Ви, молчи или плачь, но ни слова, слышишь? Ни слова, никогда и ни при каких обстоятельствах, о том, кто ты и что видела. Ты понимаешь меня?

Она испуганно кивнула, всем телом содрогаясь в моих руках. Она тряслась, отчаянно боясь, до ужаса, до умопомрачения, не в силах спорить.

— Молодец, умничка. — Я поцеловал ее в лоб. — Только держись, девочка, скоро все закончится.

Подобрав с земли чей-то выроненный меч для более солидного вида, держа Ви за руку, устало и отчаянно труся, пошел к оставшейся в живых охране лагеря. Я принял решение, была не была.

— Барон, хвала богам, вы живы! — Из толпы, кучкующейся в лагере, выскочил пожилой мужчина, сквайр Энтеми, управляющий делами Каливара. Немного грузный, небольшого роста, с черной ухоженной бородой до груди. Как хорошо, что я вчера потратил день, изучая всю компанию Рингмара, знаю теперь всех их в лицо и по именам. — Это печальный день для всех нас, победа досталась дорогой ценой!

Победа?! От неожиданности я выронил меч, зажатый в руке. Это что же получается: все уже закончилось и весь мой план, весь этот маскарад не нужен? Какой же я идиот! Прислушавшись, я действительно понял, что больше не слышу звука битвы.

Молчало, насытившись кровью, железо, никто больше никуда не бежал, никто больше не драл глотку, организуя оборону или атаку, битва окончена, оставшиеся в живых, похоже, все собрались в лагере, перед поваленными шатрами.

— Простите меня, барон, что стал дурным вестником, ваш отец… он погиб. — Энтеми низко склонился, выражая мне свою скорбь. — Вы теперь в своем полном праве, вы наследник, и мы приносим вам свою клятву верности, наш господин.

Le Roi est mort, vive le Roi! Все это понятно, но как же мне быть? Как я буду выглядеть теперь, после битвы требуя себе коня и сбегая уже от своей свиты и своих солдат? Ну почему? Почему я такой дурак? Это крах, нас с Ви убьют — другим в назидание.

Отчаяние, внутренняя боль скрутили меня, заставляя упасть в бессилии на колени.

— Ваше благородие! Ваше благородие, что с вами, вы ранены? — Помимо Энтеми, ко мне ринулся еще какой-то народ, подхватывая на руки.

— Ставьте шатер! — крикнул Энтеми. — Барону нужен отдых!

— Ви! — Волей-неволей мое сознание выхватило испуганную девочку. — Сквайр Энтеми, прошу вас, Пестре должна быть со мной, такова последняя воля моего отца!

— Да, мой господин! — поклонился управляющий.

Игра, похоже, пока продолжается, все измучены, всем не до того, чтобы рассматривать молодого барона, а что дальше делать мне? Что я могу? Вновь я плыву по течению, закрученный водоворотом судьбы, не в силах выбрать какой-либо из берегов. Так тому и быть, я сделал глупость и теперь постараюсь по крайней мере довести ее до логического конца, отступать поздно.

* * *

Шатер был просторным и напоминал мне своим убранством апартаменты номера люкс, а не походную палатку. Материал плотный, приглушающий звуки, весь прошитый золотой и серебряной нитью, под ногами ковры с мягким пружинящим ворсом, целая гора подушек и валиков, небольшой круглый лакированный столик и укрытые богатыми шкурами лавки, заменяющие здесь кровати. Рядом со столом несуразно смотрелся окованный железом внушительный сундук, на котором был красивый замок с филигранными завитушками.

Мы с Ви (или теперь стоит ее называть Пестре?) остались одни, вход, да и весь периметр лагеря, охранялся стражей.

Бежать не было ни моральных, ни физических сил. Все, чего хотелось, это упасть на землю и уснуть, нервы словно перегорели внутри меня, осталась злость на свою глупость и какая-то покорность судьбе, схожая с фатализмом.

— Позовите сквайра Энтеми. — Я выглянул из шатра, обращаясь к одному из стражников.

Маленькая Ви забилась в угол, чуть ли не под лавку, обхватив руками коленки.

— Мой господин, вы звали меня? — Сквайр вошел, низко поклонившись мне.

— Да, прошу, присаживайтесь. — Я рукой указал в сторону столика, где была видна пара стульев, и выбрал один из них для себя. — Вы уж потерпите, понимаю, мы все устали, но дела превыше всего.

— Что вы, ваше благородие, для меня честь — служить вашему роду! — Он присел за стол, выжидающе склонив голову в мою сторону.

— Сколько мы потеряли, кто остался и какова обстановка на данный момент? — Пожалуй, мне простительно было бы сейчас просто отключиться после тяжелого дня, но все же я предпочитал спать, зная, что произошло, чем гадать и переживать о том, какие неприятности нас ждут.

— Ваш батюшка и достопочтимый сэр Коф… — Энтеми бросил взгляд на Ви, которая, по легенде, дочь этого рыцаря, — погибли в бою. Сэр Самли скончался час назад от полученных ран, его сыновья, сэр Код и сэр Гай, живы и сейчас оплакивают свою утрату.

Он еще минут десять перечислял мне потери из окружения старого Каливара, я лишь кивал, пытаясь запомнить имена тех, кто остался.

— Что с нашей стражей? — Меня сейчас больше волновал этот вопрос, чем потери благородных индюков.

— Из конного отряда в строю осталось чуть больше трех десятков человек. Еще примерно столько же легкоранеными, и порядка десяти солдат, о судьбе которых мы можем лишь молиться, надеясь, что они еще встретят сегодняшний рассвет.

— Кто старший? — Я устало потер лицо.

— Капитан Гарич. — Энтеми и сам выглядел не лучше, весь заляпанный кровью и землей, он, похоже, готов был обессиленно упасть ничком.

— Позовете ко мне, когда будете уходить. Как прошла битва и какова ситуация на сегодняшнюю ночь?

— Полный разгром Когдейра. Этот молодой барон не стал вступать в схватку у Речной из-за малочисленности своего отряда,

зато подло попытался напасть на нас, воспользовавшись тем, что мы его не ждем. — Энтеми задумчиво посмотрел на меня. — Отчаянный шаг, их было в два раза меньше, в основном ополчение легкой пехоты, лучники да отряд наемников-пиктов с севера. Эти северяне — настоящие звери и варвары, способны только с детьми и женщинами воевать.

— Где он сам и, по примерным прикидкам, сколько людей у него осталось? — Меня по-настоящему пугала возможность продолжения войны.

— Его видели в окружении двух десятков телохранителей, они спешно ехали к границе. — Энтеми внимательно следил за моей реакцией. — Он крикнул нам, что теперь отомщен. Думаю, война окончена.

Я тяжело ворочал мысли в голове, понимая, что слова о мести сквайр сказал неспроста, похоже, тут намешано порядком, в лучших традициях мексиканских сериалов. Спросить его? Нет, наверно, не стоит, похоже, вся знать в курсе вопроса, и я буду выглядеть глупо.

— Что у нас со слугами?

Удивление отразилось на его лице, похоже, я лопухнулся, проявив заботу о скотине.

— А что с ними, мой господин? — Энтеми удивленно пожал плечами.

— Меня интересует еда и хорошая бадья с водой, чтобы смыть с себя кровь, грязь и пот! — добавил я в голос льда, несколько надменно осматривая его с головы до ног, как бы показывая ему, что он тоже выглядит нелицеприятно.

— Ох, простите меня, мой господин! — Он вскочил с места, низко склонившись в поклоне. — Я все организую, не извольте беспокоиться. Позволите идти, барон?

— Да, не забудьте пригласить капитана и… сквайр… — Я посмотрел на заснувшую Ви. — Распорядитесь перенести вещи Пестре ко мне.

— Слушаюсь, мой господин. — Еще раз поклонившись, он вышел.

Капитан Гарич был высоким разбойного вида мужиком, неуверенно мнущимся у входа. Побитые доспехи, ошметки рваной кольчуги, всклокоченные волосы и многочисленные раны с кровоподтеками. Впрочем, зато рука уверенно и твердо сжимала рукоять меча на боку, похоже, профессионал.

— Мой господин! — Низкий поклон. — Вызывали?

— Да, проходи, садись к столу. — Я не стал вставать, устал неимоверно. — Рассказывай, что осталось, изложи свои мысли: что мы можем сделать?

Он замялся, покраснев, похоже, капитану не дозволенно сидеть при господине, ладно, это упущение спишем на усталость и суматоху дня. Он медленно все же подошел, присаживаясь рядом и не глядя мне в лицо.

— Мой господин, — начал он неуверенно, — хоть мы и победили, но нас мало, мы очень устали, не думаю, что нам стоит вести преследование.

Так вот что его беспокоит! Он решил, что я в ярости прикажу догнать Когдейра, кипя праведным гневом. Хотя, учитывая характер молодого барона, такое развитие событий вполне ожидаемо.

— Не беспокойтесь, капитан. — Я махнул рукой. — Меня сейчас меньше всего беспокоит месть, мне нужно знать, сколько точно нас осталось, способны ли мы отразить еще какую-нибудь подлую атаку, есть ли у нас возможность охранять лагерь или стоит немедленно сниматься, выдвигаясь в Касприв.

— Три десятка бойцов, конных, лошадей у нас много. — Он кивал своим мыслям. — Охрана лагеря организована из оставшихся пехотинцев. Спешить нам не нужно, нападения, думаю, не повторится, самые опасные у Когдейра были пикты, их мы полностью уничтожили, когда они ворвались сюда, в лагерь. Думаю, спешить нам не стоит, у нас много раненых, нужно задержаться еще, для похорон, и собрать все, что осталось от обоза.

— Хорошо, капитан. — Я кивнул, не имея возражений. — Я верю вам, лагерь за вами, с утра организуйте патрули, всю местность объезжать каждые два часа. Задержимся, сколько понадобится, свои действия обговаривайте со сквайром Энтеми. И, капитан, даже мышь не должна проскочить мимо вашего взгляда, головой отвечаете!

Он вскочил, низко согнувшись в поклоне.

— Разрешите выполнять, мой господин? — Как же это дико должно выглядеть: здоровенный мужик кланяется какому-то мальчишке.

— Да, идите, капитан.

Не успел полог шатра за ним закрыться, как вошли слуги, накрывая стол и выставляя на него всевозможную снедь и напитки, следом внесли деревянную бадью с водой, и появился Энтеми, под руководством которого стали заносить сундуки с вещами для Ви.

— Мой господин! — Сквайр задержался на входе. — Тело вашего батюшки омыли, ждем ваших дальнейших указаний.

Что я знал о том, как хоронят здесь? Помню, видел в Дальней на отшибе маленькое кладбище — ничего особенного, обычные

могилки. После побоища деревенские закапывали тела без всяких огненных обрядов и громких речей. Хотя то обычные люди, а тут барон — не может ли получиться так, что здесь другая история? Скорей всего. Что я знал о знати? Если я не ошибаюсь, у подобного контингента должен быть какой-то семейный склеп в их замке.

— Сквайр, нужно доставить… отца домой. — Я невольно замялся, наблюдая за его реакцией.

— Господина Кофа, думаю, тоже? — Он нисколько не удивился, похоже, я попал в точку.

— Да, они были дружны с отцом.

Он вышел, оставляя меня одного. На сегодня, пожалуй, встреч достаточно, странно, но страх разоблачения ушел, похоже, неожиданное мое фиаско с этим маскарадом приобрело размах такой глобальной аферы, что от перспектив дух захватывало.

Меня не разоблачили приближенные к Каливару, а они не раз видели молодого барона! Пусть первоначально можно было бы списать все на шок, но сквайр — умный мужик, он должен был заметить, что я не тот, за кого себя выдаю. Неужели наше сходство с этим Ульрихом настолько близко? Хотя по прошлой своей жизни я помню, что все дети, кроме своих собственных, на одно лицо.

— Маленькая. — Я подошел к Ви, ласково погладив ее по головке. — Проснись, девочка.

Та встрепенулась, испуганно оглядываясь по сторонам, похоже, ничего не узнавая со сна.

— Тише, моя хорошая, спокойно. — Я успокаивающе продолжал ее гладить. — Тебе нужно поесть и умыться, потом опять ляжешь.

Пока она ела, сметая все со стола и подбирая крошки, я разгреб вещи Пестре, выуживая кружевную ночную рубашку. С Ви придется много работать: она совершенная дикарка, ест руками, может усесться на землю. Одно хорошо: как и настоящая дочь рыцаря, малышка плохо говорит из-за своего юного возраста.

* * *

На месте мы оставались еще полных два дня, за это время успев собрать разгромленный лагерь, похоронить убитых, составить обоз к утру третьего дня и неспешно выдвинуться в сторону Касприва.

За эти дни я настолько осмелел, входя в роль барона, что позволял себе покрикивать на всех в лагере, исходя из мысли, что

дурная память дольше хорошей, а настоящий Ульрих фон Рингмар был еще тем засранцем.

Мне подвели коня, громадного, прыткого, черного как смоль, недобро косящегося на меня умным взглядом. Верховой езде я в свое время обучался, мы как-то с товарищами были с отдыхом на Байкале, где совершили двухнедельный переход на лошадях, но вот те смирные лошадки даже рядом не стояли с этим жеребцом.

Но опасения мои не оправдались, Уголек, так я окрестил свой автотранспорт, хорошо шел под седлом, практически не утруждая меня правкой, правда, норовя все время обогнать всех в колонне, чего я не позволял, двигаясь в центре и предоставив капитану Гаричу первым принять на себя удар возможного противника.

Я не трус, но я боюсь. На коне в атаку впереди армии — это не про меня, я врач, и вообще мне надо держать руки в тепле. Еще слишком ярко в памяти стояли картины резни, которую здесь называют войной.

Ви я не отпускал от себя ни на минутку, она моя сила и мое поражение. Девочка совершенно не реагировала на имя Пестре и могла в считанные мгновения разрушить всю мою легенду своим неподобающим для дворянки поведением.

Все время я мягко, но настойчиво пытался приучить ее хотя бы есть с помощью столового прибора, а не хватать все со стола руками. Терпения требовалось море, приходилось хитрить, предлагая ей в игровой форме повторять действия за мной. Пока получалось плохо, но, что не могло не радовать, получалось. Нужно было постараться, судьба не знает вторых шансов, все должно быть здесь и сейчас, потом уже не будет.

Местность стала пестреть красотой ухоженных человеческим трудом полей. Дикость леса ушла, оставляя небольшие островки рощиц, совершенно четко стала просматриваться наезженная грунтовая дорога, на которой с каждой минутой все прибавлялось и прибавлялось путников, спешащих по делам, кто в город, а кто в показавшуюся в скором времени деревню Ближнюю.

Да уж, народ тут жил явно цивилизованнее, чем в Дальней. В центре поселения даже были каменные дома, сложенные из обожженного кирпича, с такой же глиняной крышей из вполне умело выложенной черепицы. Дорожки между домами выложены булыжником, а чуть на отшибе стояла своя кузня, из которой четко был слышен характерный перезвон молотов.

В Дальней за все время моего там пребывания единственным металлическим предметом, что я видел, был нож Априи, а тут на тебе, кузня!

Народ жался к домам, сгибаясь в поклонах и не смея поднимать взгляд на своего господина. Меня это немного

напрягало, непривычно быть первым, быть выше всех. Хотя, как говорится, короля делает свита. Мне не приходилось кому-то кивать либо же здороваться, все проще: едет господин, упри лоб в землю и стой так, пока благородный не проедет. Так же было и на дороге: завидев нашу колонну, народ убегал к обочине, будь ты купец, крестьянин или ремесленник, разницы никакой. Потому что едет господин, единственный хозяин этой земли, и плохо будет любому, кто не проявит должного почтения. Мне ничего решать не нужно, свита ринулась бы стаей голодных псов на любого, посмевшего нанести мне оскорбление.

Сам Касприв меня впечатлил и одновременно разочаровал. Каменный город, под стать своими домами старым кварталам Германии или Австрии, при всей своей самобытности и величине угнетал смрадом нечистот и отходов.

Население города, как можно было предположить, составляло тысяч десять-пятнадцать, похоже, это не самый маленький город в королевстве. Касприв стоял у реки, имел небольшой порт, славился некоторыми мануфактурами и был обнесен небольшой, метров в пять, каменной стеной.

Со стороны он даже был красив своей дикостью камня и остротой крыш, но, когда путник проезжал ворота, город пугал узостью улиц, превращенных в бессистемный лабиринт. Вонь стояла, как возле выгребной ямы, народ какой-то весь серый и чумазый, дороги и проходы улиц местами были грунтовыми, где-то гулко бухал деревянный настил, и лишь центральные улицы были замощены крупным, грубо обтесанным камнем.

Господи помилуй, случись тут пожар — народ погорит сотнями, пока хоть что-то сможет сделать, а как врач я вообще чуть не поседел, представив весь набор болезней, собранный в этом мешке нечистот.

Как люди добровольно согласились тут жить? Это же хлев для скотины! Бедность деревень хоть не дополнялась смрадом немытых тел и отходами, да по сравнению с городскими жителями крестьяне жили чуть ли не по-царски.

Центром города был замок барона, стоявший в особой зоне, запретной для застройки, примерно радиусом метров сто. На что он был похож? На черт-те что и сбоку бантик, но никак не на величественное сооружение из романов о прошлом, которыми я зачитывался в детстве.

Главный центральный донжон, к которому лепились две длинные пристройки и каменная стена с надвратной башенкой, скорее декоративного характера, чем призван укрепить обороноспособность укрытия.

Ну что ж, как говорят американцы, *home, sweet home.* Здрасте,

я приехал. Весь такой славный и сиятельный господин, готовьте мне апартаменты, я изволю купаться в роскоши и злате.

Сквайр Энтеми был тут полноправным хозяином, вернее главным управляющим в замке Рингмаров. Ему и карты в руки. Чтобы не опростоволоситься незнанием комнат и помещений, тупо приказал выделить мне двух слуг, проводивших меня к моим покоям, куда и принесли вещи Пестре, идущей со мной за ручку и, с удивлением открыв рот, смотрящей по сторонам.

Да уж, это для меня все выглядело убогим, а Ви, должно быть, впечатлилась. Еще бы, она в лесу о подобном величии камня даже помыслить не могла. Величие? Ха и еще раз ха! Мерзкая дыра, хотя чего я ожидал? Ожидал все что угодно, но не такую грязь.

Ульрих был сволочью и неряхой. Этот идиот, отправляясь в поход, запер в комнате собаку, которая за это время не только издохла, но и успела все провонять. Проклятый недоумок и садист! Я только по затравленным и испуганным взглядам слуг сразу понял всю подноготную этого типа.

— Отведите меня в покои отца! — Я поморщился от одной мысли задерживаться в этом смраде. — Здесь все убрать, проветрить и вымыть полы!

А вот покои Каливара были хороши, себе любимому он выделил три комнаты в верхней части донжона. Просторные помещения, спальня, нечто вроде рабочего кабинета и что-то среднее между складом и лавкой старьевщика. Похоже, в эти времена даже среди аристократии еще не ввели в оборот шкафы и комоды. Все было либо разбросано по полу, либо заперто в сундуки. Мрак.

Мне принесли смену одежды, накрыли стол в кабинете, где я отобедал с Ви, притащили деревянное корыто с водой для умывания, в общем *all inclusive,* полный *schwach,* как говорят немцы.

Девочка с дороги устала, я уложил ее в спальне, где накрыл одеялом и сидел, поглаживая спинку, пока она не уснет. Время примерно к трем, прошло где-то час-полтора после того, как мы прибыли в замок, душа требовала действий, пройдя в кабинет, стал осматривать стол с какими-то разбросанными документами. Грамоты, свитки, все покрывали затейливые письмена, совершенно не знакомые мне.

Свое владение языком для себя я объяснил умением, доставшимся мне от настоящего Уны, паренька из деревни Дальней, а вот письму обучен он, естественно, не был, соответственно все записи барона, впрочем, как и любые другие, становились для меня тайной.

Я сидел в кресле за столом, размышляя о превратностях случая и обо всех испытаниях, выпавших за последнее время на мою долю. Пережить пришлось многое, и приятными эти воспоминания никак не назовешь. Шаг-другой, жизнь выписывала повороты, задавая мне вопрос за вопросом, на которые не было ответов.

Загадка на миллион: как я вообще очутился в чужом теле и чужом мире? Чужом? Да, я был уверен более чем на все сто процентов, что этот мир — не моя старушка Земля. Лес со своей флорой и фауной отличался от нашего, пусть и незначительно. Эльфы, разгуливающие свободно по земле, услышанные названия городов и королевств — все это чужое. И время! Время диких Средних веков. Склонив голову, посмотрел на узкие бойницы, заменяющие здесь окна. Никакого стекла. Правда, в отличие от бычьих пузырей, здесь, в замке, проемы были закрыты слюдяными пластинами, удерживаемыми, наподобие старинных витражей, металлической нитью-зажимом. Фигня, конечно, полная, муть и искривление панорамы ужасное, но по крайней мере это не чей-то мочевой пузырь.

Выйдя в коридор, подозвал слугу, оставленного у порога для исполнения моих поручений, велел ему отыскать Энтеми.

Сквайр подошел где-то через полчаса, уже переодетый с дороги, выглядя внушительным бородатым колобком.

— Мой господин. — Он поклонился, замерев в дверях кабинета.

— Проходите, сквайр, присаживайтесь. — Я указал на кресло, которое сам же подвинул напротив рабочего стола. — Как идут приготовления к похоронам?

Мне было абсолютно наплевать, когда и как похоронят Каливара фон Рингмара, но вот остальным этого знать, думаю, не надо. Стоит придерживаться того, что я его сын и мне не все равно.

— Все хорошо. — Он сел на предложенное место, склонив голову. — Тело поместили в ледник, склеп вскрыли и готовят место рядом с предками. Ждем только прибытия барона Турпа, вашего дяди и регента.

Ох ты ж, не было печали, как же я сам не додумал всю ситуацию? Я же несовершеннолетний! Во сколько лет меня перестанут считать ребенком, я не знал, но уж никак не в восемь! Опять пришла беда — открывай ворота! Барон Турп… Насколько он был близок Каливару и насколько я стану волен в своих действиях рядом с ним? Не останусь ли в сложившейся ситуации с камнем на шее? Опять вопросы и опять проблемы. Нет, накручивать себя не буду, что смогу — сделаю, чего нет — так и

не надо. Пришел в этот мир голым, таким и уйду.

— Послушайте, сквайр. — У меня была мысль. — От вас мне понадобится помощь в весьма щепетильном вопросе.

— Все, что в моих силах, мой господин! — От избытка чувств он даже вскочил на ноги. Что ж, похвально.

— Юная Пестре, меня очень заботит ее судьба, и я хотел бы принять участие в ней. — Заложив руки за спину, я поднялся и стал потихоньку прохаживаться по кабинету. — Насколько мне известно, сэр Коф оставил после себя небольшой замок неподалеку от города, наследницей является Пестре.

— Все так, мой господин! — Его взгляд приобрел хитринку. — Прикажете занять замок? Это будет просто, нужно лишь оформить опеку над ребенком.

— Вы молодец, сквайр! — Я улыбнулся. — Замок занять, опеку оформить последней волей барона Каливара, свяжитесь с управляющим, после похорон я вместе с Пестре переезжаю туда.

— Но зачем? — Он удивленно смотрел, оглядываясь и как бы досказывая, что у меня уже есть замок.

— Что вы можете сказать мне о бароне Турпе? — Я подошел поближе, снизу вверх, с прищуром внимательно вглядываясь в его лицо.

Может, как управляющий он был и неплох, но вот актером ему не стать. Все мысли и буря чувств читались по его лицу, как по открытой книге. О чем думал он? Я уже насмотрелся на их мир, чтобы понять, как будет действовать регент. Первые пару лет я еще проживу, возможно, протяну и дольше, если буду сговорчив, но вот свободы и власти мне не видать как своих ушей. Об этом знал и сквайр, все это читалось и угадывалось в нем. Дядя едет за богатством, дядя едет владеть, и ему ни к чему непокорный мальчишка, Турп может ведь «совершенно случайно» стать полноправным хозяином.

— Все будет сделано. — Он, совладав со своими эмоциями, поклонился мне. — Что-то еще?

— Да, соберите всю казну, она должна покинуть этот замок вместе со мной.

Сквайр нервно кивнул.

— Мне также понадобятся от вас рекомендации, нужно подобрать наставников и учителей для обучения юной Пестре, а также меня.

— Что-то конкретное? — Он перехватил мой деловой тон.

— Нет. — Я вновь уселся за стол. — Меня интересуют наставники во всех известных в мире дисциплинах, все, кого сможете найти или же уговорить приехать.

— Что-то еще? — Он кивал каждому моему слову.

— Насколько я понимаю… — Я сделал паузу, разглядывая его. — Скорей всего, Турп привезет своего управляющего. Вы должны будете подготовить людей, известных своей преданностью: солдат, слуг — всех, кого посчитаете нужным, они и вы вместе с ними поедете со мной.

— Да, мой господин! — Не знаю, насколько он искренен, но надеюсь, что желание не потерять свое положение приближенного будет сильней искушения предать меня.

В любом случае, больше мне положиться не на кого. Если рухнет род Рингмаров, сквайр потеряет свою власть. Пусть решает и думает, все в его руках. Мне лишь остается по привычке положиться на волю случая. И постараться сделать ноги, если что-то пойдет не так.

* * *

Барон Турп был фигурой колоритной: высокий, под два метра ростом, худощавый, он напоминал богомола. Причем не только некой своей угловатостью, но и тяжелым бессмысленным взглядом светлых, водянистых глаз.

Молчаливый и мрачный, в окружении своих людей, он прибыл под вечер четвертого дня, как мы вернулись в Касприв.

Эрхард фон Турп приходился двоюродным братом Каливару. Были они, судя по рассказам Энтеми, не то чтобы совсем недружны, но и виделись последний раз более десяти лет назад. Сам Турп, хоть и имел официальный титул барона, был безземельным, жил в столице и, говорят, был частым гостем короля, занимая один из министерских постов. То ли принимал грузы у торговцев, то ли принимал закупки для поставщиков дворца. Человеком был женатым и даже имел дочку на выданье пятнадцати лет.

Вечер и следующий день после его прибытия прошли спокойно, следующий день был назначен днем похорон, где в общей нижней зале для приемов собрались все более или менее значимые фигуры баронства, чтобы засвидетельствовать свою скорбь и поздравить меня, а формально фон Турпа, со вступлением во владение землей.

— Поздравляю вас, барон. — Мы стояли рядом, наблюдая за процессией, идущей к гробу Каливара, чтобы сложить к его ногам цветы. Он смотрел на меня, буравя тяжелым взглядом. — Это тяжелая утрата, но меж тем и большое приобретение в столь юном возрасте.

— Надеюсь, мои утраты не возрастут? — Я вскинул бровь,

смерив его таким же холодным взглядом.

— Будем надеяться вместе, мой дорогой барон. — Его лицо тронула мимолетная улыбка, которая могла означать все что угодно.

Звучали речи, народ кучковался, шепчась и с любопытством разглядывая нас с Турпом. День прошел на ногах. Какие-то обряды, какие-то церемонии, потом накрыли столы и пошли поздравления. Гости побогаче были с дарами. День перевалил за полдень, а уже в вечерних сумерках спустили под землю тело и запечатали склеп.

Часть гостей разъезжалась по домам, часть оставалась гостями замка. Ноги у меня гудели от усталости. Приказав слугам принести легкую закуску, я отправился к себе, устало упав в кресло кабинета.

Вместе со слугами, вносящими еду в комнату, вошел Турп, молча располагаясь в кресле напротив меня и подхватывая один из бокалов, наполненных разбавленным вином.

— Завтра с утра вернешься в свои прежние покои, эти для тебя слишком велики, — дождавшись, когда все уйдут, медленно произнес он.

— Зачем же ждать? — Я спокойно его рассматривал, решив идти у него на поводу. — Вот откушаем, да и займемся переездом, дорогой регент.

Он кивнул, присаживаясь за стол и вместе со мной в тишине приступая к ужину. Разговора пока не получалось, он был не в курсе, что я задумал, а первым своим наездом, попыткой выгнать из комнат Каливара, хотел вывести меня из себя, что не получилось, ввиду моей неожиданной покладистости.

— Ты не соответствуешь слухам, идущим о тебе. — Турп мне даже понравился, спокойный, гад, как удав и столь же опасный.

— Слухам верить нельзя, дорогой дядя. — Я улыбнулся, наклонившись вперед и подливая вино ему в бокал. — Есть такая мудрость: доверяй, но проверяй. Вот чем стоит руководствоваться в жизни.

— Разумные слова в столь юном возрасте. — Эрхард откинулся в кресле, сложив руки на груди. — Я запрещаю тебе покидать замок без моего дозволения.

— Ваше право. — Я склонил голову как бы в поклоне, продолжая свой ужин. — Пестре!

Резко выкрикнув имя девочки, я, перейдя со спокойного тона на крик, заставил его вздрогнуть. Хлопнула боковая дверь, и в комнату вбежала Ви, отрепетированно замерев на пороге и присев в поклоне перед Турпом.

— Ах, вот и ты! — Я поманил Ви, подхватывая на руки и

усаживая себе на колени. — Составишь нам с бароном компанию за ужином?

Девочка кивнула, опасливо рассматривая нового человека и вспоминая все мои наставления, когда я готовился к этой встрече.

— Кто это? — В его голосе звучала угроза.

— Дочь покойного Агнера Вирт Кофа. — Я накладывал ей на тарелку вкусности, совершенно игнорируя дядю.

— Что здесь делает дочь рыцаря? — Похоже, он эмоционально перешел к какой-то толике испуга.

— Ох, дядя, бедная Пестре — это последняя воля моего отца. Перед смертью он велел мне сберечь и позаботиться о дочке своего лучшего друга. — Ви, сама непосредственность, рассмеялась, когда я из еды сложил на тарелке забавную рожицу. — Вы, надеюсь, позволите мне исполнить взятое перед отцом обязательство и проводить юную леди домой, присматривая за ней?

— Д-да. — Он удивленно смотрел на двух детей, игнорировавших его персону и занятых забавами с едой. — Конечно, это твой долг.

Ви, искренняя в своих чувствах, дурачилась со мной, что-то лепеча по-своему, периодически делясь со мной чем-то вкусным. Я пытался ее смешить, не забывая за ней ухаживать и постоянно вытирать пятна от еды салфеткой.

Турп удивленно моргал, не находя слов, вскоре обескураженно встал, молча развернулся и покинул нас, тихо прикрыв за собой двери. Что ж, первая часть плана по выпроваживанию этого типа с глаз долой удалась. Он уйдет к себе, уверенный в своем праве повелевать и моей неспособности быть умнее, чем нужно ему. По крайней мере пусть так думает, мне нужно время, для того чтобы выскочить из его рук, а там уже посмотрим.

Выждав примерно минут двадцать-тридцать, приступил к осуществлению второй части задуманного. Взяв Ви за руку, стал спускаться тихо по лестнице, стараясь никому не попадаться на глаза. Маршрут был уже мной отработан, во дворе ждали лошади, за четыре дня мы с Энтеми успели хорошо подготовиться, вывезя большую часть ценностей и вещей, а также всю казну старого барона, составлявшую ни много ни мало два сундука полновесных золотых монет королевской чеканки. Это было не просто состояние, это было все, что смогла скопить целая династия Рингмаров не за одно столетие своего правления. Старый барон был баснословно богат. Ну и, следовательно, новый не даст этому добру пропасть, по крайней мере так просто я его не отдам Турпу.

Город встретил нас темнотой, этот вонючий каменный мешок никто не собирался освещать фонарями, до такого еще не додумались здесь. Лишь у редких богатых домов пылали масляные светильники, впрочем, не столько разгоняя темноту, сколько подчеркивая ее господство вокруг.

Мы с Ви ехали на моем Уголек, я держал девочку перед собой, со мной из замка выехали три стражника. Уже непосредственно в городе к нам присоединился еще десяток солдат во главе с капитаном Гаричем. Энтеми уверил меня, что Гарич и его люди всецело преданы моему роду, так как все они были потомственными солдатами на службе Рингмара, как и их отцы, а до этого деды.

Не спеша проехали город, у ворот произошла заминка: на ночь они запирались. Но, узнав барона, стража все же открыла их, выпуская нас на волю. И мы двинулись к новому дому, который примет меня, надеюсь, надолго, не вынуждая покидать его в страхе, спешке, бегом, не оглядываясь.

Замок фон Кофа был примерно в трех часах пути от Касприва, уступая в размерах рингмарскому, он меж тем был аккуратней и вид имел более внушительный. Если замок в городе был по большому счету донжоном, вокруг которого уже лепилось все остальное, то Лисий Хвост, так называли его в народе, выглядел как цельная композиция. Он словно целиком и полностью был вытесан из одной глыбы красно-рыжего цвета, из-за чего и получил свое название.

Нас уже ждали, Энтеми лично подхватил под узду моего Уголька, помогая спуститься девочке и мне.

— Ваши покои готовы, мой господин.

— Хорошо, сквайр, проводи нас.

Простота убранства и прямота коридоров мне нравились, ничего лишнего, все компактно и на своих местах. Хотя прежнему хозяину нельзя отказать в любви к прекрасному: в небольших арочках и анфиладах встречались скульптуры, на стенах присутствовали панно и гобелены.

— Сквайр Энтеми, что у нас с наставниками? — Я шел не спеша, осматриваясь с удовольствием и интересом.

— В замке вас уже ожидают учитель грамоты и арифметики, завтра к полудню ждем географа и учителя рисования. — Видно было, что сквайр запнулся, что-то обдумывая.

— Что-то еще? — Мы вошли в бывшие покои старого рыцаря, просторные комнаты, звуки в которых скрадывали огромные цветастые ковры на полу и стенах.

— В этом рыцарском замке, по предписанию короны, помимо сэра Кофа проживает и маг-защитник наших земель, господин

барон. — Он скривился, как от лимона. — В Лисьем Хвосте живет маг.

— Говорите прямо, сквайр. — Я усадил Ви в кресло, помогая ей стянуть сапожки.

— Сэр Дако, маг с дипломом королевской академии магических искусств, он долгие годы служил семье фон Коф, ну и, соответственно, короне, приглядывая за всем Рингмаром.

— И что? — Признаться, в моей груди тревожно сжалось сердце: а сможет ли этот маг отличить настоящую Пестре от Ви?

— Понимаете, до-о-о-олгие годы. — Он как-то виновато потер переносицу. — Ну очень долгие.

— Да ладно вам, Энтеми, не сто лет же ему, в самом-то деле? — С улыбкой глядя на заминку сквайра, я улыбнулся, представив классического старичка волшебника в остроконечной шляпе.

— Эм-м. Нет, не сто… — Сквайр потупил взгляд. — Ему уже, судя по документам, за триста.

Я уставился на управляющего, как на сумасшедшего: что он несет? Как такое возможно? Как относиться к магии в этом мире, я еще не знал, мне пока она не попадалась, за исключением того яркого примера, когда сорокалетний мужик разгуливает в теле восьмилетнего мальчишки.

— Эм-м. И как он… поживает? — Теперь моя очередь подбирать слова.

— Ну-у, вроде ничего так, живенький такой… — Сквайр заливался краской. — И хочу сразу вас предупредить, господин барон, он тут еще дедом нашего короля назначен магом, мы не сможем его… э-э-э… попросить покинуть замок.

— А мы, скорей всего, захотим? — Похоже, я стал понимать, в чем дело.

— Мы уже давно хотим. — Энтеми виновато развел руками. — Только, сами понимаете, король. Еще ваш покойный батюшка хотел…

— Да уж… дела… — Я подхватил Ви на руки, направляясь в спальню. — Приготовьте мне ужин внизу, в зале, я хочу еще пройтись по замку, после того как юная леди соизволит уснуть.

Юная леди соизволила показать господину барону язык, впрочем, особо не капризничала, когда я ее укладывал в кровать, так как уже давно зевала и потирала налитые сном глаза.

Посидев с ней, пока малышка не уснет, я, дождавшись ее мерного дыхания, вышел из комнат, прошел коридорами вниз, где был большой зал с камином и длинным столом персон на десять.

Возле камина друг напротив друга стояли кресла, так что

можно было вытянуть ноги к теплому огню. Да, замок мне определенно нравился с каждой минутой все больше и больше, здесь чувствовался уход и хозяйская рука, а не мешанина и бардак, царившие в Касприве.

— Молодой человек! Вас не учили здороваться, когда старшие рядом?

От неожиданности я вздрогнул и чуть не подпрыгнул на месте.

— Где ваши манеры?

Лицом к камину, за высокой спинкой кресла, сидел щупленький старичок в алой мантии, расшитой позолотой, был он мал ростом, всего на полголовы выше меня, сморщен, как сухофрукт, и напоминал покрытый мхом пень, так как имел всклокоченную короткую бороду и вихры неприглаженных волос, обрамлявших высокий лоб с залысинами.

— Сэр Дако! — опознать эту Тортиллу мне не составило труда, осталось выбрать линию поведения с ним. — Прошу простить меня за то, что потревожили вас в вашем доме, но обстоятельства таковы, что…

— Знаю я твои обстоятельства! — Старик не дал договорить. — Турп! Я помню его еще мальчишкой, когда он вместе с твоим отцом гостил у нас, хитрый малый.

Я поклонился старику и, не разгибаясь, ожидал его дальнейшей речи.

— Хватит там расшаркиваться! — Голос у него был скрипучим, но полным жизни и какой-то иронии. — Иди сюда, присаживайся, посмотрю на новое поколение Рингмаров, вы всегда были вертлявыми пройдохами, выкручивались из любых ситуаций.

Спорить с ним либо же как-то препираться совершенно не хотелось, я просто сел, откинувшись на спинку кресла, и, вытянув ноги, с интересом стал его разглядывать. Приятный старичок, живой взгляд, резкие слова, он первый человек, встреченный в этом мире, который не пытался хоть как-то выделить себя в присутствии аристократа. Хотя, судя по тому, что к нему обращались просто «сэр», титул его не передается по наследству, он бывший простолюдин, получивший за какие-то заслуги свое звание.

— Ну что, Ульрих, как тебе старый Дако? — Он подмигнул мне после непродолжительного молчания. — Ты знаешь, меня боялся еще твой дед!

— Видимо, не без оснований? — Я вернул ему улыбку.

— А то! Я вас всех порол хворостиной в свое время: и фон Кофов, и Рингмаров, и Самли. Всех! — Старик откровенно

смеялся.

— Ну что ж, тогда, пожалуй, ваша наука пойдет и мне впрок, вы уж не откажите в милости… хворостиной-то. — Интересно, что он за наставник и чему учил в свое время всех этих знатных особ? Допустить мысль, что магии, я не мог, ну сами посудите, зачем барону изображать из себя неизвестно что, размахивая руками, словно шут балаганный, напуская мистики и натирая до блеска о штаны хрустальный шар.

— Ха-ха! — Похоже, я ему нравлюсь. — Ох, и окажу я тебе милость! Ха-ха!

Слуги внесли поздний ужин, накрывая на стол, я любезно предложил старику посидеть со мной, так сказать, угоститься. Время хоть и за полночь, а мы с ним все сидели, перекидываясь словами. Приятный человек, чем-то он мне напомнил моего Охту, первого наставника в моей новой жизни. Вот так же и с ним мы сидели вечерами, ведя долгие разговоры.

Тяжело терять близких, друг — это такая штука, что достается нам порой лишь раз и на всю жизнь. Печально, когда теряешь друга, и очень хорошо, если я опять нашел человека по душе, время покажет, время все расставит по своим местам.

* * *

Подняла меня утром Ви. Девчонка, привычная к деревенской жизни, вставала с первыми лучами солнца и с их заходом отрубалась. Как попугай в клетке, светло — он прыгает, скачет, накрой клетку покрывалом — и он тут же уснет.

Я еще пытался уснуть, но маленькое торнадо, носящееся по комнате и сшибающее все на своем пути, не располагало к этому, особенно когда стало прыгать по моей кровати и лупить меня подушкой по спине и попе.

— Ну, юная леди! Сегодня я займусь твоим воспитанием! — Я попытался ее схватить, скрутив в бараний рог, но куда там, шлепая босыми пятками по полу, малявка выскользнула с писком, опрокинув какую-то вазу, унеслась в другую комнату. — Ох, ты ж заноза!

Утренние процедуры: одевание, отлов малявки и одевание уже ее — взбодрили меня, заставив раскраснеться и потирать укушенную руку, впрочем, зато сон ушел. Мы спустились в общий зал, где уже накрыли стол для завтрака.

С нами в зале завтракали сквайр Энтеми, сэр Дако (такое ощущение, что он и не уходил отсюда), приглашенный мной капитан Гарич и два будущих наставника моей Ви. Первый — лир

Тосвич, учитель грамматики, грузный мужчина за сорок с большой розовой лысиной на всю голову, второй — лир Номан, учитель арифметики, его полная противоположность, худощавый молодой человек около тридцати лет с пышной черной шевелюрой.

Мы все поздоровались, и я пригласил присутствующих к столу, усадив рядышком свою маленькую непоседу. За ней все еще приходилось следить, чтобы она не хватала еду руками или же, держа в одной руке вилку, второй не стала бы на нее накалывать куски мяса.

Завтракали неспешно, перекидываясь любезностями и знакомясь между собой. Ви болтала ногами и рассыпала горошек по столу, солнечные лучи пробивались через призму искривленных слюдяных окон, мне было хорошо, впервые с момента моего пребывания в этом мире мне было так спокойно и уютно.

После завтрака вышли прогуляться по замковому саду, небольшому участку земли с аккуратными садовыми деревьями, кованой лавочкой и пышными кустами дикой розы. Сорок шагов вперед, сорок шагов назад, сад небольшой, но приятно было посидеть на улице. Компанию нам с Ви составил сэр Дако, с которым мы неспешно доползли до лавки, где тут же заземлились, наблюдая за суетой неугомонной девочки.

— Сэр Дако…

— Да, Ульрих? — Он не использовал титулы, обращаясь ко мне.

— Позвольте спросить вас, чему вы в свое время обучали нашу семью?

— Магии, конечно, чему я еще могу научить? — Он подмигнул мне.

— Простите, но мой отец, впрочем, как и остальные… я что-то не замечал за ними каких-то талантов. — Может, я что-то упустил? Мне что-то неизвестно? До сих пор я не представлял, что же собой представляют эти самые маги, о которых столько разговоров.

— Не было у них никаких талантов! — Старик насупился. — Им бы все мечами махать да на конях скакать или к девкам лазить ночью на балкон, к этому у них талант был, а вот развивать свой магический дар никто из них не пожелал!

— Простите, сэр Дако, а не могли бы вы мне показать что-нибудь… такое?.. — Я и сам не знал, что прошу.

— Я тебе шут, что ли, при дворе показывать что-нибудь такое? — Старик фыркнул, словно еж. — Магия — это тебе не шутки, это мощь и сила!

— Простите, сэр… Я просто даже не представляю, о чем может быть речь. — Мне действительно стало очень любопытно, из-за чего весь сыр-бор.

— Ты что, юноша, никогда магов в действии не видел? — Он удивленно на меня смотрел, вскинув брови. — Юноша, в Касприв с балаганами часто приезжали мастера иллюзий, их часто зовут ко двору на праздники!

— Мой батюшка как-то не особо жаловал праздники. — Не знаю, правда это или нет, но то, что я знал о старом бароне, вполне допускало такое положение вещей.

— Скряга! — Дед стукнул ладонью себя по коленке. — Он и в детстве был жадиной, а вот с годами совсем, похоже, испортился, что даже своему единственному сыну не смог устроить праздник! Ладно, так и быть, покажу тебе пару фокусов… только больше не проси!

— Не-не, больше не буду! — заверил я его. — Пестре! Беги сюда, дедушка Дако сейчас фокусы будет показывать!

— Дедушка… — Он покатал на губах это слово, глядя на подбегающую Ви. — А что? Почему бы и нет?

Он встал, беря на руки запыхавшееся от бега маленькое чудо в кружевах и с веточками в волосах, уже успевшее измазать где-то землей руки.

— Ну что, юная леди, фокусы смотреть будем? — Он улыбался.

— Кокусы! — Тут же подхватил ребенок, громко смеясь. — Деда, авай кокусы!

Передав ее мне, он отошел от нас чуть в сторону по дорожке, задумчиво замерев и уперев взгляд в землю.

Я, как и Ви, замер, широко раскрыв глаза и наблюдая за ним. Признаться, я даже вообразить не мог, что он нам продемонстрирует, ну там кролика из шляпы или монетку из уха — все что угодно, но не чудо. Старик действительно продемонстрировал чудо! Это невозможно описать — реальность, действительность, все так живо и объемно!

Прямо возле его ног проклюнулся зеленый росточек, разделившийся моментально на два листочка. Потом выпустил веточки, вытягиваясь ввысь. Окреп, превращаясь в куст, потом в небольшое ветвистое деревце.

Все в считанные мгновения, настоящее миниатюрное деревце наподобие японских бонсай, выпустило красивые цветы, сходные с разлапистыми бутонами магнолии. А из цветов выпорхнули цветной чехардой десятки переливающихся всеми цветами радуги птичек, чем-то схожих с колибри.

Карусель птиц кружилась над кроной дерева, выписывая

замысловатые пируэты, Ви радостно хлопала в ладоши, а я ловил отпавшую от удивления челюсть. Старик взмахнул рукой, словно художник, стирая картину, померкшую в мгновение, развеивая в воздухе показанную иллюзию.

Подобного я не ожидал — все так реально и многогранно. Что? Как? Неужели это правда? Я не находил ответа, не веря своим глазам. Что Дако продемонстрировал, как назвать эту объемную такую живую иллюзию, развеянную взмахом руки? Чудо!

— Ну что, Ульрих? Впечатляет? — Дако сел рядом с нами на лавочку, принимая «обнимашки» со стороны девочки, восторженно что-то лопочущей ему в ухо. — Тише ты, тише, девочка! Затопчешь старика!

— Спасибо, сэр Дако. — Я встал и поклонился ему. — Это впечатляет.

— Да ладно, это все детские шалости! Иллюзия, причем не самая сложная. — Он говорил, а я видел, что старику приятны мои слова и искренний восторг Ви.

— Для меня будет честью, если вы примете меня к себе в ученики. — Я еще раз поклонился, всем сердцем желая познать то, чего познать пока не мог, это странное и непонятное явление, это странное и непонятное слово — магия.

— Ну что ж. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Ты первый в своем роду, кого не приходится розгами заставлять учиться!

— Я буду стараться, учитель, чтобы не разочаровать вас! — Мне искренне стало интересно, всем своим существом, всей душой и сердцем я желал познать секрет его мастерства.

— Вижу, что будешь, юноша! — Он подмигнул мне. — Ты прямо рвешься в бой! Но ты ведь в курсе об указе короля Фердисса, прапрадеда нашего короля, который указал то положение, которое занимает в обществе маг, обученный своему ремеслу?

— Нет. — Я качнул головой.

— Тогда тебе стоит с ним ознакомиться, прежде чем брать на себя это ремесло. — Он был серьезен, а я его понимал, похоже, не все так просто, что-то можно, а что-то нельзя, так было всегда и будет впредь. Прежде чем принять окончательное решение, я должен владеть информацией.

— Еще раз благодарю вас, сэр Дако, за демонстрацию и добрый совет.

Он кивнул, ссаживая девочку со своих колен. Тяжело поднявшись, устремил свой взгляд куда-то ввысь, задумавшись и погружаясь в мысли.

— Одно тебе могу сказать, Ульрих. — Он не смотрел на меня, произнося слова четко и с расстановкой. — За долгие годы моей жизни не было ни дня, чтобы я пожалел о принятом мною решении.

Разошлись, старик ушел к себе, а мы с Ви отправились к лиру Тосвичу, мы приступили к первому уроку грамматики, который нам преподал этот мужчина.

Первый раз в первый класс, я вместе с девочкой прилежно повторял и заучивал новый алфавит и построение букв при написании, мне было немного проще: я делал запись его уроков на русском, а вот Ви явно страдала, наука была для нее мукой. Она постоянно отвлекалась и вертелась, норовя то залезть под стол, то разжалобить меня, чтобы я отпустил ее погулять. Уже часа через два пришлось, к моему сожалению, прерваться, так как маленькая фурия просто уже легла на пол, закрыв глаза и уши руками, отказываясь идти со мной и учителем на контакт. Ох уж эти детки! Бедные учителя, я как представлю, что им ежедневно приходится иметь дело с не одним десятком подобных созданий, так просто оторопь берет.

Прервались на обед и еще одну прогулку, после чего были занятия у лира Номана, нашего учителя арифметики, у нас с ним семь потов сошло, пока мы добились от этого исчадия ада сосчитать пять пальцев на руке. Ох, и вымотала она нас! И самой-то хоть бы что, а я упал у себя в спальне ничком, выжатый как лимон.

Да уж, придется мне с ней намучаться, эх, ну да ладно, сам взвалил на себя этот груз ответственности, теперь, будь добр, тяни — не плачь. Нужно будет Дако попросить хоть изредка меня заменять, она ему доверяет, да и он хоть мужчина неглупый, не станет приставать к ней с расспросами. Мое счастье, что папенька настоящей Пестре практически не жил в замке, отчего дед ни разу не видел наследницу рыцаря. А часам к пяти пришла ожидаемая беда в лице достопочтимого барона Турпа.

Он быстро освоился в Касприве и, проведя ревизию и инвентаризацию, заявился ко мне, пылающий праведным гневом.

Правда, гнев его слегка остыл, сменившись какой-то смесью злобы и страха при виде сэра Дако, внимательно буравящего его таким пристальным взглядом при входе, что можно было дырку просверлить.

— И как это понимать? — Мы сидели с ним вдвоем в моем кабинете, не спуская глаз друг с друга.

— Дорогой дядя, — устало начал я, совершенно не желая вдаваться в словесную пикировку, — не буду ходить вокруг да около, а сразу обрисую тебе всю ситуацию целиком. Забота о

дочери фон Кофа оформлена последней волей моего батюшки, и тут вы бессильны — к вам в руки я не вернусь. Казна, как вы уже поняли, у меня, и к вам не попадет ни одной монеты без моего письменного одобрения. Все сборы с земель и города с его мануфактурами также идут ко мне, так как вассальные расписки все до одной находятся у меня. Также грант на владение землей, врученный еще моему прапрапрадеду, в моих руках. В вашем ведении остается замок в Касприве со всем его имуществом и неоспоримое право давать мне советы с высоты прожитого вами опыта, как понимаете, прислушиваться к вашим словам я буду… очень внимательно.

— Ты что о себе возомнил, мальчишка? Это все проклятый Энтеми тебя надоумил? Отвечай! — Он вскочил с места, нависая надо мной всем своим немаленьким ростом.

— Успокойтесь, барон! — Внешне я постарался остаться спокойным, хотя, признаюсь, испугался порядочно его всплеска эмоций. — Не забывайтесь, вы не у себя дома и говорите пусть и не с совершеннолетним, но с равным вам по титулу человеком!

— Мальчишка, я получил от короля полное регентство при тебе, сегодня же верни все, что украл! — В гневе он ударил кулаком по столу. — Или ты думаешь, что сможешь потягаться со мной на равных? Сопляк!

Следующий удар пришелся уже не на стол, а на мою голову, с оттяжкой он залепил мне пощечину, от которой голова моя больно стукнулась о спинку высокого кресла.

— Сегодня же! — орал он на меня. — Сию минуту ты отдашь все и вернешься в Касприв, иначе, клянусь богами и духами предков, я уничтожу тебя!

Стащив со стола серебряное блюдечко, я приложил его к пылающей щеке, чтобы не получилось синяка. Ох, и тяжелая рука у этого мерзавца. Лицо просто горело.

— Сядьте на место, барон, пока вас не усадили мои гвардейцы. — Я смотрел на него одним глазом из-под блюдца. — Вы же вроде не дурак, а кидаетесь такими громкими заявлениями. Ваше регентство — пустой звук по сравнению с последним волеизъявлением законного владетеля. Или мне прикажете написать жалобу королю? Нет? Тогда, будьте так добры, сядьте и разговаривайте, как подобает мужчине и барону, а не хаму у дороги!

Он откинулся в кресле, пылая гневом и прожигая меня безумным взглядом, ох не прирезал бы сгоряча!

— Ты еще не знаешь, с кем связался, щенок! — Он цедил слова медленно, видимо, плохо сдерживая ярость. — Я уничтожу тебя!

— Мой вам совет: поберегите пыл для столицы. — Я отложил блюдце, вставая из-за стола, похоже, теперь моя очередь угрожать, этот человек понимает все только с позиции силы. — Здесь Рингмар, и здесь я хозяин. Сегодня я вас прощаю, но уже завтра за ваши крики и неуемные руки я прикажу вас гнать плетьми до самого вашего дома!

Турп вскочил, захлебываясь бранью и яростью, он практически себя уже не контролировал, благо я предвидел подобный исход, и в комнату вошел Гарич в сопровождении двух солдат, аккуратно оттесняя моего дядю прочь. Оставшись в одиночестве, я еще полчаса слушал его крики в коридоре, а потом во внутреннем дворе замка, прикладывая блюдечко к лицу и прикидывая возможные варианты развязки в будущем сложившейся ситуации.

Дверь отворилась без стука, пропуская внутрь смеющегося старика Дако.

— Вы же вроде не дурак?! — Он передразнил мои слова, покатываясь со смеху. — Ха-ха! Ну, Ульрих! Ну силен, парень! Молодец, держался достойно!

— Старался, как мог. — Невольно я тоже улыбнулся, глядя на него.

— Что, болит? — Он подошел вплотную, забирая у меня тарелочку и разглядывая лицо.

— Ничего страшного. Как говорят: «До свадьбы заживет».

— Ха! — Старик уселся в кресло, сложив руки на груди. — О девках уже думаешь? Молодец! В тебе я вижу только лучшие черты Рингмаров! Вот так и твой папенька, и дед, всегда после драки на коня — и к бабам!

— С-э-э-эр Дако! — осуждающе протянул я.

— Ладно-ладно! — отсмеявшись, он уже серьезным тоном добавил: — Не расслабляйся теперь ни на минуту, внучек. Турп опасен, здесь, в стенах замка, я всегда смогу тебя прикрыть, но за его пределами ты рискуешь жизнью. Поверь, он не остановится.

— Верю. Знаю. Ну и за совет спасибо, как говорят: «Предупрежден, значит, вооружен!»

* * *

Дни у меня полетели, насыщенные до предела, я вставал, вернее, поднимался с первыми прыжками Ви и ложился за полночь. Помимо моего обучения грамматике и правописанию, себе в нагрузку я взял географию, благо преподаватели были, благодаря стараниям сквайра Энтеми.

Учеба плюс пробные уроки в управлении баронством от сквайра, кое-какие встречи с влиятельными людьми, ну и в дополнение ко всему уроки жизни от капитана Гарича.

Так уж сложилось, что здесь в приличном обществе дворянин обязан быть при мече, а уж по первому зову короля встать с воинством под его знамена, защищая интересы своего сюзерена.

Глобальных войн уже больше двух столетий не случалось, но вот мелкие недоразумения, такие как дуэли либо же банальный грабеж на дороге, являлись непременным атрибутом современности и всего прогрессивного человечества.

Со слов моего окружения, уважающий себя аристократ должен первым делом по прибытию в столицу выиграть или проиграть пару дуэлей, иначе его все будут считать размазней или же слабаком, с которым не стоит иметь никаких дел.

В столице мне делать пока совершенно нечего, но вот памятуя о бароне Турпе, совсем не хотелось быть заколотым на дуэли. Хоть я и мог отказаться от этой поножовщины, но вот репутация и благопристойность, а также то, что обо мне будут думать и говорить люди, здесь важно. Даже если мне самому по большому счету наплевать на всех с высокой колокольни.

Впрочем, я не я буду, если не выскользну ужом из этих варварских игрищ. Не забывайте, я врач, мне нужно руки в тепле держать.

Но как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть.

Поэтому час утром и час вечером я проводил с капитаном в спарринге на учебных деревянных мечах.

— Мой господин! — Гарич атаковал медленно, но довольно увесисто, напрямую его меч я останавливать боялся, так как он физически своим ударом мог вогнать в меня свой учебный меч вместе с моим в придачу. — Вам бы надлежало обучаться у соответствующего наставника, я, конечно, смогу вас немного подучить, но воинскому этикету вряд ли обучу.

— Гарич, к черту этикет! Ты должен учить меня убивать и не умирать, и если, чтобы остаться в живых, мне нужно кому-то заехать сапогом по яйцам, то я должен вогнать свой сапог так, что

он войдет снизу, а выйдет у противника изо рта! — Я уставал до дрожи в руках на его тренировках, но бросать не собирался.

Радовали меня и успехи Ви, у девочки стало хоть немного что-то получаться, и, хоть я все еще опасался того, что она могла как-то раскрыть наш истинный облик, все же был вынужден все чаще и чаще отпускать ее с другими людьми. Будь то преподаватели, старый Дако либо слуги, периодически снимающие мерки для ее нарядов.

Ах да, тут еще с нарядами местными у меня началась заморочка. Суть местной моды сводилась к дутым рукавам и штанам наподобие галифе, то есть узкий низ на икрах и форменное безобразие в районе попы. Ко всему прочему, последним писком недобитой моды было жабо, этакие кружевные бабушкины панталоны, которые мне предписывалось носить на шее. Это ужас.

Вы только представьте себе бархатный дутый жилет, весь расшитый золотом, который сшивался нитками на спине. Что мне потом с ним делать? Спать в нем? Жить в нем? Как долго?

К черту я послал все эти костюмы в первый же день, как их увидел. Сквайр Энтеми вызвал мне из города портного с образцами тканей и узорами, с помощью которого я уже и пытался хоть как-то удовлетворить свои претензии к одежде и не выглядеть белой вороной в обществе.

После непродолжительных размышлений из памяти я смог извлечь только Петра Первого с его камзолами и высокими сапогами. С тканями особо не мудрил, с цветами тоже — выбирал черный либо темно-коричневый, с украшениями не частил, не только из-за того, что не люблю аляповатость, но и из-за природной жадности. Сами посудите, куда это годится — ходить по улице с золотыми пуговицами? А если оторвется? Я же потом ночью спать не буду.

В общем, дела и заботы, но приятные и, что называется, по душе.

Читать я научился уже на второй месяц моих занятий, правда, в письме еще марал как курица лапой. В этом мире для меня новостью стало то, что книги тут были практически все в единичных экземплярах, писались редко и стоили очень дорого, уже не говоря о том, чтобы их достать.

Выручил Дако, обладавший небольшой библиотекой, и привезенное жизнеописание Рингмаров, последней записью остановившееся на моем как бы дедушке. Чтение давало пищу для ума, особенно переписка Каливара, его деловые записи, что называется, сведение дебета с кредитом.

Бизнес у него был, мягко говоря, бандитский, суть его

сводилась к тому, что земля моя — вы все мне должны. Причем суммы были иной раз поистине грабительскими, здесь же я нашел записи по деревне Дальняя, сколько и когда они приносили долга, сколько предполагалось брать в будущем и что ожидать от других деревень.

И все бы было просто, но вот над бароном тоже сидел свой грабитель. Крестьяне, сквайры, лэры и пэры несли свой долг баронам, те в свою очередь должны отдавать долг графам, графы — герцогам, а уж те несли денежку в казну королю.

Система отлажена и проста до безобразия. Моей высшей инстанцией был граф Паскаль де Мирт, собственно, все мои земли находились в управлении графа. Само графство делилось на пять участков, которыми правили Рингмар, то есть я, Когдейр, чтоб ему упасть с коня и шею свернуть, барон Гердскольд, барон Пикскварь и барон Кемгербальд.

Ежегодно в начале весны мы все были обязаны приехать в Рону, столицу графства, привезя с собой ни много ни мало, а каждый по тысяче золотых! И это при всем при том, что суммарно у меня выходило, исходя из имеющихся записок старого барона, доходу в год тысяча пятьсот — тысяча четыреста!

Что ж тут удивляться, что Каливар драл такие суммы со своих земель. Старому барону из оставшихся денег нужно было еще кормить себя, солдат, слуг, всю эту компанию одевать, строить дома и склады, как-то вести торг с купцами в речном порту и еще сотни мелких и не очень трат, требующих постоянных вливаний.

Я вот прикинул на бумажке среднюю сумму, уходящую на содержание солдата, опираясь на цены, указанные в свитках Каливара. Самый простой меч стоит пять золотых, далее пика — от десяти до пятнадцати серебряных, комплект кольчуга, наручи и поножи — семь золотых, шлем — один золотой, щит ростовой — тридцать серебряных, теперь сапоги, нательное белье, два комплекта, накидка гербовая — на сумму десять золотых. Исходя из номинала один золотой — пятьдесят серебряных, уже получается, что солдат носит на себе двадцать три золотых и сорок серебряных монет! А прокормить? А жалованье? А если это не пехотинец, а кавалерист? Там же у кавалериста вообще два рта нужно кормить!

Да как он вообще по миру не пошел в обносках клянчить хлеб на пропитание? Ну и ну! Эх, тяжела ты, доля баронская, и ведь никто не пожалеет, не приголубит, все только пальцами тыкают и кричат: «Экспроприатор! Проклятый буржуин!»

После всех этих подсчетов мне хотелось сквайра Энтеми на руках носить и в бороду его курчавую целовать, это ж надо, как

он ловко вел дела, работая управляющим у Рингмаров не один год! Да уж, мне с ним сказочно повезло, без его мозгов и знаний кто, где и откуда я бы уже через месяц жил в долг и под расписку.

Вот только чужие мозги — хорошо, а свои — лучше. Надеяться все время на сквайра, завися от него, мне не хотелось, мало ли как жизнь дальше сложится, а деньги нужны всегда. Вот и приходилось мне сидеть вечерами за столом в кабинете, составляя блок-схемы, описывая движимое и недвижимое имущество, разрабатывать свои будущие шаги по становлению бизнеса и, соответственно, будущие вложения и накопительно-расходные части.

Муть та еще, все нужно подсчитать и подбить итог, а у меня были, между прочим, генеральские планы по захвату вселенной.

Меня ну совершеннейше не устраивало отсутствие в этом мире туалетной бумаги и самих туалетов! Где это видано, чтобы барон среди ночи вставал и доставал горшок из-под кровати, после чего задвигал его ногой обратно и ложился спать остаток ночи, вдыхая зловонные миазмы.

Меня до чертиков достало, что я уже четыре месяца не чистил зубы и не держал в руках куска мыла. А каково вам от мысли, что здесь не носят нижнее белье? Обкрутят тазобедренный сустав тряпочкой, заколют или свяжут концы — и вуаля!

Нет, так жить нельзя, все вроде бы в мелочах, но в них, оказывается, заложено столько комфорта, столько удобства, что только одно знание того, как может быть хорошо, не давало мне спать спокойно по ночам.

Заботы и хлопоты, работа над собой, учеба — все это закрутило меня, практически не оставляя свободного времени, но все же было кое-что, о чем я думал постоянно, — это магия.

Старый Дако оказался моим чуть ли не единственным другом, с которым я часто за ужином или же просто сидя в кресле вел долгие и порой весьма поучительные для меня беседы.

Что-то меня восхищало, а что-то, наоборот, отталкивало, когда я узнавал от него нехитрые премудрости его профессии. Ну, к примеру, первый этап, именуемый посвящением. Это ни много ни мало, а какой-то импульс, вызывающий, судя по всему, болезненную трансформацию определенных участков мозга. Вы понимаете, что такое воздействие на головной мозг? Это огромный риск, если что-то пойдет не так, вам уже не выпить аспирина, чтобы голова не болела, любое стороннее неосторожное вмешательство — и вы овощ, самый натуральный корнеплод без личности, желаний, мыслей, кусок мяса, истекающий слюной, не в состоянии даже жевать пищу.

Это, кстати, подтверждалось и статистикой по королевству и

всему известному здесь миру. Общее число прошедших посвящение не превышало десяти процентов от населения. Или, если на дулях, то из десяти, проходящих посвящение, только один мог стать магом. Причем никого не удивит, если минимум трое сойдут с ума и один, может, два станут покойниками.

В другой ситуации я бы рассмеялся Дако в лицо, сунув шиш ему под нос в ответ на его предложение сделать меня учеником, но не сейчас. Старый лис долго и с расстановкой обхаживал меня, рисуя перспективы и возможности своей профессии. Естественно, не обошлось без различных демонстраций. Что он показывал и что он мог? Многое. Как иллюзии развлекательного характера в присутствии Ви, с искренним восторгом аплодирующей ему, так и более приземленные и порой очень опасные вещи. Старик умел левитировать, передвигать мыслью предметы, разжигать взглядом камин, на моих глазах затягивались мелкие раны и порезы. Последнее мне как врачу вообще было как пощечина. Вызов! Я шесть лет учился в мединституте, у меня пятнадцатилетняя практика, я доктор наук, и я совершенно не понимал, каким образом в считанные минуты может затянуться резаная рана, на глазах стягиваясь и не оставляя следа.

В общем, и хочется, и колется. Собственно, становясь перед выбором посвящения, все мои предки и отказывались. А еще стоит принять во внимание указ короля Фердисса, а также общественное положение наделенного ремеслом мага.

Это был целый том, в котором в общих чертах государство пыталось себя обезопасить от такого непонятного явления, как магия, впрочем, не брезгуя использовать ее на полную катушку.

В частности, каждый, кто прошел посвящение, обязывался закончить государственную академию короны, далее ему предписывалась служба аж на двадцать лет, исходя из нужд королевства, и по истечении срока он обязан был остаток своей жизни провести в одном из замков или крепостей как дополнительная воинская единица. Контроль полный до самой смерти. Вот, собственно, вся история жизни сэра Дако, отработал положенные годы и прикомандирован к Лисьему Хвосту, безвыездно, по его словам, уже более ста лет назад. Причем это сейчас замок — центр баронства, а в те времена это была глушь, и здесь бегали варвары-пикты, постоянно совершающие набеги.

Были и преференции, были отдельные параграфы, учитывающие привилегии дворянства, к примеру, если Дако назначали в замок по принципу «куда на карте пальцем попадут», я имел право быть приписанным к своим землям, а двадцать лет службы я вполне мог компенсировать в денежном эквиваленте. Правда, очень солидном, расчетную сумму устанавливал лично

король, причем попросить он мог как один медный грошик, так и целую гору золотую.

Мысли и сомнения не давали мне сказать Дако то, что он хочет услышать, все это не давало мне сделать то, что я действительно хочу, а именно — познать эту странную и загадочную науку.

Рискнуть? Не знаю, все это так заманчиво, но между тем и опасно.

А еще у меня по-прежнему были неприятности с господином Турпом. Мой дядя практически полностью перевел меня на осадное положение. Я не мог покинуть замок без разъезда в минимум двадцать стражей, так как у Лисьего Хвоста постоянно кружили его солдаты. Нападений на замок не было, но вот гадости он мне делал постоянно, причем не всегда безобидные. Так, к примеру, все мои курьеры передвигались группами от пяти человек, после того как отрубленную голову одного из гонцов бросили нам ночью под ворота замка. Меня пытались отравить, благо попытка провалилась из-за моей брезгливости, меня спасло то, что запах пищи мне в тот вечер не понравился. Теперь всю еду проверял Дако, ему я верил, хоть и не понимал его методов.

Сам же город, благодаря стараниям Турпа, раскололся на два лагеря, шла жесткая конфронтация, часть людей по-прежнему исправно вносила налоги в мою копилку, а другая переметнулась на сторону Турпа, игнорируя меня и моего управляющего. Пока это мне ничем не грозило, у меня была казна, долг перед графом я вполне способен выплачивать не один год, но вот приток финансов был скуден, как мне прикажете реализовывать бизнес-проекты, когда все они требуют первоначально солидных денежных вливаний?

Денег практически нет, людей тоже, с этим Турпом нужно было что-то решать и поскорее. Господин барон жил в моем замке в Касприве, мутя воду и внося смуту, как среди людей, так в бизнесе, устанавливая свои правила, прижимая тех, кто все еще шел за мной. Еще какое-то время пройдет, и, боюсь, мне придется вообще закрыть наглухо ворота замка, так как вокруг останутся одни мои враги.

Решение в мою голову пришло, как всегда, сумбурное и глупое, кто-то другой на моем месте, наверное, тысячу раз бы подумал, найдя миллион решений получше. Я с нарядом стражи выехал в Касприв для встречи с одним из мастеров, державших в городе кузню. Загородный пейзаж был красив, но, как всегда, при въезде в город все менялось, наводя уныние и тоску. Серые люди, грязь, вонь и нищета, забитый и запуганный власть имущими народ. Им бы подняться в одном порыве революционного

движения, так они бы раскатали здесь все, причем меня в первую очередь.

Так, проезжая по улицам, я стал насвистывать «Марсельезу», уходя в себя и пытаясь проанализировать то немногое, что еще помнил из истории. Возможно, там есть ответ? Франция, Германия, Россия — страны с глубокой историей, в которой просто обязаны быть примеры… Неожиданно непривычный гул толпы в этом сером городе вывел меня из задумчивости.

— Что там, капитан? — Я приподнялся в стременах, пытаясь разглядеть, что происходит впереди.

— Сегодня рынок невольников работает, вот и шум на базарной площади, мой господин, — буднично пояснил Гарич.

Невольников? Невольников?! Господи помилуй, у них тут рабство еще есть? От ужаса и чудовищности происходящего мне стало не по себе.

— Капитан Гарич, там торгуют людьми? — Ком подкатил к горлу.

— Преступники, бездомные, должники. — Гарич спокойно пожал плечами. — Весь сброд, от бродяг до разбойников и убийц. Если их никто не купит, их казнят.

— И… — Я невольно запнулся. — Часто покупают?

— В основном лэры и сквайры, которые обрабатывают землю, могут на мануфактуру на тяжелые работы купить или в шахту.

— Всех?

Мы подъехали к площади, где я разглядел шеренгу оборванных людей, закованных в металлические ошейники с кольцами, через которые проходила длинная цепь, не дававшая людям сесть, а некоторым так вообще стоять на цыпочках приходилось из-за низкого роста.

— Ну это вряд ли. — Гарич буднично оглядел толпу. — Кто в здравом уме будет брать к себе в дом убийцу или вора?

— Да уж… — Какая-то дикая мысль заметалась в голове. — Действительно, кто? Кто, если не я?

В тот день я еле дождался окончания приема, назад несясь на своем Угольке так, что ряд стражников безнадежно потерялся где-то вдалеке. В Лисий Хвост я ворвался, подобно молнии, и, бегом перепрыгивая через две ступеньки, помчался, чуть не сшибив по пути Энтеми с ног.

— Сквайр! Бумаги в кабинет, и побольше! Еду приносить, питье приносить, горшок выносить и не беспокоить! Меня ни для кого нет! Никого не пускать, я работаю!

Остаток дня ушел просто на то, чтобы записать все, что мне подсказывала память. Ночь я практически не спал, строя схему, выкладывая ее из кубиков и крупиц воспоминаний, тщательно

просчитывая финансовую часть и последующие возможные варианты событий. Следующий день пришлось потратить на правку, так как в спешке я многое упустил, а всю ночь и третий день я потратил на чистовой вариант, исписав тонну бумаги, и наконец устало, без сил упал на кровать со счастливой улыбкой на лице.

Ел на ходу, ни на кого не обращал внимания, грозил всем, кто меня беспокоил, смертной казнью, сэр Дако потом у меня даже спрашивал, от какой церкви я хотел его отлучить, если будет мешать.

А нечего ходить в своем балахоне, ничего удивительного, что я принял его за священника! И вообще, просил же не беспокоить, я натура увлекающаяся. Мне нужно все делать быстро, иначе потом я перегорю и мысль не родится.

Проснувшись утром, я почувствовал полный «дзен» со своим внутренним миром и переполненный мочевой пузырь, а также увидел кучу народа в своей комнате. Они стояли над моей кроватью и пристально, обвиняюще сверлили меня взглядами.

Сэр Дако под ручку с Ви, сквайр Энтеми под ручку с капитаном Гаричем, мои наставники, часть прислуги — в общем, народу было — не протолкнуться.

— Очнулся, болезный? — Тон старика не предвещал мне ничего хорошего.

— Пити пи, ни да, ты кака! — тут же обвинительно выдала девочка.

— Мой господин, мы думали, вы умом тронулись! — покачал головой сквайр.

— Вы ускакали от нас, мы не могли вас догнать! — нахмурил брови Гарич.

— Нас что, всех казнят? — хором затянула прислуга.

— Так, всем спокойно! — Я примирительно поднял руки. — Нас ждут великие дела!

— Розги тебя ждут, несносный мальчишка! — Дако покраснел как рак.

— Дя! — Похоже, Ви крепко спелась со стариком. Опасный союз.

Полдня у меня ушло на примирительные и успокоительные речи, лишь после обеда, успокоив большую часть населения замка, удалось выкроить время на работу.

— Сквайр Энтеми. — Я сидел в своем кабинете, помахивая куриной ножкой, закинув ноги на стол. — Возьмите вон ту стопку свитков, нет, не эту! Вон ту большую! Да ее, там все листочки сложены по номерам, смотрите вверху цифры. Каждый шаг выполнять четко в рамках описанных указаний; сделали все, что

указано в свитке номер один, пришли, отчитались, принялись за свиток номер два. Теперь возьмите вон ту стопку, да-да, эту, поскольку капитан Гарич не умеет читать, вы с ним по ней отработайте. Зачитывайте ему по порядку указания.

Ну берегись, Турп! Я улыбнулся своим мыслям, скоро из жертвы я превращусь в хищника, сильного и опасного. Я уже стал выковывать свой меч, свое грозное оружие, под ударами которого будет переломлен не один хребет.

* * *

То, что я задумал, еще не скоро приобретет свой грозный вид и заточит свои острые клыки и когти. Пока лишь шла непонятная для окружающих суета и стройка. Да, именно стройка! Примерно в трех километрах от Лисьего Хвоста были старые заброшенные поля, некогда возделываемые для семейства фон Кофа, а ныне поросшие бурьяном и молодым подлеском. В этом месте сейчас развернули свою деятельность две строительные артели, нанятые мной для воплощения в жизнь грубых эскизов на моих листках.

Во всем виновата «Марсельеза» и красавица Франция, прячущая под ворохом своих кружевных юбок ой какую темную историю, прошитую узором причудливых интриг и многослойных воин.

Там, на площади, я смотрел в лица продаваемых, как скот, людей, просто физически воспринимая их боль, отчаяние и жажду выжить любой ценой. Разбойники, убийцы, воры, насильники, должники, попавшие в долговые ямы, просто бродяги, не имеющие ничего за душой. Все они были обречены судьбой, не имея шанса быть чем-то большим, чем они есть.

Да, половина из них сама выбрала свой путь в жизни, да, среди них действительно есть явные подонки, но кто сказал, что им нельзя дать второй шанс? Кто из вас может решать, кому жить, а кому умереть?

Viva la France! Ты подсказала мне решение! Да, не зря Францию всегда олицетворяют с женщиной — хитрость и простота, коварство и расчет достойны сравнения с прекрасной половиной человечества, берущей не силой, так умом.

Légion étrangère! Французский иностранный легион, если мне не изменяет память, создавался еще королем Луи-Филиппом I в одна тысяча восемьсот каком-то году. В детстве, как и многие мальчишки, я мечтал быть бравым офицером и носить усы и маузер на боку. Читал литературу, изучал историю, меня в то время очень поражали эти «сорвиголовы», наемники без имен и

стран, проливающие свою кровь и кровь других ради своего нового будущего, ради нового имени и шанса начать все с нуля. Ты хочешь забыть, кто ты? Ты хочешь новое имя и прощения своих грехов? Ты хочешь достойную плату и не посмотришь на других, идя к своей цели? Ха! Тебе к нам! Вернее, ко мне, я создавал по образу и подобию первый учебный корпус своей будущей армии.

Да, мысль была бредовой, но такой завлекающей, что я решил рискнуть. В чем риск, спросите вы? Прежде всего, в финансах, вкладывался я капитально, пусть у меня и были кое-какие мысли по поводу того, как отбить вложения, но до этого далеко еще. Помимо шкурного интереса, был интерес политический. Дело в том, что, согласно королевскому указу, каждый титул в королевстве имел строго регламентируемое количество солдат в своем подчинении, сделано это было с целью обезопасить королевство, а в частности короля, от амбициозных дворян, способных собрать под своей рукой серьезную силу, чтобы перевернуть привычные устои.

Ну и последним опасением была мысль: а не станет ли этот инструмент дамокловым мечом, нависшим над моей головой? Я выращу этого монстра, сшитого из лоскутов порока. А он потом выйдет из-под контроля, убивая все на своем пути! Смогу ли я создать такие кнут и пряник, которые смогут удержать все это в узде? Не знаю. Не страшно? Страшно, но жутко интересно.

Сквайру Энтеми приходилось по десять раз на дню мотаться от стройки ко мне, в Лисий, потом в Касприв — и обратно по кругу. На его пути, как правило, всегда встречался капитан Гарич, также загруженный вопросами по самое, что называется, «не могу».

Сам же я практически все время проводил на стройке, поясняя прорабам свою задумку и схемы, составленные мной. Артели работали круглосуточно, из этого расчета я нанимал их две. На данном этапе и такими ударными темпами, когда работать приходилось даже ночью при свете факелов и костров, уже без малого за неделю были практически полностью выполнены земляные работы.

Огромный котлован с «разлинейкой» под фундаменты был ровным квадратом почти в акр земли. Часть рабочих бригад продолжала вывозить грунт на соседние поля, устраивая там волнистый полигон из прерывистых валов, на которых в будущем будут отрабатываться маневры.

Где я черпал вдохновение? В армии Советского Союза, где я был вынужден лейтенантом после института отслужить полтора года. Ох, и насмотрелся я там в свое время на такие полосы

препятствий и полигоны! Как только там не издевались над солдатами! А как эти солдаты там бились и калечились, этого никому невозможно представить, ну, кроме меня, конечно, я же в медсанчасти был. А что? Я врач, мне руки в тепле надо держать.

Хотя в те времена и нам доставалось, как вспомню строевую подготовку, так плакать хочется от счастья, что больше никогда и ни в жизнь.

Нужно торопиться, лето уже отживало свои последние теплые деньки, еще немного желто-красной осени — и ударят дожди, главное — фундамент успеть заложить. Пока вроде все в сроки, уже завтра должны потянуться вереницей подводы с камнем с баронских шахт и каменоломен.

В Касприве два цеха работают по кирпичу, с утра до вечера загружая в печи глину. Кузни отбивают молотами воинскую амуницию, кожевники, портные, фуражиры и даже кухарки в городе были загружены и щедро одарены монетой за свой труд.

Все упиралось во время, впрочем, я не спешил. Турп пока даже понятия не имел о том, чем я занимаюсь, хотя наверняка ему уже доложили со всех концов, но вот что конкретно я делаю, пока не знал никто, кроме, пожалуй, капитана. Он не лез с вопросами, но, выполняя мою просьбу по подбору солдат-ветеранов, которым в будущем предстояло стать инструкторами, не догадаться об общем направлении мысли мог только полный дурак, которым он точно не был.

Меж тем я закончил свои уроки по грамматике и правописанию, а уж в арифметике я своему учителю мог дать фору, тот был, конечно, толковым педагогом, но, как и все в этом мире, вряд ли ушел дальше дробей. Наставники продолжали вбивать свои дисциплины в маленькую девочку, сопротивлявшуюся изо всех своих огромных сил.

Гаричу не оставалось времени на занятия со мной фехтованием, но сами уроки не прекратились. Неожиданно моим спарринг-партнером стал наш новый преподаватель танцев, которого мне навязал Энтеми, ссылаясь на такое вопиющее нарушение и упущение в образовании аристократа, как танцы. Я, помню, сначала кривился и фыркал, но, рассудив здраво, вспомнил о моей маленькой подопечной, которая через десяток лет уже превратится из ребенка в девушку, и ей явно захочется посещать всевозможные балы и рауты светского общества.

— Позвольте представить вам, господин барон, леди Лесса фон Каус! — помпезно тогда представил ее Энтеми, а мне спешно пришлось подхватывать челюсть при виде очаровательной стройной брюнетки, лет этак двадцати пяти, в обтягивающем костюме для верховой езды.

Да-да, учителем танцев была женщина, урожденная баронесса фон Каус, из южного графства Крип. Немного смуглая, высокая, с рельефной, но меж тем женственной фигурой и огромными, живыми, непроглядными глазами-топазами, черными, как южная ночь.

О mamma mia! Ну да, в нее невозможно не влюбиться. Я в ее присутствии робел, краснел и заикался. Так и хотелось читать ей стихи и петь серенады всю ночь под окном, но, увы, я не в боевой форме. Пока я всего лишь восьмилетний, худощавый мальчишка, макушка которого едва доставала до ее прелестной груди, вечно всклокоченный и с чумазыми от чернил пальцами, так как писчее перо мне милее меча.

— Дорогой барон! — Она как-то отловила меня утром, когда я самостоятельно пытался отрабатывать в саду связки с мечом и глубокий выпад с переходом за спину. — Почему вы игнорируете мои занятия танцами? Юная леди Пестре — старательный и очаровательный ребенок, но как же вы? Сквайр Энтеми как-то намекнул мне, что вы никогда не обучались этому искусству!

Ах, ты ж змей бородатый, подумал тогда я, сдал меня этой фифочке! Кто бы что ни говорил, но брутальные самцы, ну-у, такие как я, не танцуют! У меня планы, дела, проекты, вот еще мечом тут помахиваю, да я ж убивец и будущий покоритель галактик, мне эти дрыганья ни к чему.

— Простите, леди Лесса! Все дела, дела… — Я попытался посмотреть хоть куда-нибудь, только не на ее грудь. Ф-у-ух, как же тяжело от нее оторваться! — Еще раз простите, некогда.

— Послушайте меня, барон! — Ах, как она прекрасна, когда злится! — Я на таких мальчишек, как вы, насмотрелась достаточно, чтобы знать о вас все!

Что?! Она знает, что я подглядывал, когда она принимала ванну? О-о-о-о, я сейчас от стыда сгорю.

— Все вы, мальчишки, думаете, что танцы — это не для вас!

Ах, вы про это, моя милая?

— Считаете себя такими взрослыми и серьезными, мол, танцульки нужны только расфуфыренным барышням на приемах, а мы все из себя такие, будем стоять с каменными мордами в углу, наше дело — мечом махать! Что, скажете, я не права? Вы только подумайте на минутку, как вы будете выглядеть на балу у короля? А танец на вашей свадьбе? Да, в конце концов, это грация! Это красота! Что вы мне ответите?

— Нет. — Какое это удовольствие — обломать такую женщину! Ух-х-х!

— Что нет? — К удивлению на ее личике добавилось непонимание.

— Я лучше это, ну того… с каменной мордой.

— Ну, барон! Ну… я не знаю! — Она раскраснелась, широко распахнув свои глаза. — Да я вас сейчас отколочу!

— Леди, предупреждаю, я вооружен! — Ах, отшлепай меня, да! Да!

А вот дальше мне пришлось худо! Вы не поверите: эта танцулька… *mille pardons!* многоуважаемый учитель танцев, подхватив один из принесенных мною тренировочных мечей, с такой яростью и с таким филигранным умением и профессиональным мастерством стала меня охаживать по спине и… ниже, что я, к своему стыду, был вынужден бежать от нее без оглядки, петляя между деревьями и перепрыгивая лавочки!

Это-то меня и спасло, ей в кружевных юбках было тяжело за мной угнаться.

— Стойте, барон! — Ага, сейчас, а как же! — Сражайтесь, как мужчина!

Я врач, мне надо руки в тепле держать! Перепрыгивая через две ступеньки, я несся по лестнице замка в свои комнаты, пугая слуг по пути, а за мной по пятам шла прекрасная Немезида с мечом в руках, валькирия во плоти!

— Ох, и задам я вам, несносный мальчишка! — Она раскраснелась, отчего только стала еще прекрасней. — Немедленно остановитесь!

Бум! Хлоп! Я практически перед ее носом захлопнул дверь, ставя на место засов и сползая на пол, тяжело дыша, как загнанная лошадь.

— Я требую открыть дверь даме! — Похоже, дама врезала ногой в дверь, отчего она довольно внушительно сотряслась.

— Никого нет дома! Попробуйте зайти попозже!

— Э-э-э-э… — Неужели? Простая детская отмазка и сработала?

— Откройте, нам нужно поговорить! — Голос умеренно ангельский, ага, как же, так я тебе и поверю!

— Что здесь происходит?! — С той стороны послышался рассерженный голос Дако. — Почему с утра пораньше по замку носитесь, как кони, не давая спать честным людям?

— Сэр! Он отказывается танцевать! — Даже не видя ее, могу представить, как она топает рассерженно ножкой. — А еще сбегает от меня, не желая сражаться на мечах!

— Я устал! — Тут же попытался сделать я хорошую мину при плохой игре. — А танцульки свои оставьте для девочек!

— Т-э-э-кс, — протянул старик, после чего гадко так рассмеялся. — Леди Лесса, эту крепость вам штурмом не взять!

— Но как же так! — В голосе слышалась неподдельная обида.

— Я вас научу, моя милая! Хе-хе! — Старик наверняка потирал руки.

— Дедушка Дако! — В моем голосе слышалась настоящая тревога. — Не надо!

— Молчите, барон! — Бух, тетя лошадь опять врезала копытом в дверь. — С вами мы поговорим отдельно!

Да уж, через пять минут из столовой они привели тяжелую артиллерию в лице Ви, этому генералу моего сердца я сдался без боя, стоило ей только поскрести легонечко пальчиком дверь. Что ж вы с нами делаете, женщины? Совсем я расклеился.

Вот так мне пришлось ежедневно выделять время на танцы, но и плюс я получил потрясающий. Леди Лесса милостиво взялась учить меня бою на мечах. Вы не поверите, но род фон Каусов не славился богатством или обширными владениями, все, что им принадлежало, это небольшой особняк за городом и старое трехэтажное здание в городе, где располагалась школа мечников, одна из лучших на юге королевства!

Девочка с юных лет просиживала в этой школе, постоянно задирая своих братьев и постигая премудрости такого, казалось бы, неженственного дела.

Легкая, плавная, совершенно не силовая техника. Там, где мы с капитаном наступали бы, упершись рогом, она грациозно ускользала, нанося ювелирный укол, там, где мы топтали ноги, она делала всего лишь шаг. Этой женщиной невозможно было не восхититься, а технике, которую преподавали в школе ее семьи, в пояс кланялся даже Гарич.

— Вот, барон! Вот о чем я вам говорил! — Гарич рукоплескал и раскланивался Лессе. — Мы солдаты! Рубаки, а здесь искусство, грани которого обрабатывались веками!

Хотел я им сказать, что такое искусство, но, к сожалению, меня бы не поняли: здесь еще не родился Хью Хефнер и не слышали о настоящем ирландском виски, да и Джордж Лукас не выдал свою фразу на века: «Лю-ю-юк, пфф-ш-ш-ш, я твой отец!»

Да, а Гарич — счастливчик! Похоже, он все же умудрился закрутить с ней роман, чем, конечно, несказанно травмировал мою ранимую душу и разбил мне сердце. Ну, да переживать мне долго не пришлось, я решился на эксперимент! Да, по-другому это не назовешь, меня все эти дни манила и звала… нет, не женщина, а магия! Что бы я ни делал, где бы я ни находился, мысли мои тем или иным путем возвращались вновь и вновь к старому Дако и его предложению. Как же меня оно пугало и завораживало одновременно. Этот новый мир полон чудес и непонятных вещей, я за короткий срок — пусть и обманом, пусть ложью! — добился в нем высокого положения, но как, как,

скажите мне, не вляпаться в очередные неприятности, когда они уже здесь, под рукой, и ждут своего часа?

Мы со стариком готовились без слов, стоило мне лишь кивнуть ему как-то вечером в каминной. Да и к чему они нужны, слова? Сразу было ясно, что не с моей натурой ученого и тягой к знаниям проходить мимо этого сокровища. Я прожил немало на этом свете, меня сложно удивить, но это… Это шло из глубины души, из моего самого сокровенного, этот шаг был сплетением моих мыслей и побуждений. Решение не мальчика, но мужа.

Дела переданы, все разжевано и расписано на месяцы вперед. Домашние предупреждены, я с замиранием сердца лежал у себя в спальне раздетый, наблюдая, как теплый и мягкий, переливающийся всеми оттенками свет струится с дрожащих рук старика, окутывая меня, путая мысли и заставляя слипаться отяжелевшие веки. Боли не было, волнения тоже, не было ничего, лишь калейдоскоп красок, сплетающихся в замысловатый узор. Я потянулся к нему, тая в его волнах и ощущая мощный поток кружащей меня силы. Сознание очистилось, неожиданно стало легко, я словно парил в облаках, и лишь после этого пришла боль…

* * *

Три дня я провел в бессознательном состоянии, выгибаясь дугой в постели от спазмов боли, скручивающих все мое тело. Все могло бы, возможно, пройти легче, будь в этом мире обезболивающие препараты, капельницы с питательными веществами и соответствующий уход обученного медперсонала, но, увы и ах, все, чего я удостоился, это вливаемое в рот вино, холодное обтирание водой и переживающие взгляды окружающих.

Возможно, это немало, но и недостаточно. Сотни людей погибали в таких муках, не пройдя посвящения, им не повезло, мой риск оправдался. Я лежал в постели, чувствуя слабость и жуткую головную боль.

Вся затылочная часть головы опухла, раздувшись и распирая кожу. Каждое движение отдавалось мукой и кратковременной потерей сознания. Дако день и ночь сидел возле постели, осунувшись и превратившись в скелет. Я требовал его ежеминутного присмотра и вливания сил с его стороны. Он постоянно оперировал своими непонятными возможностями, удерживая меня на краю жизни и смерти. Спасибо ему, удержал дурака. Как же мне было страшно, я проклинал себя за свою

самонадеянность, извергая желчь вперемешку с водой от тошноты.

Но сколько ниточке ни виться, а всегда будет конец. Конец моих мучений наступил блаженством после недели адских мук, я первый раз сел в кровати не без посторонней помощи, с трудом поглощая подносимую мне жидкую пищу. Странно, я думал, что-то должно измениться, что-то должно было стать не таким, как всегда, но, увы и ах, кроме опухоли, я, похоже, ничего не приобрел.

Еще пара дней ушла на то, чтобы я смог самостоятельно добираться до горшка. Все это время Дако отходил сам в соседней комнате, лежа на постели ни жив, ни мертв, я стал за него переживать: не надорвался ли старик? Не потерял ли я своего друга и будущего наставника?

— Ох, и староват же я для всего этого стал! — крякнул он как-то под вечер, открыв глаза и пошевелившись на своей кровати. — Ты как там, Ульрих? Живой?

— Да что со мной будет? Я еще всех вас переживу и на похоронах ваших станцую с леди Лессой в обнимку!

Мы лежали в смежных комнатах, ослабевшие, но, похоже, довольные друг другом.

— Ха! Как же, станцуешь ты с ней! Да ты даже удрать не можешь толком от бабы, мальчишка! — Старик возился в постели, пытаясь встать. — Как ты себя чувствуешь?

Он шаркающей походкой устало дошел до меня, сел рядом, прощупывая пульс и рассматривая белки глаз. Аккуратно повернул на бок, ощупал затылок, что-то пошептал себе под нос, но, похоже, остался вполне довольным увиденным результатом.

— Голова раскалывается, мутит постоянно, но вроде потихонечку начинаю оживать.

— Это хорошо. — Он вернул меня в исходное положение. — Раз есть чему болеть, значит, живой.

— Сэр Дако, скажите мне, все получилось? — Меня уже извел этот вопрос. — Я что-то ничего не ощущаю в себе!

— Сынок, в себе ты можешь ощутить только… в…

Признаться, не ожидал я от этого убеленного сединами мудреца такой скабрезности!

— А вот магия, она так просто не придет.

Сухой палец старика постучал мне по лбу, вызвав круги перед глазами.

— Здесь, здесь все, что теперь тебе нужно! — Он прокашлялся. — Чистый, ничем не замутненный разум — вот инструмент магии! Это тебе не бабочки в животе и огонь в сердце, как поют поэты, это магия, она остра и холодна, она

чистый эквивалент мысли!

— Я не понимаю…

— Ты думаешь, я понимаю? — Он рассмеялся в полный голос. — Мальчик мой! Мир настолько велик и безграничен, что нам и крохотной доли не осмыслить! Ты давай набирайся сил, отъедайся, я тоже немного приведу себя в порядок, и уж тогда… тогда я покажу тебе все, что знаю, и уж поверь мне, это немало!

Постепенно я вновь входил в распорядок привычной жизни. Пока пришлось отложить фехтование и танцы, я практически не выходил из апартаментов, но зато у меня была возможность поработать на свое благосостояния, доведя до ума некоторые бизнес-проекты, без зазрения совести скопированные мною из памяти, то есть из моего мира.

Прежде всего, так как я был ущемлен обществом женщин, ввиду своего юного возраста, я решил не ущемлять себя в хорошей выпивке. Ну да, ну да, мы, мужики, такие: либо за юбкой волочиться, либо заливаться алкоголем под завязку.

Когда-то давно, на исходе одной страны и при переходе в другую, я познал чудеснейший напиток, настоящий ирландский виски. Через третьи руки мне привезли пузатую бутылочку *Bushmills Black Bush,* отличный подарок, десятилетняя выдержка, я по-настоящему заболел, влюбившись в это чудо! Такой уж я человек, стал копать информацию, читать материалы, не могу любить однобоко — только страсть, иначе никак.

Вот и сейчас я варварски приказал опустошить под замком помещения, выкатывая прочь их кислые вина, ну не ценитель я подобного.

А уже через Энтеми приказал доставить ко мне лучшего кузнеца баронства. Дело в том, что мне нужен был перегонный куб. Причем не один, так как вещь эта по-настоящему бесценная в этом мире! Почему? Да посудите сами: спирт, уксус, различные дистилляты, выжимки, экстракты. Передо мной инструмент, способный не только потешить меня крепким напитком, но и оказать неоценимую помощь в создании лекарственных препаратов!

Вперед, прогресс! Даешь цивилизацию!

А пока семь шагов к счастью. Шаг первый — это когда очищенное зерно замачивается и выкладывается тонким слоем, ему дают время, дня два, иногда три, чтобы зерно проросло, в этот момент часть зернового крахмала превращается в сахар. Второй шаг — зерно извлекают и просушивают, давая термическую обработку в печи, совсем легкую, лишь для того, чтобы убрать влагу. Теперь же, делая третий шаг, все это размалываем с добавлением солода, помещаем в бродильные

чаны под заливку горячей водой. Все перемешиваем, выстаиваем еще пару дней, для того чтобы выпал осадок, — специально выращенных культурных бактерий у меня не было, потому просто добавил винных дрожжей, — далее начинается брожение, масса шевелится и пузырится, обдавая кислым запахом, выделяя углекислый газ и давая градус. И вот он, четвертый шаг, когда мне из города привезли медный перегонный куб, поблескивающий в лучах солнца своим красным боком. Тройная дистилляция. Первый раз прогоняем с результатом в двадцать пять-тридцать градусов крепостью, второй прогон после остывания дает уже градусов шестьдесят-семьдесят! Третий финальный, это как контрольный выстрел в голову, градусов уже не добавит, зато очистит совесть, добавляя чистоту продукту.

Теперь делаем пятый шаг и покупаем у мастера собранные вручную бочки из дуба. Да, теперь осталось только разлить все и поместить под землю в темноту и тишину с покоем. Будущую радость нельзя беспокоить, никакой суеты, подвал я приказал заложить камнем, чтоб ни у кого и мысли не было туда сунуться и побеспокоить «мою прелес-с-с-сть».

О шестом шаге, когда я смогу попробовать хотя бы глоток, можно только мечтать, нужна выдержка, должен сформироваться непередаваемый букет и вкус, напиток приобретет свой нежный золотистый цвет. Но, увы и ах, минимум должно — по традиции и технологии — пройти три года!

Ах, время! С каким же удовольствием я буду когда-нибудь в будущем делать седьмой шаг, смешивая года и вкусы, разливая их по бутылочкам! Черт возьми, мне уже жалко отдавать свое детище, даже за деньги! Впрочем, если за приличные…

Весь процесс я контролировал сам, теперь есть первая партия, следующую заложу уже весной, немного изменив вкус — всего лишь добавлю унцию коры ореха в бочки. Ну уж тут все дело в фантазии мастера. Да и худо-бедно обученный персонал у меня теперь есть.

Под второй куб мне в замке строили алхимическую лабораторию. Следующим этапом были в моем списке медикаменты. Аптекарский опыт благо у меня еще старой школы. Беда только с весами, как на глаз делать меры, я пока не представлял.

Ну и мыло! Ребята, я так соскучился по мылу и моющим средствам!

Но легко сказать, а сложно сделать. Нет, общий процесс мыловарения прост до безобразия: масло либо жир плюс щелочь и вода равняется мыло. Масло, пожалуйста, жира полно, воды вообще вон река целая течет, а вот где мне взять щелочь,

гидроксиды металлов? Неожиданной помощью в этом вопросе мне стала наука, полученная мной в деревне Дальняя, когда мы со стариком Охтой выделывали свежие шкуры золой и солью, которые нам заменяли дубильные вещества. Я еще тогда в деревне вспомнил про поташ, или углекислый калий, который иногда используют в фармацевтических препаратах, хотя в основном он применяется в производстве стекла и в красильном производстве.

Сама технология производства поташа стара как мир, я не удивлюсь, если и здесь он известен, просто не популяризован.

Все, что нам нужно, это сходить на задний двор, к зольной яме, куда высыпают золу из каминов и печей. Взять этот продукт горения, постаравшись не перемазаться, как черти, поместить в любой сосуд, имеющий на дне отверстие, слегка утрамбовать и залить все это хозяйство водой. Вода будет просачиваться через золу и вытекать из отверстия в дне в виде мутной жижи, которую собирают в отдельный сосуд. Затем мокрую золу удаляют, насыпают свежей золы, которую обливают полученной жижей из смоченной первой золы. Такую операцию повторяют до тех пор, пока одна и та же вода, пропущенная через несколько порций золы, не сделается густой и тягучей. Полученную жидкость пропускаем для очистки от твердых частиц через редкую ткань и нагреваем в глубокой железной сковороде до испарения воды. После испарения воды на дне и стенках сковороды останется серая накипь, которую собирают в другой сосуд. Собранную накипь прокаливают при сильном огне на сковороде и получают белый порошок — поташ.

Ха! Я гений! Воришка, конечно, и плагиатор, но гений. Причем чистый! Сам в золе не ковырялся, да и наконец впервые за столько дней я смог взять в руки кусок мыла с добавлением хвойного экстракта и отдраить свою шкуру до скрипа. Надо же, первый мой шаг не в будущее, а в реальное производство — такой колоссальный успех и абсолютный провал: как заставить людей покупать мыло, если они понятия не имеют, что это такое?

У меня было мыло с запахом розы, я оборвал все кусты в замке, с запахом хвои, слуги у меня лазили по елкам, два сорта на травах — и совершенно не было рынка сбыта! Что за безобразие? Как мне толкнуть товар в массы?

Ответ пришел сам, совершенно без моего участия, причем с пугающей скоростью лесного пожара. А все почему? Потому что женщина, и этим все сказано. *Cherchez la femme,* как говорят французы. Мои прачки после апробации мыла рассказали подружкам, те другим, другие третьим, и, когда я отправил в Касприв первую партию, пытаясь придумать рекламу и

разрабатывая различные маркетинговые ходы, ничего не понадобилось! Через час ко мне в кабинет вошел Энтеми с выпученными глазами, молча положил на стол увесистый мешочек с деньгами и так же молча вышел.

Его на базарной площади чуть не разорвала толпа дам, требующих еще, еще и еще! Успех был сладок и приятно тяготил мой кошелек. Да уж, кто бы мог подумать, что даже здесь, пребывая чуть ли не в первобытных условиях, женщина будет тянуться к чистоте! Ах, как я их за это люблю и уважаю!

— Господин барон! — Меч баронессы на сегодняшнем спарринге был обходительным и просто ласкал меня. — Не просветите леди по поводу вашего странного вещества, которое вы продаете в городе?

Меня ждет успех! Леди Лесса наверняка уже собрала все слухи и просто не знает, как подступиться ко мне с просьбой.

— Это какое же? — Я попытался достать ее, проведя серию нижних ударов с заходом за спину.

— Ах, оставьте, барон! — Вся серия отражена, а при попытке зайти за спину получаю шлепок по заднице. — Ваше моющее средство! Вы не могли бы мне продемонстрировать его?

Ох, моя дорогая, я бы каждый день тебе тер спинку и пяточки, но ты же меня прирежешь! После месяца перерыва мы вновь возобновили наши занятия.

— О, вы уже наслышаны? — Пытаюсь закрутить ее, осыпая ударами.

— Весьма! — Она делает шаг и на излете закручивает мой меч вместе с рукой, гася мой забег, окончившийся падением на колени. — Говорят, вы прекрасный алхимик!

— Балбес он и шалопай! — Во дворе появился сэр Дако, вставший необычно рано сегодня. — Что случилось с моими розами в саду, негодник?!

— Да-да, я тоже заметила, что пропали все бутоны с кустов! — Лесса подозрительно посмотрела на меня. — Барон, так это ваших рук дело?

Ее меч стал вновь колючим и кусачим, удары полетели со всех сторон, я не успевал отражать даже половины.

— Как вы могли замахнуться на прекрасное?! — Она пылала взглядом, сокрушительно тесня меня и продавливая оборону. — Сначала танцы, потом цветы, что дальше?

— Прикажу выгнать на улицу одного зловредного старикашку! — себе под нос пробурчал я, покрываясь потом от бешеного града, обрушенного на меня баронессой.

— Вы сухарь, барон! — Атака прекратилась, учебный меч воткнулся в землю. Спина прямая, взгляд пылает, ах, красавица!

Развернувшись, уходит, вздернув подбородок, напоследок вскинув бровь.

— А ты ей нравишься, мой мальчик! — Дед толкнул меня локтем в бок, хитро подмигнув. — Для нее розы оборвал все, засранец?

— Ага, — глядя вслед удаляющейся Лессе, кивнул я старику, поворачиваясь уже к нему. — Оставьте трех мужчин вместе после обеда, и вы можете быть уверены, что разговор зайдет о женщинах и что заведет его тот из них, кто постарше. — Сэр Дако, вы сегодня что-то рано встали.

— Пора, мой мальчик! — Он рассмеялся, потирая руки. — Пора мне взяться за тебя!

Так мы наконец приступили к нашим с ним занятиям. Или, вернее сказать, к мучениям. Что за мир такой? Все учителя на меня кричат и норовят стукнуть. А я еще не познакомился с новым учителем географии!

Первые уроки по магии начались с медитативной практики. Сели, вздохнули, замерли. Нос чешется, но нельзя! Собьешь настрой. Это, конечно, шутки, но на самом деле пришлось учиться покою и сосредоточению. Сэр Дако каждую минуту учил меня ровному дыханию и максимальной концентрации сознания на себе. Замыкаешься на своем ритме сердца, мерном взмахе легких, чувствуешь, как пульсирует кровь по венам.

Ты не должен искать магию, она сама найдет тебя, когда будешь готов. Все, что требовалось из инвентаря, это маленькая медная монетка, лежащая на ладонях. Замер, вздохнул, успокоился и мыслью потянулся к этому кругляшу, запомнил, ощутил его вес, ощутил, как нервные окончания по позвоночнику проводят импульс энергии, немножко поправил поток, формируя мысленно руку, поддел монетку, поднимая ее, и… ничего.

Ничего через день, ничего через два, тот же результат на третий, а на четвертый ты уже скрипишь зубами от злости, ни о каком сосредоточении и речи быть не может.

— Не злись. — Дако сидел рядом, в моей комнате, вальяжно раскинувшись в кресле и читая книгу.

— Не злюсь. — Я сидел на полу, скрестив ноги и ненавидя всей душой лежащую мертвым грузом на руках монету.

— А мне кажется, злишься. — Он даже не смотрел в мою сторону.

— А мне кажется, что ты мне подсунул неправильную монету! Давай другую!

— Сначала эту, потом другую. — Он не спеша перевернул страничку. — И не злись.

— Да не злюсь я! — В сердцах с размаху я запулил медяк в

стену. — Методика не работает! Давай еще что-то попробуем!

— Я сейчас принесу хворостину, и ты у меня попробуешь что-то другое! — все так же не отрываясь от чтива, пригрозил он. — Ну-ка быстро пошел, поднял, сел на место и все по новой!

Фу-ух! Что-то меня аж обида взяла: столько пережить, рискнуть жизнью, чтобы получить от судьбы дулю под нос, как-то это несправедливо! Поднявшись с пола, пару раз присел, разминая затекшие ноги. Ну что, что я делаю не так? Старик мог два десятка монет крутить над головой, а мне даже этот медный грошик казался мертвым неподъемным грузом.

— Тебе нужно расслабиться, Ульрих, ты напряжен и зол. Отвлекись, попробуй, не думая, сделать, не буравь ее, как врага заклятого, взглядом! — Старик встал с кресла, беря меня за руку и вновь усаживая на пол, а затем, покряхтывая, с трудом уселся рядом. — Вот смотри, мы сели, в руках монетка, ты ее поднимаешь. Не надо при этом так таращить глаза! Успокойся, вдохни, подумай о чем-то прекрасном! Ты о чем это, негодник, думаешь? Чего улыбаешься и уши красные?

— Барон, вы чудо! — Дверь в комнату распахнулась настежь, пропуская леди Лессу с восторженно горящим взором. — Вы так милы! Спасибо вам и простите мне мою черствость и недальновидность! Я поняла, где розы! Ах, спасибо вам!

Она пролетела комнату, словно птица, не касаясь своими ножками грешной земли, вся воздушная в развевающихся кружевных юбках, такая возвышенная и милая!

А всего-то вопрос был в подарке! Розы из сада пошли на экстракт для мыла, немного красителя для розового цвета и восемь серебряных монет ювелиру, который из мыла вырезал бутоны, сложив их в корзину наподобие букета цветов.

— Спасибо вам, вы так милы! — Она наклонилась, открыв свое декольте и разорвав этим мое сердце, смущенно ткнулась губами в мою щеку. — Спасибо еще раз!

«Куда! Стой! — кричала моя душа вслед этому ангелу, уже выпорхнувшему из комнаты. — Возьми меня с собой!»

— Ульрих, едрить тебя налево! У тебя получилось! — Старик восторженно махал перед моим лицом руками. — Слышишь, монетка поднялась! Ты смог!

Какая, к чертям, монетка?! У меня все поднялось, и ого-го как поднялось! И-и эх! А все-таки, я хоть и маленький еще, но мужичок!

* * *

Осень золотая, мягкая и с красным глянцем. Воздух свеж, небо затянуто облаками, утром трава укрыта легким маревом белого инея. Лето, прочь! Время не остановить. Да, прошли весна и лето, как я в этом новом мире. Жизнь закрутила, преподнося сюрпризы, мог ли я подумать когда-нибудь, что где-то существует такая возможность — начать жизнь вновь, в новом месте, с другими людьми, совершенно с другими возможностями? Нет. Так не бывает.

Но так есть, по крайней мере теперь и здесь, в этом не самом, похоже, ласковом из миров, но уже ставшем таким родным для меня. Здесь я не я, здесь нет одиноко идущего к старости человека, жующего книги, тем и спасающегося и оправдывающего свое существование. Здесь есть Ульрих фон Рингмар, барон, странный мальчик, держащий в своих руках людские судьбы.

Это я. Теперь это я. Другого не надо.

А скоро пойдет снег.

Лисий Хвост было не узнать. Когда-то пустынный замок с парой слуг и старым никому не нужным магом, доживающим свои дни, преобразился за месяцы, расцветая жизнью, суетой, людьми и их живым смехом. Исчезла паутина и пыль в углах, когда-то пустые комнаты теперь были полны гостей.

Замок преображался, а вместе с ним и я. Я перекраивал этот мир под себя, внося в него понемногу комфорт и уют, обживаясь на свой лад, на свой манер, дико и бесновато вбрасывая новые идеи и новые знания, впрочем, не забывая познавать его, так как сам не раз убеждался: знание — это сила.

У меня в замке работала мыловарня, побочным, а вернее первичным продуктом которой была щелочь, которая неожиданно нашла покупателя в лице кожевников, использующих ее как дубильное вещество. Они с радостью восприняли ее как подарок богов, облегчающий их труд в разы.

Моя алхимическая лаборатория давала пока немного. Ароматические экстракты, идущие добавками в мыло и использующиеся как простенький парфюм, а также простейшие лекарственные настойки, которые я смог вспомнить, а главное, воплотить в жизнь.

В основном, жаропонижающие или от кашля, были желудочные. Товар пока штучный, но в цене. Моей же идеей фикс стали стекло и фаянс. С чем я и мучился. Хотя и не один, здесь были прекрасные мастера по гончарной керамике, использовали глазурь, и, что самое приятное, все ценные глиноземы располагались в моем баронстве, вдоль реки.

Вся проблема местных мастеров в ограниченности фантазии. Ну горшки, понятно, ну кувшины, даже цветная мозаика. Я же

внес в культуру новые формы: отделочная плитка, декоративная посуда чуть ли не с десятком наименований, от чайников и супниц до кружечек с блюдцами.

Мастера гончарного дела помогли мне и с выбором материала — речного песка для изготовления стекла. Я ошибался, когда думал, что оно здесь не известно. Из него здесь делали украшения, оно было заменителем драгоценных камней в ювелирном деле. Стекло знали, но вот опять с фантазией у людей туго. Да и масштаб не тот. Стекло использовали редко, в основном в виде глазури на керамической посуде или как побочный материал при обжиге некоторых глин.

И тут уже я помучился. Отсеивание и выбраковка речного песка по фракции и цвету, дополнительные объемы по производству поташа, так как он мне заменял соду, ну и настоящая головная боль с печью. Мне нужна была огромная печь и огромная температура, процесс спекания стекла начинается, если не ошибаюсь, от 760 градусов! В этом деле я был профан, ну, допустим, видел я кузни на мехах, видел пару раз муфельную печь в лаборатории, но вот принцип и устройство не знал, что и привело к плачевным результатам: огромные куски черной, спекшейся не то земли, не то глины, в общем, полный провал. От бессилия опускались руки. Но не в моих правилах было сдаваться так легко.

Были и победы, я танцевал, как бог, и фехтовал, как тысяча чертей, каналья! Да, наши отношения с леди Лессой налаживались, мы сдружились, отчего я стал покладистей, а она добрее и внимательней со мной. Ни о каком интиме речи не шло, просто друзья. Надеюсь, пока. Также меня несказанно радовали занятия с сэром Дако, монетка у меня исправно подымалась в воздух, трепеща, словно от ветра, на весу и заставляя градом катиться пот по спине. Это было сродни тяжелому физическому труду, хотя концентрация мне постепенно давалась все легче и легче, плюс пошла теория по магии от старика.

К уже описанным способам концентрации энергии путем фокусировки и построения мысленной руки прибавились формы сплетения энергокаркасов или узоров под различные задачи. Вот структура, которую необходимо мысленно построить при желании вызвать температуру в определенном месте. Хочешь зажечь этот камин? Пожалуйста, строим цепочку узоров, где рассчитываем узлы, отвечающие за температуру, блок ставим для управления, запитываем весь узор, даем вектор применения… Сложно? Не то слово! Геометрия, алгебра, черчение! Самые, что называется, зубодробительные предметы.

У Дако были неподъемные тома, где от руки были вычерчены

сложные плетения с пояснением по каждому. Справочная литература. Даже то, что я уже умел, при ближайшем рассмотрении и должном старании можно сравнить с задачкой по физике: простейший рычаг, только вот силу энергии механической переводим в силу энергии магической.

Я словно снова оказался в институте на первом курсе, вспоминая законы физики и высшую математику. Как все просто и запутанно одновременно. Для меня просто загадка, как эти люди, находясь на уровне Средневековья, могут производить подобные расчеты, применяя на практике законы физики. Все оказалось просто. Никаких расчетов они и не производили. Учи историю. Немного покопавшись и расспросив Дако, я сложил целостную картину. Магия пришла к людям от других рас этого мира.

Да, открытие заставило екнуть сердце, но не стало такой уж новостью для меня. Здесь факт наличия других видов разумной жизни был повсеместным, будничным и само собой разумеющимся.

Эльф Лефоль — одно из доказательств. Я видел «другого» своими глазами. Альверст, как назывался этот мир на эльфийский лад в честь одного из богов этого народа, населяло, по справочникам, шесть разумных рас, причем одна — рептилии.

Первоначально Альверст принадлежал эльфам, история которых насчитывает тысячелетия до возникновения здесь первых человеческих государств. Они созидали и разрушали, возносились ввысь и деградировали — обычная история цивилизации. На месте разрушенных городов возводили новые, но суть в другом. Если человечество в известном мне мире изначально воспринимало природу как ресурс, как придаток, обязанный только отдавать, ничего не прося взамен, то их цивилизация исходила из противоположного. Сила металлических машин заменялась тут биомеханикой, использовалась живая ткань для постройки домов, улиц, сбора энергии. Вроде бы и прогресс, но совершенно в другом ключе, в отличие от нас, использующих силу природы, как хозяин раба, а не как равноправного партнера.

Эльфы достигли поистине безграничных высот, даже мне трудно осознать их уровень по-настоящему. Почему? Очень просто, они открывали ворота в другие миры, они создавали межмировые колонии! Не один и не десяток миров был изучен ими, что вполне вписывалось в рамки того, что на Земле о них знали, пусть и в остаточном, фольклорном ключе.

И вот наконец мы подходим к магии напрямую! Физическое воздействие на мозг при посвящении, как я понял, — это нечто,

позволяющее нашему организму вырастить пульт управления природой, внутренними токами организма и рассеянной в пространстве энергией. Это не имплантат или внедрение, это трансформация, вызывающая в организме нужную настройку на одну волну с вселенной, безграничным материальным пространством, в котором все, чего ни коснись, — энергия!

Не понимаете? А меж тем ключ в физике за восьмой класс общеобразовательной школы. Броуновское движение, не помните? Так вот это беспорядочное постоянное движение микроскопических частиц, практически не видимых невооруженным глазом, вы могли это наблюдать в луче солнечного света, падающего дорожкой между неплотно прикрытых занавесок, там вроде как кружат ма-а-аленькие такие пылинки. Что именно так. Пыль, частички пыльцы растений, микроскопическая органика, ее можно увидеть, а вот что ею движет? Кто сказал: сквозняк из форточки? Садись, два! Движет всем этим подобное же движение, но уже атомов и молекул, описанное, между прочим, в том же учебнике физики. Броуновское движение взвешенных микроскопических частиц, тепловое движение молекул и атомов, возможно, диффузия, все это суть энергии! Ведь само понятие энергии — это что? Единая мера различных форм движения и взаимодействия материи!

Я могу ошибаться, но, по-моему, нечто подобное описывалось еще Аристотелем, который ввел понятие сохранения энергии в трактате «Физика». Да уж, дела… У нас в руках ключ и понимание, как управлять миром, а мы по-прежнему бьем молотком по пальцам, в то время как могли щелчком отбитых пальцев свернуть горы.

От понимания картины я как чумной ходил пару дней, набрасываясь лишь на книги, читал, осмысливал, вновь читал. Общий смысл, так сказать, теормага и его истоки были теперь понятны, оставалось тренировать приобретенный трансформатор свободной энергии, в который превратилось мое тело, и изучать общие блоки управления.

Этот узор, к примеру, повышение температуры, этот же узор с диаметрально противоположным вектором — понижение, этот узор не что иное, как банальный толчок воздушной массы перед собой, а эта маленькая вариация рядом — блок контроля над объемом передвигаемой массы. Все просто и сложно, легко понять векторные узоры, но, как любой любитель детективного жанра, я всегда заглядываю на последние страницы книги, не прочитав середины. Асимптоты, там дальше был просто ужас!

— Ульрих, очнись!

— А? Что?

Меня грубо стали трясти за плечи.

— Да что это такое? Что вы меня трясете?

— Ты уже третий день ничего не ешь и ни с кем не разговариваешь! — Опять повторилась ситуация с взволнованными обитателями замка, меня тряс Дако, поймав в коридоре перед спальней. — Я заберу у тебя все книги, если еще раз так сделаешь!

— Не надо! — Сердце екнуло от страха потерять этот животворящий родник знаний. — Я больше не буду!

— Врет! — с обидой в голосе вклинилась Лесса. — Он и в те разы говорил, а потом все по новой!

В общем, мне и самому пришлось поумерить свой пыл, зная свою увлекающуюся натуру. Благо, как мне известно, лучший отдых — это смена деятельности. Ну или две массажистки-азиаточки…

Весь нераскрытый потенциал (полтора метра ростом гений!) я направил на свои проекты и на нового преподавателя, доставленного наконец в замок сквайром Энтеми.

У таких преподавателей я готов учиться до скончания дней. Кто сказал: опять женщина? Садись… пять.

Черное и белое, топаз и янтарь, огонь и… не лед, нет. О графине нельзя сказать — лед, но нельзя и сравнить ее с огнем стихийного пожара, которым, без сомнения, можно охарактеризовать леди Лессу. Она, скорей, очаг, тихий, теплый, домашний и такой родной. Родная моя графиня Шель де Красс! Прекрасный педагог. Невысокого роста, такая розовенькая и белая, с колоссальным бюстом и вечным легким румянцем на щечках. Она была полным антиподом Лессы, взрывной южанки, о чей темперамент можно было получить ожог четвертой степени и пощечину о всех пяти пальцах сразу.

Эта пышечка была немного рассеянной, улыбчивой и скромной, говорила мягко и тихо, но зато с пылом мне преподавала свою науку. Ее уроки были сродни рецептам разных блюд. Немного соли, немного перца, щепотка того, щепотка другого — и что? Вот вам экономика соседнего государства, политическая структура, традиции вам подавать подогретыми или предпочитаете на закуску холодное? Вообще люблю таких людей, она богаче десяти таких баронов, как я, а готова ездить по миру, берясь втолковывать науку таким юным бездарям. Откуда такой альтруизм и вера в человечество берутся? Вокруг столько боли, слез, какой-то грязи, лжи — и вот вам чудо! Маленькое такое, улыбчивое чудо с большим сердцем и довольно глубоким и многогранным разумом незаурядного человека.

Вместе с Шель де Красс я закрывал белые пятна на картах

этого мира и в его истории. Как я уже говорил, первоначально Альверст принадлежал расе эльфов. После них (а возможно, из-за них?) пришли остальные расы, такие как люди, или эвиамы по-эльфийски, урохи, или орксы на все тот же эльфийский лад, тробаласы, или тролли на человеческом языке, а также гномы (самоназвание народа) и мифические драконы. Почему мифические? Здесь их видят не чаще, чем на земле, хотя документально подтверждены факты, когда происходил контакт и общение с их представителями.

Вот такой вот гремучий коктейль из сплетения невозможного. И, пожалуй, продолжу знакомство все с тех же эльфов. Дело в том, что при наличии высоких технологий, неподвластных даже моему светлому гению, народ этот на удивление малочисленный. На данный момент часть мира насчитывала только два крупных города, причем неожиданно разделенных между собой враждой. Казалось бы, ума палата, а глянешь со стороны — ну точно как дети. Воистину во многой мудрости многие печали. Не знаю, как такое получилось, но некогда единый народ разделился на два, или, если совсем вдаваться в нюансы, произошло отделение части от общего.

Основная часть именовала себя льесальфами, в переводе «дети солнца», отщепенцы же получили название дьесальфов, в переводе «дети луны». Ну и, как следствие, непрекращающийся многие века конфликт, приведший к постепенному угасанию обеих ветвей некогда великого народа.

Сразу вспоминается старинный анекдот про евреев и палестинцев, которые суть две половинки одной попы, но как ни сжимай эти половинки — не срастутся.

Общие характерные черты для двух эльфийских народов — это, естественно, знаменитая вытянутая ушная раковина, далее структура глазного яблока, в отличие от человеческого глаза, очень увеличена радужка, практически не видно белка. В одном из выданных мне Шель трактатов был эскизом от руки выполнен рисунок скелета данного представителя с описанием. Эльфы, в отличие от людей, имели изначально 28 зубов, десять пар ребер, в отличие от человека с его двенадцатью, и, если художник книги не врет, плюс один позвонок в шейном и поясничном отделах общего ствола позвоночника.

Эх, мне бы вскрытие провести! Ну науки ради, не из праздного любопытства…

Теперь же об орксах. Сначала, взглянув на картинку в книге, я принял их за яванского человека или питекантропа, но, вчитавшись в описание, вынужден был признать, что это не так. При общей схожести, такой как: низкая лобная кость,

выступающие надглазничные валики, скошенная челюсть — были и кардинальные отличия. При наличии увеличенного волосяного покрова цвет кожи орков, как их называют люди, варьирует от насыщенно темно-зеленого цвета до легкого оттенка зелени.

Данная раса вполне разумна, на данном этапе человечество в развитии практически на одном с ними уровне, ну разве что как таковых городов и государственности у них нет. Все сводилось к семье и клану, для них характерна общая разрозненность на определенном занимаемом ими участке территории.

Открыв страницу с описанием троллей, долго вообще не мог понять, что же это такое и как это работает. Во-первых, рост этих существ превышает отметку в три метра, во-вторых, во всей справочной литературе о них говорят как о живом камне. Указывается высокий интеллект при полной асоциальности. Нет государства, нет кланов или семей, нет простейших пар для создания потомства, жесткий индивидуализм и спартанские условия жизни. Нет данных о языке либо же культуре, просто написано: есть и такое, а что это, никто не знает. Ну ходят у нас по миру каменные великаны, ну и что тут такого? Нам-то что с того? Вроде спокойные, не хулиганят, здороваются всегда. Я оторопел от подобного отношения.

— Графиня, меня интересует, почему так мало данных о троллях? Их что, мало? Редкая раса?

— Нет, Ульрих, они вполне распространены. — Графиня готовила очередной урок, раскладывая принесенные карты и кипу свитков с описанием. — Просто они другие, вроде бы голова, руки, ноги, но как начинаешь общаться, то понимаешь… чего-то дико не понимаешь. У них очень сложное восприятие мира, труднопонимаемые жизненные принципы и позиции. Да и сами по себе они не особо разговорчивы. Камни они и есть камни, ну, правда, эти еще ходить умеют.

— А может, они не камни? — Мне как-то с трудом верилось в подобное.

— Как это: камни не камни? — Она наморщила лоб.

— Ну, может, мы думаем, что камни, а они не камни.

— Мы думаем про камни, что они камни, а они не камни? — Она ошарашенно на меня посмотрела. И тут же добавила, увидев, что я опять хочу спросить: — Я тебя умоляю, только не про камни не камни, я уже сама не понимаю, что камни! Тьфу! Говорю!

— Ну тогда давайте сегодня о гномах?

— Да! Точно, давай сегодня про гномов, к тому же они все знают про камни, и эти тролли — их первейшие компаньоны.

Гномы действительно много знали о камне, так как самопровозгласили себя детьми гор и подгорным народом.

Сделали они это вполне обоснованно, из-за того что государство их располагалось в большом кряже Эринийских гор и города они свои строили в пещерах под землей. Все как в наших легендах, небольшой рост, кузнецы, ремесленники, ювелиры, развитые технологии по обработке металлов, прекрасные познания в механике. Тут опять аналогии с земным фольклором заставили меня подумать о связи нашей Земли с этим миром. По сути, и орки, и эльфы, и тролли, и гномы — все это словно возникло из сказок народов нашей планеты. Даже термин «магия»… Все это заставляло смотреть на информацию со скептицизмом. Правда, сохранять его становилось все сложней и сложней день ото дня.

* * *

При всем моем желании обустроиться с комфортом, максимально взяв от жизни все, приходится признать, что не все так гладко. Часть проектов лежала мертвым грузом, из-за того что я не знал, как к ним подступиться. Часть заглохла, потому что я знал, как начать, но столкнулся в процессе реализации с непредвиденными трудностями. Бесила моя несостоятельность в производстве стекла, все дело, как я говорил, уперлось в банальную плавильную печь. Очень много упускалось мной в медицине из-за отсутствия весов и возможности получить ряд химических реагентов, бормотуха на травах никогда не заменит вам синтезированные медикаменты. Вы можете облегчить боль, вы можете снять ряд симптомов и даже излечиться на начальных стадиях заболевания, но поверьте мне как врачу, даже съев тонну всевозможной лечебной травы, вы и на половину не повторите эффекта лекарственных препаратов.

Ко всему прочему, погода окончательно испортилась, вернее, настала мерзкая пора осени, когда дождь стеной, ветер злой и холодный, все кругом размокло, превратившись в грязь и слякоть. Встала стройка в учебном центре легионеров, правда, фундамент заложить успели.

Проклятый Турп по-прежнему не прекращал попыток меня убить. Дважды, когда я выезжал из замка, на меня совершались покушения, постоянно в округе дежурили отряды его солдат. В замок под прикрытием то слуг, то торговцев проникали его люди, которых пока успешно блокировали и заворачивали солдаты Гарича. Меня опять попытались отравить, камнем на мне висели финансовые отчеты, в которые приходилось зарываться с головой. Постоянные интриги Турпа мелкими укусами отщипывали от меня то в том, то в другом месте денежные потоки. Кто-то из вассалов возвращался под мое крыло, кто-то, наоборот, уходил. Мне пришлось влезть в несколько кредитов, выданных мне ростовщиками с варварскими процентами. А еще Турп подложил мне свинью, передав своим указом часть баронских привилегий, а в частности — судебное производство. Дело в том, что барон фактически и глава государства, и его судебная система. Нет, явные преступления карали по старинке на месте, а вот украл один сосед у другого козу, к кому идти с жалобой? Подрались мужики, и победитель вместе с выбитыми зубами отнял еще и медальон, семейную реликвию. Ночью разгромили пьяные подростки лавку старика гончара. Изнасилования и шантаж, в

общем, все пороки кроме убийства и доказанного воровства свалились на меня в виде заламывающей руки слезливой толпы просителей. Пришлось нырять в эту грязь, погружаясь по самые уши. Голова шла кругом. Я постоянно не высыпался, ходил усталым, у меня были темные круги под глазами, глядя в отражение, я сам себя называл енотом.

Требовалось что-то кардинально менять: либо я изменю систему, либо система разорвет меня на куски. А что делать? Где выход? Не могу же я послать всех этих людей к чертовой матери? В принципе, могу… Старый барон, как и Турп, так и поступил. Но вот есть во мне такая штука, совесть называется, та еще дрянь, и грызет, и скрипит, и ворочается, постоянно спать будет мешать. Пришлось опять тряхнуть мошной, вывалив деньги из казны на постройку в Касприве трех судебных контор. А также потратиться на создание первого законодательного акта и целую неделю бессонных ночей убить, собственноручно написав свод судебных постановлений, обозначив их сводом законов баронства Рингмар. Где тут траты? Да везде, печатных станков нет, все это потом отдавалось писцам для копирования и переплета. Сами суды. Первый — мировой, в который я актом определил трех судей. Откуда их взял? Во-о-о-от! Начинаете понимать! В мировом должен был находиться глава города, его город — ему и решать, к нему я приставил двух самых именитых земельных сквайров из пригорода, потому что если и пойдет народ, то из их земель. В мировом суде решались споры и конфликты. Все расписки — кто кому должен, все займы и претензии на соседей — кто прошелся без разрешения по чьей земле, чья коза перепрыгнула чей забор и так далее, и тому подобное. Чтобы заинтересовать этих трех будущих судей, им нужно было положить денежное довольствие, а также снабдить минимум четырьмя стражниками для успокоения буйных и пятью писарями и двумя делопроизводителями. Два писаря на архив, картотеку и отчетность. Два — оформление судебных решений и выдача разрешительных либо запрещающих листов, один писарь как секретарь суда, все записывает, как слушалось дело, кто что сказал. Делопроизводители у меня занимались составлением исков и ответных петиций со стороны ответчиков. Народ-то безграмотный, а их крики и слезы только затянут процесс.

Второй суд — уголовный, здесь судьями поставил главу городской стражи и двух глав, ответственных за сборы и охрану в пригороде. Тоже довольствие плюс охрана, плюс канцелярия. Ну и третий суд я назвал Верховным, куда включил себя, главу купеческой гильдии и гильдии ремесленников, здесь мы уже решали вопросы экономические, торговые, справедливость

ценообразования и взимаемых налогов.

Для всех трех мне пришлось издавать и переписывать законы, которые бы как регламентировали действия самих судей, так и решали автоматом некоторые наиболее простые дела. Что я понимал под законами? Да простейшие принципы, известные еще с начала времен. Не убий. Не укради. Это мое, это твое, это прелюбодеяние, а это грех и стыд. Я не имел юридического образования, и мои законы больше походили на законы Хаммурапи, чем на действительно прогрессивную судебную систему, но с чего-то ведь нужно было начинать? И почему бы не начать хотя бы с малого, когда изначально вообще ничего нет?

Обыграв эти три варианта, тут же с размаху чуть не расшиб лоб об исполнение наказаний. Старая система была проста: поймали нарушителя, отправили на невольничий рынок, если купили — повезло, а нет, то и голова с плеч. Во всем баронстве, да что там баронстве, во всем королевстве не было ни одной тюрьмы. Нет, каждый уважающий себя аристократ, конечно, считал делом чести в своем родовом гнездышке оборудовать пару камер и пыточную, но это же для особых гостей! Не всякую же шушеру туда водить, это для врагов семьи и личных амбиций, а остальным рубите головы с плеч, баб вон полно на свете, если что, еще нарожают.

Пришлось организовывать систему наказаний. Бродяг, нищих, всех неприкаянных, а также должников и всяких хулиганов я с легкой руки определил на трудовые работы. С моей стороны пришлось только выделить дома под жилье, город же я обязал выделять часть налога, поступающего ко мне, на их кормежку и одежду. Зачем город подтянул? А очень просто: вся эта толпа пошла у меня чистить и выгребать мусор из города! Ну в самом деле, Касприв — зловонная клоака! Теперь же был шанс очистить его хоть немного да привести в божеский вид. Я разбил эту группу заключенных на три звена. Первое звено чистило улицы и вывозило мусор на свалку, им же вменялось в обязанность чистить выгребные ямы, второе звено будет отвечать за вывоз снега зимой и ежедневное подметание улиц, ну и третьих я поставил на сортировку мусора, так как по природе своей я плюшкин и видел в этом источник обогащения. «Что можно взять с г…?» — спросите вы. Отвечу: очень много! Вокруг города полно возделываемых полей, вот туда пусть эту зловонную жижу и вывозят, после того как она перебродит в отстойных ямах. Прекрасное удобрение, совершенно бесплатно. Строительный мусор я использовал еще проще: весь битый кирпич, камни, глиняные горшки приказал дробить в крошку, посыпая ею грунтовые дороги. Конечно, не асфальт, но за неимением вообще

твердых покрытий на дорогах и этому будем рады. С древесными отходами вообще проблем никаких, пошла сразу прибыль: связки древесины сразу же продавались в городе, идя на отопление домашних очагов. Раньше народ заказывал на зиму дрова из пригорода, а теперь имел небольшой, но вполне постоянный ресурс в городской черте.

С уголовниками пришлось ломать голову. Дело в том, что при всей своей любви к человечеству я совершенно не понимал, как можно простить ряд преступлений. Хладнокровные убийцы, люди с садистскими наклонностями, просто бессмысленно творящие непотребства, от которых волосы на голове седеют, — как можно простить подобное? Как можно вообще понять, чем эти не пойми кто руководствуются, мучая и истязая своих жертв? Нет, понять, а тем более простить, я не мог, может, кто-то и принял бы более разумное решение, но я его не нашел. Смертная казнь оставалась.

Была еще одна группа преступников. В основном ревнивцы, натворившие делов, люди, пошедшие по пути мести, разбойники, вышедшие на большую дорогу от голода, в общем, люди, дошедшие до этого состояния не совсем по своей воле или, вернее сказать, из-за своего безволия.

Работу таким выбирать долго не пришлось, в баронстве есть каменоломни и пара медных и железных рудных шахт.

И, наконец, самое сладкое — люди с достатком: проворовавшиеся или сверх меры жадные купцы и аристократы, влезшие в долги из-за своего желания пустить пыль в глаза. Сквайры-земельщики, лэры и прочие, попавшие в оборот Верховного суда, пытавшиеся уйти от налогов, продать не свое, занимающиеся денежными аферами. Ах, с каким удовольствием я пощипал их штрафами и конфискацией имущества! Барон Турп, если б узнал хотя б о половине сумм, ушедших ко мне, удавился бы в своем замке, проклиная себя за недальновидность и за упущенный шанс заработать такие деньжищи!

Помучиться пришлось порядочно, я не давал отдыха ни себе, ни горожанам, ни судьям, ни всем задействованным в процессе людям. Свои деньги и свое драгоценное время я собирался отвоевать, отладив систему, чтобы она работала без моего постоянного участия. Этот механизм было сложно провернуть, но вот когда колесо системы сделало первые пару оборотов, я наконец смог вздохнуть спокойно, с удивлением отметив, что от осени с ее дождями не осталось и следа, а земля вся укрыта белым и пушистым ковром снега.

Когда успела прийти зима, я не знал, вернее не помнил, похоже, я опять выпал из реальности, войдя в режим выполнения

поставленной задачи, эх, опять, наверное, в замке будут ругать…

В замке со мной просто не разговаривали, видимо, решив коллективно объявить мне бойкот. Правда, моя маленькая Ви все равно тайком прибежала ко мне в комнату — да, теперь у этой принцессы свои апартаменты — и сидела полвечера у меня на коленках, что-то щебеча вперемешку с «обнимашками». Отправив ее спать, немного попрактиковался в магии, составив и запитав два простеньких узора, один на создание маленького огонька для розжига костра или камина, второй подвешивал над головой светящийся шарик света, служивший фонариком. Покидал монетки, попробовал поднять, пока безуспешно, что-то потяжелей, полистал книгу с новыми узорами, заострил внимание на одном из боевых, в котором применялся уже известный, но еще не опробованный узор движения воздуха, а проще говоря, создание порыва ветра.

Боевое плетение, как тут называли заклинание, имело название «Кулаки мастера Эббузо», по имени составившего его мага из прошлого. Оно было трехслойным, то есть с тремя контурами управления, отвечающими за составляющие действия. Первый, как я уже говорил, был мне известен, его я быстро сплел, составив энергоструктуру и установив контролер на минимальную мощность, второй круг, по описанию отвечающий за фокус и координацию воздушного выброса по траектории, мне также не составило труда прилепить сверху на первый, увенчав все это непонятной структурой, отвечающей за механизм спуска и энергоподкачку заклинания.

Да! Да! Да! Мне сто раз сэр Дако говорил не экспериментировать с боевыми заклинаниями и тем более в замке, и я даже с ним согласен, и я его даже послушал! Получилось же все из-за первого узора, в котором я был уверен на все сто процентов! Подкачал в нем блок заряда, установленный мной на минимум. Кто ж знал, что в трехслойном узоре он отвечает не как в однослойном — за мощность импульса вообще, — а только за дальность действия? Здесь-то как раз за мощность отвечал насос из третьего комплектующего! Ну и… не дочитал я полностью описание заклинания. Книга дурацкая, написана неправильно, кто ж так пишет? Написали в общих чертах, что произойдет, что куда лепить, а уж потом нудный и длинный параграф про то, что же и как работает на самом деле с выкладками по результатам. Надо было в начало нудистику ставить, тогда бы я ее сразу прочитал. Возможно…

Ну что греха таить, вообще мне понравилось, звук такой «вууу-зззз», как будто самолет пронесся низко над тобой… И врезался в стену. Тад-дах! Клубы пыли, каменное крошево, пыль

столбом, словно граната разорвалась, меня крутануло в воздухе, отбросив через весь кабинет черт-те куда в угол, стена перекрытия в коридор обрушилась… Да уж, мощно я приложил!

Шум, гам, народ, уже укладывающийся спать, в пижамах и босиком высыпал в коридоры, все спрашивали друг у друга, что же произошло, отчего стены трясутся. И лишь молчаливый и серьезный сэр Дако вышел из своей комнаты, взяв верный курс по направлению к образовавшемуся завалу, постоял там минуту, перешагнул кучу битого камня, порылся в хламе, извлекая за ухо стонущего виновника вечерней сумятицы!

Как же он был зол! Как он ругался и грозил карами! Больно дергал меня за ухо и в конце концов велел поставить в угол носом, забрав все свои книги с заклинаниями.

Это ж какое унижение — меня, взрослого человека, прогрессора и просветителя, барона и великого экспериментатора, поставил в угол какой-то дед, велев так стоять всю ночь до рассвета, и ведь не откажешь, книги-то у него! Как же я теперь без них?

Эх, тяжела ноша моя, замок давно уснул, коридоры совсем обезлюдели, а я стою в каминной в углу, изучаю трещинки на стенах, переминаясь с одной затекшей ноги на другую. Темно, камин и свечи потухли, прогорев. Я решил для верности еще немного выждать, а потом тихонько устроиться в кресле, немного схитрить и поспать, пока никто не видит, а с первыми лучами солнца опять встать в угол, вроде бы там я и был все время.

В голове различные мысли вальяжно, с ленцой переваливаются ленивыми волнами, прокручиваю события последних дней, опять пытаюсь разобраться в плетении «Кулаков Эббузо», ну да, ну да, все верно, как же я раньше-то не заметил, что при слиянии узоров управление мощностью идет на насос подпитки? Занятное это дело — распутывать и вновь составлять узоры заклинаний, словно кубик Рубика собираешь. Вроде и дело и в то же время занятная жвачка для ума.

Отвлек меня неожиданно скрип двери — двери соседнего зала, которая вела наружу, из замка. Тихий такой скрип, словно дверь приоткрыли, слегка заглядывая в щелочку. По ногам повеяло холодом с улицы, странно, кто это там в такое время позднее может быть? Стоп! Дверь должна быть закрыта до утра! Капитан Гарич ясно дал понять всем жителям замка, что ночью в целях безопасности и для облегчения несения дежурства никому нельзя покидать замок и открывать входную дверь! Сердце кольнуло тревогой. Неужели Турп уже в дом подсылает убийц?

На носочках тихо подкрался к двери, выглянул в соседний зал, прихватив попутно увесистый канделябр и формируя

подспудно подарок от мастера Эббузо.

Темный зал прочертила дорожка света от двери, едва приоткрытой, от нее шел клубами пар из-за разности температур на улице и внутри. Тишина просто звенела напряжением, я замер взведенной пружиной, готовый сорваться в любой момент, враг не пройдет, граница на замке.

Там явно кто-то был, не решаясь войти и меж тем не уходя прочь. Впрочем, сомневался незваный гость недолго, дверь медленно распахнулась настежь, и в клубах пара в замок медленно влетела (именно влетела!), не касаясь пола, миниатюрная черноволосая девушка с развевающимися, словно на ветру, волосами, в пышном, воздушном платье с длинным подолом.

Бог ты мой! От сюрреалистичности картины я ошарашенно замер, не веря в происходящее и просто не зная, что делать! Это что еще за порождение Брэма Стокера? Кто она? Магиня? Призрак? Внучатая племянница сэра Дако?

— Кто вы, леди, и что вы тут делаете? — От моих слов девушка вздрогнула, уперев в меня два испуганных колодца печальных темных глаз.

Незнакомка плавно направилась в мою сторону, лицо ее излучало тепло, и уст коснулась легкая улыбка, она словно просила у меня прощения, она не хотела, просто так получается…

— Тебе будет не больно, мальчик, не бойся меня… — Она не размыкала рта, но меж тем я слышал каждое слово, произнесенное ею, по спине пробежал холодок страха.

— Стой на месте, не приближайся! — Голос получился сдавленным и тихим, сердце испуганным воробьем затрепыхалось в клетке груди.

— Не бойся меня! Это не больно! — Она была уже не далее трех шагов от меня, вытянув призывно руки в мою сторону.

Вууу-зззз! Тад-дах! Прелестное создание кувыркнулось через голову, впечатавшись от «Кулака Эббуза» в противоположную стену, обрушив по пути стол и разметав кеглями стулья. Часть штукатурки с потолка облаком пыли осыпалась сверху, зависнув над распростертым на полу изломанным телом.

Я сработал на автомате. А что прикажете делать в такой ситуации? Кто и что она такое, я не знал, но наученный горьким опытом не собирался прыгать в ее объятия, пусть теперь объясняется, когда очнется, время военное, мне не до загадок и таинственностей! Лишь бы не убил…

— Ох, и получит кто-то у меня сейчас! — с верхнего этажа послышался голос Дако.

— Несносный мальчишка! Ты дашь сегодня выспаться

людям?! — Похоже, леди Лесса.

— Ульрих, сколько можно баловаться?! — А вот и графиня.

В зал стали заходить заспанные люди, собираясь вокруг меня с осуждающими взглядами в ожидании, когда подойдет тяжелая артиллерия в лице старика.

— Что ты тут опять устроил?! — Дако был всклокочен и зол. — Зачем ты опять…

Он не договорил, подслеповато рассмотрев завал из мусора и тело девушки под ним. Мелькнули контуры заклинания, сплетенного им и незнакомого мне, он что-то пробурчал под нос, а потом неожиданно словно ужаленный подпрыгнул на месте.

— Всем прочь! — В его голосе была ненаигранная тревога. — Никому не приближаться!

Народ в недоумении стал оглядываться по сторонам, я же перевел свой взгляд с Дако на девушку на полу, почувствовав вместе с тревогой опасность. Вместо девушки с пола медленно поднимался монстр в изорванном женском платье. Когда произошла трансформация, я не увидел, но вот конечный результат внушал страх.

Это уже не напоминало человека, огромные вздутые бугры жгутов мышц, черные когти, пепельно-серая кожа и вытянутая морда опасного хищника, приготовившегося к прыжку.

Раздался единовременный вздох ужаса и разноголосица страха, народ в ужасе подался назад, но я видел, что поздно, зверь готов к прыжку, а я ничего не успевал сделать. Времени оставалось мало, даже не знаю, как бы развивались дальше события, если б не молниеносная реакция Дако и его опыт. Старик плел свои узоры, не останавливаясь ни на секунду, с потрясающей скоростью, достойной восхищения. Тварь взвыла от боли, когда ее объяло жаркое пламя, стеной взметнувшееся у нее из-под ног, страшный вой на низких частотах заставлял людей падать на колени, зажимая руками раскалывающуюся голову.

Пламя ревело из-за сжигаемого воздуха, дико переплетая свои смертельные и пышущие жаром языки-вихри, монстр ревел, пытаясь сделать шаг прочь, но силовые узлы заклинаний сковывали его, плотно держа в бушующей стихии огня.

Миг — и гробовая тишина обрушилась ударом на нас, все окончилось, так же как и началось, в одну секунду, лишь пепел и вонь горелой плоти жутким смрадом окутали комнату.

— Закрыть двери! Никого не выпускать! — От простодушного старика не осталось и следа, перед нами стоял убеленный сединами командир, знающий все наперед. — Всех обследовать на предмет укусов! С любой ранкой всем идти ко мне! Кто попытается обмануть или сбежать, сразу же будет убит мною на

месте!

В образовавшейся толчее и суете все как-то забыли про меня, я же молча поднялся наверх, войдя в комнату мирно спящей Ви, лег с ней рядом, к себе не хотелось, душа была не на месте, а этот комочек любви и простоты грел меня своим теплом.

Странный мир, полный неожиданных открытий, то ласкал меня своей заботой, то, как сейчас, чуть не убивал своими тайнами. Как много забот и как мало времени…

Додумать я уже не успел, погружаясь в крепкий сон.

* * *

Утро у меня началось с того, что в комнату ворвался Дако, стягивая меня за ноги с постели и заставляя раздеться догола.

— Что происходит? — Спросонья я смутно вспоминал ночь, пытаясь протереть слипающиеся глаза. — Сэр Дако, объяснитесь в конце концов!

— Мальчик мой, дорога каждая секунда, тебя первого надо было осмотреть! Эта тварь — вампир, ей достаточно тебя оцарапать, чтобы мы навсегда потеряли тебя! Зачем ты ушел?

— Ну… спать хотелось… — Я виновато на него посмотрел, стягивая рубашку через голову. — Я-то не знал, кто это!

— Как — не знал? — Старик, охнув, уселся на стул. — Не пойму…

— Ну, значит, стою в углу… — начал я, стягивая сапоги, а потом штаны. — Слышу, дверь скрипнула, решил одним глазком глянуть, кого там носит, а тут девица летит над землей, я ей: «Вы кто такая?» А она ко мне обниматься…

Старик ошарашенно слушал мою историю, рядом с ним сидела Ви, разбуженная вместе со мной и с детской непосредственностью внимающая интересной сказке.

— А вообще, сэр Дако, я еще не читал учебников, где бы описывались вампиры, у вас не найдется? — закончил я повествование пробным забросом на предмет возвращения учебников.

— Хе! — На усталом лице появилась улыбка. — Верну, верну книги, только смотри: больше рядом с людьми ни-ни! Ладно, сам пострадал, а если б малявку зацепил? — Он погладил Ви по голове.

— Да понимаю я, деда… — Неожиданно пропала приставка «сэр», захотелось так просто к нему обратиться. — Сам бы себе не простил.

Народ в замке был перепуган, все определили угрозу и

оценили масштабность. В замке поселился страх. Долго совещались с Дако, Гаричем и Энтеми, но решить толком ничего не смогли. Как тварь попала на территорию замка? Сама она пришла на охоту или это очередной подарок Турпа? Ответов не было.

Я, понимая серьезность вопроса, закопался в библиотеку старика, штудируя все, что мог найти про вампиров.

Выходило пока, что все плохо. Со слов старика, посетивший нас вампир был молодым и слабым, старые вампиры — твари настолько опасные и стремительные, что даже он бы не рискнул с ними связываться.

Продираясь через наслоения витиеватых фраз и кое-что самостоятельно переведя в понятную форму, скажу, что здесь опять не обошлось без эльфов. Дети луны, или дьесальфы, в ходе войны со своими собратьями разработали вирус трансмутации, способный любое разумное существо превратить в это чудо военной промышленности и биоинженерии. Оружие получилось настолько смертельным и опасным, что вскоре дьесальфы сами его устрашились, уничтожив все работы по проекту. Должен тут сказать, что, похоже, начинаю понимать суть конфликта между эльфийским народом. В свое время произошел раскол из-за понимания, с чем можно работать, а с чем нельзя. Эльфы создавали прогресс, используя как своего партнера живую материю, мы, люди, постигаем мир через неживую, а дьесальфы презрели моральные устои, вмешивались в генетические процессы, провозгласив на манер людей природу своим должником и выжимая из нее все соки.

Дьесальфы стали играть в Бога, создавая оружие — такие трансмутации, как вампиры, оборотни, зомби. Этот ужас знаком мне все из тех же легенд и страшилок нашей Земли, но теперь я реально узнал о первоисточнике беды, а не услышал глупое объяснение, что все создал верховный главнокомандующий всем злом.

Вмешательство в природу умелых рук ученых создало эти совершенные машины смерти. Симптоматика почти полностью совпадает с описанной в мифах и легендах: зараженный погружается в летаргический сон, по всем признакам которого можно констатировать смерть. На самом же деле в этот момент организм, или, точнее, вирус, ведет глобальную и кардинальную перестройку и отладку биологических процессов в теле. Процесс затратный и долгий, поэтому, как правило, новое существо уже открывает глаза в могиле, отсюда и мифы о покойниках, хотя, сами понимаете, больной еще всех нас переживет.

Точных данных о структуре изменений нет, нет также данных

о конечной форме трансмутации, все встречи с вампирами заканчиваются, как правило, печально. Упоминается, что молодые трансформы необычайно агрессивны и больше похожи на зверей, чем на тех, кем были, в то время как особи, прошедшие дальше по цепи изменений, обладают уже мышлением и вполне способны себя контролировать.

Главным же оружием измененного было то, что, как и при посвящении мага, происходит перестройка мозга вампира, открывая ему способность к плетению узоров. Физически превосходная машина смерти со способностью моделировать и создавать заклинания и страшным контролером, заставляющим этих существ убивать все живое. Имя этому контролеру Голод.

Голод смоделирован физиологией нового организма, он насыщался кровью жертв, выводя хищника на какое-то время из постоянного цикла охоты. Как правило, вампиры сбивались в семьи, упоминаемые как гнезда, и тут ничего удивительного нет, в природе практически все хищники в тот или иной период предпочитают охотиться стайно. Вожак гнезда выбирается по праву сильнейшего, соответственно такой особью становится тот, кто дальше продвинулся на пути трансформации.

Из прочитанного я смог понять, что тварь, забравшаяся в мой замок, была уже разумна и вполне достойно оперировала узорами силы. Так как составить иллюзию девушки без должного обучения и пояснений невозможно. Следовательно, можно сделать вывод, что с вампиром вполне можно было договориться, как мне, так и Турпу, и что данная особь принадлежит какому-то гнезду, где проходила обучение.

В этом наши мысли с Дако сходились. Хищник был обучен, причем профессионально, отдельному разделу магии, который не все преподают и знают. Дако и я, исходя из худшего, опасались мести семьи вампиров, а также того, какие связи задействовал Турп, если, конечно, это он, чтобы выйти на подобных убийц. Во всем королевстве, как и в известном мире, вампиры были вне закона, любые связи с ними карались смертной казнью.

В любом случае предпринять что-то кроме усиления охраны мы не могли самостоятельно. Разве что Дако усилил мои тренировки, заставляя исполнять узоры не задумываясь, на автомате ставить защиту и атаковать эффективно. Теперь и наши с ним тренировки больше стали походить на спарринговые бои, чём на беседу двух ученых. Да и леди Лесса нарастила темп, увеличив физическую нагрузку на мое бедное тело.

Без ложной скромности скажу, мои успехи были видны и радовали меня несказанно. В фехтовании я был практически на равных с Гаричем, уступая ему только в грубой силе из-за своего

возраста, да и рядом с баронессой уже не выглядел как жертва, хотя по-прежнему на моем счету не было ни одного выигранного спарринга.

Но это все мелочи, вы не представляете, на что способен обученный маг! Вот это по-настоящему страшно. «Эббузовы кулаки» мной уже выстреливались за доли секунды, разрушительная мощь этих воздушных таранов дробила в пыль каменные глыбы, дробью крошек осыпая все вокруг. Также я освоил примененное Дако против вампира «Огненное кольцо мастера Прая». Бешено ревущее пламя в считанные мгновения пожирало все на пятачке земли, где оно активировалось, правда, и минус у него был — жесткая привязка к месту, пламя не следовало за удирающим врагом, если тому вдруг посчастливится вырваться из кольца. Плетения контроля мне пока не преподавались, со слов старика, это без должного тренинга невозможно и само умение относится к высшей, ментальной магии.

Дако больше склонялся к тому, чтобы я эффективней осваивал защиту. В этой области непревзойденным мастером была леди Деста, три щита мастера Десты я хоть и с трудом, но освоил. Тут было все непросто. Во-первых, сами по себе узоры состояли из четырех-пяти композитных соединений, для меня это было пока сложно, во-вторых, эти плетения Дако требовал постоянно держать в собранном состоянии, лишь выключив энергетическую подпитку.

Так я узнал о биче всех магов — перенапряжении, или, как маги сами называют это состояние, — откате. Сложно описать это словами, физически ты вроде бы ничего не делаешь, но при долгой работе с энергией выматываешься так, словно всю ночь мешки с цементом из вагонов выгружал. Дрожат руки, ноги, ломит спину, и могут лопнуть сосуды в глазах либо же пойдет кровь носом. По уверению Дако, были маги, таким образом дошедшие до летального исхода. У кого-то закипала кровь, у кого-то останавливалось сердце, в общем, старая добрая поговорка и общемировое правило всех времен в действии: «От работы кони дохнут». Но, увы и ах, данное мучение было неотъемлемым процессом обучения, то есть, устав сто раз, на сто первый я должен буду выполнить действие, вскинув бровь и не вспотев. Качаю, что называется, мускулы разума, либо же, что скорей всего, это банальное расширение канала моего приобретенного в ходе посвящения пульта управления энергетическими потоками.

Эх, сделать бы томограмму головного мозга, до жути интересно, что же там у меня теперь в черепной коробочке. Что

активировалось, что изменилось? Может, у меня там вообще какая-нибудь опухоль? От этой мысли мурашки бежали по коже.

Первый щит Десты был слеп, глух и нем. Со стороны это выглядело, словно тебя поглотил идеально круглый, не просматриваемый черный шар. А вот внутри все было еще хуже, ты повисал в безвоздушном пространстве в полной темноте, держался, вытаращив глаза, сколько мог выдержать, затаив дыхание. Правда, плюс — полная защита от любых нападений и атак. Абсолютная защита. В книге в описании щита было страниц семь посвящено опытам по пробитию шара. Что только ни измысливали: и в вулкан кидали, и обрушивали тонны камня, били молниями — ничего эту черную дыру не брало, но, как сами понимаете, в этой ж… дышать нечем.

Второй щит был и проще, и в то же время сложней, принцип действия — переливающийся, словно мыльный пузырь радугой, прозрачный купол, в котором учитывалась динамическая часть, ты мог в нем передвигаться. Сама защита спасала только от механического воздействия (к примеру, от стрел, копий, мечей, того же вампира, ринувшегося на тебя с когтями и клыками в ассортименте, подозреваю, что и от огнестрела), но совершенно не спасал при физических изменениях окружающей среды. Тебя могут в нем поджарить до хрустящей корочки, заморозить, отравить газом, в общем, доставить при должном желании массу незабываемых и малоприятных ощущений. И наконец, третий щит был противоположностью второму, он совершенно не спасал от механики, но зато ограждал тебя от магического воздействия, блокируя любые узоры, а также ментальную магию. И вот все это мне предлагалось держать в голове, применяя в зависимости от ситуации. Мало того что реально даже в свернутом состоянии узоры без запитки были тяжелы, но и само по себе исполнение требовало от меня стопроцентной концентрации. В такие моменты мне ткни пальцем в пузо — и все мои щиты развеются, словно дым на ветру. Да уж, практики мне явно не хватало.

Но щиты щитами, а во сне что прикажете делать? Тут я уже был простым смертным, как и все. И тут мне уже никто не поможет, в такие моменты отдыха маг наиболее уязвим. Нет, были, конечно, наработки, такие как запитанные и активированные автономные узоры или амулеты — предметы, к которым привязывались те или иные структуры с простейшим аккумулятором подзарядки или же со встраиваемой автоматической подпиткой. Но сами понимаете, ума в узорах нет, когда и какой нужно активировать? Что предпримет противник, кто будет догадываться?

В данном ключе предпочтение я отдавал амулетам, так как

нагрузка на мне и так была порядочная, и мне совсем не хотелось на ночь выматываться окончательно, подвешивая активные плетения, и растрачивать на них последние капли своих возможностей.

Поэтому я опять закопался в книги, перерывая все справочники и учебники Дако по построению и комбинированию, а также созданию амулетов всевозможных групп принадлежности.

Хотелось получить все и сразу, но, увы, это оказалось совсем непросто. Сейчас я знающих людей напугаю до седых волос всего одним словом — сопромат! Ага! Схватились за сердце? Правильно, сколько студентов в свое время рыдали навзрыд, пытаясь сдать этот кошмар бессонных ночей, залитых валерианой.

Нет, а как вы думали: подобрал на газоне сухую собачью какашку — и вуаля, вот вам готовый амулет? Нет, ребята, в этом деле необходимо было учесть коэффициентную проводимость используемого материала, его внутреннюю структуру и реакцию на взаимодействие с энергией, взять, к примеру, золото — прекрасный проводник и великолепный аккумулятивный потенциал — но! Но при течении энергии, ее проводимости по металлу происходит огромный температурный выброс, вплоть до того, что это золото расплавленными струйками течет вам за шиворот, так как расчет был неверным и амулет на вашей груди расплавился. Все это нужно было учесть, просчитать, перепроверить, а потом на опытном образце отработать. Серебро абсорбирует малые магические токи, разрушая их, медь на глазах окисляется, рассыпаясь зеленой трухой, бронза искажает призмой векторы структуры, а ряд драгоценных камней вообще взрывом могли оторвать голову неприлежному ученику.

Мой кабинет превратился в нечто среднее между конструкторским бюро, где все завешано непонятными чертежами, и кузницей, где кругом валялись различные металлические болванки, отливки, какие-то заготовки. Ко всему прочему куча камней и минералов, а также гора литературы.

В этом деле мне нужен был прорыв, а без отключения от реальности мне его не сделать.

Что ж тут поделать, если у меня такая натура — мне нужно было полностью погрузиться в среду, и, помня о прошлых обидах окружающих, я за завтраком попросил у всех сразу прощения и понимания.

Итак, в бой! Проблема номер один — модуль, который бы самостоятельно просчитывал опасность, проблема номер два — расчетные по материалам, три — количество структур на один амулет, то есть его функционал. И так далее: четыре, пять,

шесть…

Начал с главного, «мозгов» моего амулета, в этом мире не было даже в первоисточниках от эльфов упоминаний о простых вычислительных системах. Нет, элементарные функции научились задавать типа: «Нажми на кнопку, получишь результат», но вот просчитывать комбинации дальше двух-трех действий для этого мира нонсенс. Поэтому здесь мне приходилось все проходить и открывать самостоятельно. Выстроив на стене чертежи заклинаний в ряд, по составляющим стал вычленять уже известные блоки взаимодействия и управляющие контуры. «Эббузовы кулаки» — вот движение воздушной массы, вот его нити, отвечающие за дальность и интенсивность, вот узел мощности, в «Огненном кольце Прая» выдираем привязку к местности, разбираем «Щиты Десты», открываем задачник Эльвина, старого эльфийского мага, смотрим справочник по состыковке узлов от мастера Корвиля. И думаем, вертим, крутим эти кусочки пазла, тормошим память, пытаясь вспомнить все, что нам преподавали на информатике по программированию ЭВМ. Доисторический «Бейсик», проклятые еще советские БК-0011, потом Spectrum и, наконец, уже под конец девяностых, первые «Пентюхи» с выносом мозга от неумело хакнутой «Винды».

В общем, с трудом, но вроде работа пошла. Пришлось работать и с контроллерами автономных узоров, извлекая их «мозги», анализируя уже то, что есть, и строить новое, то, чего еще нет, на границе двух миров, двух технологий. Я писал команды, сам сплетал новые узоры, неописанные ни в одном из учебников, это было сложно, подчас отчаяние снедало меня изнутри, когда решение терялось, но я это сделал. Первый виртуальный программируемый компьютер магической энергии.

Ура, у меня получилось! Узел реагировал, выдавая нужные импульсы по требуемым командам. Погоняв этот «мозг» в тестовом режиме, стал разрабатывать следящие модули, столкнувшись с проблемой распознавания «свой-чужой», «теплый-мягкий» и так далее. Дело в том, что уже известные заклинания использовали принцип ловчей сети, разбрасывая по радиусу нити-активаторы, словно лучи в лазерной сигнализации. Затронул луч, сработала «сигналка», меня же это не устраивало, к тому же мне, представителю матушки Земли, зазорно использовать подобное, когда у меня есть в голове принцип радара. Но есть-то он есть, а как его воплотить в жизнь? Что такое радиоволна, ее диапазон, принцип модулирования, кто мне его подскажет? А ну-ка кто тут радиолюбитель, товарищи средневековцы? Выходи по одному! М-да, ну не моя это стихия, я тут полный профан, знаю что-то, но

конкретики — ноль, мне бы задачку по биологии, а тут такие материи. Стоп. Биология!

— Мыши! Мыши! Дайте мне летучую мышь! — с таким криком я бросился носиться по замку, хватая людей за плечи и тряся их. — У вас случайно нет летучей мыши? А у вас?

Это же гениально! Плевал я на радиоприемники! На товарища Попова, или кто там придумал радио? Мне поможет сама природа и летучие мыши — тварюшки, при практически полном отсутствии зрения использующие для ориентации на местности эхолокацию. Во время полета летучие мыши поют своеобразные «песенки», используя сложные сочетания слогов, на высоких частотах, создавая ультразвуковые волны до ста килогерц!

— Ловите его! Ему нужно успокоиться! — Сэр Дако стоял в пижаме, весь всклокоченный и злой.

— Да он с ума сошел! — Чей-то голос из-за спины.

— Дайте мне летучую мышь! — От негодования я аж притопнул ногой. — Почему никто не может дать барону летучую мышь? Бриллиант — пожалуйста, рубин — пожалуйста, золото, серебро, но когда ему нужна простая летучая мышь, то нет ни у кого!

В тот вечер меня скрутили и напоили каким-то отваром в надежде, что я успокоюсь, все сочувственно смотрели на меня как на дурачка, а я не мог им объяснить, так как пришлось бы потратить не один месяц на пояснения теории локации и своих задумок. Пришлось притвориться уснувшим, а потом под покровом ночи лезть на чердак, где, как я знал, на зиму могли залечь требуемые мне подопытные.

Пришлось исхитряться, так как за мной установили слежку, постоянно кто-нибудь из слуг дежурил у моих покоев. Черт побери, меня контролирует моя прислуга и моя, так сказать, свита, так как барон у нас тю-тю, того, со странностями.

Пришлось местами по-пластунски, местами на карачках, совершать тайную операцию под кодовым названием «Бэтмен». Завернувшись в черный плащ, я тенью скользил по спящему замку, обходя стороной охрану и еще не уснувших слуг. Да уж, Том Круз с его «Миссия невыполнима» нервно курит в сторонке.

Работенка оказалась та еще! Узкие лазы, море пыли и паутины, пришлось посетить и проползти на пузе почти все чердаки и крыши в замке, но, черт побери, мышей не было! Просто проклятие какое-то, я походил на пугало, одежда испачкалась и местами порвалась, зацепившись за какие-то сучки и гвозди. Устал как собака, просто валюсь с ног, что, собственно, и произошло — отчаявшись, я уселся на какую-то бухту

смотанного каната, где и заснул до утра. Ну как до утра… Почти до полудня, как раз все успели проснуться и обнаружить мою пропажу.

То, что меня ищут, я понял сразу по крикам и суете в замке. Народ метался, переворачивая и обыскивая все вокруг. Кричали слуги, кричали гвардейцы, а где-то подо мной я явно слышал возбужденные голоса баронессы и графини, они что-то яростно доказывали сэру Дако, отвечающему им на повышенных тонах, периодически их прерывал писк негодующей Ви.

Я попытался встать, но запутался в канате, похоже, пока спал, сам себя опутал им с ног до головы, проклятие! Я сделал пару шагов, размахивая руками и плохо представляя, как один человек мог навязать столько узлов, такое ощущение, что меня всю ночь путали умелые мастера-корабелы, понавязав тройных морских узлов. Еще и полумрак, ночью я использовал магический светлячок, а теперь сразу не догадался его вновь повесить, шаг-другой, что-то где-то скрипнуло, жалобно затрещало, а потом я с криком провалился вниз, старые доски перекрытия не выдержали, обрушиваясь подо мной!

— А-а-а-а-а! — кричал я, повиснув в какой-то комнате вниз головой на канате, который опутал мне ногу, качаясь, словно маятник от часов, из стороны в сторону.

— А-а-а-а-а! — кричала баронесса, запрыгнув от страха на диван.

— А-а-а-а-а! — кричала графиня, плюхнувшись на пол своей пышной попкой.

— О-о-о-о-о! — стонал сэр Дако, держась за сердце и обмякнув в кресле.

— …меня в глаз конским …! — вскричал Гарич, выхватывая меч из ножен.

— Помереть — не встать! — Сквайр Энтеми прятался за диваном, на который забралась баронесса.

— Ну наконец-то! Где тебя носит?! — неожиданно внятно, спокойно и совершенно по-взрослому произнесла моя маленькая Ви.

Через час, после того как меня сняли из-под потолка, ощупали на предмет травм и выслушали мой сбивчивый рассказ, общим советом решено было вывести виновника душевного неспокойствия в чисто поле и расстрелять. Все буравили осуждающими тяжелыми взглядами, народ выстроился в шеренги по коридорам замка провожая в последний путь арестанта, я шел на экзекуцию с гордо поднятой головой, четко печатая шаг и не боясь судьбе смотреть в глаза. Меня под конвоем спустили в общий зал, где прилюдно сняли штаны, нагнули на стол и сэр

Дако отсчитал мне десять ударов деревянной розгой по попе.

Больно.

Обидно.

— Ульрих, ты, надеюсь, все понял? — Сэр Дако говорил громко, чтобы все могли его услышать.

— Теперь я могу получить летучую мышь? — Я чувствовал себя Джордано Бруно, сожженным на костре проклятой инквизицией, кругом варвары, меня окружают дикари! Особенно явно жжение ощущалось на заднице.

— Боги, он невыносим! — Лесса под ручку с графиней вышли вон.

— Да что ж это за проклятие, а не ребенок?! — В сердцах Дако переломил о колено розгу, отшвырнув в стороны обломки. — Ты успокоишься когда-нибудь?!

* * *

Покой нам только снится. После этого случая мне все же достали требуемое, правда, заботой окружили так, что я даже на горшок ходил под конвоем. Маленьких паршивок, вот умора, нашли слуги, но не на чердаке, а в подвалах замка, где они впали в зимнюю спячку. Мне в кабинет принесли целую корзину маленьких серо-черных комков, столь необходимых мне миниатюрных Бэтменов или Дракул, кому как нравится.

Пришлось повозиться, прогревая апартаменты до температуры, когда крылатые бестии стали выходить из анабиоза, сначала открывая маленькие бусинки-глазки, а потом вяло ползая по комнате, разминая еще непослушные после сна мышцы.

Еще в годы своего детства мы, мальчишки, часто ловили этих зверьков, а у бабушки летом так я вообще как-то выкормил маленького слепыша, выпавшего из чердака на улицу. Зверьки эти хлопотные, в домашних условиях таких держать — одно мучение. Совершенно не приручаются, сколько ни корми, а все равно, как волки, в лес будут смотреть. Да и сам процесс кормления тягомотный и накладный.

В природе естественным кормом для них являются насекомые, в домашних условиях кормят мучным червем либо же личинкой майского жука, комбинируя вскармливание молочной смесью, куда вбивают яичный желток. Чтобы расшевелить это сонное царство, пришлось каждую отпаивать смесью, получая в награду укусы и царапины. Впрочем, это того стоило, дело по созданию эхолокатора пошло в гору, как и моя дурная репутация из-за того, что мыши активно передвигались лишь по ночам. Я

вместе с ними отсыпался днем, с темнотой устраивая различные эксперименты, ретранслируя и моделируя в пространство различные высокочастотные звуки, из-за которых мне часто стучали кулаком в дверь, требуя прекратить это безобразие и дать выспаться людям.

Ну никакого уважения к науке!

Итак, создав узел, ретранслятор звуковых частот, я в пространство посылал звуковую волну, расходящуюся в атмосфере наподобие кругов на воде от брошенного камня, далее звук отражался от предметов, возвращаясь назад к ретранслятору, где его встречал декодер, который уже при обработке в код-команду подавал информацию на мой командный узел — компьютер.

Теперь надо научить мое чудо распознавать все это, а в частности, мебель от человека отличать. Или, допустим, вампира — от чемодана. Я, как Кентервильское привидение, стал бродить по замку и пугать людей, испуская какие-то писки у них за спиной, а потом удалялся без комментариев в сопровождении двух-трех летучих мышей, повисших на моем камзоле. От меня стали убегать и прятаться слуги, баронесса с графиней закрылись в своих комнатах, отказываясь выходить наружу: «Пока он не успокоится!» А я же обработал все, что мог, звуком, считай, вручную, собрал библиотеку с описанием предметов по форме отраженной звуковой волны. Кропотливый труд увенчался успехом, к моему мозгу прибавились глаза, ну или уши, смотря как посмотреть.

Теперь передо мной встала задача — найти общий язык с моим «Маком», магическим компьютером (МК), все заклинания оповещения и сигнализации здесь были ниже плинтуса. Маг, создавая ловчую сеть, делал привязку по принципу: если что-то подошло и его засекли, тебя либо уколет в руку, либо дернет за ногу, а в одном случае даже что-то начнет чесаться. Это было кошмаром: стоишь, а тебя дергает, колет, и ты весь чешешься! Нет, уж мне такой вариант не подходит, нужно найти какое-то соединение с «Маком», напрямую получая от него информацию, и желательно, чтоб он не беспокоил меня впустую. Не зря же собирал библиотеку, где четко прописал, что стулья и столы не агрессивны по отношению к людям.

Что делать? Да ясно что, нужно строить графический интерфейс на основе своего зрения. Зарывшись в бумаги, стал шаг за шагом вырисовывать поэтапно рабочую среду, взяв за основу удобный «Андроид» с его гибким рабочим столом и простотой в использовании.

Получилось забавно, у меня теперь постоянно перед глазами

висели различные иконки, словно я на мир смотрел через монитор компьютера. Ах, какое поле для работы и сколько возможностей! Здесь мне столько вкусного открылось! Я мог в реальном времени делать «скрины» — фото того, что вижу, записывать видео своими глазами, тысячи приложений! Правда, пришлось поумерить пыл, здесь все приложения придется писать мне, а не скачивать уже готовые решения из Интернета. Но в мелочах я себе не отказал, сразу же создав простейший калькулятор, компас, библиотеку, куда переписал все имеющиеся у меня книги, туда же перенес все свои наработки. Эх, моя интеллектуальная собственность теперь находилась под защитой! Никакие бумажные носители мне теперь были не нужны!

Осталось дело за малым: написать команды активации щитов в зависимости от ситуации, повесить боевые заклинания, отстреливающие врагов на ранних подступах ко мне любимому, провести все расчеты по материалам для создания амулета, куда я смогу подвесить всю эту систему, сделав ее автономной, работающей вне зависимости от того, сплю я, ем либо же сижу на горшке и музицирую на скрипке в минорных тонах.

Но и здесь меня поджидали трудности: когда все расчеты были готовы, у меня по бумагам выходил амулетик размером с диск от колеса автомобиля! Да уж, наворотил я! Пришлось все расчеты выполнять заново, пытаясь ужаться по максимуму, но, уменьшая размер, я увеличивал тяжесть — в общем, неприятность. Благо, привыкнув к головоломкам и задачкам, быстро нашел решение, разбив амулет на два браслета на руки, два браслета на щиколотках и уже более или менее приемлемый по размеру медальон на шее, которому я придал форму обруча.

Почти неделя ушла на тупое ожидание, когда ювелиры по моему заказу и размерам изготовят пока еще пустые украшения, а потом еще три дня я на износ работал, вкладывая жизнь в свое детище.

Клац, клац! Защелкнулись браслеты. Щелк! Встал на место обруч, теперь отладка системы, прогон в тестовом режиме, проверить зарядку, ну что ж, теперь я готов ко всему, теперь я боевая машина и аналитический центр в одном лице!

Испытания решили проводить на заснеженном поле за пределами замка, сэр Дако сначала осторожничал, потом поднажал, а в конце просто устроил Армагеддон. Летела ввысь вздыбившаяся земля, языки пламени и всполохи молний, тараны и ледяные стрелы — все это сыпалось на меня с пугающей скоростью, в то время как система блокировала все. Она в доли секунды определяла опасность, переключая щиты и просчитывая последствия, это было не просто испытание «Мака» в боевых

условиях, это еще и обучение моего модуля, он вел запись боя, выстраивал таблицы, снимал показания и запоминал оптимальные структуры реагирования.

Через полчаса поле было не узнать, словно дымящийся кратер от удара метеорита! Старик стоял взмокший, с выпученными глазами!

— Это невозможно! — Его трясло. — Ульрих, это невозможно!

— Это я еще боевой модуль не запустил! — Я испытывал настоящую гордость за свой труд.

— Что? — Старик непонимающе на меня смотрел. — Что за модуль?

— Ну я не только теперь защищаться могу, я еще и рога кое-кому пообломаю! — От счастья хотелось петь и танцевать!

— Покажи! — Он, словно одержимый, вновь стал обстреливать меня смертельными заклинаниями, а я активировал боевую систему с самонаведением. — Тут же старика окружил град кружащихся в смертельном танце ледяных лезвий, посыпались градом воздушные кулаки и, в довершение всего, огненное кольцо мастера Прая. Да, это был шедевр, одновременно система активировала сразу три боевых заклинания! Даже Дако не мог такого! Удар, потом другой, но не три сразу!

Выяснилась и слабая сторона моих Доспехов Бога, как я окрестил свое детище. Золото, необходимое для создания аккумулятора и проводимости от узла к узлу энергии, при интенсивном использовании стало нагреваться, да и при интенсивной бомбардировке, которую мне устроил старик, внутреннего резерва энергии хватило бы на час с лишним, после чего вся система тухла, уходя на подзарядку.

Старика чуть ли не на руках пришлось уводить в замок, передавая в заботливые руки, где его отпаивали и кутали в теплое одеяло.

— Нет, этого не может быть! Это невозможно! — шептал он как заведенный.

Оставив его на попечение слуг, снял с охранения всех солдат замка, заставив эту миниатюрную армию атаковать меня, проверяя систему на отражение механических повреждений.

Здесь все было проще, сэр Дако мог опустошить мои резервы интенсивностью атак, а вот простые стрелы, мечи и копья и даже всадник с пикой наперевес, несущийся на меня галопом, все это я был в состоянии, по расчетам, выдержать чуть ли не месяц при непрекращающемся потоке.

В общем и целом, я получил даже больше, чем хотел

изначально, и сиял от счастья и от приобретенных способностей, как солнце на небе, и жизнь вновь входила в привычное русло, требуя вернуться к повседневности и заняться отложенными, но незабытыми делами. Скоро весна, и мне нужно привезти долг графу, в новый и неизвестный мне пока город Рона, где, без всяких сомнений, меня будет ждать мой дядюшка и куча других доброжелателей.

* * *

До весны я старался наладить быт в городе и подтянуть дела. Открыл мебельную фабрику, как я уже говорил, здесь понятия не имели о таких удобствах, как шкафы или же мягкая мебель. Все свои вещи народ хранил по сундукам, а кровати представляли собой что-то вроде деревянных лавочек, на которые сверху бросали бесформенные мешки, набитые соломой, призванные заменить матрасы. О подушках и говорить не приходилось, здесь их заменяли валики скатанных шерстяных пледов либо же просто руку под голову.

Я заваливал город и окрестности мелкими товарами, от зубного мелового порошка с зубными щетками из барсучьей шерсти, до расчесок и бритвенных принадлежностей. Обычно зима для людей на этих землях была сродни маленькой смерти. Работы нет, дороги завалены, из еды только то, что смогли собрать за лето. Теперь же, благодаря моим фабрикам, практически все население Касприва имело работу и, соответственно, прибыток в карман звонкой монетой.

В Дальнюю я отправил по замерзшей реке целый караван с помощью селянам, испытывая муки совести, что сразу этого не сделал. Теплые вещи, кое-какое продовольствие, лекарства, инструменты из металла. Отрядил даже одну из строительных артелей в те края, чтобы на месте деревни сняли замеры и прикинули материал под новое поселение, а вернее, пограничный форт. Ведь это северная граница моих земель, оттуда уже приходила беда, и повторения я не хотел. По весне помимо строительства форта там начнется обучение второго корпуса легионеров, только вот не пехоты, а рейнджеров: где, как не в тех дебрях и лесах, постигать эту науку?

В деревне Речной я произвел фурор. Дело в том, что здесь народ жил за счет рыбной ловли, в этом месте река делала широкий поворот, разливаясь ширью и пестря омутами. Поучить рыбаков рыбу ловить я приехал самолично, так как душа горела по ледку взять свежей рыбки. Приехал я не с пустыми руками, а с

целью организовать серьезную рыболовную артель, для чего привез с собой километровый невод, сплетенный по моему заказу, чертежу и схеме. Народ тут дикий, три корзины рыбы наловили — и праздник у них всем селом, песни-пляски до упаду, а мне городских голодранцев кормить нечем. Вот и сейчас с приходом зимы, когда лед встал, ловля практически прекратилась, сами сидят, с хлеба на воду перебиваются, так и жиденький поток товара в город прекратился. Ох, и люто на меня народ смотрел, когда я их всех погнал на работы на реку. Чудит молодой барон, глупости какие-то рядить удумал, где это видано — дырявым покрывалом рыбу из реки доставать, да еще зимой, из-подо льда?

Видано, еще как видано, на Кубани я видел, как рыбаки невод проводили под двухметровой толщей льда, в самую стужу выдавая норматив по вылову на рыбколхоз. Вот и сейчас я действовал по науке. Сначала рубили спускные и прогонные длинные проруби, все по линии, с интервалом метров пятьдесят, в конце — выборочную яму. После этого на длинном канате вниз по течению спустили бревно, проводя подо льдом, заводя тросы, и уже после этого стали стравливать сам невод, загнав двух быков и согнав народ выбирать сеть уже на яме.

На все про все ушел практически весь световой день, уже когда стало темнеть, вытащили последние метры. Народ молчал, я молчал, все вымотались и взмокли, а главное — не верили своим глазам. Да уж, это не наши реки Земли, здесь природа дала столько, что даже я невольно опешил, улов возили всю ночь санями при свете факелов, рыбы было столько, что я даже испугался: а куда ее девать?

Но зря волновался, разошлось все в голодную зиму, отрывали с руками. В Речной я еще неделю провозился, уча местных вязать нить и латать сети, показывая, как правильно и по уму спускать и травить снасть, ставить поплавки и прочие нехитрые премудрости.

А еще наконец-то сбылась моя мечта по производству стекла. Выручил меня в этом вопросе сквайр Энтеми, который аж из столицы выписал мне целый клан гномов, вы не поверите — целая семья! Старики, дети, жены и сами низкорослые кряжистые бородачи, общим числом сто восемнадцать душ, перебрались ко мне в баронство на строительный подряд.

Я не верил своему счастью. Обошлось мне это удовольствие по переселению без малого две тысячи золотом, но каждая монетка стоила того, на что я ее потратил. Гномы за три дня сложили мне из камня с обмуровкой пять похожих на доменные печей, выдавая заданную, а главное, постоянную температуру, чем решили мои многомесячные мучения. Гномы организовали

при рудниках плавильные цеха, выдавая металл в разы качественней того, что я до сих пор тут видел. Ах, какие мастера! Золотые руки! Здесь таких мастеров не было. По весне начнем строить отводной канал, в котором зададим течение и установим водяные мельницы, уже сейчас у меня идет обжиг красивого и долговечного кирпича на сотню новостроев. Да уж, всколыхнул я это болото. Работа кипела днями и ночами, и пусть почти все проекты долгосрочные, пусть я уходил в минус, даже с расчетом всей моей прибыли, но я наведу тут порядок! Уже сейчас Касприв было не узнать, город по ночам светился огнями, а по улицам можно было ходить, не боясь по пояс вымазаться нечистотами. Молодой барон Ульрих становился популярнее день ото дня, мне на улицах уже кланялись не из-под палки, а вполне осознанно, с уважением, иной раз добавляя без страха различные здравицы, а что самое удивительное, так это то, что барон отвечал, улыбался, кивал и здоровался с простыми людьми! Такого местная история еще не видала. Как говорится, доброе слово и кошке понятно, а с меня не убудет кивнуть проходящему мимо незнакомому человеку, впрочем, не без корысти в душе. Дело в том, что Турп с каждым днем терял своих бизнес-партнеров: народ, прельщенный выгодой, видящий мою щедрость и уже наслышанный о моей доброте, уходил от дяди, доставляя ему радость от осознания того, как быстро его протеже возмужал, беря бразды правления в свои руки.

А еще моя душа требовала Нового года. Мандарины, елки и коньяк с салютом из салата оливье. Высчитав по местному календарю середину зимы, устроил всем праздник и недельные каникулы. В городе выставили елки, украшенные всевозможными украшениями ручной работы, людям выкатили бесплатно бочки с вином, из которого тут же делали согревающий грог. Залили ледяные горки детворе, гномы искусно изо льда выстругали красивые миниатюрные замки и дворцы, детям на одной из моих фабрик наварили леденцов таких ярких и невозможных цветов, что люди ахали. Собрал музыкантов на площадях, чтобы играла музыка. Ну и по старой русской традиции устроил огромную ярмарку, куда бухнул сотню всевозможных товаров, отдавая все практически по себестоимости. На ярмарке устроил аттракционы — ну дикие, конечно, не как в городском парке колесо обозрения, а по возможностям здешнего мира. Кулачные бои, скоростные заезды на санках, кто смешнее съедет с ледяной горки, взберется на столб, обмазанный маслом. В общем, ничего особенного, но народу понравилось, к тому же победителям я всегда самолично вручал подарки из своих рук, что было по местным меркам неслыханной милостью. Ну и, конечно, не обошлось без речи

президента, то есть меня, барона, и ночного салюта в моем собственном исполнении.

Да уж, не имея пиротехники, но имея богатый опыт за плечами и неограниченную фантазию, я устроил в ночи настоящую огненную феерию, отчего многие попадали на землю, заползая от страха под лавки и столы с угощениями. Но мне плевать! Главное, ребята, это детям понравилось! Да уж, это того стоило: к моей славе доброго человека сразу же добавились многочисленные байки о моем могуществе как чародея! Бедный Турп после салюта сбежал из города в неизвестном направлении, впрочем, туда ему и дорога. Я *de facto* стал полноправным хозяином на своей земле.

Что ж, это был шанс, и я его не упустил, быстро подмяв последних верных ему людей и укомплектовав городской замок своей охраной. Теперь мне нечего было опасаться, даже если он вдруг надумает вернуться.

Скоро весна, дела под контролем, нужные люди на своих местах и знают, что делать, пора собираться в дорогу, мир немного посмотреть и себя показать.

В дорогу нагрузился основательно, целых три колонны по десять саней. Ну, во-первых, подарки графу, чтоб произвести нужное впечатление, а во-вторых, товар для продажи в Роне, лишний рынок сбыта никогда не помешает, да и местные купцы могут заинтересоваться, с теплом направив сюда свои кривые торговые дорожки. У меня и так уже четыре ладьи были загружены и ждали схода льдов, но одно дело, когда ты ездишь, тратишься, продавая, и совсем другое, когда о тебе узнают, а потом к тебе едут покупаться. Это разные деньги. Реклама такая штука, что без нее никуда.

Снег еще не сошел, а я выехал из замка, держа свой путь на юго-восток, укутавшись в шубы с головы до ног, сидя в санях, груженных мылом, и погружаясь в приложения «Мака». С недавних пор, мотаясь по земле баронства, разработал приложение-картограф, где «Мак» рисовал мне карту местности, высвечивая эхолокатором рельеф и выдавая параметры расстояний, мне же оставалось выдавать названия некоторых объектов, ставить комментарии, ну и прикидывать, что и где в будущем можно здесь построить. Помимо картографа, я скопировал все книги сэра Дако по магии, чем несказанно удивил старика. Мне-то читать все это было не нужно, достаточно пролистать книжку — и вся она уже в памяти компьютера, захотел — почитал в свободную минутку, занят — отложил. Ох, и работенки у меня было тут, в виртуале: используя «Мак» как вычислитель, я строил бизнес-модели и модели городов, домов,

заводов, я мог пройтись по несуществующим помещениям, открывая двери и выглядывая в окна. Немного времени посвящал будущим реформам как уже введенного мной законодательства, так и структурно-управленческих органов, составляя инструкции, правила, уложения.

Новое приложение я разработал и по энергоструктурам, «Мак» в реальном времени стыковал согласно правилам, взятым из библиотеки старого мага, узоры и плетения, создавая для меня новые контуры заклинаний. Это были новые возможности и горизонты, высоты которых, пожалуй, мне самостоятельно никогда не достичь, даже проживи я тысячу лет, занимаясь конструированием подобных систем. Пожалуй, скажу без ложной скромности, сейчас я уже был на голову выше любого мага на планете, разве что у эльфов могли бы отыскаться какие-либо технологии на уровне моих. Все же надо отдать им должное, магия — созданное ими искусство, наука на грани божественности, это не фунт изюму. Впрочем, о мирском и знакомом — наука должна служить во благо. У меня уже родилась парочка проектов на основе магии, это светильники и двигатель внутреннего сгорания, только без впрыска жидкого топлива, а с магическим разрядом возгорания. Хотя, конечно, это не предел, ну, допустим, в космос я летать не намерен, а вот о личном самолете помечтать ну кто мне запретит?

Пишем, чертим, считаем, выстраиваем и упорядочиваем, работы море, а главное, интересной, время улетало, скрашивая монотонность и унылость еще заснеженной дороги. Неделя у нашего каравана ушла только на то, чтобы выбраться на границу Рингмара с графством Мирт. Ну как границу, формально все пять баронств принадлежали графу и в то же время как бы были отдельно. Странная вертикаль власти, но да ради бога, не мне в чужой монастырь со своим уставом лезть. У себя я наведу порядок, какой считаю нужным, а вот дальше пусть люди сами думают, что им милее.

Пересекли условную черту в виде замерзшего ручья, миновали пару рощиц, выходя на накатанный снег тракта, по которому, взяв восточней, пошли уже прямой дорогой мимо сел и деревень на Рону.

Особо не спешили, время до сбора долга у нас было, по грамотам это «вторая неделя, как сойдут снега», посему коней не гнали, но и не задерживались. В самой столице графства предстояло еще встать на постой и расторговаться, заведя нужные связи среди купцов. Впрочем, первое было необязательным условием, так как в замке графа мне должны были предоставить покои и жилье для слуг, но мне не хотелось, избежав козней

Турпа, вклиниваться в круг аристократов, собравшихся перед ясные очи своего господина. Наверняка будут плестись интриги, да и достопамятный Когдейр там будет, ведь именно на таком званом рауте и произошел конфликт между покойным Каливаром и этим гордецом. Это было дико, но вся ссора произошла из-за того, что Каливар случайно опрокинул кувшин с вином на барона Нуггета фон Когдейра, выставив того, по его мнению, на посмешище перед господином. Сам Нуггет был, судя по описанию, тщедушным мужичком и не посмел вызвать Рингмара на дуэль, но вот отплатил тому с лихвой, умыв его земли кровью и убив его самого.

Мне они нужны, эти дворцовые интриги? Нет, нет и еще раз нет. У меня и так голова полна своих забот, а уж о неприятностях там как пить дать позаботится барон Турп, ну не верил я, что подобная личность способна остановиться и просто отойти в сторону. Не тот это человек.

Меж тем природа стала оживать, а днем солнце съедало на глазах снежные торосы, слизывая их теплым, ласковым языком пушистого огненно-рыжего кота. Снежная бель слепила отблесками света, хотя по ночам все еще приходила зима, сковывая все, что растаяло, прочной бронированной коркой льда.

Дорога не пустовала: то сани, то конные всадники, пару раз нас даже объезжала охрана графства, впрочем, без особых вопросов и задержек, останавливая нас и отпуская, когда узнавали, кто едет и куда. Я даже взял это на вооружение, если ко мне в баронство потянутся купцы, нужно будет создать подобные охранные конвои для караванов, на моей земле разбой на дорогах был обыденным явлением.

Был и неожиданный момент: совершенно некстати ко мне прибились попутчики, причем такие, что отказать я не мог. В сопровождении пятидесяти гвардейцев в конном строю в Рону по тракту двигались две санные повозки, ни много ни мало, а с юной дочкой герцога Тида и его супругой! Две дамы высшего света решили погостить у своего родственника графа, заодно выйти в провинциальный свет перед большим королевским балом, который проводился раз в три года в столице королевства. Кстати, он уже прошел, и слава богу! Мне не нужно будет еще и туда ехать ближайшее время!

Юная герцогиня Деметра де Тид и супруга герцога Леа де Тид скучали в дороге и так обрадовались нашей встрече, что чуть ли не запрыгнули ко мне в сани. Но из-за того, что я и так ехал на горе товара, мне пришлось пересесть в их возок, при этом улыбаться и всячески раскланиваться. Вот же принесла их на мою голову нелегкая!

Во-первых, это герцоги, если кто не понял, это начальники моего начальника. Я мог накосячить так, что мне Турп со всеми баронскими армиями под воротами моего замка покажется детской шалостью. А во-вторых, это женщины! О господи, им же не так глянешь, не так сядешь, не так встанешь, не туда посмотришь — и все! Кранты! Они же скривят носики, а у меня туловище станет на голову короче. В общем, пришлось гадом ползучим, змеем скользким юлить у них меж юбок, рассыпаясь комплиментами, и трещать, как сорока, без умолку, создавая видимость милого, простодушного, но такого обходительного и воспитанного мальчика.

Как же они меня достали, я не мог дождаться, когда солнце сядет за горизонт, чтобы перебраться в свои сани и отрубиться! Как же тяжело выслушивать монологи о веяниях моды, слушать сплетни или же декламировать для дам любовные баллады из любезно захваченных ими свитков.

Рюшечки, бантики, романтика, ах, посмотрите, барон, как красиво! Ах, какие прекрасные стихи, барон! А вы влюблялись уже, барон? А какая вам нравится музыка, барон? Вы танцуете? Тьфу! Мракобесие!

Я врач, я делал вскрытие, погружая руки, которые должны быть в тепле, по самые локти в живот покойника! А они мне про танцы и музыку. Хорошо еще, нет баронессы фон Каус, эта бы точно меня накрутила до яростного поросячьего визга своими: «Я же говорила, барон, в приличном обществе без танцев никуда!» Ах, женщины, вы невозможны, вы словно с другой планеты к нам прилетели, жизнь проживу заново, но так и не смогу вас понять.

Я лежал в своих санях, укутанный в шубы, и смотрел на чистое звездное ночное небо, чувствуя, что у меня замерз нос, вспотела спина и чешется пятка, но не в силах что-либо сделать в этой ситуации из-за полного морального истощения. Одно радовало: по моим прикидкам, уже завтра к вечеру мы въедем в город и я избавлюсь от этой сладко-розовой компании.

Пикнул зуммером внутреннего оповещения «Мак», выдавая мне сигнал тревоги, сердце екнуло, я, быстро выведя карту с эхолокатора, почувствовал, как мороз проходит по коже. Около сорока единиц незафиксированных в базе данных живых существ двигались к нашей ночной стоянке потрясающе быстрым темпом.

— Тревога! — Я вскочил в полный рост, скидывая шкуры и активируя боевой модуль, свернутый у меня в статичном состоянии системы. — Нападение! Всем готовность!

Люди заторможенно вскакивали, суетливо бросаясь к оружию и облачаясь в доспехи. Лагерь растревоженным муравейником закружился суетой людей. Мое сопровождение, не раз

проинструктированное, как необходимо действовать в случае чего, спешно сооружало укрытия под санями, сбиваясь в группы и подбрасывая дрова в затухающие костры.

— Барон! Что за паника? Вы же видите: вокруг никого! — Ко мне подошел лэр Тобальд, капитан охранения герцогини.

— Лэр! Не время играть в «верю, не верю»! Собирайте людей кольцом вокруг повозки герцогини! — Я носился по лагерю, заставляя людей прятаться в укрытия. — Поверьте мне, Тобальд, у нас от силы минут десять!

— Но кто посмеет на нас напасть? Нас тут под сотню человек! — Он упер руки в бока, горделиво вскинув подбородок.

— Лэр! К нам идут вампиры! — Я сбрасывал с себя неудобные шубы, оставаясь лишь в камзоле.

— Вы сумасшедший! — Он смерил меня таким взглядом, что я невольно почувствовал себя червяком, ползающим по земле. — Прекратите этот балаган! Никому не нужны ваши сказки в надежде понравиться юной герцогине!

Вот тебе на! Так вот обо мне какого тут мнения! Все мои «лебезения» этот франт воспринял в таком ключе? Ну-ну! Посмотрим, субчик, как ты запоешь!

— Вы мне еще ответите за свои слова. — Я скрипнул зубами, вернув ему злобный взгляд.

— Всегда к вашим услугам! — Гаденькая улыбка сказала все, что он обо мне подумал.

Я больше не смотрел в его сторону, целиком сосредоточившись на локаторе, где стремительно неслись фигуры полулюдей-полузверей, ведомых целью настичь меня.

Лагерь замер в тишине, лишь со стороны герцогини, где находились ее люди, слышался натянутый смех и наблюдалось явное брожение солдат, вновь вгоняющих свои мечи в ножны. Дураки. Мертвые дураки. Нужно будет попробовать отбить герцогинь, нельзя допустить их гибели в моей компании, ох не оберусь я потом неприятностей.

— На подходе! — крикнул я, сверяясь с картой. — Готовность!

Секунды потянулись вечностью, локатор ясно показал мне, как группа растянулась в цепь, обхватывая наш лагерь в кольцо.

— Они здесь! — крикнул я, погружая лагерь в гробовую тишину.

Тук-тук, я слышал, как колотилось мое сердце, видя каждую фигуру, притаившуюся на границе света и тьмы, замершую в ожидании.

— Ха-ха! Я же говорил, все пустое! — донесся до меня голос Тобальда.

Странно, почему они замерли? Чего ждут? Ох, а вот, похоже, и ответ. Из тьмы вышел высокий стройный брюнет с короткой набриолиненной эспаньолкой и лукавыми черными глазами, в уголках которых видны мимические морщинки веселого человека. Да уж, весельчак, мать его етить!

Медленно, совершенно не спеша он проходил мимо повозок, особо ни на кого не глядя, в руках черная трость с серебряным набалдашником и легкий черный плащ, развевающийся за его плечами, словно крылья ворона.

— Ах, барон! — Мужчина поклонился изысканно. — А я вас искал! Впрочем… я смотрю, и вы меня ждали?

— Ах, что вы, сударь! — Я также поклонился ему, запуская «Мак» на предмет сканирования этого гражданина Дракулы. — Бежать бы мне и бежать прочь от нашей встречи!

— Вполне благоразумное решение в ваши юные годы! — Улыбка не сходила с его лица.

— Как поживает мой досточтимый дядюшка? — Чем не повод получить информацию? — Надеюсь, в добром здравии?

— Ха! А вы мне нравитесь, Ульрих! — Он наклонился, приблизив наши лица друг к другу. — И, что странно, я почему-то не ощущаю страха в тебе!

— Кто вы такой? Представьтесь, сударь! — Неожиданно в центр к нам выскочил Тобальд, но договорить так и не смог, так как трость в руках незнакомца разделилась на две части, одна из которых, тускло блеснув в свете костра смертельным тонким росчерком стального лезвия, вскрыла горло капитана. Народ замер в оцепенении.

— Что скажете, барон? — Незнакомец вскинул бровь, вновь повернувшись ко мне и возвращая клинок в ножны трости.

— Мне он сразу не понравился, слишком заносчивый. — Смерть, даже такая, меня не страшила, уж кого-кого, а покойников я насмотрелся на своем веку. — Кстати, не желаете представиться? Раз уж зашли на огонек.

— Ох, простите мне мою неучтивость! — Он еще раз поклонился, расплываясь в своей фирменной легкой улыбочке. — Граф Десмод, к вашим услугам!

— Итак, граф, вы с приветом от моего дяди пожаловали? — Я склонил голову набок, приглашая его к игре.

— Да, юноша! Вы очень проницательны! — Он спародировал меня, сделав наклон головы в другую сторону.

— Вас интересуют деньги, граф? — Я как бы театрально похлопал себя по бокам.

— Теперь нет, что вы, барон! Теперь это личное! — Он впервые показал в улыбке белоснежные клыки.

Люди, что были поблизости, отшатнулись в ужасе. По лагерю, со стороны окружения герцогини, полетел шепот и шелест вынимаемых из ножен клинков, мои люди уже были готовы.

— Ах, вы о той юной леди! — Я вскинул бровь, так как больше мне пугать было нечем. — Весьма досадно… весьма…

— Как будем решать… этот вопрос? — Он обвел молчаливых людей рукой.

— У вас есть предложение? — Я потер замерзающие ладони. — Хотелось бы решить все побыстрей.

— Вы уходите со мной, я отпускаю всех остальных живыми и невредимыми. — Он стал серьезен.

— Хм-м-м, — протянул я, как бы задумываясь над его предложением. — Это очень благородно, граф, с вашей стороны! Не желаете ли выслушать встречное предложение?

— Отчего же, барон! С радостью выслушаю вас! — Взгляд стал предупреждающе опасным, я просто физически ощутил готовность хищника к атаке.

— Ваши… кхм… люди уходят живыми, а вы, сударь, поступаете ко мне на службу. — Честно сказать, этот бред я выдумал только что на ходу, сам от себя не ожидая подобного.

— Мне кажется, барон, или вы что-то не понимаете? Не в вашем случае говорить подобные вещи. — Граф пристально осмотрел лагерь, видимо, ища подвох или причину моей смелости. — С вами нет сэра Дако, и даже если бы он был, сила все равно на моей стороне.

— Знаете, граф. — Я устало вздохнул. — Сэр Дако — мой учитель.

— Знаю, барон. — Он изогнул бровь. — Вам не кажется, что вы слишком самонадеянны для ученика? Я жду четкого ответа, и, увы, мне он нужен сейчас, времени на размышления у вас, юноша, нет.

— Мой вам ответ, граф, будет ясен до предела. — Я, отставив ножку, как учила баронесса фон Каус, отвесил ему учтивый поклон. Тут же получил любезное расшаркивание с его стороны. — Прошу: смотрите!

Методы борьбы с вампирами были широко известны и вполне обоснованны со стороны науки. В ходе трансмутации эти существа действительно получили кожу, выгорающую на глазах при свете ультрафиолета, они действительно были ранимы серебром, которое вступало практически в мгновенную реакцию с их кровью, запуская по венам продукт распада и окисления, практически смертельный яд. Мои люди были вооружены арбалетами с болтами, у которых посеребрены наконечники, а уж у меня домашних заготовок было хоть отбавляй! Одной из них

стало разработанное мной заклинание, которое я скромно назвал «Звезда во тьме мастера Ульриха». Я придумал его во время салюта в Касприве, на новогодние каникулы.

Маленькая пульсирующая точка бело-голубого света зажглась на моей ладони, огонек немного покрутился, окрепнув, а потом звездочкой в ночи взмыл в небо, поднимаясь все выше и выше в небо.

— Занятно, барон! — На его лице играла улыбка.

— Спасибо, моя первая самостоятельная работа, я назвал его «Звезда во тьме», правда, красиво?

Ответом мне стал вой и змеиное шипение со стороны графа, маленькая звездочка вспыхнула ярким солнцем, выдавая сумасшедшую дозу ультрафиолета на землю и освещая все вокруг на сотни метров. Да уж, солярий я тут устроил, будь здоров! Не удивлюсь, если мы утром все будем с загаром на лицах! Меж тем выла в муках боли вся округа, страшный многоголосый рык раненых зверей разносился далеко окрест. Люди в свете увидели страшные тела притаившихся во тьме монстров, окруживших лагерь. Эти звери катались по земле, корчась в муках и вырывая своими огромными когтями куски земли.

— Я не уверен, но вам, кажется, не нравится, граф? — Я внимательно смотрел на главного, который укрыл голову плащом, издавая какой-то жалобный то ли рык, то ли стон. — Может, вам будут милее затеи моего учителя, сэра Дако?

По моей команде боевой модуль «Мака», как из пулемета, стал по радару осыпать окруживших лагерь вампиров ударами из смертоносного арсенала мастера Эббуза, но вот не кулаками, а тонкой проекцией сжатого воздуха, разрубающего лезвием бритвы все на своем пути. «Эббузовы лезвия» с безжалостностью стихии перерубали монстров пополам, отделяя с пугающей легкостью части тел и вздыбливая куски промерзшего грунта.

Монстр рядом со мной взревел, отбрасывая все человеческое, страшный хищник повис массой бугрящихся мышц на выстроенном третьем щите мастера Десты, остановленный, словно кобра стеклом в серпентарии зоопарка. Страшный, мощный, разозленный зверь с ужасными бугрящимися волдырями ожогов по всему телу.

— Мы еще встретимся, Ульрих! — Слова, вытолкнутые монстром из оскаленной пасти, походили на раскат камнепада. Зверь крутнулся, пускаясь наутек и забирая с собой от силы пятерых выживших, которые оказались самыми предусмотрительными и первыми унеслись из круга моей звезды.

— Постойте, граф! — Я улыбнулся. — У меня вам подарок!

«Бритва Эббуза» сорвалась с моих рук, на ходу раскручивая

воздушный диск тонкой сжатой струей воздуха, но тварь метнулась в сторону, звериным чутьем определив опасность, уходя из-под удара… почти… одна из его рук упала на землю, обдав все вокруг дымящейся кровью. Надо отдать тому должное, он, не ощущая потери, несся в спасительную тьму, не сбавляя оборотов.

Радар «Мака» показал быстро удаляющихся вампиров, спасшихся от меня сегодня ночью. Мне же еще предстояло море работы. Я ходил по полю, сжигая все еще двигающиеся обугленные куски плоти, оставшиеся от некогда грозного гнезда вампиров. Преумножать милостью врагов я не собирался, беспощадно выжигая нечисть, мои люди баграми стаскивали корчащиеся остатки тел, где уже в куче я превращал все в прах кольцом Прая.

Но я был бы не я, если бы не учудил: на краю поля корчился с отрубленными ногами молодой трансморф, вампир. Худое поджарое тело, еще не окрепший костяк и не окончательно обезображенное лицо когда-то, похоже, симпатичной девушки-подростка. Она, обожженная местами до кости ультрафиолетом, мучилась, находясь при смерти от боли.

— Связать, укутать в шкуры, никому ни слова!

Рядом со мной находились только мои стражники.

— Языки держать за зубами! Головой поплатитесь.

Зачем? Для чего? Честно сказать, я и сам не знал. Может быть, из научных побуждений, а может, жалко стало. Не знаю, может быть, просто устал этой ночью.

* * *

В Рону мы въехали, как и планировали, под вечер следующего дня. Город ничем не отличался от Касприва полгода назад, разве что размеры значительно больше. Грязь, смрад, серость и убогость. Да, моя вотчина теперь могла дать этому великану из блох и болезней по красоте сто очков вперед. Единственное, что внушало уважение, — это дворец графа, заметьте, не замок, как у меня, а настоящий дворец в центре города, обнесенный стеной с башнями, аккуратными садами и аллеями, даже фонтаном, правда, укрытым пока на зиму грубо сколоченными деревянными щитами.

Графы де Мирт не скупились, украшая свое родовое имение, впрочем, у них и средств к этому было в разы больше, чем у баронов Рингмаров.

Восторженных герцогинь, которые пели остаток пути хвалебные песни славному герою и спасителю, то есть мне, я доставил до самых ворот дворца, с облегчением вздохнув, затем отправил слуг в город, чтоб подыскать для съема дом на время моего пребывания здесь. А сам устроился в одной из таверн почище, усевшись с парой солдат в углу зала, ожидая нехитрую снедь, которую обещал предоставить мне хозяин этого заведения.

Народ в зале тушевался, явно люд не привык к обществу благородных, не зная, как себя толком вести. Крестьяне и горожане, рабочие при цехах разных гильдий, пара городских стражников, какая-то ватага разбойного вида мужиков при мечах и неполном легком доспехе.

— Ваш заказ, мой господин. — К столу подошла молодая служанка, поднося поднос с заказом на меня и моих солдат. — Что-то еще изволите?

— Нет. — Я ссыпал горсть серебра ей в руку, жестом отпуская прочь.

Время, похоже, уже позднее, если вернутся слуги, ничего не найдя, придется беспокоить местного хозяина на предмет комнаты, хотя предпочтительней, наверное, спать в санях, чем в этом рассаднике телесных паразитов.

Но, к моей несказанной радости, судьба отнеслась к нам милостиво. Уже в полной темноте мой караван въехал в большое обнесенное каменным забором подворье одного из лэров графства. Старый лэр Тимон часто сдавал свой дом караванам торговцев, берясь обслуживать гостей за довольно кусачую цену, хоть это того и стоило.

В следующие две недели я был поглощен своими делами, носясь по городу от торговца к торговцу, общаясь с купцами и посещая различные лавки и мастерские. Хотя не забывал и о графе, заявившись к нему и засвидетельствовав свое почтение. Город наводнили слухи о молодом бароне-маге, который разделался с тысячей вампиров, напавших самым подлым образом на герцогиню в пути. Откуда ноги растут, я прекрасно представлял, поэтому не лез и не мешал герцогиням трепаться о своих страшных приключениях. Единственное, немного поправил рассказ при личной аудиенции с графом Паскалем. Мужчина за тридцать, шатен с аккуратной бородкой и умными, проницательными глазами и мягкой речью.

Времени еще было полно, я приехал одним из первых, до бала весны и деловых передач и разговоров было примерно еще с неделю, поэтому я особо не спешил, заключая торговые сделки с местными толстосумами, посещая их дома. Товар брали охотно, я распродался с хорошей прибылью, завел нужные связи и скоммуниздил пару идей в местных мастеровых гильдиях. Что тут скажешь, о промышленном шпионаже и патентном бюро тут пока не знали.

Днем суета, вечером же совсем другой коленкор: в арендованном вместе с покоями подвале меня ждал молодой вампиренок, скованный стальными цепями на столе. Интерес к трансформу у меня был пока научный. Зверь не умер, раны зарубцевались, кожа выглядела еще ужасно, но вот открытые кости заросли новыми тканями. Он смердел, поскуливал, но пока молчал, может, из-за пока неразвитого мышления, может, по другим причинам. Меня это не интересовало. Я вел журнал обследования и составлял карту на монстра, замеряя и зарисовывая мышечную структуру, размер легких, светил в глаза, фиксируя время задержки и отклика зрачков, наблюдал работу сердца по ритмике, прослушивал его, прощупывал, срезал кусочки обгорелой кожи, собирая по нему материал. Это было интересно, я уже три докторских диссертации мог написать только на одних наблюдениях. Впрочем, тварь пришлось и кормить, так как у нее начал наступать пик агрессии. Долго думать, чем ее кормить, не приходилось, не людей же ему скармливать? В дело пошла свиная кровь, что явно шло моему монстрику на пользу, скорость регенерации возросла, даже обрубки ног, по моим данным, увеличились по длине! Неужели это чудо способно, как ящерица хвост, отрастить себе ноги? Ах, какой замечательный случай! Какой замечательный больной!

Эх, мне бы самую простую лабораторию, хотя бы даже оставшуюся в замке, вот бы я развернулся, такой потрясающий

образец неиссякаемой силы, энергии, а какая регенерация?! Впрочем, все еще впереди, дайте мне добраться до Лисьего.

Время пролетело быстро, на улице действительно к тому времени почти полностью спал снег, доставляя мне лишнюю головную боль по переоборудованию моего обоза с санного хода на колеса. Держать весь обоз с собой я не был намерен, по продаже грузов отправлял уже не сани, а телеги домой, пустыми, так как графство, увы, не могло мне предложить того, чего не было у меня. Таким образом, к концу недели из тридцати телег у меня оставалось две, плюс десяток стражников.

Вскоре же из дворца пришел посыльный, сообщая, что все бароны в сборе и граф приглашает меня присоединиться вечером к ужину. Вечером так вечером, я достал свой лучший камзол, слуга до зеркального блеска начистил мне высокие сапоги. Я надел легкие черные штаны, белоснежную рубашку с кружевным воротником и, в довершение картины, взял трость графа Десмода, подобранную мною на поле боя, презанятная, должен я сказать, вещица. Телеги с подарками уже были запряжены, так что вперед, во дворец.

По пути через город «Мак» выдал зуммер предупреждения, зафиксировав меткой следовавшую в отдалении от меня фигуру старого знакомого, я улыбнулся, погладив набалдашник трости.

Сам званый ужин проходил тихо, без особой помпы. Каминный зал, длинный дубовый стол, сервированный серебряной посудой, изысканная даже по моим меркам еда и напряженные взгляды друг на друга.

Во главе стола сидел сам Паскаль де Мирт, по правую руку от него восседала дородная женщина средних лет с печальным лицом усталого человека, это была его супруга, графиня Катрин, тут же рядом с ней восседали два ее сына. Старший Альфред, сбитый крепыш лет пятнадцати, и младший Герман, примерно мой ровесник, лет восьми отроду. Слева от графа сидели Деметра и Леа де Тид, сияющие, как новогодние елки, от навешанных на них украшений. Не знаю, как они будут выглядеть на балу у короля, но здесь я бы их и курицами не окрестил, так бездарно все на себя напялить — это еще постараться нужно.

Дальше уже в свободной форме друг напротив друга восседали мы, бароны. Я со стороны герцогини плечом к плечу сидел рядом с бароном Турпом, хмурым богомолом, делающим упорно вид, что меня тут нет. Напротив нас восседал тучный рыжеволосый мужчина слегка за пятьдесят, с пухлыми крупными руками и веселым нравом, это был Олаф Кемгербальд, причины его веселья можно перечислить так: Листа, Тина, Эста, Сильвия, Дель фон Кемгербальд. Пять дочерей! Это рехнуться можно!

Неудивительно, что он постоянно хохочет и улыбается. У него, наверное, весь годовой бюджет с земли на колготки и платья уходит, а девицы хоть и молоды, но скоро и кавалеры попрут табунами, сиди потом, за каждой в кустах подглядывай с плеткой. Б-р-р. Бедный папочка, хотя вроде бы был у него и сын, который остался в имении за управляющего. Дальше по нашей стороне, за Турпом, восседало скромное семейство Пикскваров: сам барон Томас, светловолосый, с проседью на висках мужчина около сорока лет с чувствующейся выправкой опытного вояки, его жена Лора, подтянутая и серьезная под стать мужу, и их дочь Флора Пикскварр, белобрысая девчушка моих лет. Напротив них сидел в одиночестве Наполеон Бонапарт. Шутка. Хоть и похож. Барон Нуггет фон Когдейр был необычайно маленького роста. Наверное, если мы встанем с ним рядом, он едва будет выше меня на полголовы. Лет ему было около двадцати пяти, при своем росте и утонченной легкости, с мягкими чертами лица, белой кожей без единого волоса на скулах, он походил на… девушку. Злую, такую, мелкую и кусачую. Неудивительно, что его все старались задеть, а он выработал подлые приемы мести, будучи не в состоянии вызвать кого-либо на дуэль, злости в нем, похоже, и обиды хватило на нас всех. Ну и замыкали шествие Гердскольды, пожилая супружеская пара с двумя сыновьями Рамусом и Тримом, красавцами мужчинами, крепкими этакими гусарами около тридцати лет. Видимо, на них и была объявлена сегодня охота женским контингентом нашего скромного вечера, так как то одна, то другая барышня под тем или иным предлогом считала своим долгом перекинуться словом с парнями.

Все было вполне мило и, что несказанно радовало, очень вкусно. Да, за время моего пребывания в этом мире я еще не пробовал таких изысков. Во время жизни в деревне перебивались чем Бог пошлет, когда я стал бароном, мне накрывали богатый, но дикий стол, изобилующий чем-то мясным, обжаренным на костре. Здесь же чувствовалась настоящая рука мастера, еда не только вкусна, но и сервирована красиво!

По мере смены блюд народ стал один за другим отходить от стола, ведя неспешные беседы и кучкуясь по группам. Сами понимаете, Рамус и Трим Гердскольды были оккупированы, так что из-за юбок почти было не разглядеть их перекошенные «счастьем» лица.

— Барон. — Я кивнул Турпу, в одиночестве восседающему в кресле у камина.

— Барон, — ответил он кивком, плотно сжав побелевшие губы.

— Как добрались, дядюшка? Легок ли был ваш путь? — Я

присел в соседнее кресло, поигрывая черной тростью.

— Спасибо за заботу, Ульрих. Все хорошо. — В его взгляде мелькнуло узнавание предмета в моих руках. — Вижу, что в очередной раз я разбит тобою.

— Занятный персонаж этот граф, — после паузы, рассматривая трость, ответил я. — Вам стоило больших трудов вывести эту фигуру из тени.

— Да уж. — Он поморщился. — Мне это дорого обошлось. Не знаю, удовлетворит ли это ваши амбиции, дорогой племянник, но я сдаюсь. В этой погоне за вами, юноша, мое положение в обществе и при дворе очень сильно покачнулось.

Неужто победа? Хотелось верить, но уж слишком большим для него был куш.

— Вот, извольте. — Он протянул мне свиток, который достал из-за ворота своей куртки. — Здесь официально я подтверждаю своей волей любое ваше решение по управлению баронством. Вы полноправный хозяин, теперь мое согласие не требуется в тех или иных делах. Завтра я отбываю в столицу, на этом наши с вами пути расходятся, если, конечно, вы не желаете мести.

— Один мудрец сказал, — я взял в руки грамоту, развернув и пристально изучая подпись и оттиск печати: — Поддавшись мести, копай две могилы, одну для врага, а вторую для себя. Ваши действия, барон, не нанесли мне и моим близким людям непоправимый ущерб. Претензий к вам у меня нет. Да будет мир.

В конце фразы я автоматически показал ему пальцами латинскую V, как хиппи. Поверил ли я ему? Однозначно нет. Но вот грамота была вполне официальным документом, а уж если он уедет подальше, так это вообще замечательно. Дам ему шанс, последний, к тому же иного выхода, кроме как убить его, у меня не было, а убивать людей, пусть даже и таких, из холодного расчета я не мог.

— Что ж, пойду, попрощаюсь с хозяином, завтра мне в дорогу. Удачи вам, Ульрих. — Он встал, отвесил мне поклон и, не дожидаясь ответа, ушел, оставляя меня одного, впрочем, ненадолго.

— Я так понял, ты только что получил вольную? — В соседнее кресло плюхнулся Когдейр. — Прими мои поздравления по этому случаю, мальчик, и соболезнования, которые я не смог тебе лично в свое время выразить, в связи с гибелью твоего папочки!

Лицо его исказила гримаса брезгливости и какого-то внутреннего торжества. Неужто решил поиздеваться над одиноким мальчиком, мелкий гад? На мне хочешь выместить все обиды за всю свою жизнь?

— Ничего страшного, барон. — Я вскинул бровь. — Все равно в скором времени я собирался посетить ваше родовое имение, где вы бы все мне сказали по этому случаю.

— Угрожаешь мне, сопляк? — Он говорил тихо, не привлекая к нам внимания. — Твой папочка тоже любил при жизни словами разбрасываться, да только где он теперь?

— Знаете, барон. — Я мило улыбнулся, подаваясь к нему вперед. — У моего батюшки покойного был один близкий друг, сэр Самли, они погибли вместе, но у доблестного рыцаря есть два сына, знатные бойцы, говорят, они сейчас в Роне и желают с вами пообщаться.

Братья Самли действительно были где-то в Роне, они еще летом уехали сюда, правда, об их намерениях я доподлинно не знал, но вот и Нуггет тоже. Он побледнел, лоб покрыла испарина, да, Когдейр мог быть подлым и опасным на поле боя, но вот как бы ему помогло это на дуэли? А дуэлянт из него, похоже, еще тот, это ж надо было додуматься — прийти мальчишку задирать.

Нуггет молча вскочил, покидая меня. К этому субчику у меня будет отдельный разговор, есть у меня долг перед мамой Ишей и стариком Охтой, и этот долг я когда-нибудь предъявлю мелкому гаду с лихвой.

Подошло время для подарков, бароны каждый на свой лад и в зависимости от своего благосостояния пытались выделиться, даря графу де Мирту то коней, то дорогие меха или же, как Нуггет, искусные золотые украшения. Граф кивал и улыбался, похоже, все привычно и неново, еще бы, за долгие годы он этого добра насмотрелся и скопил в достатке, моя очередь была последней. Для сюрприза с дозволения самого графа мне предоставили его личные покои, где весь вечер, пока мы ужинали, трудились мои слуги, монтируя там шедевры моей мебельной фабрики — стенку, шкафы — и внося мебель.

Когда пришла моя очередь, к графу Паскалю в кабинет ввалились всей толпой, о моем подарке были все наслышаны, кто ждал со скептицизмом, кто с интересом, а вот сам граф, похоже, был доволен по-настоящему.

Еще бы, все эргономично и в то же время создавало образ богатого убранства из-за многочисленных узоров, выполненных по моим эскизам. Я не поскупился, захватив и простые резные панели, закрепленные теперь на стенах, каменный саркофаг приобрел уют и тепло, а уж про мягкую мебель и говорить не стоит, барышни охали и вздыхали, пробуя диван и кресла, обитые кожаными вставками и дорогим бархатом. Массивный стол с ящиками под ключ, кресло, в котором жить можно, — все это произвело должное впечатление! Не говоря уже о втором дне в

ящиках и маленьком секрете в столе, куда мог поместиться хороший кувшинчик с вином, и никто не узнает. Это я уже показывал графу потом, не при посторонних.

Сейчас же я, пока все в сборе, продемонстрировал другое чудо — изготовленное в человеческий рост зеркало, чем вызвал сначала испуг у окружающих, а потом единовременный возглас присутствующих в комнате дам:

— Дорогой, нам нужно такое!

— Папа, купи!

— Милый, мне нужно два!

А уж на беднягу Кемгербальда вообще все мужики смотрели с жалостью, его женский батальон взвыл, так что окна затряслись во дворце. Я был горд тем, что смог выпендриться больше всех, да и прекрасный пол мне теперь такую рекламу даст, ого-го!

Дальше мы были вынуждены мужским коллективом отправляться назад, в каминную, так как из-за зеркала в кабинете графа был полный аншлаг, дамы, кажется, даже не заметили нашего отсутствия. Бедные, сколько лет они мучились, вглядываясь в серебряные или медные диски, начищенные до блеска, пытаясь в искаженном отражении поправить локоны, а тут такое чудо. Требую себе памятник при жизни, а что, имею право!

В каминной граф уже при помощи своего управляющего, лэра Августа Мовствела, принимал от нас звонкую монету, ведя учет в большом гроссбухе. Здесь уже были финансы и скукотень, верные вассалы выплачивали долг. Расходились уже за полночь, один я отказался от комнат во дворце, взбираясь на своего Уголька и собираясь ехать на ночь глядя в снятое подворье. Я был рад, дела улажены, себя показал, можно было завтра и домой отправляться, здесь меня больше ничего не держит.

* * *

Но уехать следующим утром не получилось: граф, видимо, под давлением женщин решил задержать меня, пригласив в полдень на обед, а отказать ему я не мог, хорошим расположением сюзеренов не разбрасываются.

До обеда просто провалялся в постели, читая литературу, скачанную из библиотеки Дако. Все-таки удобная вещь, не то что бумажный кирпич в руке держать, а уж мой «Мак» так и подавно, здесь мне даже пальцем не нужно шевелить — все с помощью мыслекоманд. Помню лет пятнадцать-двадцать назад выносил из квартиры у себя на Земле целые стеллажи бумажных изданий, сдавая всю эту макулатуру совершенно бесплатно в районную

библиотеку, так там преклонных лет дамочка вздыхала и охала: «Да как вы можете со всеми этими сокровищами расставаться?!» Я тогда ей свой ноут показал, где у меня на «винте» хранилось больше, чем во всей библиотеке. «Но как же так? Это же неудобно, это дико! Ваши книги не пахнут!» Я тогда еле сдержался, чтобы не рассмеяться и не обидеть старую гвардию. Надо же, мои книги не пахнут, да, черт возьми, я счастлив, что они не пахнут и не забирают полдома жилой площади, за них не нужно трястись — помнутся или обтреплются странички, друзья переломят переплет, нужно неделю через неделю пыль с них смахивать… Хоть и стало тогда тоскливо немного, словно старые друзья уходят, знаете, так бывает, когда случайно находишь давным-давно сделанную фотографию, еще откуда-нибудь из студенческой жизни, смотришь на нее, не узнавая, а потом улыбаешься, вспоминая, как ты корчил на ней рожу, стараясь выглядеть возвышенно прекрасным и старше, чем ты есть.

К обеду во дворец я выехал в приподнятом настроении, поскольку ничто так не облагораживает человека, поднимая его настроение, как утренняя лень и возможность поваляться часок-другой в постели. Да, прелесть, а не погода стояла на улице, шубу долой! Шапку долой! Легкая прохлада и яркое-яркое, теплое-теплое солнце весны, такое сладкое и вкусное после унылых холодов, что чувствуешь себя в его лучах так, как будто в бочку с медом свалился. Как же прекрасен мир под звук капели! Да я вас всех в такие минуты люблю и готов расцеловать. Даже своего друга, засеченного эхолокатором «Мака» и следовавшего за мной в отдалении, как тень. Я усмехнулся ему, помахав трофейной тростью над головой.

Во дворце за столом из вчерашних гостей остался только взвод невест имени Кемгербальда, я, ваш почтенный слуга, и сам граф со своими детьми и супругой. Герцогинь не было, хотя я доподлинно знал, что они тут собираются провести почти всю весну и лето. Ну не мне забивать голову их хлопотами, тем более что центром стайки девиц стал я. Нравы тут допускали и не такое: на кого родители покажут пальцем, за того и замуж иди, будь то старик, убеленный сединами, или же мальчишка, как я. Впрочем, меч обоюдоострый: коли дадут родители благословение на брак, то и мне, мальчонке нецелованному, пришлось бы идти под венец с бабушкой. Причем уже после того, как мне исполнится двенадцать лет, то есть погибать в самом расцвете сил.

Вполне невинные разговоры и шутки, меня пытались ненавязчиво раскрутить на подарки в виде зеркал присутствующим дамам, но я лишь вздыхал, говоря, что делать

подобные вещи хлопотно и долго, а единственное зеркало уже подарил. Врал, конечно, безбожно, я в Рону завез две санные подводы с ручными зеркальцами, которые уже распродал, совершенно не заботясь о желаниях местных дам.

Мы еще немного посидели после обеда, болтая о пустяках, в основном все упрашивали меня еще погостить, но я опять юлил, заверяя всех, что сплю и вижу, как остаюсь тут, но, увы, дела, дела, дела…

Уже собираясь откланиваться, с досадой внутри и с улыбкой на лице был вынужден вновь плюхнуться в кресло, опять с вежливым вниманием кивая словоохотливым барышням. Графа вызвал слуга, и он спешно удалился, ничего не сказав, а уйти, не попрощавшись с хозяином, было дурным тоном.

— Барон. — Тучный Олаф Кемгербальд держал одну из младшеньких своих дочерей на коленях, такую же пампушку, улыбчивую веснушку, с огненно-рыжей копной волос. — Я слышал, вы проявили заботу о дочке сэра Кофа? Наняли великолепных наставников в лице баронессы фон Каус и прекрасной графини де Красс. Лучших кандидатур, чтобы юные леди выросли в истинных дам, и во всем свете не сыскать!

— Да, барон. — Ядрена кочерыжка! Ох, чует мое сердце, что-то сейчас будет.

— Я хотел бы обратиться к вам с деликатной просьбой. — Ой, мамочки! — У меня растет пять прекрасных дочерей, как любящий отец, я желаю им счастья и готов предоставить им все для того, чтобы они заняли достойное место в обществе.

— Понимаю вас, барон, пусть и не как отец и зрелый муж, а как человек, не лишенный сердца. — Да уж, глядя на него, я действительно видел любящего отца, а не мужчину, обремененного какой-то непомерной тяжестью. Дочки у него были и вправду ладные, не угрюмые, улыбчивые, под стать ему, славные такие рыжулечки.

— Я хотел бы вас попросить принять хотя бы на полгода в обучение моих дочерей, за ценой я не постою, если это обременит вас. — А за видом толстячка-простачка, похоже, не простой человек скрывается.

— Не стоит беспокоиться о финансах, барон Кемгербальд. — Конечно, можно было смело стрясти с него неплохую сумму, но я уже и так видел кое-какую выгоду. Все дело в моей маленькой Ви, девочка откровенно скучала, ей нужны подружки, по старой памяти она тянулась непринужденно ко всем детям, невзирая на то что это дети слуг, а так мне не приучить ее к новой жизни. Вот я и подумал, что это будет неплохая компания и новый круг общения для нее. Старшие девочки и присмотрят, и научат своим

премудростям, с младшей Дель так они вообще одногодки. — Ни одной монетки я с вас не возьму, более того, каждая из ваших дочерей будет обеспечена мною всем от и до и сможет находиться в моих землях столько, сколько потребуется, неограниченная каким-либо сроком.

— Э-э-э-э… — У Олафа отпала челюсть. Практика отсылать своих отпрысков для обучения наукам в соседние имения тут практиковалась, но не бесплатно же! — Но как же так?

— Ах, оставьте, барон! — Я махнул рукой. — У вас чудесные девочки, и мне это совершеннейшим образом ничего не стоит! Маленькая леди Коф изнывает от тоски, а тут и присмотр, и слово, и дело с ней рядом будут. Мне откровенно некогда, да и знаний у меня нет, чтобы толком понять этих милых созданий.

— Да. — Он задумчиво рассматривал меня. — Девочки в воспитании гораздо более требовательны, от них деревянным мечом и игрушечным конем не отделаться. Пожалуй, я понимаю ваш мотив и принимаю его, только настаиваю все же на внесении платы. Я прошу вас, назовите сумму.

— Нет, я настаиваю, чтоб в этом деле не были замешаны деньги! — Я категорично помотал головой. — Деньги портят людей, даже если нам с вами когда-нибудь придется делить что-то между собой, девочек это не должно касаться. Давайте просто ударим по рукам, так сказать, услуга за услугу! Когда-нибудь я обращусь к вам с просьбой, и вы окажете мне любезность.

— А вы не так просты, мой юный друг, как могло бы показаться! — Олаф раскатисто хохотнул, потирая руки. — Знаете, я даже больше вам дам, чем вы думаете! Пять! Я дам вам, юный друг, пять желаний по счету своих дочерей, и пусть мне каждое обойдется дороже, чем все, что у меня есть, вместе взятое, но я сдержу свое слово!

— Опрометчивое решение, барон. — Я был серьезен, на моем лице не было и тени улыбки. — Даже одно желание может стать непосильной ношей, прошу вас взвесить свои слова еще раз, я не в претензии.

— Не пугайте старика, юноша. — Он тоже был серьезен. — Я вижу, вы не тот человек, что станет забирать больше, чем я могу дать, а счастье моих дочерей вообще бесценно.

— В таком случае, господин барон, почту за честь сделать все зависящее от меня! — Я встал, протягивая ему руку.

— Взаимно, мой мальчик, взаимно.

Моя рука утонула в его ладони.

— Что-то хозяина давно нет.

Я задумчиво разглядывал вход в зал. Мы договорились с Олафом, что через день девочки соберут свои вещи, тогда вместе

мы выдвинемся в мои земли. Нужно было отдать распоряжение, чтобы девушкам организовали в телеге хоть какой-то комфорт, немного разнообразили скудный рацион в дороге… Но хозяина все не было.

— Милейший! — Олаф подозвал одного из слуг у дверей. — Посмотри, где наш радушный граф? Что-то его давно не видно.

— Слушаюсь. — Тот поклонился, тут же скрывшись из виду.

Переговариваясь, народ тоже стал подниматься, потихоньку направляясь к выходу, когда вернулся посланный бароном слуга, с криком ворвавшись в комнату с побелевшим, словно мел, лицом.

— Графа убили! — Его трясло. — Графа де Мирт убили!

Что? Как? Где? Народ шумел, в замке носилась стража и бедные перепуганные слуги. Графиня Катрин, словно умалишенная, упала на пол, заливаясь слезами. Мне невыносимо было это видеть, горе женщины было таким явным, что просто резало сердце.

— Веди к покойному. — Я взял за локоть замершего в ступоре слугу, отмечая, что и Кемгербальд следует за нами.

— Где его обнаружили? — Я аккуратно встряхнул слугу. — Кого-то видели рядом? Кто-то выходил от него? С кем он встречался, когда его вызвали?

— Он в кабинете. — Слуга то краснел, то бледнел. — Он должен был встретиться с герцогиней, она и нашла его, когда пришла на встречу.

— Где она сейчас? — Мы вошли в кабинет, замирая от ужаса.

— Ей плохо, она в слезах убежала в свои покои. — Слуга нервно сглотнул.

Да уж картина была нелицеприятная: покойного полоснули ножом по горлу — мучительная смерть, это лишь в фильмах, если человека ударить ножом, он падает замертво, в жизни же все гораздо страшней. Граф еще какое-то время был жив, передвигался по кабинету, видимо, стремясь вырваться отсюда прочь, либо же пытаясь убежать от убийцы, все это время заливал стены и пол кровавым фонтаном. С резаными ранами человек умирает не сразу, боли он практически не чувствует, просто слабея на глазах от потери крови, оставаясь при этом в сознании и ужасе, сначала пытаясь идти на подгибающихся ногах, потом ползти, не веря в то, что его путь уже окончен.

— Слушай наказ. — Я вновь дернул слугу за рукав, выводя его из ступора. — К дверям поставить охрану, никого внутрь без дозволения не впускать. Ворота дворца также закрыть, чтоб никто его не покидал.

— Что вы задумали, барон? — спросил Олаф, внимательно

осматривая комнату.

— Оказать последнюю любезность покойному и постараться поймать его убийцу. — Я жестом остановил его, когда он попытался пройти дальше в комнату. — Прошу, барон, не двигайтесь! Это важно — осмотреть место преступления первыми, когда тут еще все на тех местах, чтобы понять, как все произошло.

— Не пойму. — Он озадаченно погладил свой подбородок.

— Все очень просто, вот смотрите и загибайте пальцы. — Я поднял руку, растопырив ладонь. — Первый палец — это мы уже с вами знаем, что граф ждал встречи, так? Так. Второй палец — это то, что, когда герцогиня пришла, граф уже был мертв, так?

— Кажется, так… — Он озадаченно смотрел на меня.

— Тогда скажите мне, почему у стола поднос с легкой закуской и два бокала? — Я рукой показал на предметы, после чего, обходя кровавый след, заглянул в каждый бокал. — Тот, что со стороны графского кресла, пуст, тот, что со стороны возле кресла для гостей, лишь наполовину. О чем нам это говорит?

— Э-э-м… — Он был озадачен.

— О том, что до прихода герцогини тут, рядом с ним, уже был человек, с которым он разговаривал достаточно долгое время, чтобы выпить свое вино, а также достаточно времени, чтобы гость пригубил свой бокал. — Я вернулся к стоящему возле входной двери барону, вновь показывая ладонь с двумя загнутыми пальцами. — Это третий палец. Раз герцогиня обнаружила графа мертвым, то последний, кто тут был перед ее приходом, и есть убийца. Граф его знал, граф остался с ним один на один, следовательно, в какой-то мере он ему доверял, а раз расстарался на закуску и, судя по запаху, свое не самое плохое вино, гость не слуга и не стражник, он либо кто-то из гостей либо из приближенных, с которыми он вел дела.

— Боги поднебесья! — Олаф раскрыл рот.

— Теперь смотрите вон туда, вниз стола, со стороны гостевого кресла, что видите? — Я кивком головы указал ему направление.

— Ну… Бумаги графские, похоже, свитки какие-то. — Он пожал плечами.

— Вчера, когда мы графу презентовали этот стол, все бумаги были на нем сложены аккуратно в стопки, а теперь смотрите на правую настенную панель, видите? — Я опять указал ему головой направление, где на стене возле стола виднелась клякса расплывающегося пятна крови.

— Б-р-р-р. — Его передернуло от этой картины.

— Я думаю, что четвертый палец мы загнем, если предположим, что гость подошел к столу, где сидел граф, и

сказал ему что-то нелицеприятное, отчего граф вскочил с кресла, перегнулся через стол и, возможно, схватил, что называется, за грудки нашего таинственного незнакомца, смахнув бумаги со стола тому под ноги. — Я замолчал, обдумывая и осматривая еще раз общую картину.

— И? — В глазах барона можно было прочитать смесь восторга и испуга.

— Да, вы правильно подумали, в этот-то момент гость и нанес графу удар ножом. Граф был в неудобной позе, открыт и вытянут, а руки были заняты, чтоб защититься. — Я вновь указал на пятно на стене. — Это первая кровь, которая самым мощным фонтаном ударила из открытого горла графа. Напор мощный, тело еще полнокровно, и потому пятно так высоко и на удалении от стола, в то время как кровавый след в другой стороне.

— Пять будет? — Похоже, он раззадорился.

— А как же! — Я вновь указал на стол. — Видите по следу крови, как граф шел? Обошел стол слева, направляясь убийце.

— Да. — Он тоже пристально рассматривал пол кабинета.

— Пятый палец — это странное поведение убийцы, он не бежал, не ринулся прочь отсюда, он стоял и смотрел, как граф идет, заливаясь кровью. — Я загнул последний палец на ладони. — Хладнокровно, спокойно, можно даже предположить, что с удовольствием, убийца смотрел на него. На то, как его покидает жизнь. Вот скажите, вы бы так смогли?

— Да ты с ума сошел, мальчишка?! — В голосе не столько злость, сколько страх. — Это ж кем надо быть?

— А я вам скажу кем. Человеком, идущим на месть, человеком, который пришел и сказал в лицо графу все, что думает, выводя своего врага из равновесия, а также для того, чтобы жертва знала, за что с ней так поступают. Наш убийца все еще во дворце, он не спешил, не убегал, он все еще здесь, чтобы, возможно, увидеть всю картину целиком.

— Закрыть дворцовые ворота! — взревел Олаф раненым медведем.

— Тише, барон. — Я взял его за руку, успокаивая. — Ворота уже закрыли, да и, судя по всему, в этом нет необходимости, убийца и не собирается никуда уходить.

— Но как же так?! — Он, не веря, помотал головой.

— Барон, собаки особо рьяно кидаются только за убегающим, а наш убийца не такой, он не считает себя преступником, он думает, что он в своем праве. Он будет сидеть у себя в апартаментах и ждать, когда мы придумаем, кто убийца, а потом с рвением, достойным похвалы, поддержит нашу придумку, оставаясь все время в тени.

— Каков нахал! — Барон топнул ногой и уже более спокойно спросил: — Как нам его найти?

— А мы будем его искать? — Я смотрел ему глаза в глаза. — Вы ведь отдаете себе отчет, что причиной смерти графа стала его жизнь, возможно, не совсем праведная? Я вот что-то опасаюсь, не вскроется ли тут секрет, который лучше бы не знать не только нам с вами, но и, возможно, супруге графа и его детям?

Наступила тягостная тишина, во время которой Кемгербальд тщательно обдумывал полученный от меня посыл. Скажу честно, мне было ровным счетом наплевать на графа и его семью. Нет, я сочувствовал вдове и детям, но вот не уверен я, что хочу копаться в грязном белье высоких особ и что правда здесь будет желанным блюдом к столу.

— Вы же сами говорили, что окажете последнюю услугу графу, — вывел меня из задумчивости Кемгербальд. — А теперь отказываетесь?

— Было б это убийство по неосторожности, из-за вспыльчивости или денег, все было бы проще, согласитесь. — Я дождался его кивка. — Вот честь по чести скажите, хуже от правды не будет?

— Юноша, — он прищуренным взглядом смерил меня с головы до ног, — я вижу, что вы видите эту жизнь без прикрас и расстались с детством. Не знаю и боюсь даже подумать, что могло произойти с вами, перевернув весь ваш внутренний мир, но скажу вам одно — то, что с детства вбивал в меня еще мой отец. Порядочность — это уже целый капитал. Мы можем быть высокими или низкими, красивыми или безобразными от природы, умными или глупыми по своему складу, но лишь порядочность, только она способна в этой жизни и под этим небом возвысить нас над всеми, невзирая на шелуху. На свете жили короли, под ногой которых были неисчислимые сотни судеб, они купались в славе и богатстве, а после смерти в книгах их называли Марк Глупый или, допустим, Пастер Недальновидный. Но есть нищие без гроша ломаного за душой, родившиеся в грязи, в ней и простившиеся с жизнью, но о них до сих пор люди говорят! Слышите? Не строчки в книгах, а живущие сейчас люди, они говорят о мудреце из пещеры Гарбдив, о странствующем монахе-лекаре из Красса! Потому, повторю вам еще раз, не растрать свой капитал порядочности, только на него можно купить себе время после смерти, другие ценности не принимаются в веках. Вы понимаете меня?

— Думаю… да. — Я не сразу ответил, взвешивая свое решение. — И спасибо за совет.

— Не стоит благодарности. — Он подмигнул мне. — Этим

советом я к тому же, думаю, прибавил в свой капитал.

— Думаю, прибыль была существенна. — Я улыбнулся, доставая из кармана платок, куда, пройдя через кабинет к столу, положил бокал таинственного гостя и убийцы графа. — Мы найдем убийцу, это я вам гарантирую, но давайте условимся сделать это вместе?

— Я буду только рад вам помочь! Что от меня потребуется? — Он с интересом следил за моими действиями.

— Пока только взять на себя в управление дворец, думаю, графиня не скоро сможет адекватно вести дела. Я остаюсь пока здесь, распорядитесь выделить апартаменты, ну и пришлите ко мне управляющего и пару слуг порасторопней, нужно будет немного побегать. Здесь нам уже делать нечего, пойдемте, барон, надо еще распорядиться, чтобы омыли тело и подготовили графа в последний путь.

* * *

Всю суету дворцовой жизни я пропустил, находясь в выделенных комнатах и общаясь с лэром Августом Моствелом, управляющим делами графа де Мирта, а также давая ряд распоряжений слугам.

Задумка у меня была проста, я банально снял отпечатки пальцев с бокала убийцы, но, сами понимаете, трудность в том, чтобы эти отпечатки сверить со всеми другими в замке, на нем имя убийцы не написано.

Сам процесс нехитрый, простая угольная сажа и бумага, на которую потом переносится отпечаток. Убийца, естественно, не был человеком моего мира, использовавшим бы в подобном случае перчатки, у меня четко был сформирован узор четырех пальцев с кубка, а этого более чем достаточно.

Здесь-то мне и понадобятся услуги дворцовой прислуги, мне после ужина принесут кубки гостей и постоянно проживающих в имении, и, соответственно, появится материал для сверки и сопоставления. Сам же управляющий мне был нужен несколько в другом ключе, кто как не он, был в курсе большей части дел покойного графа?

Мне нужен мотив, без него никак, даже если я найду убийцу по отпечаткам, что я скажу? Сударь, вы убийца! А он мне: нет, это не я, это дворецкий! Я буду выглядеть по меньшей мере глупо, не понимая первопричин трагедии, а соответственно буду не в состоянии как-либо аргументировать свои слова.

С Августом мы проговорили почти всю ночь напролет,

обсуждая тот или иной вопрос, связывавший де Мирта с кем-либо из гостей. Получалось пока что неважно, я исписал кучу бумаги, выводя схемы и возможные мотивы людей, но все было не то, все обыденно, мелко, а мне нужна страсть, ярость человека, люто и всем сердцем ненавидящего графа, пока по моим прикидкам психотип предполагаемого убийцы был таков. Паскаль де Мирт надежно прятал свою темную сторону, с виду он был не очень умен или хитер, в дела свои практически не вникал, но и особой расточительностью не славился. Не был он азартным игроком, не было у него страстных любовниц, роковых красавиц, по кое-каким воспоминаниям, он получался вполне заурядным человеком, который всего два раза в столице был вызван на дуэль, что считается неслыханно мало, и оба раза проиграл.

Кто и за что мог ему мстить? Как он умудрился сделать другому человеку так больно, что тот решился на подобный шаг? Нет, я вполне отдавал себе отчет, что здесь мог действовать человек с маниакальными наклонностями, испытывающий наслаждение от подобного действия, но опять же — стал бы маньяк лезть к графу, когда в этом мире некоторые аристократы десятками убивали людей совершенно безнаказанно, без какого-либо порицания со стороны общества. Низшее сословие еще не доросло в этом мире до звания человека, так, скот двуногий.

Нет, все же, думаю, здесь что-то есть. Где-то глубоко, не на поверхности, но есть, не зря же люди говорят: «В тихом омуте, черти водятся». А наш граф еще какой тихий, так что будем искать дальше чертей.

Спал мало, уже под утро был на ногах, занимаясь рутиной, снимал с одного за другим отпечатки, перемазавшись с ног до головы в саже и порядком подустав. Как говорится: «Умная мысля приходит опосля». Черт, сняв большую часть отпечатков, я вспомнил про «Мака», что мне мешало использовать его мощность для сверки и составления базы? Нет, все-таки я сам еще варвар. На составление приложения для компьютера у меня ушло не больше часа, а уж сама проверка заняла вообще секунды. Помучившись с приложением сканера, я вообще добился того, что «Мак» сам снимал отпечатки, тут же вносил в базу и сверял. Результат пока был нулевым, загадочного убийцы и след простыл. Среди гостей его нет, среди постоянно проживающих тоже, хотя еще оставалась слабая надежда на некоторых персон, проживающих во дворце, но слишком маленькая. Похоже, наш убийца — крепкий орешек и его так просто не раскусить. Дело обещало затянуться.

Один плюс — во дворце замечательный шеф-повар, нужно будет заскочить как-нибудь, познакомиться, узнать, откуда он,

или даже сманить к себе в Касприв.

День прошел в скучных хлопотах, дворец прощался со своим хозяином, кругом развешивали траурные ленты и выставляли цветы. Посовещавшись с бароном Олафом, решили снять осадное положение, открыв ворота, Рона узнала о случившемся, народ бурлил, хотя по большому счету простым людям было плевать на графа с высокой колокольни. Сами похороны должны состояться через три дня, на них должны успеть съехаться вассалы графства, эти гости, с одной стороны, прибавили мне забот, увеличив базу отпечатков, с другой стороны, я подумал, что кто-то все же смог ускользнуть из дворца после убийства и теперь приедет опять, изображая скорбящего.

Под вечер я просто упал в кровать, засыпая на лету, вымотавшись за день.

А ближе к рассвету, незадолго до восхода солнца, дворец взорвался от криков, я в непонимании выскочил в коридор в одной рубашке, перехватывая за руку бегущего стражника.

— Что случилось? Почему шум? — На лице стражника можно было прочитать его стойкое желание послать меня куда подальше, но он, видимо, не отважился, признав во мне барона.

— Графиню убили! — Он сверкнул глазами в мою сторону, убегая прочь.

Какого черта? Я вбежал в свою комнату, суетливо собирая разбросанные вещи и пытаясь привести себя в порядок. Одно было ясно: это просчет, причем фатальный, я не усмотрел в психотипе преступника то, что он еще не закончил, проклятие! Я не просчитал! Нужно было начинать разговор именно с графини, ведь кто, как не она, была ближе всего к графу, только она могла пролить свет на все это, а теперь ее нет. Дурак, пожалел себя и ее, не стал тревожить, оставив наедине со своим горем.

Ее комнаты были рядом с апартаментами графа, туда я бежал со всех ног. Народ столпился, голося в дверях, здесь уже был Олаф Кемгербальд, шумным паровозом разгоняя зевак.

— Барон! — Он увидел меня. — Я никого не впускал.

— Я понял вас, барон. — Я протолкнулся сквозь толпу, пропуская Олафа в комнату и закрывая за собой дверь. — Никому не входить!

— Что вы уже знаете? Кто обнаружил? Когда обнаружили? Кто последний видел ее живой? — Я сразу от дверей принялся концентрическими кругами обходить комнату, рассматривая все, что хоть как-то могло натолкнуть на мысль.

— Служанка обнаружила, где-то час назад. — Олаф выглядел неважно, похоже, его мутило, вид и вправду был тот еще, тот же почерк убийцы: комната превратилась в кровавую баню, бедная

графиня также оставила кровавый след, пытаясь идти с открытой раной, заливая все вокруг кровью. — Она не могла заснуть, с ней постоянно кто-то был, я не могу понять, как это произошло, с ней постоянно кто-то был! Либо служанки, либо мои старшие дочки или герцогини!

Это был крах, в этой комнате все было на своих местах, графиня была аккуратисткой, все разложено и выставлено, никаких следов борьбы, никаких кровавых следов, комната в идеальном состоянии. Как это могло случиться? Графиня сидит в кресле у камина, а в следующую секунду с разрезанным горлом ползет к дверям, а людей, которые должны были быть с ней рядом, нет. Думай, думай, я накручивал себя вновь и вновь, обходя комнату. Если здесь нет ответа, то ищи в покоях графа. Что ты не увидел или увидел, но не понял?

— Что же делать? Это словно родовое проклятие! — Олаф рванул ворот своей рубашки.

— Что же делать, что же делать? — забормотал себе под нос я. — Барон!

Холод пронзил мое сердце, страшная догадка при упоминании рода окатила меня ужасом с ног до головы.

— Всю стражу к детям! — Я заорал как сумасшедший. — Немедленно!

Кемгербальд вздрогнул, выскакивая за дверь, я рванул за ним, благо покои Альфреда и Германа де Миртов были в соседнем коридоре. Мы в сопровождении трех солдат буквально снесли двери в покои Альфреда, старшего из сыновей графа, замирая от ужаса. Мальчишка, похоже, умер, так и не проснувшись, залив постель багровыми потоками живой крови.

— О боги! — Кемгербальд рухнул на колени перед кроватью.

— За мной! — Я вытолкнул перед собой стражу, врываясь в соседнюю комнату младшего Германа.

Бедный мальчик подскочил, ничего не понимая и бросаясь сразу в слезы, а я хоть здесь вздохнул с облегчением: успел, хоть здесь успел. Вот лопух, догадался, что убийца остался во дворце, понял, что он жаждет мести, а голова не сработала сыграть на предупреждение! Думал, он из пустого тщеславия остался во дворце, нет! Как люди проклинают? Как люди мстят? Правильно, чаще всего обещают вырезать «всех до одного» или «до седьмого колена» — вот как мстят, всем от и до, потому что боль человеку застилает разум, перед ним все виноваты, для него все досадная помеха, нет ничего перед взором в такой момент, кроме всепожирающего «я», и все это «я» — огромная незаживающая рана. Черный, вздувшийся гнойник дурных мыслей и порочных желаний.

Кемгербальд увел Германа к себе, мы условились, что мальчик теперь даже в туалет будет ходить под его присмотром. Мне же остались новые тела и свежая кровь, я до самого вечера не присел ни разу, обходя все снова и снова, пытаясь понять, представить, сложить картину страшных событий.

Голова совсем не соображала, в конце концов я просто ушел спать, понимая, что бессилен и лишь мучаю себя впустую, лишь бы было время, нам нужно спасти мальчика, последнего де Мирта, последнего наследника рода… последнего… сквозь сон мне в сознание билась мысль. Последнего, последнего… Последнего ли?

Утро для меня наступило уже в полдень, я валялся в постели не в силах заставить себя встать. Состояние было отстраненным и апатичным, мысли-валуны тяжело перекатывались в голове, не желая концентрироваться на деле. Я внезапно осознал, что виню себя в трагедии.

Так, стоп, подруга, погрызуха подсердечная! Это что за дела? Кто они мне такие, эти люди? Да пусть хоть сотнями друг дружку вырезают, мне что с них? Сколько ты тут, в этом мире, что уже взялась судить меня? Хорошо ль тебе, душечка моя, в деревеньке-то жилось? Позабыла, откуда родом да что тут собой графья да бароны представляют? Показать тебе, родимой, как тут крестьян ради забавы собаками травят? Ребенка стало жалко? Уже забыла, как настоящий Ульрих тебя сапогом по морде бил? Вот же гадина! Но совесть выкручивалась, рисуя ребенка с распоротым горлом в постели, бледную, обескровленную, словно восковую графиню… Черт, встаю, встаю, иду душегуба искать.

Завтрак мне принесли в комнату, пока выходить никуда не нужно, нужно в спокойной обстановке обдумать все еще раз, собрать пазл из трех комнат, что-то должно быть еще, я чувствовал это: слишком у убийцы просто получалось проникнуть к жертвам и скрыться незамеченным. Потайные дворцовые ходы? Нет, не это, даже если он использовал их, то только для того, чтобы проникнуть в замок. Выскочить из стены, шурша каменной плитой, невозможно, та же графиня успела бы крикнуть в подобном случае. Может, все прозаичней, как и с графом, графиня знала убийцу, и тот стоял все время рядом с ней, а та и не подозревала о скорой своей судьбе? Эта версия больше похожа на правду. Итак, и граф, и графиня оба знали убийцу и, что главное, верили ему, допуская его в покои и не опасаясь оставаться с ним один на один. Ага! Черт возьми, как же я упустил это?! Ведь убитые мне сами подсказывали, а я не видел! Графа застали врасплох, как бы вынуждая подставиться под удар. Почему? Потому, что открытой борьбы с Паскалем де Миртом

преступник не выдержал бы! Это значит, что преступник физически уступал графу, а вот к графине мог проскочить, притворившись сочувствующим. Но кто ходил к графине успокаивать ее? Женщины! Боже мой, какое коварство! Наш убийца — девушка! Да уж, ларчик-то просто открывался, милый ангел смерти ходит по замку, скромно потупив взгляд, как же я сразу не догадался? Что бы делал убийца-мужчина? Правильно — махал топором, мечом, пипиською, громко ругался, брызгая слюнями, а с учетом местных традиций все, скорей всего, банально кончилось бы на дуэли! Здесь дуэль не что-то запретное или осуждаемое, здесь это часть судебной системы, и лишь девушки не могли воспользоваться этим правом, а уж о гоноре некоторых дам и их коварстве легенды сложены. Как же все ловко, изящно, легко, скользяще-неуловимо.

Я сидел в кресле, еще раз проверяя свои доводы со всех сторон и, в принципе, не находя особых изъянов. Так, что теперь? Теперь мотив и то, как эта барышня становится невидимкой? Что-то мне с трудом представлялось, что это кто-то из черни, ну не стал бы граф бросать нас тогда в каминной ради служанки, будь у нее даже бюст, что называется, «твердая пятерочка». Здесь они никто и звать их никак, хозяин щелкнет пальцами — сама приползет на коленях, когда тот захочет. Что еще может быть? *Bend Sinister,* бастард? Месть ребенка вне закона, рожденного от графа и служанки? Я не собирал отпечатки пальцев слуг. В таком контексте событий вполне прорисовывается сюжет, вот вам и невидимка — служанка с кровью графа в жилах! А ведь я вчера перед сном думал об этом, месть местью, а денежки-то немалые. Единственный ли наследник юный Герман де Мирт? По собственному опыту, приобретенному благодаря дядюшке Турпу, могу сказать, что нет. Уже сейчас во дворец на похороны вереницей съезжалась родня Миртов. Сэры, лэры, чванливая и горделивая аристократия, половины их имен я даже запомнить не удосужился. Я исправно их заносил в картотеку, и все без толку — совпадения нет. Все еще пребывая в задумчивости, приступил к завтраку. Вот еще тоже непонятно с этим поваром: по вечерам к ужину восхитительные деликатесы, а утром и днем — обычная грубая еда, привычная по моей замковой жизни. Что за вдохновение просыпается у повара по вечерам? Ладно, это уже мелочи, не касающиеся дела. Где мне собирать отпечатки пальцев служанок? Ха! На кухне! Вот и повод пообщаться с поваром.

Быстро доев и одевшись, вышел из комнат, заскочил к Кемгербальду и проведал бледного, худого и молчаливого мальчика, теперь моего сюзерена, моего будущего господина.

Герман совершенно не говорил, слезы у него кончились, а от

его взгляда хотелось самому завыть волком, парень по-настоящему переживал потерю, захлебываясь отчаянием и болью, его любовь к родителям была искренней и неподдельной. Мне по-настоящему стало жаль его, все же права была совесть, грызя меня: за что дети расплачиваются — за промахи и ошибки своих родителей?

Дворцовая кухня была в цокольном полуподвальном помещении главного здания. Огромное помещение, где постоянно кипела своя собственная жизнь. Кто-то входил, кто-то выходил, кто-то тут же сидел, ел, готовил, подносил дрова, чистил печь и котлы. Признаться, в первые минуты, попав сюда, я был поражен тем количеством прислуги, что обслуживала дворец. Это же надо, единовременно здесь находилось в хаотичном движении не меньше пятидесяти человек!

— Эй-с! Вьюноша! — Ко мне, тяжело переставляя ноги, подполз старый сгорбленный дедок с кривой палкой в руках. — Ты чавой-т, без дела слоняевшся? Нукать-с, бягомсь по дрова во двор, а то я тябя котлы чистить отправлю-с!

— Барон? — Рядом встал Август Моствел, управляющий де Миртов. — Простите, а что вы тут делаете?

— А! — Хорошо, что хоть кто-то из знакомых, а то бы дед и вправду еще отправил меня в прислугу. — Лэр Август! Рад вас видеть, я вот решил зайти и лично засвидетельствовать свое почтение здешнему повару.

— Ах, да-да, я помню, вы говорили, вот, кстати, и он! — Август показал на пытавшегося склониться в поклоне старика. — Наш верный Ворт, он служит поваром в этом дворце еще со времен батюшки нашего покойного графа.

Вот так встреча! Мы с дедом устроились возле одной из печек, где он приготовил мне закуску и травяной взвар. Мы начали беседу. Слово за слово, я постепенно отправлял его в прошлое, что было так мило его сердцу. Я слушал о том, как оно-то раньше получше жилось. Старые люди всегда с охотой предаются воспоминаниям, а уж свободные уши для них настоящий подарок судьбы.

— Дед Ворт, а скажи, у графа нашего покойного дочки не было случаем? — решил я перейти на более конкретные темы.

— Дочки-то? — Он пошамкал губами. — Не, сын был когда-то еще один, бастард, да токма погиб еще лет пятнадцать назад, на дуэли зарезали.

— Так что женщин из рода де Мирт вообще не осталось? — Признаться, я расстроился, версия с дочкой казалась мне вполне правдоподобной.

— Как это не осталось? — Дед подслеповато уставился на

меня. — Лешку тоже, что ль, убили?

— К-какую Лешку? — Теперь я уставился на него удивленно. — Вы ж сказали, нет дочки.

— Дочки нету, так сестра-то есть! — Дед важно подбоченился.

— Сестра… — У меня аж дыхание сперло. — Твою дивизию! Герцогиня Лея де Тид!

— Тише вы, ваш баронство, чавой-то так раскричались-то? — Дед испуганно заозирался.

— Герцогиня — родная сестра Паскаля де Мирта? — Я подался вперед к нему, через стол, прошептав вопрос.

— Ну дык, знамо-то дело, сестрица она его родная, а чаво? — Дед пожал плечами.

А я-то хорош! Ведь знал же, знал про родство, про герцогиню, сам ее привез сюда, во дворец, сам доставил ее с дочкой сюда! Но неужели она? Почему? Неужели тупой, холодный расчет и все из-за денег? Не верю! Все внутри меня кричало, как сорок три Станиславских. Она же герцогиня! У нее денег больше, чем у де Миртов, в десять раз, зачем ей это? М-да, ответ прост, и я давно ощутил его запах — месть. Но как получилось, что я не засек ее отпечатки? Неужели пропустил? Нет, их просто не было, герцогиня после обнаружения тела графа закрылась в своих комнатах и не выходила, но опять же есть-то она должна была… Что-то тут не сходится.

— Слушай, деда, а кто герцогине еду носит? Мы же с Августом условились, что он мне посуду после всех гостей заносить будет, ты же главный тут, на кухне? — Что называется, вопрос на миллион.

— Да хмырь ейный, Дес. Повара она, видите ли, соизволила своего привезти. Тьфу! — Дед реально плюнул на пол от избытка чувств. — Все детство старый Ворт ей лучшие кусочки подносил, а она и не вспомнила обо мне! Повара привезла от герцога, урода этого однорукого!

Ах, вот оно что — личная прислуга. Герцогиню обслуживал личный повар, надо же! Теперь все сходилось, как дважды два. Август исполнял свои обязанности, он обязал своих слуг, но он не мог указывать герцогине, вот птичка и выскользнула из клетки, вот тебе невидимка, вот тебе женщина. Но где мотив? Где та кнопка, которую нажал граф, вызвав столько боли в ее душе?

— Ворт, скажи, а как часто герцогиня приезжает в гости? Они с графом вообще ладили? — Ну же, старичок, вспомни хоть что-то!

— М-дя… — Дед потупился, уперев взгляд в пол. — Дела-то какие… Думаете, из-за того все и случилось?

— Из-за чего?! — Я подскочил на месте, хватая старика за плечи. — Что произошло, Ворт, что?

* * *

Я стоял во дворе после разговора со стариком, не зная, куда мне идти. Мозаика сложена, все кусочки встали по местам, но от этого, как я и предполагал, только хуже стало. Знал я, знал, что правда подчас страшнее лжи, уж, слава богу, пожил в свое время на свете. Узнал я и правду этих кровавых ночей, чужую боль и страшную обиду и судьбу.

Но дело еще не закончено, есть кое-что, вернее кое-кто, кого я должен посетить. Пройдя двор, миновал конюшни, чуть в сторону и по каменным ступеням вниз, в дворцовый подвал, где был продовольственный склад и винный погреб. Меня жутко интересовал привезенный герцогиней повар, странный однорукий мужчина с замашками благородного, обитающий где-то здесь, в подземельях, и практически не выходящий отсюда. Моя трофейная трость отстукивала по камню метрономом ровную дробь, людей здесь практически не было, лишь у входа стояло два стражника, да чуть ниже, на пролете, дежурил еще один. Дальше пришлось идти в темноте, так как факелы на стенах ниже уже не висели, но мне они по большому счету и не нужны. Мой «Мак» прекрасно рисовал мне всю картину эхолокатором, моделируя прямо на мою сетчатку проекцию всех предметов, плюс маленькое приложение, сканирующее все в инфракрасном диапазоне. Охранник, выпучив глаза, провожал меня взглядом. Я скрылся в кромешной тьме и шел, складывая перед собой охранные святые фиги из пальцев, как это делают все люди, как здесь, так и на моей матушке Земле, уже не одно тысячелетие кряду, сталкиваясь с чем-то непонятным.

Внизу я вышел в просторный подвал с полусферой сводчатого потолка и множеством различных бочонков, бочек и деревянных сундуков с провиантом.

— Барон?! — Знакомый голос легким эхом мелодично пробежался по каменным стенам. — Ах, не ожидал вас тут увидеть!

Легкая фигура, словно росчерк, огоньком метнулась между бочек, я уже видел подобную световую схему живого существа. Инфракрасное зрение выдало мне гамму излучаемого от тела собеседника тепла, высвечивая высокую температуру в области живота и затухающую бледность в фиолетовых тонах по остальному телу. Вампир, точно такая же световая гамма была у

плененного мною существа, запертого на подворье в подвале.

— Граф Десмод! Ну наконец-то мы встретились! — Я растянул губы в улыбке. — Я вас мимоходом замечал, да все как-то случая не представлялось нанести личный визит, надеюсь, вы простите мне мою занятость?

— Ах, бросьте, барон, вы и так оказываете мне честь, посетив мое скромное жилье. — Похоже, он решил, что он один из присутствующих способен видеть в темноте, его фигура, вальяжно закинув ногу на ногу, устроилась в трех шагах от меня на одном из бочонков.

— Это ваше. — Я кинул трость, чего он, похоже, не ожидал совершенно, прямо тяжелым набалдашником гулко стукнув его по голове. — Поймали, граф?

— Твою мать! — Он зашипел, словно рассерженный кот, тут же отскакивая от меня шагов на десять-пятнадцать, оставляя между нами ряды из разного скарба. — Вы видите меня! Да кто вы, демоны вас разбери, такой?!

— Вам не понравилось, что я сберег вашу трость? — Я гаденько рассмеялся, проходя вперед и поднимая с пола свой трофей. — Я думал, вы будете рады! Занятная вещица.

— Кто ты, барон? Кто?! — В его голосе легко читались нотки страха, забавно, как же я смог так быстро запугать такого мастодонта современной трансмутации.

Впрочем, чему удивляться, его гнездо разбито, он сам без руки и, похоже, очень ослабел после ожогов, а тут вновь я в его стихии, в его доме, да еще и веду себя по-хозяйски.

— Мы вроде бы уже представлялись друг другу, граф. — Я уселся на бочонок, до этого занимаемый им. — Вы как вообще? Настроены поговорить, или мне осветить немного подвал своей «Звездой во тьме»?

— Не надо. — Он немного успокоился, видимо, правильно решив, что если предлагают диалог, то, возможно, у него есть хороший шанс избежать скоропостижной смерти. — Что вас интересует?

— Вы изначально следовали сюда всем гнездом с герцогиней? — Я убрал иронию из голоса, предстояло прояснить пару серьезных вопросов.

— Да, наше гнездо под покровительством герцога Тида. Было. Иначе не выжить в условиях, когда весь мир охотится на тебя. — Он сел напротив меня.

— Я был единственной целью для вас, или вы были включены в замыслы герцогини? — Я не опасался его, так как «Мак» мог разорвать его на куски в считанные секунды.

— Все гораздо сложней, барон, чем вы думаете. — Он

задумчиво меня рассматривал.

— Ну попробуйте меня удивить. — Я махнул рукой, как бы приглашая продолжить.

— Мы не подчинялись герцогине, все, что она сделала, она сделала сама, без чьей-либо помощи. На вас лично сделал заказ герцог, с герцогиней мы шли по другой причине. — Он замолчал, замявшись и не желая продолжать.

— Помочь? — Я улыбнулся. — В случае провала вы должны были убрать герцогиню. Не стоит удивляться, это очевидно, она не должна была опорочить фамилию де Тид. Если получится, хорошо, а нет — так и не надо. Мне непонятно: а как же Деметра де Тид, он и дочь вам велел убрать?

— Ну хоть что-то вам неизвестно. — Он улыбнулся.

Мы общались с ним чуть больше часа. Когда я поднялся из подвала, солнце уже исправно касалось горизонта, окутывая землю мягким, но еще морозным вечерним воздухом. На душе от чужих тайн и историй было паршиво, поднявшись к себе, тут же заказал бадью с водой, в которой с остервенением стал вымывать себя, словно извалялся весь в грязи. На ужин я спустился в общий зал, уже немного успокоившись. За общим столом было многолюдно, во главе стола восседала на месте графа сама герцогиня со своей дочерью. Да, в связи со случившимися событиями она уже по праву регента могла смело занимать это место, бледный мальчик, Герман де Мирт, сидел за ее дочкой. Владетельный наследник без наследства и пока с отсроченным приговором, впрочем, отсрочку он получит, и получит ее от меня.

— А, барон! — Герцогиня обратила на меня внимание. — Вы запаздываете, барон Кемгербальд предупредил нас, что вы на пути расследования этой страшной трагедии и вот-вот поймаете убийцу. Не просветите ли нас, уже известно что-нибудь?

— Известно, герцогиня, известно. — Я медленно вышел в центр зала, уперев свой взгляд в Олафа, он ответил мне кивком, как бы подбадривая. — В убийстве графской семьи де Мирт виновны вы, урожденная графиня Лея де Мирт!

Меня не прерывали, в зале царила полная тишина. История получилась долгой и началась порядка тридцати лет назад, во времена, когда отец графа де Мирта умер, оставив наследниками юного сына Паскаля и не менее юную графиню Лею. Новому графу де Мирту исполнилось шестнадцать, а графиня Лея имела в активе всего тринадцать лет жизни.

Новая жизнь требовала решений, в отличие от скромного и стеснительного Паскаля, папа жил, что называется, на полную катушку, не отказывая себе ни в чем, с легкостью растрачивая казну семейства, швыряясь долговыми расписками, как, *pardon,*

туалетной бумагой. Все это со временем наросло снежным комом, грозя смести лавиной весь род де Миртов. На кону стояла не просто честь фамилии, на кону стоял титул и положение в обществе. Надо отдать должное шестнадцатилетнему мальчику, которым в то время был де Мирт, он благодаря своему уму либо же банальной удаче и помощи толковых администраторов смог не только восстановить графство, поднимая его с колен, но и вернуть былое величие роду, преумножив его благосостояние. Решения им принимались отчаянные, радикальные, он выжимал из людей и земли все соки, он пережил восстания трех баронов, войной пошедших на него. Было тяжело и хлопотно, были в его правлении моменты разные, и одним из таких моментов стало то, что он отдал свою сестру замуж за герцога де Тида. Фигуру хоть и одиозную, но могущественную и, что главное, способную поддержать порядок в графстве, одним своим именем создав мощный щит над владениями де Миртов.

Это было удачей и началом сегодняшнего печального окончания. Прекрасное решение для юного Паскаля, удачное вложение для герцога, политически верный ход для всей земли графства Мирт и пяти баронств, но вот ведь незадача — забыли кое-что. Забыли спросить маленькую хрупкую тринадцатилетнюю девочку, ну да с кем не бывает? Сколько их тут, таких девочек? Сотни, может, тысячи? Кто ж считает, дело-то житейское, мало ли чего там у нее в голове бродит, отец или брат сказали, значит, подняла свой зад и галопом поскакала, куда велят, да чтоб с улыбкой на лице, а то мало ли не понравишься мужу, сошлет куда на выселки или в башне какой запрет до скончания дней.

Не простила, не забыла. Ни дня и ни минуты графиня, а теперь герцогиня де Тид, не смогла списать со счета, который она предъявила своему брату. Старый повар Ворт прекрасно помнил все, что случилось, слезы и крики, то, как Паскаль бил ее, таща за волосы в карету, направляющуюся к де Тиду. Ни разу за без малого тридцать лет Лея не приезжала больше сюда, она не возвращалась в отчий дом. Не было больше у нее дома, ни письма, ни строчки, она больше не разговаривала с братом и не видела его, пока не случилось то, что случилось.

— Надеюсь, я пока точен, герцогиня? — В зале висела гробовая тишина, сама Лея де Тид была бледна как мел. — Дальше просто слухи расходятся.

Я демонстративно погладил трость в своей руке, как бы предлагая ей задуматься о моих дальнейших словах, ее судьба в ее руках, она может вину повернуть, она может вину развернуть, но…

— Слухи, сплетни. — Ее слова пудовыми камнями падали в

тишине. — Правды хотите? Вот вам правда: герцог де Тид и мой братик — мерзавцы, и каждый из них заплатил за мою душу большую цену! Де Тид — чудовище! Эта тварь достойна легенд, каждый день, каждый час в его замке — это целая повесть о боли и ненависти, я родила от него двух сыновей, двух таких же выродков, как и он, тварей, недостойных жизни и моей любви! Впрочем, эти паскудники мне всегда отвечали взаимностью!

— Но не дочь… — Я устало опустил голову, по лицу женщины ручьем бежали слезы. — Она ведь другая, она не де Тид, это ваша месть герцогу, и она стала ему известна.

Тогда-то и зародился план герцогини, ей было плевать на свои чувства, на свою растоптанную гордость и жизнь, все, что у нее было, все, что ей было даровано небом, — это ее дочка, нежеланный ребенок от незаконной связи, ее глупость и месть герцогу, своему мужу. Деметре де Тид грозила смерть, за себя она не переживала. Так и родился план отплатить брату той же монетой, поставить во главе рода Миртов свою дочь, лишь в этом случае герцог не тронул бы ее. Сама Лея была уже обречена, ей на все про все давалось не больше трех месяцев, и за этим должно было проследить гнездо.

Зал молчал, замолчал наконец и я, в этой тишине лишь Олаф позволил себе встать и в сопровождении стражи вывести герцогиню с дочерью из зала. Гости, собравшиеся на похороны, расходились по покоям, я устало ушел к себе. Было гаденько на душе, как-то тоскливо, я ничего уже не мог сделать для этой женщины, она сделала сама все, что хотела, по локоть испачкавшись в крови. Глупо? Не знаю, месть — такая штука, которую невозможно проглотить не поморщившись. А тут от послевкусия можно до конца жизни ходить с перекошенным лицом, нет, подобное блюдо невозможно проглотить и забыть.

Не знаю, как вам, но мне было тяжело судить в этой ситуации, с одной стороны — нет никаких сомнений, виновна — и точка, а с другой — как не понять, и не стал бы я на ее месте страшней в своей жестокости? Не знаю. Сейчас, когда я лежу на кровати, рассматривая потолок, все кажется глупым, каким-то мелочным и грязным, а вот проживи тридцать лет вот так, в неволе, день в день, час в час, минута в минуту ненавидя всем сердцем себя за свое бессилие и окружающих за их правоту.

Меня аж в дрожь бросало от ее слов: «…я родила от него двух сыновей, двух таких же выродков, как и он, тварей, недостойных жизни…» Что творилось в ее душе? Как могла мать сказать подобное о своих детях? Сколько боли внутри, сколько обиды, какой же непомерно тяжелый груз ей приходилось таскать на своих плечах. Но и оправдать ее нельзя, никак, совсем. Или? К

черту, нужно выбросить все прочь из головы и поспать, хоть немного, хоть чуть-чуть.

Заснуть удалось лишь с рассветом на пару часов, плохой сон, больше выматывающий, чем дающий отдых, а новый день нес новые заботы. Дворец, да уже, наверно, и весь город, наводнили слухи, лавиной распространяясь и приукрашивая домыслами и без того запутанные события. Было дикое желание, наплевав на все, укатить в свой Лисий и утонуть в заботах и работе, но дел пока и здесь хватало. Два дня ушло только на похороны. Потом был суд, на который явился управляющий де Тидов, с каменным лицом предоставивший грамоты, по которым герцогиня уже больше года как не герцогиня, славный род де Тидов знать не знал, где она и кто она. Впрочем, кто-то ожидал другого? Не я. Во всей этой ситуации искренне жаль было только детей. Бледного, как привидение, Германа, ходящего, словно потерянный, по своему дому, и Деметру, девочку в мгновение потерявшую себя. С ней было непросто, замыслов матери она не знала, вины на ней не было, и меж тем назад ей дороги тоже нет, так как де Тид однозначно не примет, как уже стало известно, не свою дочь. Скорее всего, ее убьют люди Тидов, она позор для его семьи. Кто она теперь? Да никто, и поступили с ней соответственно. Ее просто вышвырнули на улицу, вот так банально и просто — без денег, без одежды вывели за ворота дворца на улицу. А кто б ее стал содержать и заботиться о ней? Она теперь никто, титула у нее нет, обычная простолюдинка, замуж ее не выдашь, дивидендов никаких, лишь неприятности можно заработать, когда герцог вышлет за ее головой убийц. Дураков связываться с герцогом не было. Ну почти. Про меня не забывайте. Рыдающую девчонку, брошенную в одной из городских подворотен, подобрали мои люди, разместив на съемном подворье. Зачем? Потому что меня об этом попросила ее мать. На третий день ее повесили на воротах дворца, просто и незатейливо накинули петлю на шею и столкнули со стены. Хрупкое тело женщины гулко стукнуло в створку, она не мучилась, лишь перед казнью успев шепнуть мне: «Прошу, не дай ей пропасть». Что я мог ей ответить? Просто кивнул. Просто… А дальше начался цирк, многочисленная родня начала свалку и склоки по поводу регентства при Германе. Какие-то дядечки, какие-то братья, кто-то где-то, кто-то как-то, и все вперед паровоза, все с апломбом и гонором дружной стаей стервятников принялись делить еще не остывшее тело графства. Еще бы, жирный кусочек, что далеко ходить, в памяти еще живо стоит мой дорогой дядя Турп, галопом прискакавший из столицы в заштатное баронство, а тут на кону в пять раз больше.

Собрания, заседания, кого-то сразу пинком под пятую точку, самых дальних родственничков отправили по домам, кто-то же бился до последнего. Вернулись бароны, общим голосованием из всех именитых гостей главой признали Кемгербальда. Олаф, впрочем, как и остальные, кричал и спорил до хрипоты не один день, в то время как мне надлежало отсиживаться в комнатах. Если некоторые и воспринимали меня как вполне состоявшуюся личность, то все же для большинства я все еще являлся ребенком, а посему мне поручили Германа, чтобы он не мешал делить собственное наследство, и велели приходить время от времени, узнавать: не поделили ли еще?

Пока не поделили, хоть спор уже шел без малого неделю. Бесило это несказанно, хотя по большому счету все было как на ладони: из ближайшей родни, имеющей более или менее явное родство с Миртами, оставался некий граф Тизбо де Мирт, прямой потомок младшего брата отца покойного графа. Они были хоть и не владетельные, но прямые потомки рода, им, по моему мнению, скорей всего, и придется в дальнейшем получить власть, но вот разговоров и криков от остальной родни было море, что соответственно вынуждало рассматривать каждый конкретный случай в отдельности.

В конце концов терпение мое лопнуло, я оставил письмо Кемгербальду, погрузил его дочек, а также Деметру и Германа в свои повозки и утром второй недели покинул Рону по-английски — не попрощавшись. Плевал я на толки и пересуды, а также на возможные обвинения, у меня начало весны — это начало грандиозных планов, строек, новых задач и море скопившейся за зиму работы. Времени в обрез, а сколько хотелось успеть, не передать словами.

* * *

Обратный путь растянулся в разы из-за раскисших дорог, если по снегу мне удалось проскочить до Роны за две недели на санях, то обратно я добирался три с половиной, утопая колесами в грязи по самое не могу. Да уж, весна тут превращала землю не в самое удобное покрытие для дорог, я даже чуть не прослезился, когда мы уже в моем баронстве выехали на плохонькую, но усыпанную битым кирпичом дорогу без бездонных луж и колеи, из которой ничего, кроме неба, не видно. Ах, какой же я у себя молодец и лапочка, мои дороги были убоги, но по сравнению с тем, что творилось в соседних землях, их можно было считать брусчаткой Красной площади.

Надо же, как я успел соскучиться по этому месту, никогда бы не подумал. Меня встречали, обнимали, целовали, жали руку, а к груди графини и баронессы я прижимался вообще с особым трепетом. Правда, народ немного удивился, когда я выпустил из повозок целый женский батальон имени Олафа Кемгербальда. Да уж, жильцами замок обогатился. Сам Лисий стоял весь в строительных лесах, в нем шла глобальная реконструкция и ремонт, а замок, вернее жалкое подобие мощи баронов в Каспривe, я вообще приказал снести до основания, на его месте будет возводиться по новому проекту будущий красавец, лебедь, жемчужина этого мира — моя новая резиденция. Его прообразом стал Нойшванштайн, баварский замок, фотографии которого еще в прошлой жизни часто были на рабочем столе моего монитора. Но по самым приблизительным и оптимистичным подсчетом конструкторов-гномов и рабочих из нанятых артелей, эта стройка затянется лет на десять. А уж сумма, которую я буду вынужден вывалить за него, вообще по местным меркам заоблачная, переходящая шесть нулей в золоте. Но, надеюсь, посильная мне, особенно с расчетом на десятилетие.

Пока же я по-прежнему обретался в Лисьем, где уже более чем в половине помещений оборудованы приличные санузлы и ванные комнаты, по местным меркам, просто неслыханное чудо чудное, диво дивное. Как доложил мне сквайр Энтеми, слуги боялись рычащих водой унитазов, предпочитая по-прежнему использовать горшки.

Хотя с личной гигиеной, ваннами и рукомойниками уже обращались свободно, вопрос, я думаю, лишь во времени.

И как бы мне не хотелось с головой окунуться в свои дела и проекты, но первые два дня все, что я делал, это пытался снять с себя мою Ви. Ох, и отчитала она меня, я вам хочу сказать! По полной, с потрясанием пальчиком и топаньем ножкой, все прям серьезно и без насмешек, мол, такой-сякой, где шлялся? Кто разрешал выходить без спроса? Где твой носовой платок и почему без шапки? Такая милая и родная, я искренне ее потискал в объятьях, выслушал все ее замечания и пожелания, гулял с ней, а перед сном даже читал местные сказки из библиотеки графини. Моя маленькая юная леди заметно подросла и набралась хороших манер, превращаясь из несуразного утенка в белую пушистую птичку. Также вечерами устраивал посиделки с сэром Дако, ведя долгие научные беседы, внося корректировки и уточнения по той или иной схеме, узору заклинания, уточняя некоторые общие черты и основы. Да, у меня всегда была под рукой его библиотека, чем я и пользовался, ежедневно выкраивая для своего обучения иногда минуты, иногда часы, но мощь

вычислителя «Мака» и сухих книжных слов никогда не заменит мне живой диалог с учителем, не одно десятилетие практиковавшим искусство магии. Как говорится, опыт не пропьешь. Есть вещи, казалось бы, в простейших мелочах, из которых складывалась иной раз потрясающая многогранная мозаика.

Как же я рад, что зима кончилась, унылое время безделья в этих краях, когда на полгода вся жизнь замирает в ожидании оттепели. Мой Рингмар ожил в считанные дни, закипая, словно котел. Это будет мой первый полноценный год в роли барона, и пусть в том году уже сделано немало, но в этом я собираюсь вообще задействовать как людей, так и свой потенциал по полной программе.

Первым делом закипела стройка корпуса легионеров, здесь я не скупился, опять привлекая к стройке две артели, работающие посменно, не прекращая работы даже с заходом солнца. К осени я рассчитывал закончить постройку хотя бы трех казарменных корпусов, где разместилось бы общим числом до двухсот человек рядового состава и один корпус офицерского состава. Пока же Гарич познакомил меня с отобранными под его руководством ветеранами, которым уже в скором времени предстоит стать первыми наставниками легиона. Здесь уже мне пришлось потратить время на беседы с отобранным составом, так как представления об армии у нас разнились, и кардинально. Что мне нужно и чего я хочу? Во-первых, поставить во главу угла незыблемый постулат порядка. Служивый народ, что здесь, на службе у баронов, что при дворе короля, не имеет как такового понимания, что есть устав и какова его важность. Нет какой-то стандартизированной системы построения, будь то выход на марше, или учебная муштра, или, не приведи Господь, война. Нет, понятно, что здесь прекрасно знают о том, как сомкнуть щиты, выставить шеренгу, произвести обходной маневр, но при всем при этом это не дружный единый механизм, а всего лишь опыт, пришедший в ходе горьких проб и ошибок. Даже я, не ушедший в воинском деле дальше юношеских мечтаний и зубовного скрежета срочной службы, и то навскидку мог перечислить за десяток только оборонительных тактических построений. То есть мне предстояло учить ученых, благо в моем случае мне не нужно выслушивать упреки от стариков, так как в здешней иерархии даже такой сопляк, как я, при должном титуле мог чудить, как ему вздумается, лишь бы монетой звонкой платил за свои причуды. Ну да, ну да, «сено-солома», смотреть на меня будут, как на Петра с его потешными полками, а что делать? Мне почему-то думается, что будет все гораздо сложней. Уже сейчас я

со своими ветеранами столкнулся лбами при вдалбливании и пояснении для них устава. Люди совершенно не понимают, почему нельзя пить на службе, с их точки зрения, нельзя только нажираться до поросячьего визга, а вот выпить нормальному солдату для поднятия боевого духа — так это самое оно. На этой почве я собственноручно с ходу расстался сразу с тремя инструкторами, которые уже при знакомстве со мной были слегка навеселе, подобный контингент мне не нужен.

Устав легиона, устав караульной службы, правила, формы обращения, даже табель званий и должностные инструкции с правами и обязанностями каждого от рядового до начальника корпуса мне пришлось выводить самому, а также шаг за шагом в личных беседах вкладывать их значение в головы солдат, нанятых в будущий командный состав. Поверьте, это не только муторная волокита, это, прежде всего, та кость, на которой впоследствии будет держаться плоть и кровь будущей армии. Кто кормит солдат? Кто лечит солдат? Кто одевает солдат? Кто учит солдат? Куда пойдет солдат? Что ему делать, а что нет? Все это должно регулироваться и контролироваться ежеминутно и каждодневно. Я писал, и писал, и писал, и писал, а потом говорил, говорил, говорил и орал, требуя и приказывая, так что слюни летели дальше, чем вижу. Да уж вымотали меня здешние воители, варвары проклятые, в конце концов я собрал их всех в строй и заставил подписать всех желающих контракт, по которому я обязался им платить и драть в хвост и гриву. Снимая шкуру кнутом до костей и мяса за невыполнение моих требований, что в конце привело к тому, что из шестидесяти первоначальных конкурсантов у меня осталось только восемь человек! Всего восемь человек! От такого положения дел хотелось сесть и разреветься, а потом напиться и застрелиться. Но деваться некуда, засучив рукава, стал работать с тем, что есть, благо надежда все же была, чем черт не шутит, может, и выйдет еще у Данилы-мастера каменный цветок?

После трехнедельного курса молодого бойца среди оставшихся я приказал разбивать неподалеку от полигона и строящегося корпуса палаточный городок, завозя первые три десятка добровольцев на прохождение службы в качестве легионера.

Отбор проводил лично, сам выдвигаясь на невольничий рынок, где долго ходил по загону с осужденными. Да уж, выбор тут с моим приходом теперь был незавидным, введенное мной в том году законодательство практически полностью убрало весь более или менее приличный контингент, оставляя лишь совсем пропащих, прегрешения которых были тяжелы и грозили в любом

случае смертной казнью. Пришлось плюнуть на все моральные устои и тупо ткнуть пальцем в самых молодых и более или менее здоровых, несмотря на то, кто они там, насильники или убийцы.

Естественно, из выбранных тридцати человек ни один не отказался в пользу виселицы, по этому поводу, что называется, «втихаря за родину» я вечерком даже лизнул пять капелек из новой партии закладываемого виски, вроде как за успех.

Ну и в дополнение хотелось бы все же обрисовать, что конкретно я предлагал и требовал от этих людей. Десять лет их жизни. Именно десять, так как, по моему расчету, подобный контингент мне только пять лет придется продержать в жестком карантине «учебки». Абсолютно безграмотные и беспринципные воспитанники «ножа и топора» первые пять лет будут у меня учиться дисциплине, грамоте, этике, ну и воинскому искусству. Строгий карантин, никаких контактов, никаких отношений с внешним миром. Жестко, сильно, грубо мне предстоит переломить их об колено, навсегда болью, ненавистью и кнутом вдалбливая в них все то доброе, светлое, вечное, до чего они не смогли дойти в своей прежней жизни. А как вы хотели? Памятуя о товарище Аль Капоне, могу только согласиться с его тезисом: «Добрым словом и кольтом можно добиться гораздо большего, чем только добрым словом». Корпус станет для них мамой, папой, дядей и внучатой племянницей, если этого потребуют обстоятельства, но, черт возьми, достучится до их сознания и очень-очень сильно постарается вытряхнуть из них все то дерьмо, которого они успели за свои небольшие жизни в себя напихать. Ни минутки свободы, ни секундочки личной жизни, прессинг и пинки под зад, учеба и муштра. Жестоко? Хм. Ничего не забыли? Тут святых нет. Пять лет давильного чана, прессинга и еще пятерочку на службу родине и народу, так сказать, долг вернуть перед обществом. Нет, я, конечно, врач и гуманист, каких еще поискать надо, но не на органы же их в самом деле разбирать? Уж извините за эту шутку юмора.

Меж тем забот у меня и помимо легиона хватало, пусть и не менее хлопотных, но значительно более приятных. Со сходом льда на реке вышли мои первые торговые кораблики-невелички и, что не могло не радовать, пришли на закупку моего товара корабли купцов, как из соседних баронств и графств, так и один из столицы. Пока один, но зато какой! Любая столица — это всегда прежде всего узел, где тем или иным путем будут завязаны денежные потоки государства, удастся мне там зацепиться, и моя мошна всегда будет ощущать приятную тяжесть золотых монет. За первую неделю продаж я с ходу выручил треть от годового бюджета со своих земель, сквайр Энтеми, сводя дебет с кредитом,

невольно прослезился от счастья, на его памяти Рингмар при правлении покойного Каливара никогда еще не мог в такой срок взять в казну подобную сумму. Но это только начало! Я увеличил пахотные земли, ввел ряд мануфактур для внутреннего рынка и потребителя, убрал полностью систему вещевого оброка. Ну вот совершенно мне ни к чему были эти обмены шкурками убиенных животин и редиской и репой с полей. Пусть учатся сами выходить на рынки, пусть сами считают, что и как продавать, а не доставляют мне головную боль, сваливая на меня все свое барахло, а уж я крутись, как хочешь. Нет, я совершенно не забыл про то, что у меня на довольствии прислуга замка и отряд капитана Гарича, я просто буду покупать у продающих тот объем, который мне нужен, не вдаваясь в подробности деревенского товарооборота. Раньше как было? Барон греб все с земли и старался побольше, чтобы гарантированно все скопом сдать по не самой высокой цене, на одном объеме стараясь выйти на годовой бюджет с малой копеечкой на свои политесы, теперь же я запускал систему, по которой расчет шел исключительно монетой. Прежде всего, из расчета, что мне не нужно будет уподобляться саранче, оставляя людей в полной нищете, а давать им возможность самим крутнуться, самим прикинуть цену и объемы.

Да, для них это непривычно, да, многие тупые как пробки и не в состоянии подчас пальцы на руке сосчитать, ну так и я, наверно, не вчера на свет родился. Первые пару лет торговлю я не собираюсь отпускать в свободное плавание. Энтеми за мои же деньги купит мои же товары и мне же ими вернет налог, плюс у меня останется товар. Вот такая вот афера, а что делать? Хочешь жить — умей вертеться. Подобная махинация — гарант, что школа жизни в первую же осень не разорит моих людей подчистую, а вместе с ними и меня. Потом, когда немного окрепнут, я выпущу их в большой мир, а пока пусть под моим приглядом побудут.

По окончании весны, по окончании слякоти и в преддверии лета, дождавшись, когда деревья наконец примерят новую зелень на свои голые кроны, я подбил бюджет с прогнозом на конец года. С учетом висящих на мне кредитов и графской мзды я вышел в ноль, что было просто сказочно!

Нет, правда, мне стоит себя похвалить. Стройка корпуса легионеров, стройка в Касприве замка, закладка новых торговых судов увеличенного тоннажа, угольный карьер, с моей подачи разрабатываемый с этого года, рудники, законодательная система, куда я влез, реконструкция и закладка нового квартала Касприва, выплаты на мануфактурах. Ох, и развернул я их!

Мебельная фабрика, кирпичный завод, завод стекольный, литейный, химический по очистке соли и производству поташа, фармацевтическая лаборатория! Да со всем этим шаг влево, шаг вправо — и можно рухнуть в такую бездну долгов, что впору не то что штаны с себя снимать на продажу, а закладывать пеленки не родившихся еще внуков и правнуков. А тут всего лишь ноль! Да я гений, едрить меня за ногу, экономист-самородок!

Упомянутый новый квартал в Касприве, кстати, был не чем иным, как городом будущего, уж слишком уныл и сер он был в нынешнем состоянии. Решение о централизованной застройке с учетом коммуникаций и планирования будущих улиц и парков пришло мне неслучайно. Просто у меня сердце было не на месте при виде всех этих лачуг из битого камня и кое-как обработанных досок, людей было просто жаль.

Ломать я ничего не собирался, да и возводить вокруг города каменную стену желания не было никакого. Поэтому первая разметка нового квартала была вроде как за городской чертой, чуть ниже по течению реки, где, согласно генеральному плану моих гномов-конструкторов, будет также создаваться будущий речной порт, а также склады. Город будет расти, по моим прикидкам, не только вширь, но и вверх, а еще — все с той же помощью гномов — вниз. Под землей помимо канализационной системы, системы дренажирования, а также резервуаров для воды питьевого качества, будут заложены склады и хранилища. Мысль об их сооружении навеяна знаменитыми складами госрезерва моей далекой родины. Инициативой гномов же была постройка под землей ряда анфилад, предназначенных как для жилого, так и для хозяйственного назначения. К их просьбе организовать Нижний Город я сначала отнесся скептически, но они настаивали, уверяя меня, что помимо всего прочего они смогут там поспособствовать выведению ряда хозяйственных культур, таких как грибы, а также ряда пещерных растений, названия которых мне были совершенно неизвестны. Впрочем, сомнения развеялись, когда они пошли на диалог с торгом, предлагая мне софинансировать эту часть города с правом последующего выкупа жилья там по себестоимости. Разве я против? Нет! Пусть занимают эти рукотворные пещеры, мне их инженеры важней всех их причуд.

Пободаться же с гномами пришлось по поводу постройки многоэтажных домов. Ну не строили здесь еще такого никогда, дико им это казалось. Башню там высокую возвести или же замок какой — дело другое, но вот пять подъездов на десять этажей — это уже фантастика. С карандашом наперевес, словно с мечом в руке, мне пришлось неделю доказывать и объяснять свой чертеж

многоквартирного дома чуть ли не каждому гному в своем баронстве, так как бородачи упорно не могли понять, как это люди смогут жить в подобных скворечниках. Но в конце концов, как я понял, на меня просто плюнули, решив исполнить любой мой каприз за мои деньги, даже если я совершенно сумасшедший.

Сумасшедшим я не был, авантюристом — пожалуй, но не сумасшедшим. Нюансы были подвешены в воздухе. Насосы для подкачки воды, лифты для зданий, освещение, оснащение кухонь — решение этих вопросов пока оставалось в теории. Опрометчиво? Весьма, но все же мне казалось, что они не столь уж и сложны с учетом специфики этого мира, а в частности магии. Что есть магия? Правильно, управляемая энергия. А что есть электричество? То же самое! Тогда в чем проблема? А проблема во времени и в желании везде сунуть свой нос и поучаствовать, что, увы и ах, физически было невозможно, да и объемы строительства обещали затянуться на хороший срок. К примеру, на постройку первой десятиэтажки без учета коммуникаций по проекту выходило чуть больше двух лет. Печально? Не то слово! Просто крах моих иллюзий и мечтаний, хотелось щелкнуть пальцами и облагодетельствовать всех страждущих, но, увы и ах, мир работает по-другому.

Покрутившись по стройкам, пройдясь по фабрикам, сделав заезды в Речную и Ближнюю деревни, в преддверии лета неожиданно узнал, что все более или менее налажено, отчего мое присутствие в этих местах не очень-то и нужно. Эх, от осознания этого стало даже чуточку тоскливо, впрочем, идей для реализации было еще полно, но вот со свободными финансами уже было туго. Весь капитал за вычетом фонда семейной казны, припасенной на черный день, так сказать, вращался и крутился, не задерживаясь ни на секунду. Только что-то заработал, тут же отдал другому за его работу, в общем, круговорот таньги в природе. Так вот навскидочку первый медный грошик прибыли будет аж через три года. Хотя вру, конечно, я еще не знаю, как распродадимся к осени по товарам за пределами баронства. Была большая надежда, что «стрельнут» мои зеркала и стеклянная посуда, да и мыло пошло потихоньку в широкие массы. По договоренностям с той же Роной, к лету подъедут купцы на смотрины. Ну да не буду загадывать, может, еще капнет денежка, тогда и расправлю плечи, а пока тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить тех начинаний, что уже есть.

* * *

Не иду за славой, не иду за верой,
Не ищу удачи, не плачу монетой.
Нет имен, нет дома, ничего не помню.
Знаю только: должен не подохнуть вскоре.

Раз-два, раз-два — шагает мой легион, общим числом в тридцать восемь человек, дружно выводя хором написанную мною для них песенку. А что? Нужен же им какой-то гимн? Может, и блажь, конечно, но, похоже, слова бывшим душегубам пришлись по вкусу. Я, конечно, не Александр Сергеевич, но тоже кое-что могу срифмовать помимо «жопа-попа» и «любовь-морковь».

Шаг ровнее держим, меч покрепче в руку.
И копье в придачу, щит сомкнем мы с другом.
Номер тридцать восемь!
Что ты копошишься?
Встань и распрямись!
Раз еще живой, значит, повоюем.
Крови будет море, такова расплата,
Наша за удачу, легионер не плачет,
Легионер даст сдачу!

Да, тридцать восьмой не зря в песне упомянут, парень явно отставал от остальных. Кроссы и прочие силовые упражнения ему давались с трудом, из-за чего он почти всегда становился посмешищем среди своих, а вот в образовании, наоборот, юноша преуспевал и даже обгонял всех, за что остальные его чуть ли не под руки за собой таскали, так как он всем помогал подтянуть грамматику.

Имен среди них больше не было, лишь номера, даже наставников по контракту называли по номерам и званию, в будущем контрактники отойдут, а их место займут такие же легионеры, как и они.

Строевой подготовкой занимался лично, так как кроме меня этому нелегкому делу научить было некому. Тридцать парней уже третью неделю как заселились в палаточный лагерь, где их в обиход приняли восемь инструкторов и патруль усиления из десяти вояк от капитана Гарича — во избежание конфликтов и брожения в рядах. Сутки ушли только на то, чтобы их остричь, вымыть, одеть и накормить, расквартировав по палаткам. Честно признаюсь, думал: в первый же день начнут бежать, кто — дождавшись ночи, а кто, может, по дурости и задаст стрекача

средь бела дня, но каково же было мое удивление, когда выяснилось, что, похоже, не только не побегут, но и не уйдут, даже если их палками выгонять.

По местным меркам, я их просто озолотил, оказывается! Нет, только представьте, три раза в день кормят! Да где про такое вообще слышали? Да господа иные за благо считают, если утром чего пожуют, а тут еще и одели. Комплект повседневной одежды, полностью содранный мной с костюма-«афганки», в котором сам в свое время успел походить. Куртка, штаны, майки и трусы с носками по четыре штуки на комплект, а выдал я по два комплекта на лето. Ну и плюс берцы, ремень, вещмешок и головные уборы. Одна панама и пилотка. Да они в жизни никогда богаче, чем сейчас, не были! Бритвенные принадлежности индивидуально каждому свои, а не один тупой нож на всю шайку! Одеяло, два комплекта постельного белья, матрас и, вы не поверите, все новое и без клопов и вшей! Да это вообще не жизнь, а рай! Я даже немного испугался: не прокололся ли я где? Похоже, прокололся, и капитально! Солдаты Гарича жили хуже, чем мои каторжники-душегубы. Правда, зависти никто не выказывал, солдат-то мордовали в разы меньше. Здесь, в лагере, инструкторы по моей команде гоняли будущих легионеров так, что иные кони бы все в мыле померли. Физподготовка, бег, преодоление препятствий, основы рукопашного боя, бой в строю с оружием, строевая, развертывание фаланг, круговая оборона — в общем, не сахар. С пяти утра и до пяти вечера, после чего до девяти основы грамматики и математики, отбой в девять-тридцать. Разбитые на десятки по неделям заступали на караул, причем как в ночь, так и в день, пусть привыкают сами себя охранять.

Главное же, что я пока пытался разглядеть в этих товарищах — это наличие качеств лидера. Да, в связи с катастрофическим кадровым голодом срочно нужен будет пусть и младший, но офицерский состав. Пока могу лишь с натяжкой из тридцати выделить более или менее активных троих. Это, как ни странно, тридцать восьмой, вечно отстающий, но меж тем своей сообразительностью тянущий всех по программе обучения, и еще двое парней, не отличающихся сообразительностью, но зато очень выделяющихся объемом своих кулаков.

Ну можно, конечно, пофыркать, как, мол, так — кулаки за добродетель считают, но, скажу я вам: это еще тот аргумент в споре! Даже два аргумента, один слева, другой справа — и спор на этом, как правило, исчерпан. Вспоминая легкого на язык Черномырдина Виктора Степановича, могу лишь развести руками: «Дума — это вам не тот орган, где можно языком!» Так и здесь,

армия тоже… не тот орган… В общем, приказ я уже подписал на сержантские лычки, дня через три, думаю, наставники объявят о повышении, как раз получится по сержанту на десяток, а там, может, и остальные откиснут, чуть осмелеют да проявят себя. Сквайр Энтеми говорит, что, наверно, к следующему месяцу еще под тридцать человек наберется «висельников», будем надеяться, что к тому времени я смогу укомплектовать их сержантами из первого набора.

Вообще, конечно, эта возня с солдатиками — излюбленная игра мужчины во все времена. Он еще их пластмассовым аналогам в детстве откусывал головы, могу даже похвастаться, лично помню, что однажды в детстве откусил голову даже металлическому солдатику. Мне еще в тот момент, помнится, подумалось, что я стану великим полководцем. Вот оно, наконец я дорвался. Каждая складочка на форме, каждый галун, лычка или эмблема вырисовывались мною с любовью собственноручно. Я даже фляги для воды армейского образца велел делать с оттиском легиона. Каким? Хе-хе. Всем спокойно, над лагерем развевалось знамя с улыбкой в тридцать два зуба старины «Веселого Роджера». Почему? Все очень просто, солдаты удачи, разбойники и убийцы, ну в самом деле, не кролика же им на знамени рисовать в розовых тонах? Черное полотно, оскаленный белый череп, правда, вместо скрещенных костей изобразил два клинка наподобие пиратских сабель. В этом моменте была специфика. Дело в том, что, по моим сугубо специфическим представлениям, вооружением легионеров станет аналог такой сабли. Исходя из своего, пусть и малого, опыта владения клинком, могу сказать, что используемые в этом мире практически повсеместно на вооружении мечи не самое удобное оружие для бойца в строю. Близкий клинч, тесный строй, как правило, левая рука отягощена щитом — все это просто катастрофа для стандарта в метр с плюсом чистого лезвия.

Мало того что в связи с плохой металлообработкой сталь здесь по весу хорошо нагружает руку. Так еще и длина может стать помехой для хорошего удара, а также нанести травму стоящему рядом. Была, конечно, идея комплектации легиона мечами наподобие римского, но там, мне казалось, проблема будет диаметрально противоположной. Насколько я помню из истории, их длина варьировалась от сорока до пятидесяти сантиметров. То есть формально меч не меч, а здоровенный разделочный нож. В общем, посидев и подумав, решился на небезызвестную абордажную саблю, если память не изменяет, *cutlass*. Не очень длинная, но с очень широким лезвием, способным парировать хорошую нагрузку, и развитой гардой по

типу корзины, что прекрасно защитит кисть, а в случае чего может сыграть роль кастета. Впрочем, как вы уже поняли, это оружие для боя, когда идет полная свалка, когда в ход идут чуть ли не зубы. Поскольку это крыло легиона будет под три полка пехоты, то и вооружение мной планировалось соответствующее условиям. Ну начнем с того, что на рейде и в походе легионер всегда с коротким широколезвийным полукопьем-полудротиком по образцу пилума, тогда как при глобальной баталии и позиционной войне, где может быть задействована кавалерия, надлежало укомплектовать отряд пикой под четыре метра длиной. Вот и отработка разных положений при построении с соответствующим вооружением при разности задач. Теперь два щита, один рейдовый или походный — прямоугольник, в высокой части не превышающий метра, для похода под пилум и второй — в стандарте высоты метр семьдесят для пики. Разница в весе, разница в задаче и совершенная ясность, что полумерами тут не обойтись. Нужны как те, так и другие. Вариант на выходе предполагал в задаче минимизацию веса, ложащегося на плечи солдата, и при этом способность отразить неожиданное рейдовое нападение либо же способность при молниеносном переходе войти клином, связав противника ближним боем. В то время как в позиционной войне, когда сходятся войска на поле битвы, когда есть возможность маневра, анализа и каких-то приготовлений, обозом подойдут пики и ростовые щиты.

В будущем была мысль создать легкую стрелковую пехоту, укомплектованную луками или арбалетами. Насчет тяжелой пехоты я сомневался, то так, то эдак прикидывая полный ее функционал. По большому счету подобный род войск необходим для полноценной баталии с полем боя стенка на стенку, а вот уверенности, что легионеры будут задействованы в таких масштабных войнах, не было. Какое-то решение принять так и не получилось. Пока пусть будет отработка маршевого вооружения. Наиболее сильные и выносливые так и останутся строевой пехотой, а те, что послабее, уйдут в стрелки.

А что делать, не каждому дано пройти кросс в полной боевой выкладке, опять же с медкомиссией тут, сами понимаете, дела неважные. У кого порок сердца, у кого астма, а у кого-то плоскостопие, и ему простой боевой выход в пару километров будет казаться мукой в вечность. Каждый человек с его телом индивидуален, а здесь к тому же и выбирать-то особо не из чего.

День перевалил за полдень, я стоял возле полосы препятствий, наблюдая, как инструкторы гоняют будущих легионеров по пересеченной местности, заставляя делать перестроения и развороты, попутно уча реагировать на команды

полкового горна и поднимающиеся флажки. Сигнализация во время боя тоже была в этом мире нововведением, которое я стал насаждать. Раньше как было? Зазвучал горн, и все ринулись в бой. Вот, собственно, и все. Теперь же у меня горн давал сигнал не только атаковать, но и менять направления, отступать либо обходить по флангу, замедлить ход, идти на прорыв или же стоять на месте, попутно же звук дублировался соответствующими флажками на длинной штанге. Звуковые и визуальные команды должны быть выучены назубок, в бою нет времени подойти к каждому и показать пальцем, куда встать или куда отойти, а уж пехота на подобные маневры вообще должна чутко реагировать, иначе чуть зазеваешься — тебя не то что вражеская конница раскатает, а своя собственная налетит, затопчет.

— Добрый день, барон! — Граф Десмос учтиво поклонился, появляясь у меня за спиной в элегантном костюме с возвращенной мною тростью в руках.

Я не видел его со злополучных событий в Роне, занятная личность, в какой-то мере мне нравится его учтивость и слог, обаятельный мерзавчик, даже с учетом того, что он, похоже, уже ой как давно не человек.

— Граф. — Я кивнул, не поворачиваясь, «Мак» давно его засек, так что какого-либо удивления я не выказал. — Приятно видеть вас посвежевшим, как ваша рука?

— Благодарю за беспокойство, мне и вправду получше. — Он подошел ближе, становясь рядом. — Рука, увы, еще долго не будет радовать меня своим видом. Надеюсь, я не беспокою сильно вас своим визитом?

— Пустое, граф, право слово, никаких беспокойств. — Я слегка улыбнулся. — Мне доставляет истинное удовольствие общение с вами.

— Могу ли я рассчитывать на некую благосклонность с вашей стороны? — Он замялся, замолчав, видимо, для того чтобы подобрать слова. — В первую нашу встречу вы сделали мне некое предложение… эм-м-м… о службе…

— Вы прекрасно готовите, граф, вам об этом говорили? — Я улыбнулся, вспомнив ту ночь, как я предложил ему сдаться и перейти к себе на службу.

— Да, что есть, то есть. — Он кивнул. — Но, наверно, это не вся служба, которая от меня потребуется?

— Естественно! — Я повернулся, насмешливо его рассматривая. — У такого человека, как вы, наверняка найдутся тысячи талантов! Нет, нет, даже не смейте утверждать обратного, вы, бесспорно, недооцениваете себя.

— Знаете, после встречи с вами я понял, что местами переоценивал себя. — Взгляд был колючим, похоже, он долго думал, перед тем как здесь появиться. — Даже не уверен, что стандартный набор услуг, который я привык предоставлять, будет востребован вами.

Я замолчал, погружаясь в свои размышления, он же молча стоял рядом, не требуя ответа. Нужен ли мне вампир в моей команде? И если да, то сколько плюсов наложится на минусы? Что мне от него может понадобиться? Убийство? Нет, вряд ли я опущусь до подобного. Зарекаться, конечно, не стоит, жизнь, она по-разному может повернуться в будущем, но вот так откровенно набирать штат наемных убийц — явно не мое. Что тогда? Праздный досужий интерес? Нет, работы с подобным «морфом» у меня достаточно, в застенках замка у меня есть прекрасный образец для всех моих исследований. К тому же, насколько я могу судить по ситуации, граф теперь не только остался без семьи, но и еще (дважды!) не выполнил воли своего предыдущего господина — герцога, что, скорей всего, повлечет за собой ряд неприятностей с той стороны. А может, граф таким образом становится засланным казачком с той стороны? Не смогли убрать — это раз, расстроил пусть и не прямые, но планы герцога в Роне — это два, теперь же банально пытаются внедрить шпиона? Может такое быть? Думаю, вполне, а вот есть ли мне выгода от всего этого? Трудно сказать.

— Знаете, мой дорогой граф, — через некоторое время неспешно начал свой монолог я. — Когда-то давно один мудрец произнес: «Si vis pacem, para bellum», что означает: хочешь мира — готовься к войне. За долгие годы своей жизни вы наверняка не раз задавались вопросом о своей природе, а вернее о том, кто вы теперь, не так ли? Вампиры были созданы как солдаты, вы быстры, умны, физически очень сильны, и у вас внутри сидит жажда. Та самая жажда, через которую вы даже при всем своем желании не сможете переступить. Лучший командир — без слов отдающий вам приказ «убей». Не буду лукавить с вами и говорить о том, что чем-то отличаюсь от остальных и предыдущего вашего хозяина в желании использовать вас и вашу семью в каких-либо иных ипостасях, нежели уже отведенная свыше вам роль хищника. Считаю, это совершенно ни к чему, потому что вы не слепой и сами видите, к какому миру я готовлюсь. Да и сами вы не так давно являлись одним из орудий судьбы, которое чуть не обрушилось на мою голову. И даже больше вам скажу: мне кажется, что не все еще окончено между вами и герцогом, все не так просто, как могло бы показаться… Не нужно. — Я, взмахнув рукой, остановил готовые сорваться с его языка слова. — Ваши

слова не развеют сомнений, и положение не изменится, невзирая на мелкие нюансы. Без лишних вопросов, как с вашей стороны, так и с моей, я готов принять вас и вашу семью к себе на службу с рядом ограничений, таких, как ваше питание и поведение на территории моих земель. Продолжать?

— Конечно, — кивнул он.

— Первое условие — жажду утоляете за пределами баронства.

— Тяжело, но выполнимо. — Он вновь подтвердил слова кивком.

— Впрочем, некоторую помощь в этом вопросе я все же вам окажу. — У меня была пара мыслей о том, чего же требует от них их измененный организм, все же не зря я получил докторскую степень, ну и, что греха таить, потыкал палочкой в целях эксперимента в узника в своих застенках. — Второе условие — никаких привилегий. Если кто-то из семьи нарушит какой-то из законов, он будет наказан.

— Понимаю. — Он был серьезен. — Принимаю.

— Ну и третье — вы больше не убийцы бездумные. Вы солдаты.

Он перевел взгляд на тренирующихся чуть в отдалении легионеров, я последовал его примеру.

— С ними? — больше для себя, чем для меня, спросил он.

— Да. Отдельный батальон разведки «Летучая мышь». — Я улыбнулся. — Согласитесь, граф, солдат — звучит гордо, не то что убийца.

— Кто вы, барон? Я не верю, что вы простой человек.

— Хех, называйте меня теперь… маршал… да, так и называйте меня теперь, капитан Десмос.

* * *

Когда-то давно прочитал, что судьба человека написана на небесах и он не в силах что-либо изменить в предначертанном. Не знаю, не хочется верить в подобное, но хочется поклониться тому случаю, что изменил мою жизнь.

Совсем недавно простой врач, без семьи и цели в завтрашнем дне, я обрел неожиданно больше, чем мог рассчитывать. Новую жизнь с чистого листа. Что я имел? Белый воротничок, кусок хлеба и вечер за компьютером в глупых попытках поспорить с такими же, как я, раскиданными по просторам сети.

О, я не роптал, это была не самая плохая жизнь, и я вполне успешно находил смыслы там, где их, казалось бы, нет. Интересы

были, были и планы, были друзья, определенный круг общения, но вот только здесь, в другом мире, я неожиданно по-настоящему ожил.

Даже не так, не ожил, а стал жить, словно заново родился, применяя весь тот багаж знаний и мыслей, что прошли через меня ранее. Не было у меня нужды в богатстве, не было у меня нужды дикой в общении, мне было катастрофически тесно в рамках известного мира. Я просто задыхался в объятиях матушки Земли. Я знаю, могу, но там это никому не надо. Здесь же, в Альверсте, я не столько знаю, сколько пробую претворять мысли в форму. В жизни никогда ни одного дома не построил, здесь же направо и налево применяю крупицы знаний, выстраивая дворцы. Мелочь имея, я неожиданно обогатился здесь колоссальным капиталом знаний, ранее бесполезным грузом лежавших у меня в голове. Это действительно интересно — работая, творить, не всегда до конца осознавая конечный результат. Мне никогда не было еще так интересно, поистине счастливы люди, которым судьбою или же случаем было даровано счастье быть в жизни на своем месте, отдаваясь делу целиком и полностью, отметая мелочность, погружаясь с головой в свой интерес.

Вот такое у меня начало новой жизни, я барон, я творец, пусть даже не в своем мире, не на своем месте и не в своем теле, но именно там и тогда, где я бы хотел быть. Не знаю, как все будет дальше, не знаю, прав я или нет, но пойду по этому пути вперед, не останавливаясь, ведь столько еще не сделано, начало — это даже не середина пути.

Часть вторая
ВОЙНА

Парадокс: когда тебе нужно с утра пораньше вставать на работу, ты мучаешься, ворочаешься, ноешь, канючишь и переворачиваешься с боку на бок, пытаясь отщипнуть у времени хотя б еще пару секунд сладкого сна. А вот когда ты ни свет ни заря встаешь не на работу, а, допустим, на рыбалку, то вскакиваешь за пять минут до будильника, бодрый попрыгун, пышущий счастьем и жаждой действий. Такого увидишь с утра, выдвигаясь на работу, и тебя может вырвать.

Но к моей радости, а также к радости окружающих, встал я еще при звездном небе и выскочил из замка Лисий Хвост при полном «звездеце», когда моя бодрость духа и радость, источаемая в атмосферу, никому не могла повредить. Что такое «звездец», спросите вы? О, это, я вам скажу, небо такое, как оказалось. В замке, где я имею счастье проживать, мою страсть к рыболовству разделил молодой герцог Герман де Мирт, по сути еще мальчишка, но мужичок, похоже, в будущем рассудительный, размеренный и не склонный к авантюрам.

Судьба у него была незавидной, это уж точно. В ходе недавних событий жизнь подчистую стерла из его души иллюзии всеобщего добра и любви, заставляя этого ребенка совершенно другими глазами смотреть на мир. Да что там говорить, родная тетка вырезала его семью, залив кровью его отца, матери и брата весь его дом, оставив мальчишку один на один с этим беспощадным миром. Да уж, события тех дней имели пренеприятнейший окрас и послевкусие, эдакий этюд в багровых тонах. Мне волею судьбы пришлось влезть в эту историю с головой, в конечном результате у меня на попечении и оказался Герман, угрюмый молчун, ключик к сердцу которого я ненароком подобрал через тот самый «звездец».

Не знаю, верно или нет я себя повел — в своей жизни мне не довелось в той или иной мере побыть в роли отца либо старшего брата, — но я стал приближать его к себе вот такими утренними забегами к реке, где в медитативном трансе рыболовного счастья, в созерцательной форме и вселенском спокойствии мы проводили это первое лето. Его первое лето без семьи и близких, вдали от родных стен своего дома.

Каждое утро, когда я вытаскиваю его из постели, заспанного и непонимающего, что происходит, первое, что он произносит всегда, когда мы выходим с ним за ворота замка, это — «звездец».

Легкое марево неверной предрассветной дымки тумана, стелющегося по земле, еще не ушедшая прохлада ночи и безмерный «звездец» от края и до края небосвода. Мелкий бисер миллиарда звезд в еще темном бархате ночного неба завораживает своим холодом и какой-то непонятной, невообразимо прекрасной красотой отчужденности.

— Звездец? — Мы стояли рядышком, запрокинув головы и рассматривая небо.

— Ага. — Он зевнул. — Полный «звездец».

— А что, пожалуй, точнее и не скажешь, — соглашаюсь я, пожимая плечами и взваливая на плечи нехитрый скарб самодельных снастей, вручаю Герману заплечный рюкзак и по неверной тропинке в этой мгле, через поле и виднеющийся подлесок отправляюсь к реке.

Путь, в принципе, недальний, от силы ходу с полчаса, но все равно не хотелось терять ни секундочки драгоценного рассвета, так как, по поверьям рыболовов, именно в это время в реке плавает огромный стопудовый пескарь с непреодолимым желанием попасться на крючок. Только ленивые и нерасторопные его не ловили, а все остальные — да. Ловили. Честно-честно, вот разведите руки пошире. Развели? Еще шире. Так вот, у того пескаря, что я поймал, один только глаз был такого размера.

Как же я благодарен судьбе, Богу или случаю, что дал мне шанс посидеть с удочкой на берегу речки-невелички в этом поистине лучшем из миров. Да, так уж получилось, что сам я не местный, приезжий, ну вроде как залетный. Родился, аж страшно вспомнить, на планете Земля, в незапамятном году, в России. Здесь, в Альверсте, новом мире, немногим больше года, по образованию врач, а по месту работы нынче величайте меня господин барон Ульрих фон Рингмар.

История темная и пренеприятнейшая, вспоминать те события, которые мне пришлось пережить, не самое приятное занятие, но факт остается фактом — в теле мальчика из забытой Богом деревеньки на окраине оказался я, сорокалетний мужик, всеми правдами и неправдами выгрызший себе место под солнцем.

Да уж, погрызть пришлось не самым оригинальным способом, но мне удалось при помощи откровенной лжи стать довольно внушительной фигурой на местной арене власти. Нет, не подумайте, гордиться нечем, ложь даже во спасение останется ложью, и я сам это прекрасно понимаю, отдавая себе отчет в том, что играю с судьбой краплеными картами, но дело не только во мне. Хотя зачем душой кривить? Я не отдам того, что уже имею, без боя. Деньги, власть, положение — все это не мое и в то же время заработано мною от и до.

Извилистой тропинкой вышли в поле, где уже туман от близости реки серой ватой устилал всю землю, конденсируя бусинки росы на пряную свежесть разнотравья. Вот она, река, гладкая гладь темной воды, без единого намека на ветерок. Сухой прошлогодний камыш с махровыми шапочками на навершиях своих пик возвышался над нашими головами, замерев по стойке смирно. Красота и безмерный покой.

— Улич, пошли сегодня к затоне? — Герман, словно борзая, раздувал ноздри в предвкушении, мальчик по-настоящему проникся моей страстью.

Правда, темпераменты у нас разные: мне больше на течении нравилось ловить, по пояс заходишь в воду и белорыбицу как из пулемета в проводочку дергаешь, а он другой. Стратег, так сказать, выбирает заводи и затони, ищет омуты и ямки по дну. Любит толстопузых карасей и тяжесть круглобоких великанов карпов. Подобная рыба не любит суеты, здесь нужно прийти, сесть основательно, чтобы минимизировать свою деятельность, которая может шумом отпугнуть рыбку. Никакого шума, закормил местечко и замер, затаился и смотришь, бдишь, так как только молодь карповая бесхитростно утягивает индикатор поплавка, а вот те, что покрупней да по опытней, могут нежно подойти и легко снять наживку, да так что поплавок и не дрогнет.

В этом плане болезнью Германа стали лини. Ох, радости и счастья у нас при поимке этой рыбки! Вот вы в детстве читали Пушкина, его сказку о золотой рыбке? Художники современности обычно, иллюстрируя эту сказку, вырисовывают рыбку наподобие тех, что плавают в аквариуме, в простонародье «вилихвосты», пузатики такие желто-оранжевого окраса с пушистым хвостом. Но мало кто знает, что прообразом для рыбки из той сказки был не кто иной, как наш родной линек. В зависимости от прозрачности воды, эта рыбка имеет от матушки-природы натуральный золотой окрас. Меленькая такая «кольчужка» чистого золота, отлив старой бронзы на плавниках и бусинки янтарных глазок делают эту рыбку восхитительно прекрасным трофеем, этакой сказкой во плоти. Тут и говорить не о чем, я, старый прожженный пройдоха, с замиранием сердца брал в руки такого красавца, а уж мальчишка девятилетний так вообще прыгал выше головы от счастья, когда ему удавалось с большим трудом выудить эту красоту.

— Ладно, пойдем к затоне, — согласился я с ним.

Вскоре дошли до места — заросшего водорослями водного кармана, широким полукругом врезавшегося в берег и со всех сторон скрытого камышом. Шуметь не пришлось, здесь у нас уже были две вытоптанные до этого прогалинки рядышком, где мы

после небольшой суеты и замерли каждый наедине со своими мыслями.

Наверно, вот именно за это я и полюбил когда-то давно рыбалку. За тишину и возможность вот так вот среди суеты и круговерти жизненных перипетий и суматохи будней сесть и подумать, собравшись с мыслями и собрав в кулак расхлябанные чувства, обстоятельно так помолчать о главном в своей жизни.

Барон Ульрих фон Рингмар, хех, по сути девятилетний мальчишка, а на деле кто? Да, уже сейчас мне есть чем похвастаться. Дела в баронстве под моим недремлющим оком творились с размахом. Касприв — город на реке и негласная столица Рингмарского баронства — напоминал муравейник своей кипучей активностью и суетой живущих в нем людей. Народ строился, народ торговал, народ благодаря моим начинанием оживал, приобретая некий лоск и оттягивая свои карманы звонкой монетой. Фабрики и заводики коптили небо, сам город строился и перестраивался, жизнь набирала обороты, выходя на новый уровень, на новое развитие.

Самым радостным лично для меня событием стали сплошным потоком идущие торговые обозы из соседних земель, а также из столицы. Казалось бы, мелочный товар, выпущенный мной в этот дикий мир, шел нарасхват, что называется, практически с ходу, с конвейера. Мыловарни в Касприве уже было три, а меж тем товар с них уже продан на три месяца вперед, стекольное производство пока не расширялось, хотя было чуть ли не самым рентабельным из производств. Казалось бы, зеркало — что может быть проще? А вот меж тем в этом мире и времени, чем-то напоминающем прошлое моего мира, ориентировочно Средневековье, это был товар, за который отдавали баснословные деньги! С одной стороны, моя жадность говорила мне: выкидывая по максимуму товар, срывай барыши, а с другой стороны, разум предупреждал: и цена упадет, и ты завязнешь на одном, упуская то, что есть возможность поэкспериментировать, выпуская в серию и другие товары.

К примеру, листовое стекло на окна. Практика уже есть, в том же Лисьем с моей подачи практически полностью заменены оконные рамы, да и в городе в некоторых домах было это чудо. Стекло, правда, по моему представлению, было еще немного мутновато, да и толщина листа была от десяти миллиметров ориентировочно. Тоньше пока не могли делать, проблема возникла с прокалом, похоже, слишком хрупкое оно становилось при меньшей толщине, рассыпалось буквально на руках. Но зато посуда первой партии ушла в массы, причем, похоже, оцененная народом по достоинству. Простые кружки, вазы и блюдца,

неожиданно востребованными стали кувшины и бутыли. На том же заводе шла керамика, где первым делом я, истосковавшийся по комфорту, наладил выпуск санузлов и раковин, но здесь мое видение мира в чистоте столкнулось с непросвещенностью народа, товар этот практически не покупался. Зато нарасхват шла облицовочная плитка, буквально тоннами уходя из печей.

Деньги вроде бы у меня были, а вроде бы и нет. Натура, видимо, у меня такая, сиди да складывай копеечку к копеечке, да в ус не дуй, но нет, я строю, причем с помпой и размахом. Новый замок, новые кварталы в городе, что-то на дороги, что-то на небольшой торговый флот, бегающий по речке, уходит денежка, ну да я не в претензии. Это мои мысли и мое видение того, как должно быть. Не могу я так, воспитан плохо, наверное, люди по пояс в нечистотах и грязи барахтаются, а мне не все равно. Люди тут людьми торгуют, а я, дурак, вроде как против.

Власть имущие живут, поплевывая в потолок, да войнушки затевают, а я вот и тут недоволен. Ну не дурак ли — затаил обиду за то, что солдаты вырезали какую-то деревеньку в лесу? Подумаешь, крестьяне какие-то, бароны-то договорятся. Ага, договоритесь вы у меня еще. Остро кольнуло сердце при воспоминании о старике Охте и моей, так сказать, новой маме, бедной, ни в чем не повинной женщине, погибшей так страшно и так глупо.

Это страшно, просто страшно, когда безнаказанность — постулат реальной жизни. Нет, я не судья и не собираюсь выносить приговор, тебе жить, а тебе умереть, но прощать всем и все не собираюсь.

Для этого и набиваю кулаки, в частности немного беспринципно использую заключенных, осужденных на смертную казнь, как будущий костяк своей армии. Вот такой вот я кандибобер, скромный, тихий и мирный полководец.

Впрочем, это мне еще аукнется. Сэр Дако, смотритель и, так сказать, по роду службы страж замка, уже получил из столицы ряд бумаг, предписывающих ему всесторонне изучить мою деятельность в этом плане. Вопрос большой политики, с этим все ясно, есть король, власть в последней инстанции и есть мы, местечковые царьки, графы, бароны, герцоги. Власть на местах, облеченная и подкрепленная в той или иной мере силой оружия. В этом-то и корень зла. Кто может дать гарантию, что кто-то из местечковых не соберет достаточное количество войск, чтобы реализовать свои претензии на все королевство? Отсюда и родился закон, по которому король строго регламентирует количество войск у отдельно взятого вассала.

Судя по бумагам Каливара, предыдущего барона и по

совместительству моего отца, мне надлежало иметь личную гвардию, общим числом не более сотни, включая рыцарей и офицеров. На данный момент в подчинении капитана Гарича, начальника моей стражи, выходило что-то около восьмидесяти человек. Ну а дальше начинались тонкости юриспруденции, которой пользовались до этого бароны Рингмары.

Поскольку во владении был более или менее крупный город, в нем указом создавался магистрат, где на службе внутреннего охранения было порядка ста человек, так сказать, внутренние войска, формально вроде как и не мои, а реально подчиняющиеся мне целиком и полностью, так как бюджет-то в моих руках. Здесь же от магистрата по подобной системе отчужденности был полк внешнего охранения. Стража в разъездах по дорогам, гоняют разбойников, собирают кое-какую мзду с крестьян. В общем и целом, теми или иными окольными путями за все про все выходило что-то около четырехсот человек.

А вот оправдание для создаваемого мною легиона нужно было еще написать. Уже к середине лета я без ложной скромности набрал сто двадцать человек, расквартированных в палаточном городке возле строящегося учебного корпуса легиона. Контингент там был бедовым, просто жуть. Все убийцы и душегубы, как с баронских земель, так и отловленные залетные разбойничьи ватаги. Народ мутный, злой и темный, но пока сдерживаемый мной, как бы странно это ни звучало, лаской и добротой.

Смешно, но большинству, похоже, именно этого и не хватало. Не от хорошей жизни народец пустился во все тяжкие. Здесь же и сейчас я предлагал им кров, пищу, одежду и толику уважения, показывая, что они не твари какие, а люди, у которых есть второй шанс, невзирая на то что у них за плечами.

Много это? Мало? Пусть решают сами, выбор, собственно, невелик: вон виселица, а вон армейское ярмо — выбирай, куда тебе. Я не хочу выжигать клеймо порочности, этакую печать Каина на каждом, но и сам по здравому размышлению не в состоянии прощать грехи тяжкие. Они убивали и совершали бог знает что в своей жизни, и если нет соображалки в голове, чтоб понять, что это последний шанс стать человеком, что ж, значит, так тому и быть.

Но пока за четыре с половиной месяца, что существует легион, у меня с этими деятелями ножа и топора не возникло серьезных проблем. Пробовали некоторые граждане возвыситься в легионе среди прочих, этакий аналог дедовщины навязать, да только шкуры себе попортили. По десятку раз в назидание кнутом по хребту сержанты прошлись, и все, тише воды ниже травы. Вполне себе так толерантненько, время-то мирное, это в

военное время по уставу бы вздернули на ближайшем дереве, а здесь так, пожурили, что называется. Но, наверное, все же стоит сказать и то, что на глупости и вольные мысли у них по большому счету не оставалось свободного времени. Тренировки, маневры на полигоне, строевая подготовка, владение оружием, а также грамматика, математика и география.

Кому сказать — не поверят, но неожиданно всех этих душегубов, весь этот сброд согласилась обучать графиня Шель де Красс! Графиня! Непонятно? Ну не знаю, это, допустим, как если бы ко мне в моей прошлой жизни в среднюю школу номер сто шесть приехал Леонид Ильич Брежнев и сказал: «Сынок, давай я тебе с географией подсоблю?» Ну или там Путин диктант вместе с вами писал, высунув кончик языка от усердия.

Возможно, конечно, привираю, но культур-мультур на ее занятиях я берег всегда усиленным сержантским составом, задумчиво так постукивающим по ладошке кнутом. Да, да, как уже говорилось, я верю людям.

Но и о нелюдях стоит вспомнить. Есть и такие в доблестном первом пехотном легионе Рингмара. Шесть вампиров под руководством своего «папочки», капитана Десмоса, сидели за учебными партами, старательно конспектируя учебный материал. Жуткие жути, кошмары, летящие на крыльях ночи, оказались еще теми грамотеями. Двое даже пальцев не могли сосчитать на своей руке, а меж тем самому молодому «морфу» было ни много ни мало, а семьдесят годков!

Вот упыри! Столько лет прожить, а ума не нажить. Нет ну как так можно? Иметь чуть ли не вечность под рукой и так бездарно ее проживать. Ладно, ладно, тяжело им пришлось, постоянно в бегах, жизнь почти всегда ночью, все на них охотятся и не любят, пытаясь всячески засадить осиновый кол в сердце, но, елки-моталки, и умирать-то безграмотным нельзя!

Отдельный разведбатальон «Летучая мышь» имел свою культурную программу и ряд дисциплин для изучения. Минимум строевой, минимум взаимодействия с основными частями и по максимуму учебного процесса, по географии, математике, грамматике, а также небольшой ликбез по методике ведения диверсионной и партизанской войны. Скрытность, ряд простейших шифров, организация слежения — в общем, все, что я смог почерпнуть из развлекательной литературы про шпионов и кинофильмов Голливуда. Может, это и смешно, конечно, но ребятам реально понравилось рисовать черные полоски на щеках при скрытном передвижении в лесу. Коммандос просто! Зачем это делается, я, правда, внятно объяснить не смог, но зато сослался на многовековую традицию, мол, так надо.

Вампиресса из моих застенков также была выпущена и возвращена в семью, она-то и была тем семидесятилетним юнцом. Главным сюрпризом стало то, что в составе «Летучей мыши» двое были шикарными, на мой взгляд, барышнями. Первая — красивая, утонченная вампиресса под девяносто лет, леди Рисп, вторая — миниатюрная шатеночка с лукавыми бесятами во взгляде, Тина.

Поскольку знаний как таковых об этой нелегкой стезе разведчика, шпиона и диверсанта у меня не было, то уже через три месяца батальон вышел на первое свое боевое задание. Так сказать, тяжелым трудом и работой набирая практический опыт. «Летучая мышь» должна была проникнуть на территорию предполагаемого противника, а именно Нуггета Когдейра, с целью выяснить реальное расположение его войск, их численность, а также присмотреть места для стоянок и хоть какое-то наличие дорог в этом баронстве.

Не обошлось и без хитростей, о которых даже моя разведка не должна была знать. Дело в том, что у меня была небольшая идейка по глобализации процесса слежения. Систему под названием «Большой брат» я составлял на досуге, экспериментируя со своим «Маком». Правда, все пока на бумаге, все в теории, но, возможно, в недалеком будущем и на деле. Все-таки кто бы что ни говорил, а компьютер — это величайшее изобретение человека. В этом мире дрянного железа, коней и нечищеных зубов мой компьютер был настоящим оттягом. С какой радостью можно открывать в реальном времени странички из скопированной библиотеки сэра Дако! Записи, свитки, бумаги, все эти кодексы и законы, приказы — все это погребло бы меня лавиной, забирая все до последней минутки. Просто физически я бы не смог управиться даже с половиной своих дел, не говоря уже о законодательстве, простейшей бухгалтерии и хоть каких-то научных изысканиях. Да, это неоценимое подспорье с учетом того, что этот мир сложнее, чем я думал.

Не знаю даже, как правильно сформулировать, но здесь наука при всей абсурдности этого мира на голову выше той, что была на моей родной Земле, и все благодаря искусству магии.

Я опустил руку под воду, посылая при помощи «Мака» импульс эхолокации, выстраивая картинку в толще воды, в реальном времени видя рельеф дна участка реки, а также всех крупных ее жителей.

Магия, искусство на грани понимания, способность оперирования энергией, визуализируя ее формы в компактные узлы и комбинации команд, чуждая человеку форма научного прогресса. Наука, шагнувшая в дали, где даже мне не найти

понимания, мне, человеку двадцать первого века. Да уж, человечеству еще идти и идти до этих вершин. Здесь же, в этом мире, магия — это наследие почти ушедшей цивилизации эльфов, гуманоидной расы, некогда полноправных владетелей этой планеты.

Все просто и сложно одновременно, действует из принципа свободной энергии движения, исходя из постулата, что все в той или иной мере не что иное, как вид энергии. Вон ворона летит, видите? Так вот нет там вороны, не ворона это, а энергия, которая летит в энергии, создавая энергию. И я всего лишь энергия, которая думает об энергии, при этом, чем черт не шутит, возможно, создавая вокруг себя энергию.

Запутанно, но по существу в какой-то мере объясняет общие принципы. Определенным образом мозг человека в ходе инициализации проходит ступени изменений, в дальнейшем позволяющие ему в той или иной мере — в зависимости от индивидуального предела — оперировать энергией в мире, трансформируя потоки в вариации, действия. Это может быть банальный толчок воздушной массы, слегка всколыхнувший волосы на голове, а может быть нетривиальный температурный выброс с воспламенением кислорода, который приобретет образ несущегося на вас огненного шара.

Тут я даже боюсь представить все грани и возможности, открывающиеся перед человеком. Впрочем, наверно, все же могу, вернее, могу представить, до чего смогли додуматься местные при оперировании магией, а вот что может натворить действительно человек знающий, это даже страшно.

За примером далеко ходить не нужно, возьмем тех же вампиров, наследие гремевших когда-то войн. Мутация, вызванная с одной лишь целью — создание универсального солдата. Но войны отгремели, генералы ушли, а вот солдаты остались.

Камыш рядом со мной раздался в стороны, выпуская на свет ярко-рыжую копну спутанных волос и улыбчивую веснушчатую мордашку, тут же скорчившую мне мину и высунувшую язык.

— Ох ты ж е! — От неожиданности и испуга я выронил удочку из рук. Вот же бесовка! Даже не знаю, какая именно, их тут пять, и все рыжие и в веснушках. Нет, я, конечно, знаю, что это кто-то из полка привезенных мною дочек барона Кемгербальда, но вот запомнить их по именам все никак не удосужусь.

— А-а-а-а! — послышался голос Германа, после чего следом раздалось характерное «бульк»!

Оп-па, а это уже плохо, значит, в стороне Германа свой

промысел вели старшие девчонки, только они могли кинуть того в воду. Мегеры! С места в карьер я ломанулся, как перепуганный лось, ломая на своем пути камыш, спотыкаясь и падая, но вновь поднимаясь и работая ногами, пытаясь скрыться от идущей по пятам рыжей напасти. С недавних пор банда девчонок в замке скооперировалась с целью отлова и всяческих подковырок в нашу с Германом сторону. Пока, ввиду их явного численного преимущества, а также из-за того, что с ними была Деметра и старшие девочки Кемгербальда, мы в этой войне терпели одно сокрушительное поражение за другим.

— Стой!

— Держи!

— Уходит!

Врешь, не возьмешь! Я, барон Ульрих фон Рингмар, быстр и хитер, аки змий-искуситель в райском саду! Плохо было то, что «Мак» эхолокатором не мог вычленить их в камыше, который глушил все на корню, ну да ладно, мне главное — вырваться в чистое поле, а там в платьях они за мной не угонятся.

— Попался!

Выскочив из камышовых зарослей, я угодил прямо в крепкие объятия Деметры, черт, вот же не повезло! Ей уже двенадцать. Кобыла! Хотя по сути худенькая, черноволосая, правда, немного высоковатая для своих лет, но меж тем вполне способная скрутить меня, девятилетнего пацана, в бараний рог.

Следом из зарослей вывалилась вся гоп-компания, раскрасневшаяся и запыхавшаяся от бега. Девчонки с ходу толпой кинулись на меня, повалив на землю. Вот же незадача! Я тут, понимаешь ли, хозяин, властитель судеб, барон, едрить меня за ногу, маг, полководец, без пяти минут покоритель вселенной, вынужден валяться, уткнувшись носом в землю, ибо дети наше все.

Словно Ленин, вождь мирового пролетариата, я, со скорбью о судьбах человечества на лице, был на руках доставлен к реке, в которой сидел, насупившись, Герман, и запущен в полет вверх тормашками.

Бульк!

А Герман, пессимист и утопист, так и сидел в реке, не пробуя убежать. Впрочем, скорей всего, шансов избежать повторного макания у него было мало, а «утописты» мы теперь с ним на пару.

— Бе-бе-бе! — дразнились самые мелкие.

— Фу-у-у-у! — показывала язык Пестре-Ви, одна из первых заводил этой банды.

— Все мальчишки дураки! — выкрикивали те, что постарше.

— Ха! — скрутила кукиш Деметра с утонченной грацией,

присущей истинной леди.

— Ну что, брат Герман, будем мстить, и мстя будет страшна? — Я сделал страшную мину после всплытия рядом с товарищем по несчастью.

— Улич! Как же они достали! — Мальчишка чуть ли не ревел.

— Так! Ну-ка соберись, ты мужчина, а мужчины не плачут! — Я обнял его за плечи. — Сейчас мы им устроим!

Уже готовое плетение «Эббузова кулака» с помощью «Мака» я разложил на части, быстро удаляя ударную мощь, немного убирая закачку энергии на контур силы. Просто и со вкусом сорвавшееся заклинание вздыбило пенную волну пополам с прибрежными водорослями и придонным илом, окатывая стоящих мучителей на берегу по вектору заданного направления.

Кулдых! Миниатюрное цунами ударило по берегу, сбивая с ног девочек, после отката похожих невесть на что — в траве, побитом камыше и черной «муляке» со дна реки.

— У-у-у-у-у!

— А-а-а-а-а!

Ну вот, теперь с той стороны начинают реветь, так никаких сил не хватит всех бегать успокаивать. Придерживая за руку мальчика, выполз из реки, собирая в кучу наш женский коллектив, пытаясь успокоить и хоть немного привести их в порядок. Так, считаем, раз, два, три… где еще? А вот вижу, четыре, пять, все? Рыжульки все, еще Пестик и Деметра где-то, ах вот они, унесенные прибоем, хныкают.

— Так ну-ка собрались! — Умаявшись, я прикрикнул на них, сердито уперев руки в бока. — А то вечером никаких сказок!

— Ну, Улич!

— Так нечестно!

— Ну не надо! — тут же заголосили они уже на пару с Германом, так как сказок я знал много и частенько вечерком перед сном радовал ребятню, с удовольствием их пересказывая.

Ну что поделаешь, не покривив душой, могу сказать, что дети — самый благодарный слушатель. Кто знает, тот поймет, какое счастье радовать ребенка, пусть и такой, казалось бы, безделицей, как сказка. Хотя, к моей радости, как правило, мои рассказы приходили послушать и баронесса с графиней, подхватывая на руки ребятню помладше и баюкая их на руках. Даже старик Дако и то периодически приходил послушать, тихонечко сидя в кресле и местами многозначительно по Станиславскому хмыкая.

В такие вечера я был счастлив, что тут сказать, очень долго в своей жизни я оставался одинок, не зная радости семейного круга и тепла. Семья, незнакомое до сих пор слово, неожиданно ласково легло мне на сердце, будоража память, урывками

заставляя вспоминать далекое прошлое, когда я был таким же сорванцом и были живы мои родители, такие молодые и красивые, такие добрые и любимые.

— Ир-р-р, эх!

— Ир-р-р, эх!

Из задумчивости меня вывели удары весел об воду. Малышня замолчала, так же как и я, поворачиваясь на звук, идущий от реки, где неспешным ходом в мерном дружном ритме шли три больших корабля, при виде которых тревога кольнула сердце.

Контуры хищника, высокие борта, увешанные щитами, весельный ход. Речка невелика, от силы в месте, где мы стояли, метров пятнадцать, ну, может, под двадцать, поэтому нам прекрасно была видна вооруженная команда на судах. Бородатые диковатого вида мужики в кольчугах поверх шкур.

— Ир-р-р, эх! — В унисон команда била веслами под простенький ритм, но довольно ходко и бодро идя по воде.

— Демочка! — подозвал я посерьезневшую Деметру. — Скорым шагом в замок, всю мелочь доставишь и сдашь на попечение баронессы или графини, сама бегом к Гаричу. Пусть поднимает солдат, всех к Каспривy.

— А ты? — Пестик прижалась ко мне, обхватив испуганно.

— А я следом за гостями.

* * *

Ребятня, подгоняемая старшей Деметрой, скрылась в зарослях камыша, оставляя меня одного на берегу. Последний, замыкающий корабль уже скрылся из виду. Недолго думая, я скинул с себя сапоги и рубаху, оставляя лишь легкие штаны, которые не будут мешать при заплыве. Берег с небольшой отмелью, посему я спокойно спустился в воду, пройдя вперед и уже оттуда выплывая на течение, аккуратно и экономно сплавляясь вниз, следом за ушедшими судами.

Течение было у берегов слабеньким, но меж тем легко подхватило мое худенькое тельце, набирая скорость, да и я помогал по мере сил, слегка подгребая, стараясь не столько плыть, сколько держаться на плаву, сплавляясь следом за кораблями. Плавать я умел и любил, потому особо не боялся такого марафона вслед за уходящими по воде. Да и до самого города отсюда было не так уж и далеко, ну, может, чуть больше километра. Можно было, конечно, и по берегу пройтись, но это будет мука, по таким плавням пробираться я буду в разы дольше.

Сердце не зря кольнуло тревогой, память услужливо рисовала

изображения викингов из истории моего мира, а опыт, уже приобретенный здесь, твердил лишь одно — пикты. Северные варвары, наемники, не так давно выступавшие на стороне Когдейра, и пусть сейчас они без гербовых накидок своего предыдущего нанимателя, но от этого северяне не становятся менее опасными. Именно они вырезали некогда мою приемную семью в деревне Дальняя, жестоко, словно скот, практически всех до одного. Вообще вояки они те еще, в то время как Каливар сцепился с основными силами Нуггета, эти наемники ворвались в обоз, вырезая слуг, детей и женщин.

От Десмоса с его командой, находящихся сейчас на землях Когдейра, поступали отчеты о том, что барон встретился в своем замке с главой одного из кланов этих разбойников, но вот то, что они прийти по воде могут, я не ожидал никак. Хотя должен был. В этих землях повсеместно принято считать, что пикты в большинстве своем лесные варвары. Дикари, сидящие в северных лесах, а вот банально глянуть на карту и увидеть, что на севере эти леса выходят к морю, это ж еще догадаться нужно.

Хотя, может, еще обойдется?

Не обошлось, в небе над горизонтом поднялись клубы дыма, и над водой явственно потянуло запахом гари. Сердце бешено застучало, перегоняя по телу возбуждение и страх. Лишь бы большой беды не наделали, вот же не было печали…

Подплыв к берегу, выбрался из реки, выскакивая на сушу и пускаясь бегом к виднеющимся уже впереди домам. Отсюда видны были стоящие корабли со спущенными с них прямо в воду сходнями, команды на кораблях не было, все, похоже, ринулись на берег.

Неприятным моментом было то, что грабители несли с собой огонь, забрасывая некоторые из домов факелами. Навстречу стали попадаться бегущие из города жители: женщины, дети, старики и, что самое удивительное, вполне здоровые мужики, которые бежали без оглядки, зачастую расталкивая впереди идущих женщин.

Вот это номер: жили-жили, строили-строили, а теперь, как беда пришла, все гори синим пламенем и даже руки не поднимут, чтобы за свое добро побороться? М-да уж, подленький и забитый народец, или, может, это я такой, не понимаю чего-то в этой жизни?

Действовал на автомате, вбегая в город и проносясь к берегу реки, где стояли суда северян. Группа из троих вооруженных топорами захватчиков изломанными куклами впечаталась в стену ближайшего дома, не успев даже повернуться в мою сторону. Мыслей как таковых не было, все нутро заполняли обида и

злость, как на себя, так и на варваров и бегущих горожан.

Из проулка вылетело копье, остановленное защитой «Мака» на подлете ко мне, еще одна тройка угрюмых бородачей, ощетинившись сталью клинков, выскочила на меня, видимо, они были свидетелями расправы над своими товарищами.

Воздушная карусель из лезвий все того же мастера Эббуза тут же сорвалась с контроллера, разворачивая убийственные контуры набирающих силу плетений, кровавыми ошметками давя крики боли, врубаясь в плоть нападавших. Жуткое зрелище разрываемых тел и отлетающих конечностей отрезвило меня, сбивая адреналин и заставляя ужаснуться от собственных действий. Я никогда раньше не убивал. Никогда. Так страшно и так холодно, я отдал команду на автомате, принимая этот грех на себя.

Страшно. Двое превратились в натуральные изрубленные куски окровавленного мяса, а один в агонии выгибался на земле, крича во всю силу своих легких, с ужасом рассматривая лежащие рядом отсеченные руки, которыми он пытался закрыться от невидимой смерти.

Пу-бум! Сработавшая защита «Мака» сгладила мощный удар, но вот инерция закрутила меня по земле, сбивая с ног. Новая тройка во главе со странным созданием выскочила на меня со стороны пирсов.

Именно созданием! Мощный торс и чудовищные жгуты накачанных рук, зеленоватая кожа и приплюснутая морда с торчащими клыками. Орк! Точно, я читал про них! Меж тем, поднимаясь с земли, я вдруг осознал, что за сила меня приложила: кто-то использовал воздушный кулак! И этот кто-то с зеленой противной мордой, плетет следующий узор силы. Ого-го! А у разбойничков есть свой маг!

Урох, или орк на человеческий лад, довольно профессионально выдал по мне концентрированный температурный заряд, оформившийся в полете в огненный шар, впрочем, тут же встреченный защитой отрабатывающего программу «Мака». Тут уж мне стало не до самобичевания, все просто и ясно — вот враги и это бой. Кольцо мастера Прая — пылающий круг всепожирающего пламени огненным столбом выбился из-под ног нападавших, в считанные секунды охватив бушующей стихией пятачок земли диаметром около пяти метров. За какие-то мгновения сопровождающие мага обратились в пепел на ветру. Но не сам урох, зеленокожий маг даже не тратился на свою защиту, мощным прыжком за мгновение до того, как развернулся мой узел заклинания, он выпрыгнул из зоны поражения и оскалился в жуткой гримасе, широко расставив руки

и как бы отпуская мне поклон.

— Молодец, щенок! — гортанным голосом, давясь смехом, произнес он. — Гульспьер сейчас тебе покажет еще фокусы!

Орк с феноменальной скоростью один за одним вколачивал в меня воздушные кулаки, бомбардируя мой контур защиты и вздымая вокруг меня столбы пыли и куски сорванной мостовой. Впрочем, без какого-либо результата, другой бы, может, и прогнулся, но нечто подобное — варварски грубое и тупое продавливание — я уже проходил под контролем сэра Дако на испытаниях моего компьютера.

Да, идет расход энергии, да, защита не бесконечна, но ведь и меня еще рано списывать со счетов! Труды мастера Эббуза, мага, жившего чуть более чем тысячу лет назад, были моим коньком. Мне импонировал этот мастер, своим умением закручивать воздушные массы, превращая невидимые нити аэра в страшное оружие в неотвратимо прекрасном буйстве небес.

В принципе, можно было запустить комплекс узлов и составляющих заклинания через «Мака», но, признаюсь честно, я немного испугался отвлекать своего защитника от такого нужного и полезного занятия, как спасение моей шкуры. Вздохнув пару раз для успокоения, выстроил умозрительно пятикомпонентный блок-узор нового заклинания, еще не опробованного мной ни разу, но заученного от и до за месяцы тренировок.

Сложный, ох и сложный узор, это не кулак с его простой структурой. Два первых узла шли только на контроль и управление, мощь накачки шла в каждом контуре отдельным витком, третий поворот энергии на образ, четвертым задаю гибкость структуры, связывая все это на первых двух, а вот пятый контур был по принципу, как пишут в автобусах: «При аварии выдернуть шнур, выдавить стекло». Если что-то пойдет не так, нужно это «не так» как-то остановить.

Небольшой пятачок улицы, где орк мутузил мой защитный контур, внезапно накрыло ватной тишиной, словно плотным пуховым одеялом. Пыль и земля опали, сам орк удивленно уставился на меня, силясь, по всей видимости, прочитать создаваемое плетение. В дело пошел третий контур, с ревом закручивая плотные воздушные жгуты, раскручивая смертельную мощь торнадо вокруг меня. Оставляя внутри так называемый пятачок, «око бури», где в относительном затишье остался я, тогда как торнадо, подхватывая по периметру все и всех, в страшном буйстве стихии раскручивало свою спираль.

Надо отдать ему должное, физщит орк установил лихо, но вот избежать захвата торнадо уже не успел, увлеченный ветром, он носился по кругу вместе с собранным мусором, вырванными

досками и камнями мостовой. С каждым мгновением скорость и мощь торнадо увеличивалась, ветер бешено ревел, круша на своем пути любые преграды и выворачивая кусками стены близлежащих домов.

Напряжение отката от затраченного энергетического потенциала тяжестью обрушилось на меня, струйкой крови сбегая по подбородку из закровившего носа. Разом тело скрутило от подкатившей тошноты и слабости в ногах. Ох ты ж елки, я и не ожидал, что откат так сильно может ударить по мне!

Чтобы окончательно не сползти наземь от усталости, быстро передал контроль «Маку», его энергонасосы подхватили раздачу заклинания, снимая с меня это чудовище, сосущее энергию больше, чем я мог бы дать.

Ну что, зеленая жаба, выкусил?! Пошатываясь, я сделал первый шаг в сторону реки, смещая вместе с собой и раструб дикого и страшного торнадо. Шаг, другой — перед глазами поплыли зеленые круги, меня вырвало, но я, немного продышавшись, все же продолжил путь к кораблям противника, сметая на своем пути мощью вихря постройки и преграды.

К мусору внутри вихря добавилась засасываемая вода из реки, сам смертельный столб набирал мощь, возвышаясь на несколько десятков метров выше крыш домов, было жутко страшно. Где-то внутри летал вражеский маг, скованный этой ветряной смертью.

Бу-бух! Огромный валун, вывернутый из земли, ударил в борт первого из кораблей пиктов, разбивая его в щепки. Мачту на втором оторвало в считанные мгновения, судно стало медленно раскручиваться на воде, лишь третье, стоящее чуть выше по течению, пока только раскачивалось на волнах без особо сильных повреждений.

Наручи и шейный кулон, где была структура моего компьютера, стали заметно нагреваться, слегка обжигая кожу, впрочем, пока еще терпимо, насосы с трудом, но исправно поддерживали разрастающееся чудовище дикого воздушного зверя.

Да уж, а монстрик-то растет не по дням, а по часам! Вокруг меня стихия стала выдирать землю, вырывая целый котлован, щупальце ревущего воздуха кружило в воздухе под тонну всевозможного хлама.

Неожиданно сработал «Мак», отражая прилетевший неизвестно откуда огненный шар. Ого! А меня-то опять атакуют! Неужели жабья морда после такой чехарды еще способен на что-то? Чтоб окончательно не опустошить резерв компьютера, запустил пятый контур самоликвидации вихря, с ужасом и

запозданием осознав, что все, что было поднято вверх, по старой яблочной традиции обязательно приземлится на голову Ньютону! Камни, доски, земля, вода, куски стен и обшивки корабля, одна мачта и один орк рухнули с высоты на землю, осыпая все вокруг меня, словно и не было смертельного вихря, только что бешено кружащего всю эту массу.

Двое! Их было двое! Первый орк, с которым я схватился, похоже, без сознания валялся в куче мусора, а вот второй, немного уступающий первому по комплекции, стоял в безопасном отдалении, злобно буравя меня бусинками глаз.

Легкое движение рук — и урох запускает огненный шар, расползшийся пунцовой кляксой пламени по установленной защите. Черт, а мой «Мак» порядочно потратился на вихрь, индикаторы показывали примерно сорок процентов от общего энергоресурса! М-да, как-то я не подрассчитал, одно дело — на тренировке с сэром Дако стоять в глухой защите и совсем другое — когда тебе помимо прессинга приходится еще и огрызаться боевыми контурами, порядочно забирающими от общего магорезерва. Тут даже ускоренная закачка компьютера не в состоянии справиться.

Размазав все еще бегущую из носа кровь по лицу, принял единственно верное решение, а именно — со всех ног бросился бежать в ближайший проулок, на ходу перепрыгивая кучи мусора и завалы. Нет, ребята, я не трус… но я боюсь. Однако все равно удаляться от уроха не стоит, маркером фиксирую его на локаторе «Мака», а сам, обежав вокруг дома, тут же запускаю во вражину кольцо Прая, вновь давая деру по узким улочкам. Обегаю по кругу, уже с другого проулка атакую недоумевающего и растерянного врага.

Уже минут через двадцать орк с отрядом головорезов гонялись за мной по лабиринту Касприва, сыпля в спину нехорошими словами и не менее нехорошими для моего здоровья заклинаниями. Что было, несомненно, мне на руку, так как давало время на подпитку, а также собирало разрозненные и разбредшиеся шайки пиктов в одном месте, а именно — вокруг их мага. Хотя пару раз мне удалось выскочить на грабителей лицом к лицу, без малейших угрызений совести и тени сомнения уничтожая их. Потом, потом буду сидеть и пытать себя чувством раскаяния, сейчас не место и не время для соплей. Сегодня я вдруг из полноправного хозяина неожиданно превратился в улепетывающую без оглядки жертву, в своем собственном доме я терпел поражение, и уверенности, что мне и дальше удастся долго водить их за нос, совершенно не было.

Воздух с хрипом вырывался из нагруженных бегом легких,

ноги гудели, если первое время я еще мог бежать и ругаться на все это треклятое баронство, то теперь лишь сипел, то и дело останавливаясь и прижимая руку к заболевшему боку. Это уму непостижимо! Я плачу городской страже, я плачу внешней страже, у меня под сто человек личной гвардии, в конце концов, полгорода здоровых мужиков по домам сидит, а бегаю и воюю с бандитами лишь я один. Нет ну оно мне надо?

Из города в конце концов пришлось бежать, орк при всей своей непритязательности в нынешнем состоянии был мне не по зубам. Причем далеко не факт, что и первого я надолго вывел из игры. Уже в пригороде, задыхаясь и чуть ли не валясь на землю, вылетел на гвардейцев во главе с Гаричем.

— Барон! Вы в порядке? — Этот здоровенный, косматый мужик соскочил с коня, подхватывая меня на руки. — Мы спешили, как могли, внутренняя стража разбежалась, внешняя собирается у северо-восточных ворот, там народ понадежней, ни один подонок не уйдет!

— Там маги, двое. — Я с трудом пытался отдышаться. — Одного я потрепал, но еще один вполне в силе.

— Магами займусь я. — На пегой низкорослой лошадке вперед выехал старый Дако, с прищуром осматривая меня с ног до головы. — Знаки школы разглядел на них?

— Нет. Это два орка, почти голые в шкуры закутаны. — Я жестом попросил Гарича опустить меня на землю. — Сэр Дако, я с вами для подстраховки.

— Не нужно. — Он отмахнулся от меня. — Этих двух варваров-шаманов я в порошок сотру, а потом и тебе еще задницу надеру, мальчишка! Как ты мог сам кинуться в битву? Ты же толком ничего не умеешь!

Вот тебе раз, я тут жизнью рискую, войну воюю, а мне еще и по заднице? Но спорить со стариком все равно что плевать против ветра. При всей моей родовитости и власти, если вдуматься, действительным законом и правителем в этих землях является старик. Да, земля принадлежит моему роду, да, весь денежный оборот у меня, да, вся местечковая знать у меня под каблуком, и я формально могу тут творить что захочу. Но есть «но». Вот этот старик указом короля имеет такой вроде бы невзрачный статус защитника Лисьего замка, а на деле же является этаким наместником короны, своего рода военным атташе. Что за должность? Ходи — в потолок плюй, службу неси, замок охраняй, а на деле получается: реши старик, что угрозой королевству являюсь я, — и тогда меня не спасет уже никто.

Вообще хитрая система: помимо указа короля по ограничению солдат у знати, у каждого более или менее

значимого клочка земли в королевстве есть вот такой вот недремлющий страж. Этакое живое напоминание власть имущим, что король здесь и он тут главный. Вы, мол, ребята, будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях.

Хотя со стариком мне повезло, сэр Дако то ли в силу своего возраста, то ли от природы был совершенно аполитичен и неамбициозен. Он что при мне, что при моем покойном, так сказать, папочке Каливаре и его дедушке никогда не лез в политику, проводимую семьей.

— Сэр Дако, я сзади постою! — попытался я уговорить его на свое присутствие. — Честно-честно, мне ничего не будет, я и так нормально продержался почти час против всей их мощи!

— Хм-м. — Старик жестом показал Гаричу с солдатами идти вперед. Что капитан и выполнил, оставляя нас двоих. — Послушай, Ульрих, то, что ты вот тут стоишь, голопузый, в одних штанах, и размазываешь сопли с кровью по лицу — это не твоя заслуга, а банальное везение. Ты вот сейчас не обижайся на старика, парень ты умный, а потому я позволю тебе поехать и посмотреть, что такое дипломированный маг.

Он протянул мне руку, помогая взобраться перед собой на лошадку, неспешно так трогаясь в сторону города. Солдаты Гарича, разбившись на тройки и пятерки, уже втянулись на улицы, такие узкие, что не способствовали проходу большой группы солдат. Нам же с Дако ехать далеко не пришлось, нам навстречу вывалилась толпа вооруженных и злых пиктов во главе с двумя орками, правда, один второго, потрепанного мной, тащил чуть ли не на себе.

— Смотри, сынок. — Дако не спеша слез с лошади, оставляя меня в седле.

Меж тем пикты бросились обратно в город, оставляя разборки магам. Два мощных орка, оскалив пасти, остановились, становясь плечом к плечу, стало немного страшновато, каждый из них был силен, каждого по отдельности я попробовал на зубок, и вместе они бы вбили меня в землю, не оставив и мокрого места.

Вязь энергоструктур урохов была на пределе моих возможностей. Если бы не «Мак», думаю, и пяти минут бы не простоял. Орки медлили, мне было не слышно, но они, по всей видимости, пытались договориться со старым магом. Наивные, более чем уверен, старый перец идет к ним и гаденько так посмеивается.

Первый из орков создал структуру, уже не раз опробованную ими и также успешно используемую мной, — защитный купол леди Десты, дающий физическую защиту. Второй дубляжом установил щит, но уже от магических атак, похоже, они привыкли

работать в паре, прикрывая друг друга.

Было страшно и безумно интересно, я реально на своей шкуре почувствовал, что значит магический бой, когда даже не умение, а упрямое продавливание может решить все. Здесь же старик обещал мастер-класс, кичась в какой-то мере своим опытом и дипломом магической академии. Я, конечно, могу допустить, что если в диплом завернуть кирпич, то такой диплом будет весомым аргументом в поединке, но вот здесь и сейчас я больше смотрел по сторонам, прикидывая возможности побега, в случае проигрыша старика.

А потом сэр Дако убил их.

Да, вот стояли страшные зеленокожие маги из разбойничьей ватаги, и уже в следующую секунду два трупа упали бездыханно на землю. Что за черт? От оторопи я даже удивиться, открыв рот, не смог, мысли спутались, а сотня вопросов слилась в нечто нечленораздельное.

— Эм-м-м-м, хы? — Как? Как он это сделал? Что произошло? Что за черт?!

Старик прогулочным шагом подошел к лошадке, беря ее за поводья, и неспешно удалился прочь от города.

— Ну вот, значится… — протянул он, пошамкав губами. — Как я уже говорил, ты ни хрена не знаешь в магии, а лезешь, куда не просят!

— А… это… там… ну… оно… и потом… — Я оглядывался на тела лежащих орков, то и дело переводя взгляд на ехидного старичка. — КАК?!!!!

— Не смей кричать на старших. — Старик ковылял, витая где-то в своих мыслях. — Не дорос еще.

— Но как же так?! Они же, я же, мы же! И там же, так же, вот же! — От избытка эмоций и чувств, а также из-за хаотичной жестикуляции я чуть с лошади не слетел.

— Да уймись ты! — стукнул он меня ладонью по ноге. — Чего тебе непонятно? Ты бездарь, возомнивший себя невесть кем, они вонючие дикари, возомнившие о себе незнамо что, а в результате пришел я, человек умный и образованный, не чета, кстати, вам, голопупикам, и расставил все по своим местам.

— Ну, деда!

— Так. Все. Отстань, я занят, будешь надоедать, вспомню, что должен тебя еще за сегодняшний героизм выпороть.

Вот же старый хрыч! Нет, ну вы только посмотрите на него! Да как таких людей вообще земля носит? Да я же ночами теперь спать не смогу. Столько сил, столько стараний, кропотливая вычитка, тупая зубрежка, в конце концов, мой опыт и высшее образование человека двадцать первого века! И?! У меня

компьютер, у меня знания, и что? Щелчок пальцев — и я труп?

— Дед.

— Отстань.

— Ну, деда.

— Отстань.

— Ну, пожалуйста.

— Все равно отстань.

— Молю!

— Не-а…

* * *

Анализ последствий нападения на Касприв, после описи и всех собранных отчетов, показал, что в своей основной массе город разрушило торнадо. Это было печально. Это было прямо печально-печально. Даже не так, а печально-печально-печально.

Зачисткой от и до руководил Гарич, полностью беря командование над всеми моими стражами. В общей сложности выходило чуть больше сотни разбойников, из которых ни один не ушел из оцепления. Весь их расчет, похоже, строился на магической поддержке со стороны магов-урохов, другого логического объяснения столь наглому и ничем не прикрытому вторжению я не находил.

Хотя от Десмоса поступил тревожный звоночек от границы, Когдейр подвел к одному из приграничных замков около трех сотен солдат. Вот гад, даже не имея семи пядей во лбу, можно понять, что его солдаты ждут вестей от своих подельников-пиктов.

Что ж, план неплох, вполне в духе этой хитрой бестии. Из нашего короткого знакомства я четко понял: Нуггет из тех, кто любит чужими руками жар загребать. Получилось бы разбойникам закрепиться на моей земле, измотав боем и связав мои войска, то и ладушки, тут можно и своих людей вводить в игру. А вот коли не выйдет дикарям фарту, то и барон наш умоет руки, оказавшись как бы не при делах.

Вообще я жутко разозлился, прямо до зубовного скрежета. Пусть я пока и выходил победителем из всей этой ситуации, но не благодаря своему уму и способностям.

— Сраный дед! — От злости я запустил сжимаемый в руке кубок об стену. — Сраный Нуггет! — Небольшая табуретка, подставка для ног, от моего пинка улетела в дальний угол.

Нужно было решить хотя бы что-то из сложившейся ситуации, пока я от злости не лопнул. Сэр Дако, хихикая, шаркал ногами по

замку, ни в какую не идя со мной на диалог. Учись, солдат, генералом станешь — вот и весь его ответ на все мои вопросы. Ну где-то, конечно, я его понимал, тут моя вина, в последнее время я и вправду практически не уделял внимания учебе, ссылаясь на те или иные дела. Старик был хоть и вредным, но, что ни говори, профессионалом своего дела. Я же, схватив то, что сверху лежало, возомнил себя чуть ли не на голову выше его, формально, до поступления в академию являющегося моим наставником и учителем.

Да уж, поделом мне, со стариком нужно было как-то помириться, только чует мое сердце, нелегко это будет. Он по натуре своей молчун, ни разу не показал, что ему что-то не нравится. Мне уже было понятно, что это у него такой способ обучать нерадивых, тыкая, как котят в их же… эм… каки, чтобы котята на своей шкуре и своим умом дошли до мысли, что есть хорошо, а что плохо.

В принципе, довольно доходчивый и действенный способ, обжегшись раз, уже не всунешь руку в печь. Но вот абитуриенту, проходящему практику у такого наставника, не позавидуешь. Ну да ладно, когда-нибудь он все же отойдет, а вот что мне делать с Нуггетом?

Этот мелкий, женоподобный паршивец, похоже, всю кровь мне попортит, если его не угомонить. Эх, слабоват мой легион для полноценной войнушки с бароном. Чисто математически из докладов разведки выходило, что у него на земле без малого тысяча солдат, под тем или иным предлогом находящихся в его введении.

Можно было бы настучать на него в столицу королю, но, думаю, там по документам все в ажуре, Когдейр — гадский гад, но никак не дурак. Он даже сейчас работает через наемников-пиктов, а уж как у него все устроено на самом деле, даже боюсь представить.

Опять тот же Десмос первым докладом рапортовал мне о найме в баронство дипломированного мага! То есть мага, уже прошедшего полноценное обучение, мага с опытом, который не ровня мне. Даже не хочу думать, сколько и кому пришлось вывалить денег за такое приобретение. А у него ж еще на земле наверняка где-то сидит старый пердун, коллега, так сказать, моего сэра Дако! Вот что делать? Как мне быть?

Ночь опустилась на замок, удлиняя тени и снимая тишиной и легкой прохладой усталость суетного дня. Народ разбредался по комнатам, отходя ко сну, лишь стража да я не спали. Первые — в силу своей работы, я же в силу своей нервозности и роя мыслей в голове. Я все мерил и мерил шагами кабинет, пересматривая

отчеты и сводки, доставленные днем сквайром и капитаном из города.

— Барон, вы не спите? — В дверь проскользнула красавица баронесса Лесса фон Каус, баюкая на руках мою подружку Пестре-Пестик-Ви.

С моей подачи уже весь замок привычно называл девочку Пестиком, впрочем, та была не против и охотно откликалась. Девочка обнимала Лессу, причем было видно, что она недавно ревела.

— Вот, заснуть не можем никак, переживает за вас, переволновалась днем, когда вы в город побежали.

Сердце кольнули угрызение и стыд, надо же, в своих заботах совсем забыл зайти малышку успокоить. Взяв из рук в руки девочку, стал поглаживать ее по головке, баюкая и шепча всякую успокаивающую белиберду на ушко.

— Барон, вы не спите? — Через минуту в дверь вошла пышечка графиня, причем, как в том анекдоте, сначала вошла грудь, а уж следом за ней хозяйка. Шель де Красс ввела в кабинет всю остальную банду детворы под предводительством смущенной Деметры. — Вот-с, понимаете ли, переживают.

Ой, вот я встрял! Пришлось всех рассаживать в кабинете, каждого обнимать, что-то говорить, смущенную Деметру, она ж себя вроде как взрослой уже считает, пришлось посмущать, чмокнув в щечку, для чего девочке на полголовы выше меня нужно было наклониться. Германа же просто похлопал по спине, мол, «все нормально старик, не переживай».

Как-то сразу на душе легче стало от прихода всей этой ребятни, словно груз тяжелый с сердца сняли, дышать легче. Вроде как и заботы не заботы, беда не беда. Не поленившись, сам сбегал на кухню и принес поднос со сладкими пирожками, еще горячий чай из разнотравья. Просидели где-то часа два, прежде чем самых маленьких совсем разморило в сон, после чего потихоньку развели их по комнатам, укладывая спать. Мои хозяюшки, баронесса и графиня, были незаменимым подспорьем в этом детсаде. Милые женщины без какого-либо апломба спокойно и с нежностью относились к детям, терпеливо и заботливо выслушивая их просьбы и капризы.

Но не это суть важно, а то, что, когда я успокоился, на меня накатило человеколюбие, отчего я стал добр, мил и дьявольски хитер. Хочешь пободаться, Нуггет? За мной не заржавеет. Будет тебе война, это я обещаю. Буду порхать, как бабочка, и жалить, как пчела, хотя нет, у Сунь-Цзы круче было высказывание: «Тот, кто хорошо ведет войну, подобен Шуайжань. Шуайжань — это чаншаньская змея. Когда ее ударяют по голове, она бьет хвостом,

когда ее ударяют по хвосту, она бьет головой; когда ее ударяют посередине, она бьет и головой, и хвостом».

Что это значит? Понятия не имею, но покопаться в памяти, а также посидеть с ручкой над листком бумаги не помешает. Ну начнем с простейшей математики, которая, как известно, самая надежная форма пророчества. Разведка дает более или менее точную численность противника с переменной в пиктах. Тысяча на мои сто двадцать легионеров и около четырех сотен регуляров стражи. Как и в случае с моими войсками, единого кулака у Когдейра нет, наиболее опасным сейчас для меня является отряд в триста человек, стоящий у границы. Итак, начнем с минусов, которых явно больше, а именно — численный перевес противника и печальное состояние моих личных войск. Это надо же, сотня городской стражи банально дала стрекача при виде атакующих город пиктов! И этих дармоедов я кормил, платя им зарплату! С местным аналогом полиции придется разбираться, и жестко. Повыгонять ко всем чертям собачьим, но потом, сейчас деньги все оттянуты на бизнес и стройки, да и в виде статистов в массовке пусть на войне поприсутствуют.

Задача номер один — сделать укол в сердце или попу врага, доставив ему массу хлопот, но вот как? Пока что Гарич — единственный кулак моей армии, который замер между нашими баронскими носами. Ослаблять его солдат еще одной войной не хотелось, личная гвардия еще от прошлогодней баталии не отошла, так что в реальности все, что у меня есть, это мои сорвиголовы легионеры.

Риск, конечно, благородное дело, но, как известно, кто не рискует, тот не набивает шишек. Наш ли это метод? Нет. Мы пойдем другим путем, а в частности, цитируя все того же Сунь-Цзы, скажу: «Сначала будь как невинная девушка — и противник откроет свою дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц — и противник не успеет принять мер к защите».

Остаток ночи я провел, выписывая пакеты по инструктажу для Энтеми и Гарича, зная их как людей исполнительных, старался описать и охватить по максимуму все мелочи, внутренне, впрочем, содрогаясь от той роли и того риска, которому собирался подвергнуть себя. С восходом солнца я наконец успокоился, тупо уткнувшись лбом в рабочий стол, засыпая без сновидений, побеспокоенный лишь после обеда заботливой графиней, принесшей мне в кабинет поздний завтрак и растолкавшей меня ото сна.

— Ульрих, родной. — Она встрепала мне волосы на голове, отчего я чуть не замурлыкал, как кот. — Могу я рассчитывать, что ты обойдешься без глупостей?

Мне оставалось только кивнуть, чтоб не мяукнуть. Конечно, какие глупости? Я же взрослый мужчина целых девяти лет от роду. Наскоро перекусил и немного поплескался в ванной, освежая тело и мысли. Предстояло еще поработать, дополняя нюансы и заканчивая приготовления, но пока на повестке дня физподготовка. Утро я пропустил, но это еще не повод вовсе забросить занятия, да и баронесса уже привыкла к моим ночным бдениям, присоединяясь ко мне в дневное время, не забывая выписать мне тумаков в нелегком деле освоения высокого искусства тыканья мечом в человека.

Летний день уже налился жаром полдня, солнце яростно слепило, так что, скинув рубаху, приступил к разминке, уже через пару минут блестя от пота.

— Барон, — Лесса появилась практически сразу, приветствуя меня кивком головы. — Могу я вас спросить откровенно?

— Как будто у меня есть хоть малейший шанс отказать вам. — Я вежливо улыбнулся, протягивая ей тренировочный меч и отмечая присутствие всей детворы, с предвкушением взирающей на наши тренировки.

— Ну вы можете по старой доброй традиции пуститься от меня наутек. — Она улыбнулась, повысив этим и без того высокую температуру воздуха.

М-да. Что тут скажешь, было дело. Убегал. Но на то были причины, и вообще… я тогда прихрамывал, ногу потянул…

Ах, как же она красива. Стройненькая, подтянутая, сейчас в облегающем костюмчике и штанишках, высокие сапоги. Глаз невозможно отвести, но характер! Ух! Южанка, никаких компромиссов, вот как сейчас, коснулась рука рукояти меча — и бац! Хорошо, я хоть уже ученый.

— Можете ли вы обещать мне, что не наделаете глупостей? — В отличие от танцев, в бое вела всегда она, без разрыва проводя вязь ударов с дальней дистанции и сводя все на скрещивание мечей, когда мы сблизились практически вплотную.

— Мгы-ды, — вытолкнул я согласие из себя, с трудом отрывая взгляд от декольте.

— Уверены? — Разрыв клинча, и град рубящих ударов с верхней позиции.

Отвечал кивком, не отвлекаясь на болтовню, уж слишком рьяно она принялась меня обрабатывать. Похоже, это любовь, удары так и сыпались с невероятной быстротой и грацией, без малого год, как мы тренируемся, а я до сих пор не мог пройти ее защиту, правда, уже сам не пропускал ее стремительных атак.

После спарринга и водных процедур тихонечко поскребся в двери к сэру Дако. По идее все послеобеденное время я должен

был провести на занятиях с ним.

— Явился? — Старик сидел за столом, что-то читая и не поднимая на меня глаз.

— Угу.

— Садись.

— Угу.

— Говори.

— Виноват. Осознал. Исправлюсь. — Для весомости своих слов шмыгнул носом.

— Молодец. — Старик улыбался, оторвавшись от книги и рассматривая меня. — По твоему приказу уволокли тела урохов?

— Да. — Я поерзал в кресле, устраиваясь поудобней.

— Зачем?

— Хочу вскрытие провести, поглядеть, из чего они сделаны.

— Зачем?

— Ну-у, интересно же. — Я пожал плечами. — Сегодня калечим, завтра, может, лечим. Жизнь, она такая штука, никогда не знаешь, что пригодится.

— Хорошо. — Он задумчиво побарабанил пальцами по столу. — Хорошо, что хоть какие-то мозги все же есть у тебя в голове. Немного, но что-то, похоже, есть. Рассказывай, какие глупости намерен совершить в ближайшее время.

— Но я… эээ… вроде как… — Они тут, в замке, сговорились все, что ли?

— Прекращай вот это тут мне. — Он погрозил пальцем. — Наверняка пойдешь мстить Нуггету, впрочем, мне до этого дела нет, меня больше интересует вопрос: сколько в этот раз ты привезешь в мой замок девиц и сколько вокруг тебя народа пострадает?

— Каких девиц? — У меня аж челюсть отпала.

— В последний раз, когда тебя выпустили из дома, ты приволок их аж шесть штук, и это, заметь, я еще тебе про твоих воспитателей ничего не говорю!

— Спасибо, — на автомате брякнул я.

— В этот раз, надеюсь, размах будет поменьше? — Он откровенно потешался надо мной, но неожиданно стал серьезным: — Помощь нужна будет, сынок?

— Что вы можете сказать о защитнике на земле Когдейра? — Я тоже стал серьезен, вопрос нетривиален, помимо нанятого Нуггетом мага, эта фигура на игральной доске была далеко не последней.

— Значит, война… — себе под нос пробурчал он и уже для меня добавил: — Альфред Лин, знаком с ним лично, старый боевой маг, как и я, не станет лезть в вашу детскую возню,

единственное, может расстроиться, если пресечется род Когдейров: в каком-то из колен они приходятся ему родней. Что еще?

— Наемный маг, что ожидать? — Я встал, по привычке начиная прохаживаться взад и вперед по комнате, заложив за спину руки, мне так вроде как легче думается.

— Герхард Доу, окончил академию сорок лет назад, спецификация твоя любимая, стихийник. То есть, как и ты, за муравьем будет бегать с топором и палицей. Хотя я навел справки через знакомых в столице, человек незлобивый, можно даже сказать, где-то с ленцой, контракт у него на пять лет и, что для тебя, наверно, самое приятное, вести боевые действия он не обязан, его функция — защита барона, не более.

— Покажи. — Я, не используя «Мака», установил физщит леди Дексты, впрочем, немного лукавя: «Мак» в следящем режиме должен был скопировать заклинание Дако, уж он-то любой узор и плетение запомнит.

Щит лопнул за долю мгновения, ошметками разорванных линий разметав связанную мной до этого структуру. Естественно, я не успел за стариком, слишком он быстр для моего уровня, но что скажет «Мак»? Усевшись в кресло, под насмешливым взглядом старика стал по кадрам воспроизводить запись, пытаясь вычленить всплеск энергии старого мага и определить область его воздействия. Это было потрясающе, мой контур, цельный и прочный, был разрушен буквально щелчком пальцев. Без напряжения и какого-либо усилия старик вкинул в узор отрезок нити, замкнувший энергонасос управления, оставив блок формообразования без заряда, отчего вся структура самоликвидировалась, банально замкнувшись на себя, не имея возможности сформироваться и разорвав контур.

Да уж, все гениальное просто. Никто не плел никаких громоздких форм по взлому узора, никто не стучал кулаком в закрытую дверь и не ковырял отмычками в замке, дверь сама рухнула, под своей тяжестью оборвав петли. А все благодаря опыту. Старик знал, куда вбросить простейший отрезочек-нить, запараллелив контур и замкнув его.

— Еще. — На этот раз контур был по магозащите Дексты, он также не просуществовал и секунды, маг произвел такой же вброс, только в этот раз область применения перемычки Дако была немного другой. В этот раз он просто отсек запитку, из-за чего вся структура выгорела, потеряв силу. — И так со всеми щитами? Сэр Дако, вы же говорили, что они универсальны и лучше еще ничего не придумали!

— Так и есть. — Он расплылся в улыбке. — Три формы, три

щита, универсальная защита.

— Не понимаю. — Я помотал головой.

— Еще б ты понимал! — Он рассмеялся. — Ты, дорогой мой, вообще кроме теории и своего любимого Эббуза что-нибудь еще читал, а? Ну что ты глаза закатываешь? Ну выучил ты теорию, понял принцип линейного построения на контурах, крутишь свои воздушные дули лихо, чего уж тут говорить, а дальше? Нет, ну был бы ты дурак с деревянной головой, я б еще понял, но неужели сам не увидел, что все, что ты делаешь, линейно, ну скажи мне?

— Да уж. — Я печально опустил голову. И ведь действительно, видел же параллели, видел асимптоты, знал ведь функция — это связь между элементами множеств. Да тут даже не математика, старик тупо замкнул фазу в розетке, отчего холодильник на кухне сгорел. Тьфу на меня, тьфу еще раз, какой я двоечник! — И что, получается, идеального щита нет? И даже, похоже, можно возводимый контур прямо во время его создания сломать?

— Ты смотри-ка, голова заработала! — Старик аж в ладоши хлопнул. — Не то что можно, а нужно, мой мальчик!

— Но тогда же, с вампирами… — начал я.

— Ты вот мне бросай путать горячее с мягким! Твои дружки, мракобесы всякие, и рядом не стояли ни с одним академическим магом на Альверсте. — Он нахмурил брови. — Каждый уважающий себя маг строит свой щит, свою защиту, так как от этого зависит его жизнь. Есть универсальные шаблоны, есть учебники и труды мастеров, но, скажу я тебе, последнее дело — это просто все копировать, не задумываясь даже на секундочку, что ты делаешь.

— Я понял. — Да, старик был достоин уважения, и мне вправду еще многому предстояло научиться.

— Я скажу тебе слова одного умного человека! — Он важно вскинул бровь.

— Да?

— Первостепенная задача каждого мага — это учиться, учиться и еще раз учиться!

— Ух ты! — Я с трудом сдержал смех, чтоб не сбить старика с его пафосного настроения.

* * *

Через две недели совещаний и планирования в тесном кругу со своими приближенными Энтеми и Гаричем мы все же более

или менее вылизали наш план по военному вторжению на территорию Когдейра.

В принципе, ничего нового я не придумал, планируя блицкриг. Гарич со всей своей доблестной стражей, размахивая плюмажами, флагами и всем, чем только сможет, выдвигается к границе, а именно — непосредственно к пограничному замку, где все еще стоял со своим отрядом Нуггет. Сквайр Энтеми отправляет двенадцать якобы торговых обозов на распродажу в соседние земли, по пути в заданных точках оставляет по телеге с провиантом, под тем или иным предлогом останавливаясь на дороге. Для чего? Для быстроты передвижения легиона. Ну в самом деле не тащить же с собой полевую кухню, вещи и прочее, прочее. Нет, план был в расчете на быстроту и на то, что Нуггет считает меня идиотом.

После неудавшегося нападения пиктов и несостоявшегося вторжения я должен, по его мнению, тут же вскочить на коня, обнажить… ммм… клинок и ринуться мстю мстить. И в общем и целом он, конечно, прав. Мстя будет, но точечная и по показанному им пути. Надо отдать должное его злому гению, в маневренной войне и играх разума на поле боя этот хмырь поднаторел. Хотел у меня Касприв пощипать? Ну дык давай, посмотрим, а что у тебя на землях есть интересного!

А посмотреть было на что, земли Когдейра, хоть и самые маленькие из пяти баронств Мирта, по своему функционалу были самыми «вкусными». Вот мой Рингмар, самый крупный кусок земли, а по сути своей используется только сорок процентов площади. Все остальное — лес и гигантское болото. Есть у меня камень, есть железо, дерева хоть попой ешь, недавно стали добывать каменный уголь, найденный благодаря гномам, сам бы я его ни в жизнь не нашел, даже если бы им мне кинули в голову и то б не понял, что это. Да, геолог я еще тот.

А вот у Нуггета было золото! На границе с пиктами, где проходящая через мои и его земли Быстрая превращается в вязь ручьев и перекатов, перед тем как впасть в Северное море, есть два прииска, где его люди намывают всю эту красоту.

Если вы думаете, что я под покровом ночи собираюсь с сотней легионеров прокрасться к золотым ручьям, чтоб намыть себе желтого металла, то вы ошибаетесь. Работать руками я как не любил, так впредь и не собираюсь, а вот пограбить — это милое дело.

По границе с Гердскольдами, прилегающей к баронству Когдейра, я собирался пройти вверх на четыре дня пути, выходя к замку Норвшлиц, который являлся загородной резиденцией барона. По данным Десмоса, этот отдаленный замок был не чем

иным, как казной Нуггета. Закрытый, укрепленный, на отшибе, он был, так сказать, последней точкой во время войны, где барон смог бы спрятаться на время. О том, что именно эта точка окажется курочкой, несущей золотые яйца, моя разведка узнала совершенно случайно, так как главная резиденция Когдейров, как и моя при Каливаре, была в центре города.

Впрочем, не об этом сейчас. Гарич стоит на границе, у него в наличии будет в общей сложности четыреста с копейками человек, Нуггет, скорей всего, активируется, к уже имеющимся в той же точке трем сотням подтянется еще сотни две солдат, а то и три. Капитан стоит и не жужжит, я лесом, полем, огородами иду в Норвшлиц, который мне и даром не нужен. Как так? А вот так. Каким образом вы предлагаете мне с сотней человек укрепленный замок взять? Нет, спасибо. Я просто выскочу из леса, поставлю осаду, внося сумятицу и смятение в сердце моего оппонента. Войска оттянуты, а казну штурмуют! Что бы вы сделали? Правильно, собрали бы всех в кулак — и назад, домой. Все это, сами понимаете, время. Сначала к Гаричу отослал, потом к Норвшлицу, а я где? Я уже снялся и осадил Кугермат, потом, попугав народец, пошел выше, в Руату. Нуггет в гневе, уже собрав ядрену мощь, несется за мной, а я спокойно ухожу на земли Кемгербальда, помахав на прощание ручкой.

Смысл? Хе-хе. Смысл в том, что у Гарича есть время с обозом, со всеми остановками и фотографиями на фоне природы прогуляться к приискам, а в частности — к городку золотодобытчиков, где спокойно и не спеша взять драгоценный металл, а также все, что плохо лежит. У капитана — сила и время, у меня — легкость и маневренность. В определенных точках ждут телеги с провиантом. Легион пойдет налегке. Минимум обоза с собой, максимум шагов в день.

С Кемгербальдом списался, приютит, накормит, через него вернемся в Рону, а уже оттуда домой, где, надеюсь, меня будет ждать Гарич с двумя мешками золота.

Что это за война такая, спросите вы? А где трупы, где битвы? Что это за салочки и чехарда? Ну, извините, я все же врач. Сначала Нуггет бегает за мной, потом бежит к приискам, а потом топает ногами по полу и хочет меня разорвать на куски, но осень на носу, дожди, слякоть, потом зима.

Вот такая война по мне, минимум потерь, максимум выгоды. Времени, правда, жаль, без малого полтора, а может, все два месяца мне предстоит бегать по лесам и весям. Нет, за Рингмар я спокоен, тут все схвачено, да и Энтеми — прекрасный управляющий, но все же, все же… Можно было это время провести по-другому.

Капитан собирался основательно, его обоз был грузным, так как почти полностью его стража была укомплектована кавалерией. Провиант брали не только на седоков, но и на лошадок. Помимо прочего, Гарич изыскал в старом замке две разборные малые катапульты, на доведение до ума этого чуда современной инженерии потратили еще неделю времени, из-за чего я несильно расстроился, так как был занят всецело своим бедовым контингентом.

Здесь все было, сами понимаете, непросто, один только факт того, что я оставался один на один с сотней вооруженных убийц и уголовников посреди леса, мог довести кого угодно до нервного тика.

Но как ни оттягивай неизбежное, пришло время решаться. Капитан выдвинулся на свою позицию, а я нацепил подогнанную под себя «афганку», привесил к поясу «кутлас», за спину — вещмешок, и вечером легион тронулся в путь, в свой первый боевой поход, ох, надеюсь, для меня не последний.

Первый ночной марш прошел для меня в тягостном ожидании неприятностей, но закончился на удивление спокойно и без эксцессов. Личным телохранителем у меня была выделенная Десмосом из семьи Тина, приходящим информатором должен был стать сам граф, раз в четыре-пять дней выходя на наш маршрут и делясь свежими новостями и данными по боевой обстановке.

Вообще, надо сказать, вся операция держалась на информативном использовании быстроты вампиров. Помимо личностных физических параметров особенностью семьи была возможность пусть и на небольшом, но удалении использовать мыслесвязь. Весь мой бег с препятствиями должен был координироваться и отслеживаться графом, с учетом поступающей информации мы должны сниматься с места и менять дислокацию, в противном случае все рухнет, а ваш покорный слуга будет мучительно корчиться в руках Когдейра.

Сама Тина помимо функции телохранителя использовалась мной еще и как гужевая лошадь. А что? Я, между прочим, еще ребенок, куда мне тащить наравне со всеми мужиками еще и доспех со щитом? Тяжеловато и так приходилось, а если учесть еще то, что шли в кромешной тьме, так вообще садись и плачь. Хотя легионеры держались молодцом, у них уже были не раз в учебном лагере ночные выходы.

Неделя ночных мучений вывела нас к границе между Рингмаром и Когдейром, а именно к небольшому ручью, противоположный пологий берег которого стоял сплошной стеной леса и уже являлся вражеской территорией. Последним

рывком дневного перехода, так как в лесу таиться было не от кого, да и бесполезно стольким людям, удалились на два дня вперед, становясь лагерем в ожидании начала игры, а именно — решений, которые примет Нуггет.

До связи с графом оставалось три дня, так что отдых после марша положительно сказался на настроении, как моем, так и солдат. Службу от этого, конечно, никто не отменял, караулы, дежурства и три секрета исправно менялись и проверялись мною в течение дня неоднократно.

Уютная поляна в дремучем лесу за пару дней превратилась в вытоптанное сотней ног футбольное поле. Стали лагерем основательно, антисанитарии я не потерплю, каждодневные купания в ручье неподалеку, выгребные ямы под отходы. С продовольствием беда, рациона, взятого из лагеря, оставалось дней на пять, не более, будем надеяться, что с приходом Десмоса тронемся в путь, выходя по дороге на первую продовольственную точку.

Рассвет второго дня стоянки в лесу принес мне кучу эмоций, а именно — выбравшись из палатки, у своего уже потухшего кострища неожиданно обнаружил незваного гостя, спокойно посреди моей армии кашеварившего в моем же походном котелке.

— Доброе утро, Уна, — произнес беловолосый гость, не поднимая на меня глаз.

Матерь Божья! Леофоль, эльф, что встретился мне в деревне Дальней, перед последними печальными событиями. Сердце загнанным зверьком бешено застучалось в груди, эльф знал, что я никакой не барон! Вот так привет из прошлого!

— Здравствуй, Леофоль из рода Темной Ели, рад видеть тебя, надеюсь, в этот раз ты не станешь дурным вестником? — собрав волю в кулак, попытался с каменным лицом изобразить легкую заинтересованность, совершенно не понимая, как себя вести с ним и о чем говорить. Ну, в самом деле, не падать же перед ним на колени, умоляя не выдавать меня, и не делать же вид, что я не я и морда не моя, мол, ошиблись адресом.

— Вести. — Он покатал это слово у себя на губах. — Странное сплошь и рядом, мой юный друг. Все так переменчиво, скажи мне: этих людей ведешь ты?

— Да, эти люди идут по моей воле.

Он развел потухший костер, подбрасывая сухие веточки в еще неверные языки пламени.

— А ответь мне, Уна, не ты ли новый барон земель, что вы, люди, называете Рингмар? — Он уперся в меня тяжелым взглядом своих огромных бездонных глаз.

— Да, это также является правдой.

Как он вообще сюда прошел через охрану? Сместив взгляд в сторону, с удивлением обнаружил замершую в оскале преображения Тину. Словно окаменевшая статуя, в магическом фоне ее фигура сияла, как новогодняя елка, опутанная тончайшей вязью силовой структуры. Маг! Вот оно что, похоже, Тина была в сознании, это не сон или отключка, это что-то парализующее.

Невольно я залюбовался структурой, свитой этим загадочным мастером. Да, тут и говорить не о чем, первоисточник магии — это их технология, это их дар этому миру, и ничего удивительного, что лучшие мастера — это и есть эльфы.

— Эм-м… — Я поерзал на месте. — Вы не могли бы отпустить моего телохранителя или хотя бы помочь занести ее в палатку, понимаете ли, ей не очень полезен дневной свет.

Он задумчиво смерил меня взглядом, после чего перевел взгляд на Тину.

— Ты знаешь, что сотрудничество с измененными запрещено по законам людей?

— Да, знаю. — Солнце, конечно, не убьет более или менее сформировавшегося вампира, но вот ожоги будут страшные и болезненные. Молодь, да, та рассыпается прахом, но Тина — матерая зверушка. — Давайте не будем мучить ее?

— Иди внутрь. — Эльф отдал команду вампиру, а у меня волосы на голове зашевелились от магической структуры, свитой им для нее.

Тоненькие ниточки мигали импульсами команд, каждая ветвь и узел жили, словно единый организм, не то что мои структуры «однозадачника», больше похожие на пеньковые канаты. Эх, вот это мастерство, мне практически полностью были незнакомы блоки и комбинации, использованные им, все так тонко. Даже голосовая команда каким-то образом фиксировалась структурой, в полной мере исполняя свой функционал.

— Нравится? — Он улыбнулся, склонившись над котелком с закипающей водой, бросая туда какие-то сушеные травки.

— Красиво. — Я тяжело вздохнул, садясь на землю рядом с ним. — Это действительно похоже на искусство, не то, что мои жалкие потуги.

— Уна, — он стал серьезен, — расскажи мне.

Я невольно усмехнулся. Рассказать? Конечно, расскажу, куда денусь, не та у нас с тобой весовая категория, чтобы я стал что-то утаивать от тебя. Впрочем, не все тебе, наверно, стоит знать, мало ли что за тараканы у тебя в голове. Неспешно, с расстановкой, стараясь обходиться без прикрас в мелочах, начал свой рассказ с того места, где мы расстались с ним. Хороший слушатель, ни разу не перебил или не задавал вопросов, просто молчал и слушал.

— Значит, ты идешь по пути мести? — Он подал мне кружку с приготовленным отваром.

— Нет, так бы я не стал говорить. — Было немного боязно, но я все же пригубил приятного заваренного разнотравья, в конце концов, не отравит же он меня, в самом деле?

— А как бы ты сказал? — Он уселся напротив, скрестил ноги под собой, также пригубив чай.

— Однажды мне рассказали одну поучительную историю. — Его мимика была непробиваема, но вот любовь к различным возвышенным образам и словам читалась мной чуть ли не в каждом его жесте.

— Она про двух крестьян, хороших друзей, которые жили через поле друг от друга. Один из них все время звал второго к себе в гости, накрывал стол, встречал с радостью в сердце, но вот незадача — во дворе у него жил и нес свою службу очень злой пес, как только гость пускался в обратный путь, этот пес выбегал со двора и кусал крестьянина.

Для важности момента я сделал паузу, прихлебывая довольно приятный отвар и с задумчивым видом разглядывая даль, по заветам старика Конфуция: «Я передаю, а не сочиняю».

— И что же? — Он вскинул бровь, легкой улыбкой отдавая должное моей игре.

— Что? Да ничего особенного, жена посоветовала ему в следующий раз взять с собой кусок хлеба и, когда пес выбежит, угостить его, чтобы он стал добрей. Так крестьянин и сделал. Взял хлеба, пошел к другу, а когда на обратном пути за ним побежал пес, он отломил и бросил кусок тому. Пес исправно съел кусок и опять бросился бежать к крестьянину, тогда тот еще бросил, потом еще и еще, пока хлеба совсем не осталось.

— Он опять покусал крестьянина? — Улыбка эльфа стала шире.

— Да. Он опять укусил его, отчего тот схватил с земли палку — и бздыц! — Показывая «бздыц», я немного не подрассчитал, окатив себя и эльфа чаем из сжимаемой в руке кружки. — Ой, извини!

— Ничего-ничего. — Он ошалело смотрел на свои мокрые штаны и рубашку. — Что там дальше было?

— Ну, в принципе, это все. — Я отставил пустую кружку, стягивая через голову свою вымокшую рубашку.

— Как все? — На лице эльфа удивление граничило с непониманием.

— Ну да, все. Больше там рассказывать не о чем. Крестьянин тот потом так и ходил в гости к другу с палкой, и пес больше никогда его не трогал.

— Хм. — Эльф задумчиво уставился в костер. — Значит, сейчас ты на пути к… эм-м… бздыц?

— Точно! — Для важности момента я даже соизволил вскинуть вверх указательный палец. — Я могу дать хлеба, я еще могу дать и еще, но от этого пес не перестанет меня кусать. Так что о мести тут не идет речи, мне это ни к чему, а вот кое-кому, пожалуй, станет наукой.

— Ну что ж, барон. — Он кивнул, вновь возвращаясь к улыбке. — Вы были очень даже откровенны со мной, взамен, наверно, и мне стоит дать вам что-то. Я, Леофоль из рода Темной Ели, хранитель земель Афель ла Ринг, закрепляю за вами ваше право судьбы владеть этими землями!

Вот те на! Я судорожно стал глотать рвущиеся из меня слова. Это что ж выходит? Эльф исполняет функции сэра Дако, но от лица эльфийской короны, или что там у них? То есть мы тут, люди-человеки, вроде как в королевстве у себя и живем, не знаем, что на самом деле наше королевство принадлежит эльфам!

Однако есть над чем подумать. Кто тут в дураках? Человечество в своем невежестве или исчезающие эльфы в своем величии? Не слишком ли они много на себя берут?

— Вижу, у тебя возникло море вопросов! — Он поднялся на ноги, собирая в свой заплечный мешок разложенные перед костром вещи. — К сожалению, время для ответов еще не пришло, мое дело было оценить тебя и понять те мотивы, что движут очередную войну во вверенных мне землях.

— И? — Я продолжал сидеть, снизу вверх рассматривая его.

— Ты в своем праве, я не стану препятствовать тебе.

— Можно обратиться с просьбой? — Я медленно поднялся, быстро сверяясь с «Маком», записал ли он «глушилку» эльфа, брошенную на вампира. — Не мог бы ты оказать любезность и показать мне любое, самое безобидное заклинание своей школы?

Да, маленькая военная хитрость, покажи мне одно из плетений, объясни, что в нем и как, а уж я потом, зная твои узлы, постараюсь распутать все остальное. Все же магия пришла от эльфов, и ничего удивительного в том нет, что их мастерство на голову выше любой из схем человечества.

— Любое? — Он задумчиво окинул меня взглядом.

— Да! Только ради искусства! Любую мелочь.

* * *

Заклинание, показанное эльфом, называлось «Звезда Латом». Тупой фонарик, которых я уже знал целую кучу, но какое плетение! Это шедевр, просто, емко и функционально. Что я раньше делал по заветам Дако? Выстраивал последовательную цепь. Мне нужно было установить общий контур из трех составляющих: энергозапас, формирующая основа и включатель-выключатель. Здесь же не было формы, не было энергозапаса или же подпитки! То есть, я хочу сказать, что сама форма заклинания была универсалом, это не заклинание, а, как сказал Леофоль, руна. Универсальная единица связи энергии. Разница, я вам скажу, колоссальна, заклинание, как ни крути и как ни пихай в него подкачку, конечно по своей сути, а руна вечна. Нет в ней ни насоса, ни управления, нет ничего, просто свитый замкнутый узор, своей формой и единично заданным импульсом силы являющийся чистой функцией.

Всего таких рун, по словам Леофоля, чуть больше шестидесяти, мне он показал одну, остальные в принципе также не являлись секретом, но вот эльфийская магия — это табу.

Да, вот так вот, господа эльфы охраняли свои корпоративные секреты. Никому и ничего, есть руны, пожалуйста, учите, используйте, а вот наши плетения не трогайте. И тут, надо сказать, крылось даже больше, чем можно было бы подумать. Из полувзглядов и намеков, кинутых им, выходило, что если кто-то из ныне живущих магов будет уличен эльфами в создании их конструкций, то, скорей всего, будет иметь место летальный исход данного индивидуума.

А я что? Я ничего, я вот даже ни одного заклинания не знаю! И ведь почти правда… После того как эльф скрылся в лесу, а я с криками отбегал положенное по лагерю, ловя всех правых и неправых на предмет выдачи заслуженных слонов, из-за того что у нас в лагере блуждают незамеченными посторонние. Мне пришлось больше часа просидеть с «Маком» просто для того, чтобы хотя бы скопировать неизвестный во всех принципах узор. С Тины он сам снимал свою сеть, чем, естественно, «спалил» передо мной узел управления, но от этого, увы, не становилось легче.

Похоже, пробрало меня сильно, так как очнулся от изучения выстроенной «Маком» модели уже поздней ночью — меня тряс за плечо появившийся наконец Десмос.

— Барон, вы в порядке? Сержанты обеспокоены, говорят,

после прихода в лагерь эльфа вы полдня сидите и что-то бормочете себе под нос. — Граф присел рядом со мной. — Кто этот эльф? Из-за него планы меняются?

— Эльф, эльф, эльф… — забормотал я, сворачивая проекцию заклинания, выведенную «Маком», из-за нее я практически не видел окружающее. — Нет, планы не меняются, действуем, как договаривались, эльф не помешает. Я думаю. Пока.

— Странные у вас знакомые, барон. — Десмос поежился.

— То же самое он сказал про вас, когда увидел Тину, впрочем, не будем об этом, какие у нас перспективы? Что там Нуггет? — с сожалением я вынужден был вернуться к делам.

— Нуггет выслал на границу к Гаричу пять сотен бойцов в усиление к уже стоящим трем сотням, похоже, он реально считает вас дураком. Кхм. Простите.

— Не извиняйтесь, на это и весь расчет. — Я устало растер лицо. — Сколько времени у них уйдет на марш и сколько людей осталось с ним в охранении?

— Пять дней, думаю, и они встанут у капитана. Непосредственно с бароном в личной гвардии под двести человек, все стоят возле города, это получается примерно полтора дня пути до Норвшлица. С ними маг. — Он задумчиво выводил что-то прутиком на земле. — Мне кажется, слишком маленький разрыв по времени, хоть бы не пришлось вырываться боем.

— Жизнь заставит — вырвемся. — Я ободряюще улыбнулся. — Никто не обещал, что все будет просто и гладко. Ну да ладно, завтра я выдвигаюсь на первую продовольственную точку, потом четырехдневный переход до Норвшлица, по времени как раз получается, что основные силы оттянутся. Будем надеяться, что у страха глаза велики и барон не ринется снимать осаду с двумя сотнями, а даст нам форы хотя б сутки, может, двое, поджидая возвращения костяка армии.

— Мне уже к замку подходить? — Он поднялся, выходя из круга света горящего костерка.

— Да, няньки в лесу нам не понадобятся, а вот информацию собирать нужно по максимуму. — Подошла Тина и принесла котелок с поразительно вкусно пахнущей кашей. Черт возьми, а ведь я так и не поел сегодня!

— До встречи, барон.

— До встречи, граф.

Плотно отужинав, вернулся к своим изысканиям, все равно не засну, так и буду крутить в голове возможные решения задачи нового узора. Вновь развернув проекцию, с «Маком» стали просчитывать возможные комбинации контуров и места их соединений, сверяясь со справочной литературой по теормагу из

библиотеки Дако, выводя столбцы расчетов. Плюсом наглядной иллюстрации была возможность смоделировать идущие потоки энергии по уже построенным каналам. Ряд этих искорок мы успели зафиксировать при снятии эльфом исходного заклинания, к тому же контур управления теперь мне подлинно известен.

Как там у Корнея Ивановича было: «Ох и сложная это работа — из болота тащить бегемота». К рассвету я окончательно вымотался, но так и не смог выдрать хотя б еще один контур из всей системы. Да уж, земля и небо, даже компьютер не смог разложить все по полочкам, так как по структуре не хватало информации. Зато использовать его я мог. Вернее не я, а «Мак». Он тупо кидал уже готовый шаблон, давая минимальную запитку, что по идее должно было дать рабочую структуру. Но это по идее, как оно будет на практике — еще не известно. И, что самое главное, испытуемых было жалко. К примеру, вот накинул я сеть на ту же Тину, а как снять? Никак, сколько я ни пытал управляющий контур, он был глух к моим мольбам. И это еще полбеды, а если заклинание заточено каким-то образом на эльфа, это ж получится, что я даже приказать ничего не смогу плененному. Вот уж задачка.

Все утро и весь последующий день прошел в тягостных раздумьях, меж тем легион снялся с места, действуя по плану, шли к точке пополнения провианта. Уже к обеду я чуть ли не падал от усталости бессонной ночи. К обозу подошли под вечер, три груженые телеги под видом купцов расположились чуть в стороне от дороги, поджидая нас. Но, увы, и тут отдых мне не светит, слишком опасно такой толпе находиться вблизи дороги на вражеской территории. Пополнив припас, без задержки вновь вышли маршем, углубляясь в лес, стараясь хотя бы на два-три часа, сколько хватит сил, углубиться в чащу.

Этот отрезок времени я не помню, так как просто вырубился и меня на себе тащила Тина, перекинув через плечо. Вот такой вот я командор непобедимого легиона. Очнулся уже на ночлеге в лагере, народ давно отужинал и спал, за исключением дозоров, было немного стыдно за себя, но еще обидней оттого, что не мог разгадать эльфийский узор.

Клятвенно заверив себя, что поковыряюсь всего полчаса, на следующее утро также еле переставлял ноги, из-за того что встречал рассвет за схемами заклинания.

— Барон, мы, похоже, заблудились в этом лесу. — Ко мне подошел старший сержант легионеров, здоровенный волосатый детина с недобрым взглядом.

— Мох растет с севера! — просыпаясь, тут же сориентировался я, пытаясь хоть как-то держать глаза

открытыми. — Идем верной дорогой!

Три дня откровенного игнорирования офицерских обязанностей в конце концов вывели нас к одной из опушек, где мы встали лагерем, высылая разведку на полдня пути, чтобы изучить подступы к замку. Отоспавшись днем, я опять сел за конструкцию узора, с остервенением пытая его со всех сторон. Черт, крепкий орешек! Мне нужен подопытный, иначе, похоже, дело не сдвинется с мертвой точки. Людей и вампиров в расчет брать не хотелось, но в конце концов почему бы не попытать какую-нибудь зверушку? Неужели в лесу никого не найдется?

Куропатка, белочка, медвежонок там или зайчик, хоть кто-то да должен взять на себя нелегкую ношу подопытного. С такими мыслями стал бродить по периметру спящего лагеря, то и дело оглашая заросли кустов тихим «кысь-кысь-кысь», «цыпа-цыпа-цыпа». Молчаливая тень Тина имела глаза навыкате и стойкое, непроходящее желание связать меня до поры до времени, чтобы успокоился. Благо мои поиски довольно быстро увенчались успехом. К лагерю с интересом подходили странные создания, нечто среднее между лисой и собакой, у меня даже в памяти всплыло их название — собаковидная енота. Ну или как-то так, для меня их название не важно, главное — что подходили и что я их нашел, вороватых попрошаек, пугающихся костров, но при этом норовящих украсть что-нибудь съедобное. Мохнатые негодники сверкали бусинками глаз в одном из густых кустарников, чем-то шурша в опавшей листве.

Для верности «Мак» сплел и кинул два контура, по моей подсказке оплетая ловчей энергосетью двух самых больших енотов, или кто они там по национальности? Те даже пикнуть не смогли, в нелепых позах замирая, как каменные истуканы. А я с тревогой в сердце вдруг подумал: а будет ли работать речевая команда на неразумных существах? Блин, жалко зверей. Интересно, их едят?

— Эй, вы двое! А ну выходи по одному! — Удивлению вампирши не было предела, когда я позвал енотов, а уж когда они, неспешно переваливаясь, выбрались из кустов, так мне ее даже жаль стало.

— Молодцы! Орлы вы мои! — Я с помощью «Мака» изучал импульсы команд, расходящихся по магической структуре. — Слушай мою команду. Кругом! На лево-о-о! Смирно!

Вот это да! Вот это силища, вот это размах! Это только детям может показаться забавным тот факт, что еноты вытягиваются на задних лапах по стойке смирно, а вот я сразу ужаснулся тому синтезу и объему информации, который пропускает заклинание. Я-то думал узор считывает информацию с пойманного,

выстраивая из речевых команд коды на выполнение, а тут все гораздо хуже. Заклинание читало мой мозг, заклинание читало меня! Трансформируя мои мысли и желания, используя как посыл активации уже речевой набор. Вот тебе и на. Вместо двух подопытных у меня теперь трое! И третьим к енотам вагончиком прицепился я. Вот черт, мы теперь одно целое, заклинание связало звериные тела с моим мозгом, и я не знаю, как эту связь прервать.

— Ладно, соколики. — Я устало повел плечами. — Возвращаемся в лагерь, мы теперь стая.

Сил что-то совсем не осталось, в лагере тупо отрубился, едва заполз в палатку, без задних ног проспал почти до полудня, не открывая глаз.

Одно хорошо, хоть немного успокоился и вернулся к повседневным делам. Выспался наконец. Разведка вернулась, замок обнаружен в дневном переходе от нас, время действовать, нужно только дождаться этой ночью графа.

Но неожиданно ни вечером, ни ночью граф не появился. Тина лишь пожимала плечами, утверждая, что в зоне восприятия около двух километров его также нет. Это был *force majeure.* Я много что предвидел, но не полную информационную изоляцию. Что могло произойти с Десмосом, я совершенно не представлял, а меж тем по сроку мы явно могли уже опоздать. Что делать? Осаждать замок, не имея никакой информации сейчас и, возможно, не получив ее в будущем, или все же рискнуть, списав все на случай, и понадеяться на то, что вскоре сеть наладится?

— Выступаем. — Действовать так действовать, решил я, давая команду старшему сержанту на выдвижение к Норвшлицу.

Весь световой день уйдет на переход, вечер на отдых и подготовку, ночью мы возьмем в осаду замок.

Путь до границы леса, а затем по густому подлеску, переходящему в покрытые травой крутые склоны холмов, на одном из которых и возвышался замок, мы преодолели даже быстрей, чем рассчитывали. Лагерь разбивать не было смысла, так что просто повалились на вещмешки, вытягивая усталые, натруженные ноги.

— Прапор, воды. — Меховой толстячок, вальяжно переваливаясь, в зубах подтащил флягу воды. — Спасибо, мой хороший.

Самого толстого енота я назвал Прапором, у него и морда похитрей будет, а вот второго Профессором стал величать за слегка поседевшую шерсть вокруг мордочки и тяжелые вздохи, иной раз по делу и без дела издаваемые им. Сразу видно, енот умный и начитанный, знает эту жизнь без прикрас, оттого и

вздыхает тяжело, о судьбе отечества думы думает. Не то, что Прапор, тот только ходит и хомячит все, что под лапу попадется. Оцепенение каменных истуканов удалось вычленить в плетении и отключить, так что зверушки вели себя практически натурально, за исключением того, что по-прежнему были связаны со мной единой нитью энергоканала. Эх, поработать бы неспешно да с расстановкой, да дела все мешают.

— Барон, пора собираться. — Появилась Тина, неся с собой мой доспех. — Через пару часов начнет темнеть, будем выступать.

Доспех был нехитрым: глухой наруч от кисти до локтя, поножи от стопы до колена, кожаная куртка, обшитая металлическими пластинами, один наплечник с правой стороны на руку с «кутласом» и шлем, по образу римского, правда, без расписного гребня, как в фильмах показывают, гладкая сфера. Сбоку, правда, череп выгравирован, но небольшой, так, баловства ради, щит я не брал, для меня и того, что уже надел, было больше чем достаточно.

Небо окрасилось в багровые тона, сержанты рявкнули подъем, легион выстроился походным маршем по четыре человека, позвякивая металлом, вытягиваясь стальной змеей из-под прикрытия деревьев, бодро вышагивая навстречу своему первому боевому крещению. Будем надеяться, что обойдемся пока только выкриками и показыванием толстых дуль в сторону защитников.

До виднеющегося на закате замка неспешным ходом потратили от силы час времени, из-за очередного холма вываливаясь практически сразу к открытым нараспашку воротам.

Ничего себе! От удивления я чуть не встал с открытым ртом, застопорив колонну. Ворота замка открыты! Растерянность сменилась азартом, это было неслыханной удачей, такого никто не мог ожидать, неужели защитники Норвшлица не увидели со стен нас?

— Барон? — Старший сержант, идущий по правую руку от меня, также недоуменно уставился на замок.

— Штурм! — Второго шанса могло и не быть, судьба очень изменчива, а планы мы всегда успеем подкорректировать согласно диспозиции.

Стальная колонна перешла на бег, разворачиваясь на открытой местности в клин, сомкнув щиты и выставив короткие копья. Я стал смещаться, замедлившись, в центр, чтобы от греха подальше убраться прочь с передовой. Нечего мне там, пацану, делать, команда получена, и хоть подобное еще не отрабатывалось на полигоне, народ и сержанты более или менее четко представляли предстоящую работу.

Похоже, нас наконец заметили, на стене вспыхнули дополнительные факелы, послышались крики, и у ворот началась суета всполошившихся стражников. Пяток мужиков суетливо вскакивали со своих насиженных мест, с трудом плечами пытаясь сомкнуть створки ворот под страшный скрип ржавых петель.

— Вышли дальним боем! — гаркнули сразу два сержанта, по флангам выводя по десятку бойцов из общей колонны, которые на бегу исполнили броски «пилумов» по копошащимся у ворот людям. Сработали чисто, тут же возвращаясь в строй.

Жуть! Троих просто прошило насквозь, пригвоздив корчащиеся тела к земле, словно насекомых булавкой. Что стало с другими, из-за спин своих бойцов я не увидел. Наша колонна достигла ворот, врываясь во внутренний двор, где уже поток разделился на чет и нечет, пошли влево и вправо с целью максимально закрепиться на занимаемой территории.

— Первый!

— Второй!

— Первый!

— Второй! — крикнул я, поворачивая в свою колонну, идущую влево.

Тумс, тумс, тумс! Первые стрелы со стены посыпались, гулко ударяя в наши щиты, одну или две перехватил «Мак», гася инерцию и обрывая их опасный полет. Парень, бегущий рядом, повалился наземь, прижимая к груди руки, стрела вошла меж щитов и стальных пластин на доспехе.

Буквально в двадцати метрах виднелся помост каменной лестницы, ведущей на стену, заблокированную группой защитников. Думать тут было нечего, без помощи «Мака» я на автомате отправил в сторону защитников Эббузов кулак, словно молот, вбивающий тела стражников в камень стен.

На лестнице осталась пятерка легионеров, остальные ринулись на стену, сметая на своем пути немногочисленных стражников, главное сейчас — удержать ворота и не дать защитникам закрепиться на высоте стен, где бы они могли вести обстрел моих людей. В принципе, исход боя уже был предопределен, легион с ходу взял замок, через полтора часа бои стихли повсеместно, не требовалось проводить дополнительную зачистку. Гарнизон замка сдавался, прислуга вообще не брала оружие, лишь в верхних покоях пришлось пролить еще немного крови, здесь засела одна из семей каких-то местечковых аристократов.

— Тина! — позвал я своего телохранителя.

— Да? — Лицо и руки вампира были залиты кровью, лично не видел, но, похоже, она успела собрать с поля боя свою жатву.

— До рассвета работаешь в окрестностях, осмотрись, если где-то есть беглецы… — На душе скреблись кошки от собственного хладнокровия. — В общем, ты знаешь, что делать.

— Слушаюсь. — Она улыбнулась, тут же растворяясь в ночи.

— Семьдесят третий! — окликнул я старшего сержанта.

— Да, барон! — Он в сопровождении еще трех старшин подошел ко мне.

— Ворота закрыть, выставить караулы, подыскать место, куда согнать пленных, слуг отдельно, стражу и аристократов отдельно. — Я устало снял шлем, вытирая испарину на лбу. — Всех раненых организовать на лежаки, как наших, так и замковых, я сам пройдусь, осмотрю их. Остальным отдыхать, про мародерство, надеюсь, предупреждать не надо?

— Никак нет, предупреждать не надо. — Он и старшины недобро на меня зыркнули, но, вытянувшись и отдав честь, разошлись. Похоже, все же придется поутру проводить экзекуцию, ну да ладно, их жизнь и их шкура, решать им.

Лег спать за полночь, провозившись с перевязкой раненых, одно радовало — их было с нашей стороны всего трое, и те самостоятельно уже обработали раны, перевязавшись из личных аптечек, которые я приказал иметь в обязательном порядке каждому легионеру. Ничего сверхъестественного, перевязочный стерильный материал и флаконы с обеззараживающими спиртовыми настоями. А вот замковых было под тридцать человек, причем тяжелых с десяток, пришлось и резать, и шить, и банально молиться, уповая на Всевышнего, в надежде на чудо. Сил уже практически не осталось, в какой-то из выделенных караульными комнат я упал, сразу же провалившись в беспокойный сон.

Встал сам к обеду, когда солнце было в зените. Рядом в комнате, забившись в темный угол, сидела, обхватив ноги, Тина. Не спала, глаза так и сверкали, изучая меня.

— Ты знаешь, что ты ошибся? — Голос ее был тих.

— Что значит: ошибся? — Я сладко зевнул и потянулся за сброшенными вчера у постели берцами.

— Это не Норвшлиц, мы взяли не тот замок.

* * *

— Пф-ф-ф-ф… — печально вздохнул Профессор, почесывая свой меховой бок.

Животинки к утру нагнали нас, войдя в замок, где и нашли меня в разбитом состоянии. Это был полный провал! Я и только я

виноват в содеянном, ведь подходили сержанты, спрашивали, куда идти, я же, дурья башка, только отмахивался от них, тыкая куда-то вдаль пальцем. Одно радовало: хотя бы не вернулся в Рингмар и не взял штурмом свой собственный замок. Ну вот такой вот «позитивчик», настроение было на нуле. Уже под вечер на нас вышел Десмос, с круглыми глазами вопрошая: «Вы что тут делаете? Я вас жду, жду, а вы что?»

А мы что? Мы тут плюшками балуемся…

Семь легионеров убито, погибли тридцать два защитника замка, совершенно ни в чем не повинные люди. Все они мертвы, из-за того что я, видите ли, занимался научными изысканиями, пытаясь найти ключик к эльфийскому заклинанию.

— Прапор, дружище, дай морковки. — Толстый енот протянул мне недоеденный огрызок, который я задумчиво стал доедать.

Да уж тут не морковки надо, а литра два беленькой, да без закуски, чтоб противно было до безобразия, чтоб хоть как-то, хоть чем-то наказать себя, дурня.

Четыре дня блужданий по лесу, и мы вышли вместо Когдейра в Гердскольд, где, недолго думая, взяли боем ни много ни мало, а старую резиденцию здешних баронов. Ладно бы еще приграничный форт какой, так нет же — у нас в плену сидел дедушка почтенной четы Гердскольдов, я еще, помнится, в Роне познакомился с их двумя молодцеватыми сыновьями, бравые такие симпатичные гусарчики, Рамус и Трим. Нет, ну надо же так вляпаться?! Мало мне было для счастья Нуггета?

Что теперь делать? Сидеть и ждать, когда Гердскольды приведут свою гвардию, и попытаться извиниться, мол, извините, ребята, ошибочка вышла? М-да уж, тут извинениями не отделаться. По моему приказу старого деда вернули в его покои из сарая, где содержались остальные заключенные, седой и дряхлый дед потрясал палочкой, сыпля проклятия на наши головы.

— Семьдесят третий! — Я сидел в комнате, созвав своих офицеров. — Собрать продовольствие из замка на недельный переход, поутру выступаем.

— Есть!

Утром, выпустив заключенных, по-английски, не попрощавшись, вновь вышли маршем, на этот раз под чутким руководством графа, лично решившего проводить нас к Норвшлицу, дабы в пути опять не случилось какой оказии. Сержантам я не стал ничего объяснять, сославшись на военную хитрость, да и вообще шел в строю с каменным лицом, мол, все идет по плану. На все это, как я понял, легионерам было плевать,

их дело маленькое, к тому же нисколько не удивлюсь, если, несмотря на мой строгий указ не мародерствовать, каждый нес в своем рюкзаке взятый на память чисто символический сувенир.

А на второй день пути у меня появились дезертиры. Пять человек попытались покинуть наш отряд, думая затеряться в лесу и не желая отдавать долг родине. Не знаю доподлинных их мотивов, но вечером, когда уже стали лагерем, я объявил общее построение, где перед строем Тина выставила пять колов с насаженными на них отрубленными головами недавних сослуживцев.

— Легионеры! — кричал я, прохаживаясь перед строем и стараясь донести свои мысли до всех. — Сегодня, согласно пункту семь-восемнадцать положения о военном времени, были казнены дезертиры. Все вы подписали контракт, всем вам был дан второй шанс стать полноценными гражданами, невзирая на ваши прегрешения. Но не все, смотрю, это понимают! Для непонятливых напоминаю: вас увели с виселицы, но петля осталась на шее каждого. Все вы достойны смерти, нет среди вас невиновных. Десять лет взамен прощения, если кто-то считает, что это того не стоит, прошу выйти вперед, ваша виселица все еще с вами.

Я остановился перед строем, специально затягивая паузу, вроде бы как действительно ждал, что сейчас народ начнет выходить.

— Желающих нет? — Я покачался на носках сапог, еще раз окинув своих солдат взглядом. — Тогда, согласно пункту семь — двадцать один, сержантам построить своих людей для выказывания презрения отринувшим руку легиона! Старшему сержанту за номером семьдесят три и сержанту разведроты Тине проконтролировать выполнение приказа, о каждом случае невыполнения устава докладывать лично! Наказание применять соответственное!

Пункт семь — двадцать один был психологическим камнем на шею каждому. К казненным по-разному можно было относиться, их могли знать, могли и не знать, у них могли остаться приятели, а могли остаться и враги. Но для легиона это предатели, и каждый легионер должен был, проходя мимо шестов с отрубленными головами, плевать в их сторону. Здесь, в легионе, нет друзей и врагов — нет больше личности, если ты предаешь, то ты предаешь не кого-то, а весь легион, и весь легион должен осудить тебя, несмотря на то что где-то внутри кто-то, может, даже и солидарен с провинившимся.

— Не слишком ли? — спросил граф, подсаживаясь к моему костру и разворачивая карту. Тоже мне, человеколюб нашелся.

— Возможно, даже этого будет недостаточно. Как у нас дела? — Я сел рядом с картой, приготовившись слушать.

— Плохи наши дела. — Граф тяжело вздохнул, тут же поддержанный сидящим рядом Профессором. — Гарич отступает от границы, в связи с тем что восемьсот солдат Когдейра, чувствуя свою безнаказанность, переходят нашу границу. Боя пока не было, но сам понимаешь, из-за твоей задержки все это и началось. Нуггет, видя, что мы струсили и отступаем, лично выдвинулся к границе со своим оставшимся гарнизоном, видимо, страховался, лис, но, обнаружив, что ничего не происходит и неожиданностей от тебя ждать не приходится, решил триумфатором войти в твои земли, разделав Гарича, просто задавив числом. Что скажешь?

— Пока не так уж и страшно. — Я потер переносицу, отгоняя рукой Прапора, вознамерившегося утащить куда-то карту.

— М-да? — Он вскинул бровь. — Тогда, наверно, ничего страшного и в том, что за нами след в след идут триста солдат Гердскольда?

— Сколько нам еще до Норвшлица? — Прапор попытался совершить бартер, предложив мне еловую шишку в обмен на карту.

— Если поднажмем, то завтра к ночи будем у стен.

— Гердскольды насколько отстают? — Пришлось дать Прапору кусок лепешки, чтоб не надоедал, пусть лучше жует, чем ворует.

— Три дня где-то, не больше.

— Нуггет далеко ушел? — Я приник к карте, прикидывая возможные ходы.

— Нет. Думаю, максимум еще на день от Норвшлица. Он не спешит. — Граф последовал моему примеру. — Нужен бой?

— Боя, похоже, не избежать. Есть местечко на примете? — К нам присоединился Профессор, также внимательно разглядывающий так интересующий всех предмет.

— Вот здесь. — Он указал пальцем. — Большой лог меж двух поросших лесом косогоров. Понизу идет дорога, ведущая к интересующему нас замку. Лучшего места для засады не придумать.

— Тяжело будет сесть на два стула: и замок шугануть, чтоб местные дали весть барону, и к засаде успеть.

— И еще под Гердскольдов не угодить, — хмыкнул граф.

— Ну да, ну да, еще и этих не забыть. — Я подбросил в затухающий костер веточек, крутя то так, то эдак в голове возможные варианты событий. Пока, как говорится, встрял со всех сторон. — Ладно, дойдем до Норвшлица, а там видно будет.

— И то верно. Побыть пару дней с тобой для подстраховки? — Он кивнул в сторону торчащих шестов с головами.

— Не надо. Тина у тебя умница, сама справится, если что. — Молчаливый телохранитель даже не шелохнулась. Если б не «Мак», я и не заметил бы ее возвращения. — К замку завтра подойди, если сможешь, не один.

— Понимаю. — Он сверкнул белизной своих клыков, скрываясь в ночном лесу.

Следующий день выдался до одури тяжелым, шли от рассвета и до заката, сведя практически к нулю остановки, на ходу подъедая те припасы, что еще оставались из замка Гердскольдов. С этим тоже беда, заходить на продовольственную точку не стали, так как времени было и без того в обрез. Народ вымотался, просто мешками падая уже ночью по команде привал. Не было сил даже скинуть рюкзак с плеч, последние часы меня по привычке несла на руках вампирша, так как от усталости у меня даже зеленые круги поплыли перед глазами, не говоря о стертых в кровь ногах.

До полуночи оставалось еще часа четыре, лес кончился, чередуясь с возделанными полями и редкими рощами, сам Норвшлиц разительным контрастом многочисленных факелов на стенах сиял в ночи огнями.

Замок внушал уважение, он словно был вытесан из цельного куска камня, возвышаясь над местностью обелиском. К такому незамеченным не подойти, в радиусе около двухсот метров — чистое поле, да и сам Норвшлиц не страдал от веры в человечество, держа ворота закрытыми.

— Я здесь. — Из темноты вышел граф в сопровождении уже известной мне леди Рисп. Надо отдать должное ее холодной красоте снежной королевы: утонченная грация, надменность в каждом движении, взгляд колючий, и при всем при этом хороша, бесовка, действительно хороша. — Наша задача?

— Открыть ворота.

— Это невозможно, барон! — Даже на непроницаемом лице Рисп мелькнула тень недоумения. — Там стражи ничуть не меньше, чем у вас легионеров! Возможно, у некоторых охранные амулеты!

— Поэтому пойдем вместе. — Постанывая, я поднялся с земли, тут же покачнувшись, благо стоящая рядом Тина поддержала меня за руку.

— Но как мы поднимемся на стену? — Десмос растерянно смотрел на меня. — Не пустят же они нас туда сами?

— Посмотрим, — буркнул я и, уже обращаясь к сержантам,

добавил: — Семьдесят третий! Полчаса для боевой подготовки!

— Барон! Люди устали! — начал он, с трудом поднимаясь с земли.

— На том свете отдохнете! Полчаса на все про все, время пошло. — С помощью заботливой Тины с трудом стал облачаться в свой доспех, «Мак» — это, конечно, хорошо, но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. — Граф, вы с леди Рисп играете роль важных господ. Знаете имя управляющего замком?

— Да, это лэр Лофац, он же начальник гарнизона в замке, — уже более собранно ответил граф.

— Отлично. Подходим к стене вчетвером. Начинаете переругиваться с охраной, давите на срочное донесение от Нуггета, даже если Лофац сам будет со стены кричать: «Что надо?» — просите об аудиенции и настаивайте, что разговор не для посторонних ушей.

— Понятно. — Он был серьезен и внимателен.

— Ворота ради нас никто не откроет, но вот малую калитку, думаю, да.

Тина, стоя на коленях, застегивала на мне ремешки поножей.

— Дальше, надеюсь, объяснять не надо?

Ответом была тишина и блеск голодных глаз, даже в предвкушении крови вампиры без явного голода оставались хищниками. Бьюсь об заклад, что в крови у них, или что им там ее заменяет, уже бурлит адреналин, делая их движения резкими и агрессивными.

Сержанты пинками сквозь стоны поднимали легион на ноги, заставляя облачаться в доспех и выстраивая народ в строй.

— Народ! — Уже в доспехе я вышел перед строем усталых солдат. — Работаем, не ноем, не девочки, поди, уже.

Надо же, даже посмеяться через силу смогли. Все-таки мужик есть мужик, говорим либо о бабах, либо о бабах. Все остальное тлен и прах.

— Чтобы вошли чисто, работали без глупостей. Так и быть, черные ваши души, растудыть вас в коромысло, после дела разрешаю грабить!

— Во-о-о! — Ну дык, кто бы сомневался дружному одобрению толпы.

— К казне только не подходить! — Я усмехнулся. — Ее буду грабить сам, помощники не нужны!

— Гы-гы-гы! — отозвался народ.

— Через полчаса после того, как я уйду, выдвигаетесь на границу к смотровому полю замка. К самой границе по-пластунски! Как ворота подниматься станут, без криков и суеты вперед. И да хранят вас боги, легионеры!

Когда я уходил вслед за вампирами, меня сверлила сотня пар глаз, даже не знаю, что было в них, не знаю. Да уж, ситуация та еще, увижу ли я их сегодня еще? Или плюнут на дурака барона, пусть сам помирает? По сути ведь у них реальный шанс сейчас развернуться и уйти, оставив меня один на один с гвардией Норвшлица. Хороший шанс у вас, черти, подставить меня по полной, ой, хороший.

Затягивать прощание смысла нет. Оставив свой вещмешок, в сопровождении трех вампиров выдвинулся к замку. Из-за респектабельности вида граф и Рисп вышагивали впереди, мы же с Тиной плелись хвостиком.

Стучать в ворота не пришлось, нас еще на подходе окрикнула стража со стены. Как я и предполагал, начались пустые препирательства, караул на стене не слишком горел желанием будить свое начальство, но и отказать важным господам напрямую не могли. В общем, долго ли, коротко ли, но на стену взобрался тучный мужичок с коротенькой ухоженной бородкой, лэр Лофац, по виду человек неглупый, но, что видно по несколько дерганой натуре, не раз страдавший от власть предержащих.

— Поймите, лэр, господин барон настоятельно рекомендовал нам исключительно конфиденциально сообщить имеющуюся информацию! — Граф при всей наигранной надменности старался не загонять мужичка в угол, стараясь избежать ультиматумов и громких заявлений. — В конце концов, лэр, в самом деле, ну не думаете же вы, что на вас нападут две женщины и я с этим юношей? Полноте вам!

Он не думал. А зря. Скрипнула калитка, пропуская вперед графа с Рисп, а следом и меня с Тиной. Через стражу я уже переступал, четыре дюжих мужика валялись на земле, корчась в агонии и булькая разорванными шеями, отчего меня даже замутило.

Граф и Рисп ринулись вперед, словно кегли, разбрасывая охрану, проходя сквозь каменный мешок ворот, словно раскаленный нож сквозь масло. Тина шла чуть впереди, замыкал наш диверсионный отряд я. Механизма открытия ворот не было, просто две створки мореного дуба, обшитого листовым железом на заклепках.

— Тина, сам не смогу. — Я позвал вампиршу, пытаясь сбросить толстенный запорный брус.

Вдвоем с трудом смогли приподнять один край, сбрасывая со скобы, когда град стрел накрыл нас, нашпиговывая Тину стрелами и делая ее похожей на подушечку для иголок. Ох и жуть! Вампира двумя десятками стрел не взять, а вот доставить боль и травмировать можно. Заслонив собой сползшую на землю

и кричащую от боли вампиршу, тут же разрядил воздушный кулак заклинания по заполнявшим коридор стражам. Быстро они что-то сориентировались, неужели с графом и Рисп уже покончено? В ход пошло кольцо Прая, перегораживая узкий проход огненной стеной. Черт, одному мне не открыть створки! Да и брус еще одним концом засел в гнезде, стрелы летели сквозь пламя, пока безвольно падая, наткнувшись на защиту «Мака». Что же делать? Неужели придется бросить графа, выволакивая Тину, и уходить, так и не осуществив своей задумки? Я, конечно, могу какое-то время под защитой, словно смерч, пройтись по замку, но как долго? Народ тут упертый, а энергия не бесконечна. Комбинировать щит и боевую магию накладно, это я уже опытным путем установил в Касприве, похоже, план по захвату Норвшлица рушится прямо на моих глазах. Не нужно было рисковать, надо было, как изначально и планировалось, осадить замок и не лезть внутрь.

Положение спасли легионеры, так и не дождавшиеся открытия ворот, но рискнувшие под прикрытием щитов и под прямым обстрелом со стен ринуться к открытой калитке, где и застали меня. Четверо парней в мгновение ока сбросили брус, плечами расталкивая створки ворот. Мощный поток закованных в броню солдат дружно ринулся внутрь, я лишь убрал пламя и с помощью одного из солдат оттащил в сторону стонущую Тину. С ней оставаться смысла не было, а вот в строй пришлось вернуться, и быстро, так как противник здесь не дремал, сшибаясь щитами с моим легионом.

В первых рядах, где шел бой, мне делать было нечего, а вот повоевать с лучниками на стенах пришлось капитально. Удар воздушного кулака крошил камень зубчатого парапета, иногда задевая людей, но защитники не сдавались, используя укрытие, все осыпали и осыпали наши ряды смертоносными жалами. Ненадолго спасало положение кольцо Прая, забрасываемое на стену, но после пяти минут горения, когда пламя опадало, на том месте вновь появлялась стража.

Нужно было менять свое излюбленное оружие и как-то спасать положение, не ровен час нас банально вышвырнут со двора, заставив умыться собственной кровью. Эх, как же жалко, что так мало уделял времени готовым концепциям и построениям, отдаваясь теории, любая мелочь бы сейчас пригодилась. Хотя стоп! Мелочь-то как раз у меня и есть! «Звезда Латом» проста как фига, самодостаточна и может при должном старании принести эффект! Эльфийские руны света полетели ровной чередой по зубцам стен, при активации вспыхивая чистой белизной, что озарило замок, разгоняя тени и слепя стражу на

стенах, не давая им не то что прицелиться, а без боли открыть глаза. Энергии я не пожалел на свои прожекторы и с вектором угадал, не давая световой избыток во двор, где кипела битва.

Теперь же настал черед моего любимого мастер-мага, господина Эббуза, с его смертельными лезвиями. После Касприва, когда я этим заклинанием кромсал пиктов, у меня к нему было что-то вроде отвращения, уж слишком оно страшно в действии, но, увы, ситуация сегодня вынуждает вновь обратиться к этому смертельному оружию.

Да уж, жуткое зрелище, когда в воздух поднимаются куски земли, разрубленные тела и в щепу разбитые щиты. Даже легионеры вздрогнули от такой картины, народ пришлось криками выводить из ступора, чтоб не терялись, занимая отбитые позиции.

Что такое военное преступление, решать победителю, потому сомнения и всю свою цивилизованность пришлось засунуть куда поглубже. До рассвета не затихали кровавые бои в стенах Норвшлица. Стоит отдать должное упрямству и смелости защитников, они цеплялись буквально за каждый уголок своих стен, не делая без боя и шагу назад. Этой ночью мой легион умылся кровью, а я окончательно распрощался со своей совестью, так как каждая смерть сегодня — это груз моей ответственности.

Был бы я где-то далеко, вдали от боли и всей этой кровищи, может, я бы и по-другому на все посмотрел, может быть, по-другому ко всему отнесся. Но здесь и сейчас, в лучах восходящего солнца, среди толпы грязных и окровавленных людей, бесцельно слоняющихся по двору, все было не таким радужным и прекрасным, как казалось когда-то.

Мы победили и одновременно проиграли эту битву. К полудню, когда народ смог хотя бы урывками поспать, когда оставшиеся сержанты вспомнили, где они и кто они, я узнал, что из ста двадцати человек, вышедших из Рингмара, только сорок оставалось в строю, еще двадцать лежали пластом с той или иной мерой повреждений, заработанных в боях. Остальных больше нет. Все они мертвы. Все.

Тина лежала в одном из подвалов, через пару дней уже вернется в строй. А вот графу досталось по полной: его кромсали и рубили с остервенением, сейчас он лишен практически всех конечностей и находится в бессознательном состоянии, то и дело скручиваемый подступающей болью. Рисп мертва, ей не повезло, ее взяли на пики, изрубив чуть ли не на куски. Леди раскроили череп чуть ли не пополам, что даже для «морфа», является смертельной раной.

— Из этих кто остался? — пошатываясь, я пнул тело одного

из стражников, спрашивая подошедшего с докладом семьдесят третьего.

— Стражу всю извели. — Через все его лицо проходил свежий кровавый рубец, все еще кровивший и заставляющий его вытирать рукой бегущую по подбородку красную дорожку. — Под десяток слуг осталось на кухне, еще с пяток баб-служанок по покоям отловили, два пацаненка-конюха. Больше никого.

— Раненые? — Я устало привалился спиной к стене.

— Среди этих не знаю, наши все разнесены по лежакам, как там что, завтра к утру будет ясно, кто еще поживет. — Наклонившись к одному из тел стражников, он оторвал кусок его гербовой накидки, прикладывая к лицу. — Ворота закрыли, но наши все попадали спать, без малого сутки на ногах.

— С оружием хоть спят? — С трудом, но удалось стянуть шлем.

— С такой жизнью скоро и до ветру будут с оружием ходить. — Он невесело усмехнулся.

— Ты тоже иди, вздремни. К вечеру мало-помалу оклемаются, ставь караулы. — Еле переставляя ноги, двинулся к виднеющейся толпе пленных. — Будем надеяться, обойдется.

Народ стоял испуганный, с ужасом взирая на то, как к ним подхожу я. Видимо, не только вид, но и кое-какие догадки по поводу моего статуса наводили их на печальные мысли.

— Так-с, — начал я, — нечего стоять тут и сопли по лицу размазывать. К вечеру обойти замок, трупы поднять и сбросить со стены, живых, как сможете, перевяжите и тащите вон в тот здоровый сарай. Пара баб на кухню. Отставить слезы.

Я прикрикнул, видя, как молодые девицы начинают свое мокрое дело. Сам готов разрыдаться, а тут еще они голосить надумали. Сил и так нет, с трудом переставляя ноги, двинулся к главному донжону, где виднелись мои люди. Войдя внутрь и перешагнув пару спящих легионеров, сам почти рухнул на пол, проваливаясь в темноту забытья.

* * *

Тина — умница, без нее я бы не справился. Уже к ночи, бледная как смерть, в окровавленной и изорванной одежде, она, разбудив меня, ушла восстанавливать связь с остальной семьей, а также подогнать к замку два продовольственных обоза из расчетных точек.

Уже сутки из трех на подход солдат Гердскольда мы потеряли, если в оставшиеся два дня мы не успеем уйти в лог,

указанный на карте Десмосом, нас запрут в замке, словно в ловушке.

Эта ночь также оказалась бессонной, ночь, когда мы выгребали замок подчистую. На местной конюшне удалось запрячь лошадей, снарядив две телеги под раненых и награбленное добро. Презренного металла в закромах Норвшлица было столько, что пришлось половину выбрасывать. Большие крученые канделябры с вензелями, огромные тарелки, больше напоминающие щиты греческих героев, и прочий «крупняк», сносимый во двор, так и остался лежать невостребованным металлоломом. Брать с собой разрешил только мелочевку и деньги. Ну и завернул, естественно, казну Нуггета, так, навскидку, под тонну золотых и серебряных местной чеканки монет. М-да уж. Не чета я Когдейру, даже со всеми своими мануфактурами, ничего удивительного, что он покупает себе солдат, а не вынужден, как я, собирать по своим землям душегубов. Мои-то, считай, за еду работают, а у него армия в карман денежку кладет. И еще не факт, что то, что я сейчас гружу на телеги, доедет в мои земли. Норвшлиц — это дурная кровь из-за моей дурной головы, а ведь еще надо как-то выйти из всего этого сухим, а с такими потерями воевать дальше — чистое самоубийство.

Сорок человек, ну пусть даже пятьдесят с учетом легкораненых, — это буквально ничего. Еще десятерых я с обозом отправлю назад, этим на восстановление минимум полгода надо. При таком раскладе меня будет бить, выходя из замка, стража, не говоря уже о идущих по пятам Гердскольдах и о пылающем жаждой мести Нуггете, который наверняка уже разворачивает свою чудовищную по местным меркам военную машину в тысячу человек. Эх, мне бы сюда сейчас Гарича, я бы еще пободался, а так нужно бежать, и без оглядки. Впрочем, рискнуть жизнью мне еще предстоит, иначе все эти смерти будут зря и я просто не уйду с обозом.

К обеду, собрав весь строительный инструмент, что был в замке, погрузившись, покинули Норвшлиц, строго выворачивая на запад по укатанной дороге, в этот раз хоть по лесам не пришлось пробираться.

К вечеру с горем пополам дошли до нужной точки, здесь уже поджидали люди из моих обозов, что, кстати, означало, что Тина работает и кое-что у нас получается. По крайней мере голодными не умрем, да и лишняя пара рук пригодится, пусть и не бойцы, но мужички крепенькие. Спать народу дал четыре часа, еще по темноте поднимая всех, кто мог стоять на ногах. Пологие склоны, поросшие лесом, — идеальное место для засады. Проблема лишь

в том, кто подойдет первым, мой расчет был на Нуггета, это было бы идеально, у него сейчас и народа поменьше, и внимание рассеянное, как-никак дома, да и свербит в одном месте от потери такой суммы. Гердскольды хоть и большим числом идут, но как-никак на чужой земле, должны и разъезды выставлять и двигаться с опаской, к тому же идут по нашим следам, а в пустом Норвшлице их ждет куча золотых подносов, пусть командиры покричат немного да поспорят, кому поднос побольше домой везти.

Лишь бы сам барон не вылез из своего замка в сопровождении мага, а то все мои надежды и чаяния пойдут коту под хвост. Если б не такая катастрофическая потеря людей, мы бы попытались, разделившись, ударить с двух склонов, но от этой идеи пришлось отказаться, делая схрон лишь с одного края. Часть людей отрядил на траншею, прямо посредине дороги, чуть позже ее закроем по принципу волчьей ямы. По тому склону обозные будут, они по команде со склона спустят вал из бревен, которые сейчас рубили в лесу, стаскивая и укладывая в кассеты. Потом по команде выбьют клинья, обрушив всю эту махину вниз. Здесь же, где будут в ожидании легионеры, особых сверхзадач не ставилось, по большому счету все, что сделали, это, нарубив густой зелени, сместили метров на сто ближе засаду, так как бежать эти лишние метры было непростительной потерей времени.

Мы успели реализовать все свои задумки практически за день до подхода ожидаемого противника, получив так нужный нам отдых. Поутру, занимая позиции, с опаской посматривали то назад, себе за спину, то вперед, так как разведка молчала, а своих людей я не выставлял, из-за того что в любом случае противник придет сюда, другой дороги нет.

Денек обещал быть на удивление погожим и жизнерадостным. Меленькие белоснежные облака, доброе лучистое солнышко и куча угрюмых озлобленных мужиков по кустам. Время шло, сидели молча, получая от сержантов по шее за любые разговоры, даже шепотом, блюдя мою команду о соблюдении тишины. Птички-невелички расщебетались, выводя замысловатые трели, радуясь лету и жизни.

— Там. — Семьдесят третий сжал мое плечо, показывая рукой на идущих к Норвшлицу солдат барона. — И там.

А вот это был провал, прямо им навстречу из-за наших спин показалась колонна на марше солдат Гердскольда. Вот так встреча! Картина Репина «Приплыли». Нет, ну почему я такой неудачник? Все же было элементарно просто, из пункта А в пункт Б, эти дурни из Гердскольда всю ночь, что ли, за нами бежали и подносы золотые с подсвечниками не стали брать? Нет, я

определенно разочарован в людях! Где жадность? Где трусость? Что это такое и как такое может быть? А главное, куда бежать? Под две сотни справа и три сотни слева, а посередине что? Нет, не гвоздик, посередине мы, в самом эпицентре той задницы, в которую влетели не то что носом, а встряли так, что только пятки торчат. Устроил, называется, засаду. Да лучше б я на свет не родился, стратег хренов.

По лицам окружающих легко можно было прочесть все те мысли, что пронеслись в моей голове за считанные секунды, потребовавшиеся мне для осмысления перспектив.

— Поздравляю. — Семьдесят третий, угрюмый, вечно злобно зыркающий по сторонам детина, теперь еще и с обезображенным шрамом лицом, улыбнулся мне во все тридцать два зуба. — Мы покойники, барон.

— Подожди хоронить. — Я одернул его, с удивлением наблюдая за разворачивающейся картиной. — Передай по шеренге: рты завалить и не гундеть, если хотят жить. Если кто встрепенется или вдруг побежит, сами валите и режьте, как свинью.

Надо отдать ему должное, командир из него толковый, народ жестко держал, никому послабления не давая, да и интеллектом не обделен. Чего не сказать о наших оппонентах. Мы замерли на своих позициях, прикидываясь кто кустиком, кто травинкой, а меж тем две колонны, идущие друг другу навстречу, разворачивались прямо на марше в боевой строй, обнажая мечи. При видимом численном перевесе Гердскольда армия барона Нуггета небезосновательно могла рассчитывать на победу из-за большего числа кавалерии. Все же это личная гвардия барона, ничего удивительного, что здесь меньше пехоты. Сказать, что я недоумевал, это ничего не сказать. Я просто офонарел, мои противники собирались воевать друг против друга! Без лишних политесов и разговоров конный кулак Когдейра ринулся на все еще копошащуюся пехоту Гердскольда, явно не успевающую закончить свое построение. Тут бы пехоту раскатали по полной, врубаясь смертоносным клином, но, к несчастью, какие-то упыри выкопали посредине лога скрытый настилом ров, из-за чего атака захлебнулась буквально под носом у уже простившихся с жизнью пехотинцев. Чем, конечно, не могли не воспользоваться отцы-командиры той самой пехоты, под ругань и пинки строем ударившие по завязшей в суматохе кавалерии Когдейра.

Ай да Пушкин! Ай да сукин сын! Это я сейчас про себя любимого, о таком мы даже подумать не могли, вот так подарок судьбы. Фортуна взяла меня за щеки двумя руками, впившись в мои губы таким поцелуем, что у меня аж дыхание перехватило.

Мешанина тел, стали и криков наполнила котловину меж двух холмов, гулко отдаваясь по кустарнику и подлеску, где прятались мы.

Конница, теряя своих, не помышляя даже о строе, попыталась откатиться из-под слаженного пехотного натиска, так как совершенно не приспособлена к подобной свалке. Баронские командиры срочно выводили по левому флангу свой пехотный отряд, пытаясь тем самым спасти остатки конницы и занять верхнее положение над Гердскольдом. Противник же развивал успех, обходным маневром пуская вслед удирающим войскам свой небольшой отряд всадников, но, увы и ах, Когдейр все еще кусался и причем довольно болезненно. Люди барона оставляли в тылу хороший резерв из кавалерии, теперь срочно выводя его на арену и бросая в лоб несущейся уже на всех парах коннице Гердскольда. Да уж, когда сшибаются две такие стихии, земля вздрагивает под ногами, мощный поток людских и конских тел смешался от удара первой волны, и разобраться, на чьей стороне успех, не представлялось возможным.

Полная свалка, никакой тактики и строя. И все из-за проклятого рва посередине лога. Пехота Когдейра наконец завершила маневр, сцепившись в смертельной грызне с Гердскольдом, у них больше не оставалось резерва, все было на кону, а вот карта противника была не до конца разыграна. У них еще оставался пехотный отряд в тылу, человек под семьдесят, которых те, недолго думая, бросили в бой на помощь своей малочисленной коннице.

Все. Теперь все, увязли все и повсеместно в кровавом болоте битвы. А почему? Маму не слушались и в школе не учились. Ладно, баронские дурни, их хоть понять можно, летели покарать захватчиков, потому и не разобрались, кто и откуда. Но гердскольдцы-то как такое допустили? Мало того что идут по чужой земле, так хотя бы удосужились узнать, за кем гонятся, кому мстят, в конце-то концов можно было банально сопоставить силы тех, кто убегает, и тех, кто вышел им навстречу! Ясно же по следам, что нас в разы меньше. Как же я люблю вас, люди-человеки, столько спеси, столько гордыни и веры в свое превосходство над остальными! Умнички вы мои, так жаждали битвы, что сдуру не рассмотрели, кому по сусалам настучали.

— Семьдесят третий. — Я толкнул обалдевшего сержанта в плечо. — Давай своих приводи в чувства, вестового — к обозникам на той стороне, гляньте, не разбежалось ли мужичье, когда жареным запахло. Через полчаса по флажку пусть рубят клинья под бревнами, как раскатает ту сторону, наш выход, зачистим территорию.

Дольше выжидать смысла не было, поле боя и так уже устилали сотни трупов, о конном строе в такой толкотне и речи не шло. По нашей стороне бой почти затих, лишь левый фланг еще кипел, где Когдейр пехотой успел-таки себе выдрать возвышенность, держась на ней из последних сил, отражая введенный под конец резерв Гердскольда.

— Подымай флажок, — дал я отмашку одному из сержантов по прошествии времени. — Пора.

Обозные не подкачали, в общей суматохе нам не слышны были удары топоров, но вот когда легла полоса кустарника и по склону, подскакивая, понеслись заготовленные бревна, сметая пехотный строй Когдейра, а заодно и передовую Гердскольда, грохот был слышен на день пути вперед.

— Легион! — взревели мои бойцы, разом ударяя в щиты и выскакивая из полосы зарослей.

Эх, орлы! Ну, может, кто-то скажет, что стервятники, но все равно хороши. Психология, понимаете ли, когда на поле боя сверкнула сталь моих людей, то воюющим уже было до фонаря, кто это и по чью душу, главное, что они поняли: «не наши». Бежали все — что те, что эти, причем иной раз только что бившиеся не на жизнь, а на смерть солдаты бежали в одну сторону. Забавно. Ну да сами потом разберутся, где кому свернуть, преследовать их в мои планы не входило.

Вот так вот получилось, что, не пролив ни капли крови, в сумме я разгромил пятью десятками солдат пятисотенную армаду. Хвала мне и валерьяночки, за сегодняшнее утро я на нервах лет десять жизни спалил.

Поле боя осталось за нами, все это кладбище глупости и больше сотни раненых в сумме с обеих сторон, их по моей команде стали латать и перевязывать легионеры. На сегодня хватит смертей, просто бросить тех, кто нуждался в помощи, я почему-то не смог, да и не торопился теперь, нужна Тина и свежая информация. По плану на сегодняшний день мы должны были после боя с запасом в день-два уходить домой, в Рингмар, а вот по ситуации выходило, что без малого неделя теперь до подхода основных войск Нуггета и в одно место нам теперь не упирается Гердскольд со своей армией.

Тина появилась в полночь, растолкав уже спящего у небольшого костерка меня.

— Как? — Она выглядела слегка обеспокоенно, обводя взглядом поле боя неподалеку.

— Невзначай, — буркнул первое, что пришло в голову, потирая заспанное лицо. — Ну что, как у нас дела?

— Армия барона в шести днях пути, Гарич перешел границу,

но пока стоит, ждет разрыва хотя бы в четыре дня. — Она села рядом, заботливо проведя ладонью по моему лицу, чем несказанно меня смутила. — Выглядишь уставшим.

— М-м-м, да, есть немного. — Чего это она? Прямо как-то не по себе. — Ну ничего, теперь спешки нет, пойдем спокойно, отосплюсь.

— Решил все же продолжать? — Она откинулась на спину, устремив взгляд в ночное звездное небо. — Думаешь, стоит?

— Ох, это непростой вопрос. — Подбросив в затухающий костер пару поленьев потолще, лег рядом, опасливо на нее посматривая: женщина как-никак, а от них можно чего угодно ожидать, а ну как кольцо и штамп в паспорт начнет требовать? — Я не хотел всего этого и не думаю, что когда-нибудь в будущем буду вспоминать обо всем, что случилось здесь, с улыбкой на лице. Не мое это. Совсем не мое. Сиди Нуггет у себя тут и не трогай меня, да на кой бы он мне сдался со всем своим золотом? Нет же, то ли гордость, то ли просто, как говорят в народе, «говна в попе закипели», постоянно ему нужно повоевать с Рингмаром. Чего ему не хватает? Все же есть: и земля, и деньги, и люди, живи да радуйся, нет, ему нужно было ко всему этому свести.

— Сколько человеку ни дай, он всегда будет хотеть большего, — тихо произнесла она. — Вообще странный он.

— Кто? Нуггет, что ли? — Я приподнялся на локте.

— Мы наблюдали за ним несколько месяцев. — Она легла на бок, уперев в меня свой лукавый взгляд. — Совершенно одинокий юноша. Ни родни, ни близких, стал владетельным бароном всего лет пять назад. Отца его отравили. Мутная история. Его покойный папенька, судя по людской молве, был человеком злым и вспыльчивым, говорят, бил своего сына почем зря, злые языки даже намекали, что, возможно, сынок и отравил его.

— Предлагаешь понять и простить? — Я усмехнулся.

— Дело твое, я просто в познавательных целях рассказываю. Сам посуди, это не совсем нормально, когда двадцатипятилетний парень проводит ночи один, запершись в своей комнате. — Ее губы растянулись в улыбке. — Как думаешь, с кем должен проводить ночи юноша в его возрасте?

Вообще, конечно, странно. Вспоминая нашу с Нуггетом встречу в Роне, я отчетливо видел перед собой озлобленного женоподобного паренька, пытающегося грызться со всем миром. Про таких в народе говорят: «Мал клоп, да вонюч». Живой, подвижный, деятельный, но все как-то болезненно, все с апломбом и через губу. Каждое действие — это утверждение себя над кем-то, он словно не видел возможности жить на равных.

— Да ну его! — Я махнул рукой. — Спать пора, завтра

выдвигаемся к Кугермату. Передай Гаричу, пусть ждет пять дней, сама через три дня, если обернешься, подходи туда.

— Спокойной ночи, барон. — Легким, едва ощутимым ветерком ее пальцы пробежались по моим волосам.

— Спокойной ночи… — прошептал я уже растворившейся в ночи легкой и неуловимой фигуре вампирши.

* * *

Поле боя оставили уже после полудня. Раненых организовали лагерем, военнопленных нам не надо, так что пусть лежат, горемычные, дожидаются своих. Единственное, украли, *pardon,* экспроприировали оба обоза разгромленных армий.

Наших обозников отправили в Рингмар со своими ранеными, из-под Норвшлица. С ними же ушло и тяготящее наш быстрый марш золото. Рисковал ли я, с двумя десятками обозников отправляя почти тонну золота? А как же, конечно, рисковал, правда, Тина обещала присмотреть за ними, так как с обозом поле боя покидал израненный граф, все еще не приходящий в сознание. Ну да ладно.

В данный момент мой легион мерно трясся на телегах и лошадях по широким просторам Когдейра, у нас был провиант, мы не скрывались, собственно, и не от кого, на данный момент мое помятое малочисленное воинство — самое мощное войсковое соединение как минимум на шесть дней пути. Конечно, Нуггет спешил, подгоняя свою военную машину, но и мы не стояли на месте. Во избежание конфликтов и ненужных разговоров мой военный гений пошел на уловку, а именно — переодел всех в гербовые накидки Когдейра. Нет, я не опасался, что нам будет противостоять местное мирное население, пролетариат пока здесь еще не дорос до героического уровня, чтобы лезть в разборки сильных мира сего, а вот показать пальцем, куда уплыла подводная лодка, чукча может. Как говорится, хочешь спрятать дерево, спрячь его в лесу. Все знают, барон воюет, поэтому как можно спрятать солдата? Правильно, одеть его солдатом, что я с успехом и претворил в жизнь.

А жизнь, сами понимаете, налаживалась, от доброты душевной я даже разрешил своим бойцам немного потратить своего законно награбленного добра. На дороге мы встретили балаган странствующих артистов, где народ и оттянулся, без наглости и грубости, расплачиваясь сполна за местные радости, которые смог подарить нам кочующий табор этих горе-комедиантов и циркачей.

Мне было совершенно все равно, а легиону в радость, не говоря уже о барышнях легкого поведения, коих в балагане было, как водится, полным-полно. Эти представительницы древнейшей из профессии с легкостью охмурили моих душегубов, от чего их помятые и побитые рожи сияли ярче солнца в полдень.

На третий день такого неспешного шествия вышли к небольшой речушке, где с удовольствием устроили стирку, стрижку и бритье. Вот такая война мне по душе, не то что раньше. Спали, ели, шли неспешно… цирк вот… посмотрели. Короче, с песнями на третий день вышли в пойменную долину, пестреющую сотней возделанных полей, где на искусственной насыпи возвышалась крепость Кугермат, призванная защищать весь этот сельскохозяйственный рай.

По пути к крепости трижды заходили в попадающиеся деревеньки, скупая у местных провиант, необходимый для осады их замка. А что тут такого? Во-первых, мы вроде как солдаты Нуггета, а во-вторых, за все платили, никого не обижая, можем себе, кстати, позволить с недавнего времени.

— Здесь как, барон? — Семьдесят третий ехал рядом со мной в телеге, задумчиво жуя палку домашней кровяной колбасы и рассматривая приближающиеся стены замка. — Придется повоевать?

— Не. — Я облизал пальцы от рыбьего жира, так как только что закончил перебирать косточки здоровенного купленного мною в деревне вяленого леща, запивая все это хозяйство хлебным терпким квасом. — Осаждать будем, измором, так сказать, возьмем.

— Измором — это хорошо, — буркнул он, сытно рыгнув. — Беда только, смотрю.

— Что еще за беда? — Я лениво глянул на него.

— Надо пойти сказать им, чтоб ворота закрыли, а то как-то несолидно осаждать будет.

Ворота?! А ведь и вправду открыто! Стража лениво прогуливается по стенам, с интересом поглядывая в нашу сторону, но совершенно не предпринимает действий к защите. Впрочем, по уму-то, получается, бояться им и нечего, мы ведь под гербом Когдейра идем!

— Нет, ну это просто смешно. — Я с досадой стал стряхивать рыбную чешую со своей накидки. — Так мы, чего доброго, вообще все замки на этой земле завоюем. Вот скажи, оно мне надо?

— Наверно. — Он пожал плечами. — Кто ж вас, ваше сиятельство, знает?

— Ты брось мне дурака здесь разыгрывать. — Я погрозил ему пальцем. — Триста лет мне все это добро не снилось. Хотя,

знаешь, дают — бери, а бьют — беги.

— Эт точно! — хмыкнул он. — Будем брать?

— Да, только без крови, предупреди своих соколиков. Заходим, кланяемся, становимся на постой, а ночью безоружных берем. — Я сладко зевнул, откидываясь на мягкую и душистую солому. — Сможешь начальнику стражи нагородить небылиц, чтобы поверил?

— А как же. — Он спрыгнул с телеги, оправляя одежду. — Все сделаем, барон, как надо, не беспокойтесь.

За полчаса неспешного хода всей толпой подкатили к открытым воротам, останавливаясь у этой такой доступной крепости. Да уж, беспечность потрясала. Мы могли ворваться внутрь, круша все на своем пути, но зачем? Это совершенно излишне, мало ли вдруг начнет гарнизон брыкаться, начнут мечами махать, заденут кого, сами поумирают. Сделаем все чисто и без крови.

Начальник гарнизона, толстый чернявый мужик с красной мордой и мощнейшим перегаром, выполз к нам минут через пятнадцать-двадцать ожидания.

— Кто такие? — Он упер руки в бока, пытаясь сделать грозный вид.

— Усиление. — Вперед вышел семьдесят третий. — Барон Когдейр, после того как вражины взяли Норвшлиц, велел усилить гарнизоны по крепостям до подхода основных сил.

— Ух ты! Что, правда, что ль, взяли Норвшлиц? — Он озадаченно почесал затылок. — Это ж мощь-то какая! Кто ж на такое-то решился?

— Народ бает, рингмарцы, — пожал плечами старший сержант. — Легион какой-то оттудова.

— Легион? — Толстяк нахмурил брови и сплюнул на землю. — Выродки барона Ульриха, чтоб им вечно жариться в огне! Проклятые убийцы, нелюдь, которую вздернуть надо на первом же суку!

Оп-па. Вот это он зря, я немного струхнул, заметив, как от его слов у народа сжались кулаки и забегали желваки на скулах. Как бы не сорвались сейчас, вырезав всех тут подчистую.

— Да хрен их знает, — махнул рукой семьдесят третий. — Наше дело маленькое, нам сказали — мы пришли. Давай принимай командование, кто куда на постой, ты здесь главный.

— Вот это верно! — покачнувшись, толстяк воздел свой палец в небо. — Я тут главный.

«Главнюк» уполз почти сразу к себе, впустив нас внутрь и махнув рукой в сторону одной из пристроек, где была казарма солдат, места там, по его заверениям, всем хватит. Что было

правдой, так как когда-то крепость строилась из расчета на сотню бойцов, а не как сейчас — три десятка и примерно столько же слуг. Хотя все-таки стоит, наверно, сказать, что с закрытыми воротами эти три десятка могли долго продержаться, на высоких стенах выдержав многодневную осаду.

Но, увы и ах, не суждено им было погибнуть героями. Я все время до полуночи провалялся в постели, предаваясь безделью и изучая кое-какие новинки мастера Эббуза, почесывая бока двум развалившимся на моей койке енотам. Вставать с постели было просто лень, мой легион все сделал сам, без моей помощи.

— Барон, замок наш, — доложился один из сержантов.

В сопровождении Прапора и Профессора не спеша за час осмотрел замок, переехав в главный корпус, где занял просторные, но грязные и провонявшие алкоголем апартаменты бывшего главы.

— Барон, пострадавших среди личного состава нет. Стража спущена в подвалы, слуги в работе. — Семьдесят третий лично делал доклад после расстановки караула.

— Богатый замок? Чем разжились? — Замызганную постель меняла зареванная служанка, видимо, перепуганная сменой власти. Я сидел за столиком, поглощая поздний ужин и прикидывая в уме план, как бы случайно не захватить эту планету.

— Много провианта, по покоям еще ходим, но негусто, взяли казну. Вот. — Он поставил мне на стол небольшой обитый медными полосами сундучок. — Жду указаний.

— Отдыхаем два дня, караульным наказ — разведку не проморгать, запустить сразу, как появится. — Нужно было дождаться Тину для координации большой игры.

Теперь «стрельнуть» должен Гарич, его выход на арену. По идее, теперь даже не нужно опасаться, что Нуггет по весне, как просохнут дороги, выдвинется в Рингмар. Он, конечно, мужчина импульсивный и подвержен гордыне, но, увы, не дурак. Нечем ему теперь оплачивать свою армию, а с разрушением и грабежом приисков у нас вообще должна появиться фора лет в пять, пока он восстановит свой бизнес. Но не стоит делить шкуру неубитого медведя, золото не выехало за территорию баронства, а Гарич еще двое суток простоит в бездействии.

Утром мне не дали отоспаться, с первыми лучами солнца поднимая суетой. В покои проскочил старший сержант.

— Господин барон, там крестьяне под стенами, требуют встречи с начальником стражи. Говорят, дело у них к нему. — Он выглядел слегка смущенным. — Они, похоже, не догадываются, что крепость сменила власть.

— Пусть ждут. — Еще пять минут повалявшись в постели, приходя в себя после сна, неспешно умылся, надевая свежевыстиранную слугами одежду. Вот же принесла их нелегкая, выйти и сказать: «Валите отсюда, мы враги?» — или все же выслушать их слезливые просьбы?

Схватив с подноса пирожок и кружку с травяным чаем, прогулочным шагом дошел до ворот, кивком головы показывая легионерам, чтоб открывали. Дубовые створки под могучими плечами парней со скрипом подались в стороны, пропуская внутрь крепости трех стариканов, впрочем, довольно молодцевато идущих ко мне навстречу.

— Доброго дня вам, почтенные. — Я отсалютовал их куском пирожка. — Что привело вас в стены этого замка?

— А глава где? — Один из стариканов недоуменно осмотрел меня.

— Я теперь глава, старого убрали за пьянку. — Я расплылся в улыбке.

— А не мал еще? — Старикан с прищуром недоверчиво глядел по сторонам.

— Барон? — Семьдесят третий с ленцой потянул клинок из ножен.

— Гхм, — успокоил я его, отпивая горячий и терпкий напиток из кружки.

— Б-а-рон? — Старики с секундной задержкой бухнулись мне в ноги.

— Так, ну-ка отставить эти поползновения. — Стало немного неловко, я все никак не привыкну к такому отношению. — Давайте, говорите, что у вас там стряслось-то?

— Мектийский лютень, ваше сиятельство, он опять возвернулся, — забормотал скороговоркой самый бойкий из стариков. — Он сегодня в ночь вусмерть замордовал трех пастухов на дальнем выгоне.

— Че за херь? — по-простецки с недоумением спросил старика я.

— Ну как же, ваше сиятельство, тот самый, что вашу сестрицу-то по малолетству угробил.

Отдав недопитый чай семьдесят третьему, сложив руки на груди и отставив ножку, многозначительно возвел свои очи к небесам, пытаясь осмыслить, какую такую сестрицу я потерял? Что они несут? За кого они меня принимают? Стоп. Неужто за Нуггета?

— Так. — Я хлопнул в ладоши, заставив вздрогнуть посланцев. — Идем за стол, нечего такие разговоры в дверях вести.

В общем зале нам накрыли стол, за который я и посадил стариков. Бедные мужички не знали, как себя вести, то краснея, то бледнея, это было неслыханно — сесть за один стол с аристократом. Такие уж времена, видя смущение пролетариата, решил прийти им на помощь.

— Слушаем сюда: если к концу трапезы у вас что-нибудь еще останется в тарелках, подвешу за яйца на замковой стене. — Пожалуй, в самый раз, не слишком грубо, но и меж тем вроде как показал, кто здесь хозяин. От моих слов мужики явно расслабились, почувствовав себя как дома, так как ложки застучали словно пулеметы.

Из всех их заиканий и междометий вышло следующее. Лет этак пятнадцать-двадцать назад была тут неподалеку, за всеми пахотами, у границы северных лесов деревенька. Не бог весть какая, но народец жил, охотой промышлял, землицу кое-какую вспахивал. Мекта было название той стороны, а правил в те времена, стало быть, еще барон Нафаль фон Когдейр, покойный батюшка нашего Нуггета фон Когдейра. При всей своей суровости мужик он был хозяйственный, не «петушистый», как сказали старики. То есть в земле больше ковырялся, а не перья топорщил да войной туда-сюда бегал. А беда случилась именно в Мекте, повадился там зверь какой-то лютый народ душить да потроха выедать. Сначала думали: медведь какой, кровь распробовал, такое и раньше бывало, охотой да засадами зверя взять решили, но вышло все наоборот. Под два десятка мужичков порвала зверюга, как только те в лес сунулись с острогами. Пацаненок один спасся длинноногий, бегал, говорят, хорошо, вот и выжил. Он-то и положил начало легенде о страшном Мектийском лютне, огромадном волчище размером с корову.

Долго это затянулось, пока мысли мыслили да темечко чесали, в Мекте зверь всех вырезал, да за народ в окрестностях взялся. Местные вестового к барону послали, мол, так вот и так, выручай, дорогой, зверь совсем житья не дает. И барон выручил. На свою голову. Посмеялся он тогда над крестьянами, думал, глупые сказки выдумывают, собрал приближенных, взял жену с двумя детишками своими — на природу, так сказать, поглядеть, как папка охотится, зверя бьет.

Никто так доподлинно и не узнал, как оно все вышло на самом деле, но весь этот шумный балаган с песнями и шутками ушел к Мекте, а на следующий день назад вернулся один барон, седой как лунь, весь в кровище, на руках неся своего раненого сына. Без малого под шесть десятков человек вместе со слугами зверь побил, правда, и сам не уцелел. Был тогда в свите барона старой еще школы рыцарь, не то что теперь, пьянь одна. Говорят,

спал в доспехах, по молодости полмира прошел, во всех известных войнах тех времен меч свой обагрил. Шлем не снимал, разное про него говорили, одни — что лицо его было страшно в войнах посечено, другие просто подозревали старого маразматика в паранойе, но суть остается сутью — именно эту консервную банку, волчара и не смог быстро вскрыть, меж тем как консервная банка вскрыла ему брюхо. Их так и нашли посреди горы трупов в обнимку, мертвого рыцаря и огромного черношерстного волка со вспоротым животом. А Нафаль с тех пор, схоронив жену и дочь, словно умом тронулся, что немудрено, кстати. Сам словно зверь стал, народ бил, людей не замечал, других равных себе за сто верст стороной обходил, но особенно сильно сынку доставалось, он, горемычный, все эти годы папенькино непотребство на своей шкуре от и до прочувствовал.

— А вы, стало быть, барон, не из Когдейров? — озвучил витавшую мысль один из старичков.

— Не, не из этих. — Заслушавшись, я только сейчас обратил внимание на свою тарелку.

— А чьих, стало быть? — Старики переглядывались, видимо, предчувствуя неладное.

— Ульрих я, рингмарский, слыхали, поди? — Курочка хоть и остыла, но все равно была хороша.

— А тутова как? Проездом? — с надеждой в голосе, робея, спросил самый смелый.

— Да не то чтобы… — Признаюсь, я немного смутился. — Война тут у нас с вашим Нуггетом. Я тут намедни Норвшлиц воевал, а пока барон Нуггет с войсками идет, думаю, чего без дела сидеть, чего ждать? Вот еще ваш Кугермат захватил, все ж дело.

— И то верно, чего ж без дела-то сидеть, — охотно закивали старички, делая огромные глаза, чуть ли не со слезами поглядывая на выход. Видимо, догадались, горемыки, куда попали.

— Но вы это — не подумайте чего! — Я погрозил им пальцем.

— Да мы че? Мы ниче! — тут же заверили они.

— Так, говорите, зверь опять народец рвет? — Откинувшись на спинку стула, я задумчиво потягивал травяной отвар. — Почему решили, что такой же? Может, и вправду медведь в этот раз?

— Не, Конпа тела смотрел, говорит, лютень, не иначе, — тихо буркнул один из них.

— Кто такой Конпа?

— Ну один из выживших, тот малец, что деру дал тогда из-

под Мекты, когда охотнички в лес шли. — Старики, видимо, уже не рады были, что сюда пришли.

— Ладно. — Я повернулся к стоящему за спиной семьдесят третьему. — Дай дедам по серебрушке и проводи до ворот, а вы, почтенные, ведите ко мне сюда вашего Конпу, если хотите помощи. А то я без дела сейчас сижу, могу еще чего невзначай завоевать.

— Да не, не надо, будет Конпа, а как же, — дружно заверили они меня, пятясь к выходу и отвешивая поклоны.

Товарищ Конпа пришел сам, было ему по виду в районе пятидесяти годков, вид имел дикий и непотребный. Чистый дикарь, шкуры, перетянутые кожаными ремешками, куча костяных амулетов, всклокоченная борода и свалявшиеся волосы.

— Барон. — Поклон сделал уважительно, но глаз не опускает. — Спрашивали?

— Да. Ты смотрел тела пастухов?

Тот кивнул.

— Расскажи, что увидел и о чем подумал.

— Мертвяков увидел. — Он пожал плечами. — А то, что лютень их подрал, так то, ваше сиятельство, чистая правда. Видел я уже такое в Мекте в те времена, а теперича недалече от нее то же самое. Коли интересно, обскажу. Прикус у зверя заметный, не лапой не работает, как медведь, когтем не рвет. Вышел на стоянку тихо, так лесной зверь не сделает, особливо к костру, все трое лежат рядышком.

— Ты старого-то лютеня тело видел? — Мне стало по-настоящему интересно.

— А то как же. Видал. Нашу деревню тогда на погребение согнали, благородных из свиты господина Нафаля. — Он, похоже, сам имел в этом деле интерес, вон как глаза сверкают.

— Волк? — Я во время разговора, прикрыв веки, шерстил книги по монстрам из библиотеки Дако.

— Все говорят так. — Ага, вот и интерес его! Вон как ответил, сам, видно, с охотой на ты, из леса не вылезает, знает что-то, видимо, говорил об этом людям, да на смех подняли.

— Сам как думаешь? — По справочникам пока по описанию подходило три вида: это гарха, большая ездовая собака урохов, или орков, оборотень стандартный, так сказать, *vulgaris,* и огненная гиена джуга, правда, в северных широтах не встречающаяся.

— Оборотень, — сказал и с вызовом посмотрел, значит, верно, уже поднимали на смех его теорию.

— Объясни. — Вижу, хочет сказать, почему бы не дать человеку высказаться, сам же пока стал подбивать статьи и

описания по этому виду трансморфов, очередному эху войны, оставшемуся наследию темных эльфов.

— Все думают: гарха! — Он аж ногой притопнул. — Но гарха не волк, гарха — собака! Прикус! Все смотрят, но не видят! Волчий от собачьего отличается!

— Еще. — Признаюсь, в таких тонкостях я не сведущ.

— В небылицах наплели: плоть жрет, потроха выедает, так это не так, чистая смерть, убийство ради убийства, не играет, не тянет, каждый жест — смерть. Это не охота дикого зверя, это работа разумного.

Я жестом предложил ему сесть за стол, где расторопная прислуга принялась накладывать ему снедь на тарелки. Он, в отличие от старичков, уселся без испуга и уговаривать себя не заставил.

— Землю свою охраняют они, вот что я вам скажу.

— Они? — Я уцепился за его слова, подавшись вперед и пристально его рассматривая.

Повисла тишина, мужик сидел ни жив ни мертв, похоже, он сам испугался того, что сказал.

— Давай, Копта, раз уже начал, то досказывай, вижу же, что знаешь гораздо больше, чем говоришь.

Он залпом осушил кружку с вином, совершенно не обращая на меня внимания, уходя куда-то в себя.

— Я тогда молод был, только тринадцать исполнилось, — начал он свой рассказ. — Мы жили в Поренке, это день ходу от Мекты, молодые парни умудрялись за ночь добегать к их девкам на свиданку. Жили как все, небогато, но земля хорошо в наших краях родит. Батя мой еще охотой промышлял с мужиками, они часто загоны с мектийцами по осени устраивали, на зиму зверя в прокорм взять. Лес-то рядом, вон за Мектой самый что ни на есть лес, не дурной подлесок, а мощь вековечная. Жили, годами промысел ведя, что ни говори, да разное бывало, всякое на охоте. Батя мой братьев старших уже три осени с собой на загон брал, а меня тогда впервые.

Он замолчал, я не торопил, видно, человеку нелегко память бередить, да и я примерно догадываться стал, что не просто так мальчишка тогда живым ушел.

— В те года война меж пиктами и орками была, не упомню, что там до чего, но часть племен орочьих к лесу вышла жить. Пикты-то что? Люди как люди, диковаты, но просты, а у орков в каждом племени шаман да три-четыре гархи по традиции. И случилось так, что в Мекту семья пришла людская, пикты, не пикты — не поймешь, они хоть и чужаки, но по-людски их приняли, не гнали, в долю на поля взяли, зиму вместе

перезимовали. Потом те назад в леса вернулись, а в деревне парень молодой с девкой остались. Вроде как работящие, дом себе сами ставили, чего ж гнать, народцу-то негусто, а так помощь все же. Так оно и было. Да вот беда случилась, парень тот охотником был, говорят, дюжим, никогда без добычи не приходил. Ушел в лес, а в деревне тогда молодняка было много дурноватого, заявились к девке его да, как водится, по-простецки разделили ее, стало быть, мол, молодая, не убудет, все равно без мужика своего неделями одна в постели томится, пока тот по лесам бегает.

Вот тебе и номер. По-простецки, стало быть? Томится, стало быть? Ну да, ну да. Это как в анекдоте том, почему у нас все: «ларек-шмарек», «калидор» да «толчок»? «Культур-мультур» такой, чего вы хотите?

— Молодые, глупые. — Он шмыгнул носом. — Не лютовали, правда, так, пару раз по щам дали, но все равно поплатились. Все, от первого до последнего. Как парень ее из лесу вернулся, так и пошли смерти, одна за другой, считай, ночи не проходило, чтобы зверь кого-то из местных не задрал. Резал их, как овец, никто даже криков не слышал. Легли спать, а наутро покойничек. Пока суд да дело, пока дотумкали, что это может быть, в живых две семьи осталось из тех, кто просто сбежал из дому да у нас в Поренке схоронился по родне. А и наши-то хороши, не верили перепуганным бабам, что мужиков своих потеряли. Собрались по осени на загон да решили глазами подивиться на то, что от Мекты осталось. Как сейчас все перед глазами стоит. Мы прошли пустые хаты, как после мора, ни живых, ни мертвых, даже птиц не слыхать, тока двери скрипят, ветром качает, и на выселок двинулись, по науке. Как на зверя лесного, цепью в обхват, вперед себя пики с острогами. — Дрожащими руками он налил себе еще вина в кружку. Помолчали. Пусть говорит, пусть так говорит, не мне его подгонять. — Он и вправду огромный. — Пустая кружка стукнула гулко по столу. — Не корова, конечно, но с телка будет. Шерсть черная, без серости али карих подпалин, весь в одной поре, средь дня шли, я хорошо разглядел. Не мог не разглядеть, никак не мог глаз оторвать, словно я не я, ни ног, ни рук не чуя, лишь стоял и смотрел, как он двигался, взметая алые сполохи, как зарницы. Одного за другим, в обход по кругу, не скрываясь и не таясь, в полной тишине он несся, а люди валились наземь, чтобы уже не встать. Все, все, кого я знал… а с ними и батя с братанами. — Он закрыл глаза, обхватив руками склонившуюся голову. — И я бы лег, но тут девка вышла, да в голос как заорет: «Не тронь мальца, Патрик, его хоть пощади!» Я стою, она стоит, и зверь стоит, мех на загривке топорщит, глазом буравит, а с морды

кровь людская струями стекает на траву. «Беги! — она кричит. — Беги! И не возвращайся!» И я побежал, все там остались, а я все бежал, и бежал, и бежал… Не помню, как назад возвернулся, уж через месяц, к снегам, глаза открыл дома, мать в слезах сидит, говорит, в лихоманке жаром чуть не угорел, да все бредил про зверя лютого.

— Не поверили или правду не сказал? — Я жестом показал стоящей неподалеку служанке, явно впитывающей весь рассказ, как губка воду, подогреть чаю.

— Не сказал. — Он упер в меня тяжелый, мутный хмелем взгляд. — А про что сказал, не поверили, ни барон тогда, ни три дурня, что сегодня в ночь на тот свет отправились. Старого волка убили, но баба-то осталась. Не знаю, то ли сама оборотнем стала, то ли щенят успела народить, а соваться туда не нужно, коли живыми ноги хотите унести. С нее у меня спросу нет, муж ее мертв, вот и молчал.

— Вот и молчи дальше. — По-стариковски крякнув, я встал из-за стола, отправляясь к себе. — Сегодня чтоб не пил больше, шкуру спущу. Завтра с рассветом чтоб у замка был.

— Зачем? — Он пьяно замотал головой.

— К бабе поедешь, спасибо скажешь, что живой до сих пор.

* * *

Выехали, что называется, до петухов, вроде где-то на горизонте намечается розовая полоса, но небо еще по-ночному чистое. Кроме енотов и Конпы, брать никого не стал, было холодновато, еще лето, но по ночам уже свежо, так что я, недолго думая, развернул скрутку с шерстяным одеялом, укутываясь в него с головой, отчего в тепле, на мерно покачивающейся спине лошадки даже умудрился заснуть на пару часиков, чудом, наверно, не свалившись.

Конпа в седле держался уверенно, вел мою лошадку, намотав удила на луку своего седла, шли лошадки бойко, по натоптанной дорожке уходя на север от Кугермата, где-то там, на световой день пути, стоит Поренка, а еще дальше — неживая Мекта, куда мы и держали свой путь.

На кой черт, спрашивается, я туда подался? Спросите что полегче. Вот хоть убейте, не знаю, может, устал от этой военной кутерьмы, а может, сердце чего в голову подсказало. Не знаю, одно лишь могу с точностью сказать: история с этим Мектийским лютнем должна окончиться. Насовсем. Навсегда. Хватит в ней уже крови и боли, и пусть не мое это дело, но я его хочу закончить.

Семьдесят третий получил указание ждать еще сутки Тину, а потом выдвигаться к следующему рубикону нашего марша, конечной точке всего похода — Роне.

Пограничной крепости западней Кугермата. По срокам, думаю, Нуггет уже рвет волосы на… кхм… голове, дойдя до Норвшлица и получая звоночек от крестьян о захвате еще одной его крепости. Да и легион у меня уже не тот, что был, уже не нужна нянька, чувствуется, пошел прокал стали, из которой хороший клинок выйдет, ну и не так уж далеко и надолго я их покидаю, дня три-четыре от силы.

Ехали молча, то ли жалел мужик о том, что вчера языком болтал, то ли баронского титула боялся, что, впрочем, меня как раз устраивало. Как-то в суете последних дней я отвык от такой вот тишины, все суета да бег по кругу, а вот так вот помолчать дорогой да по сторонам башкой покрутить все недосуг. Устал я что-то, а может быть, испугался, что немудрено. Я этого никому не скажу, но я действительно испугался, что тогда, в Норвшлице, что сидя в кустах большого лога. Есть у меня куча оправданий, как для себя любимого, так и для окружающих, мол, ребята так вот и так — не виноват я, война сама ко мне в дом пришла. Но дело в том, что я впервые не в кино, не на телеэкране увидел, что

это такое. Было у кого-то: война — это некая акция, благодаря коей люди, которые не знают друг друга, друг друга убивают ради славы и выгоды людей, которые знают друг друга и друг друга не убивают. Я не помню, чьи это слова, но там, в Норвшлице, все было хуже во сто крат, и, хуже всего, это случилось исключительно по моей воле, не говоря уже о тупости, приведшей меня в Гердскольд.

Да, тупости, вот такой вот из меня полководец. Из-за моего разгильдяйства умерли люди, из-за меня. Эх, совесть, жри меня поедом! Все мы, люди-человеки, грешны тщеславием и этим проклятым: «Я точно знаю, как будет лучше для всех». Усмехнувшись, даже анекдот вспомнил про покойного царя Бориса, когда он с делегацией шел с очередного митинга и вляпался, что называется, ногой к деньгам. «Я знаю, господа, чем накормить наш народ, — говорит он, вытирая ногу об газон, — но он же привередливый, он это есть не станет».

Вот так и я: вроде бы и решение гениальное и простое, но вот послевкусие у него какое-то не такое.

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак,
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна,
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

На улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с этой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов… Я робкий…
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

Да уж, силен батенька Есенин в своих стихах. Силен, под стать моему настроению. Ну да ничего, глядишь, к вечеру и оклемаюсь, вон красотища какая вокруг, поля налились золотом, вон как колосья под тяжестью к земле льнут. Даже речка не речка, ручей не ручей имеется в наличии этого дизайнерского ландшафта. А птички, птички-то как поют! Эх, ружье бы мне. Тьфу. Куда-то не туда понесло…

К обеду солнышко уже бросало в пот, мы свернули с дороги, встав под тень деревьев у бегущей вдоль нашего пути речки-канавки, решив тут немножко сбросить усталость и перекусить заодно. Яички отварные, хлебушек с зелеными перышками лука да шмат сала — что еще мужичку в дороге надо? Конпа, слопав свою часть, тут же, на траве, и прикорнул, я же, скинув портки и засунув под мышки по еноту, плюхнулся в прохладу воды, всколыхнув маленькую заводь и распугав всех лягушек.

— П-ф-ф-ф-ф! — тяжело вздохнул Профессор, толкая в толстый и мохнатый зад Прапора, помогая тому выбраться из воды.

Вообще они чистюли у меня, я даже ненароком стал подозревать, не те ли это еноты, что «полоскуны», но бросил эту мысль из-за того, что зверьки отказывались стирать мои носки. Настоящий «полоскун» никогда бы себе этого не позволил. Наверное.

Снова путь, неспешный, но явно веселей, чем ножками. К вечеру под лай дворовых собак вошли в Поренку, где меня Конпа определил на постой в своей избе, где помимо него жила дородная женщина слегка за сорок — его жена, и два таких же диковатых парня, как и он, лет по шестнадцать, может, четырнадцать — сыновья. Тетка, смущаясь и краснея, накрыла стол, для острастки пару раз кухонным полотенцем огрев своих мужичков, чтоб не лезли раньше времени. Повечерили, как говорится, и на боковую, енотов тоже запустили в дом, так как местные собаки их невзлюбили, покрывая с ног до головы

собачим матом. Мило у них тут, почти как наша глубинка — уже и домики не по-черному топятся, и скотина отдельно, явно не тот уровень, что мне был знаком по Дальней. А утром снова в путь, только в этот раз без дороги, а через разнотравье заброшенных полей, в этой стороне уже народ старался не появляться. Чувствовалось, что природа начинает потихоньку отвоевывать свое, напрочь стирая людские пути-дорожки.

— Барон. — Где-то к полудню не стерпел мой провожатый. — Отпусти меня, не могу туда идти.

— Боишься? — Я постоянно сверялся с «Маком» на предмет мониторинга окружающей среды.

— Боюсь. — Он опустил голову.

— А спасибо за жизнь, за жену и двух сыновей кто будет говорить за тебя? — Я спокойненько покачивался на своей лошадке.

— Они мне жизнь погубили! Отца моего с братками даже не похоронил никто! А я им спасибо? — В его взгляде сверкнула злость.

— Значит, как баб трахать да по морде бить — герои? В двадцать рыл потом с рогатиной на одного зверя — тоже молодцом, а как виниться идти — так некому, получается? — Вообще, наверно, разговор этот ни к чему, нет здесь одной правды, все виноваты, нет святых в этой истории. — Ты вообще потом думал, как она жила сама в лесу с детьми без мужика?

— Да что с ней станется, волчица она, под волком жила, лес дом ее. — Уже несколько потупившись, начал он.

— Ну смотри, неволить не стану. — Я зевнул, показывая свое безразличие. — А то бы съездил-то к своим на могилку, не мальчик уже, кто его знает, сколько тебе еще небом отмерено жизни, проведал бы.

Больше к разговору не возвращались, как уже говорил, держать никого не держу, не хочешь — не иди, но он, молча потупив голову, плелся следом, пропустив меня вперед. Зря я на него, конечно, наехал, мужик-то и вправду не при делах, только кто его знает, как там все повернется? Может, им еще жить после меня бок о бок, так и замириться не помешает.

Степенно утренняя прохлада уходила под натиском светила, а под жаром полевой разнобой трав дурманил горечью и ароматами, выдавая сладость в чистый воздух не цивилизации.

— Нет, не могу. — Он остановил всхрапнувшую лошадку. — Не могу, барон.

— Тогда иди домой. — Я тоже остановился, кивнув ему. — Назад все едино не поеду, а куда путь мой дальше ляжет, то не твоего ума дело. Мира тебе, Конпа, ступай.

Слов больше не понадобилось, я тронул коника пятками, еще долго спиной ощущая его взгляд. Скоро уже, скоро, недолго осталось. Миновав пару рощиц и проехав из густой рощи в овражек, оттуда уже полем двинулся к виднеющемуся вдалеке тыну и ряду крыш заброшенной Мекты. Чуть меньше часа мне понадобилось, чтобы достигнуть заброшенного поселения, в свете дня показавшегося мне необычайно печальным из-за своего запустения, раскрытых дверей и ставен. Это словно ощутить взгляд выбеленного временем черепа у обочины дороги.

Сработал «Мак», выдавая параметры скрывающейся тени, чуть в стороне и выше идущей следом за мной в высокой траве. Волк, да, «Мак» обстучал его ультразвуковыми волнами, снимая параметры и делая расчетную по массе скрывающегося хищника. Немаленький такой песик, должен я вам сказать, общая длина тела примерно под метр семьдесят, может, чуть больше, и килограммчиков живого веса под девяносто. Упитанная тушка, видать, с голоду они тут не мучаются.

Проехав деревеньку насквозь, выехал на околицу, обнаружив чуть выше, на холме почти у самого леса, небольшой сруб с танцующей ленточкой белесого дыма из грубой глиняной трубы. Идиллия. Вот и вторая собачка отобразилась маячком, тоже, милая, на глаза не попадается, по травке высокой идет, по земле стелется. Сколько же их тут? Неспешно подъехал к домику, без лишних и резких телодвижений сползая с седла и привязывая нервничающую лошадку к ветхому заборчику.

— Хозяева! — Я бухнул пару раз кулаком по вкопанному в землю столбу. — Есть кто дома?! Принимай гостей!

— А мы гостей не ждем. — Из домика вышла высокая осанистая женщина слегка за сорок с уложенной вокруг головы толстой косой из темных, местами с проседью волос. Красивая, чувствуется стать и стержень в человеке.

— Эт вы зря. — Я цокнул языком, неодобрительно качнув головой. — Разве ж это по-людски?

— Люди? — Она невесело улыбнулась. — Давненько мы уже здесь не встречали таких.

— А я вам чем не мил? — Я продолжал дурачиться. — Вот, глядите, какой ладненький: ни хвоста, ни лап, ни клыков — чем не человек?

Ох, и тяжелый у нее прищур, такой, знаете, с оттягом, лицо мигом посуровело, словно у каменной статуи, а глаза — бойницы. Не нравлюсь тебе, ну дык и я не свататься приехал, милочка.

— Ты бы, хозяюшка, лицо-то попроще сделала да собачкам своим отмашку дала, чтоб хвостами не теребили, а то ведь и до беды недалеко. — Я стал серьезен.

Вмиг два волка по слегка заметному трепету ее пальцев сорвались с мест, серыми молниями бросаясь на меня и заставляя встать на дыбы перепуганную лошадь. Оп-па! Надо же, а волки скулят, прям как собаки, развернутый подарок Эббуза взвил их тела в воздух, опрокидывая и пару метров юзом таща по земле.

— Стой, где стоишь! — Я воздел руку, предупреждая ее позыв броситься к своим песикам. — Ничего с ними пока не станется, а вот нам бы поговорить с тобой надобно.

— Кто ты? — Вновь глаза-амбразуры, но уже другое лицо, с испугом… не за себя… нет… значит, дети.

— Барон Ульрих фон Рингмар, проездом тут. — Я вошел во двор, присаживаясь на стоящую неподалеку колоду для рубки дров. — А местные вот с жалобой ко мне, так, мол, и так, выручай, родненький, совсем волки житья не дают.

— Это кто еще кому житья не дает! — Ух, глаза сверкают, и впрямь волчица.

— Знаю, знаю, про мужа твоего… Патрика. — Я замолчал, давая ей возможность совладать с нахлынувшими чувствами. — Все знаю, дорогая моя, и не виню ни тебя, ни его в тех смертях, что было, то бурьяном поросло.

Во двор с опаской вошли два волка, стороной обходя меня с поджатыми к животу хвостами, тут же юркнув к ногам хозяйки. Мордочки какие-то виноватые, чувствуют, серые, страх матери перед незнакомцем.

— Раз знаешь, то зачем пришел? — Она не выдержала, по лицу побежали слезы. — Смерти нашей хочешь?

— Ну зачем же так сразу про смерть-то. — Я растрепал волосы на голове, вновь собрав их пальцами и пригладив. — Про то, что ныне творится, успеем еще поговорить. Меня больше интересуют дела минувших дней, слушал я тут недавно, слушал про то, что было, а в голове вопрос крутится, решения не находит.

— Певна, Молка! — Женщина одернула льнущих к ногам зверюг, чуть ли не падая из-за огромных, трущихся об нее боков. — А ну-ка прекратили обе!

Волчицы! Это ж какого размера волчара-то будет, если у них такие девочки-лошадки? Немудрено, что папочка тут Хиросиму устроил. Две волчицы как-то странно подобрались, прильнув мордами к земле, жгуты мышц забегали канатами под шкурой, зверюги синхронно выгнулись, демонстрируя, как грудные клетки со щелчком расширяются в кости, что-то захрустело, а потом их словно вывернуло наизнанку. Тут и вправду начинаешь понимать: не напрасно им дают второе название «перевертыши», было похоже, как если бы они перекувыркнулись через спину.

Стоп.

Что это?

Кто это?

Это! Да! Ух ты ж!

С земли поднялись две красивые, светловолосые девчонки, лет пятнадцати, по виду — капельки одного ручья, близняшки. Носички такие курносички, усички такие пусечки, да-да, пусечки у них были в порядке, и, поверьте, я их оценил! Девчонки встали возле матери совершенно голыми!

— Барон? — встревожилась женщина. — Вам что, плохо?

Плохо? Да ну, бросьте, мне уже давно не было так хорошо! Заснуть, правда, теперь будет нелегко, ну да это зрелище того стоит.

— Эм-м-м. Это… — краснея и с трудом отводя взгляд, я помахал рукою. — Вы бы Пенке с Молочком сказали, шли бы они… это… значит… надели бы чего.

Девочки залились звонким смехом, шмыгнув в дом, на прощание вильнув мне парочкой упругих ягодичек. Ради такого зрелища, скажу я вам, стоило пройти весь этот путь, да что там этот — я бы полмира пешком обошел, лишь бы еще хоть одним глазком…

— Пенка и Молочко? — Женщина улыбалась, наблюдая мое смущение. — Ну-ну.

— Эм-м-м. Значит, что я там от вас хотел? — Ну растерялся, с кем не бывает?

Женщина тоже рассмеялась в голос, а ей из дома переливчатыми колокольчиками вторили ее дочки.

— Ох уж эти мужики! Оскал волчий не проймет, а стоит юбкой взмахнуть, сам к ногам падает! — Она тоже вошла в дом. — Заходи, гость дорогой, отобедаешь с дороги, тогда и поговорим.

Ох, и взял меня в оборот женский коллектив, на минутку даже ощутил себя, как дома, в Лисьем. Я им тут и полочки прибивал до вечера, и ножи точил, и дров наколол, даже за водой к колодцу деревенскому смотался, зато накормили, обстирали, улыбками отогрели. Небогато, в общем-то, жили, домик на две клетушки-комнатушки, тут же печь да стол со всем нехитрым скарбом. Но рукодельницы, все в тряпочках вышитых, цветочки стоят, чистенько и аккуратненько. Сами не запущены, хоть и в глухомани живут, видно, мать гоняет, девки неизбалованные, каждое ее слово на лету ловят.

— Вы, барон, не побрезгуете у нас переночевать? — Звали женщину Лорой.

— Почту за честь, видал я иные хоромы замковые, так там грязней, чем у вас в курятнике.

Пока суд да дело, дождались вечера, вновь усаживаясь за стол, девочки еще немного покрутились и убежали во двор. Похоже, к ночи границы владений своих осматривать или еще чего, впрочем, не моего ума дело.

— Что ж тебя смущает, барон, во всей этой истории? — Она убирала посуду со стола, а я, немного осоловев от обильной пищи, сидел, вытянув ноги.

— Когда пришел Нафаль, с этого места все словно сказка. — Я выглянул в маленькое окошко, отмечая восход полной луны. — Да и с вами не все понятно, вижу, вы непростая женщина — осанка, взгляд, то, как хозяйство поставлено, я вон даже углядел ненароком, что девочки грамоте обучаются под вашим руководством.

— Урожденная баронесса Лорейн фон Пикскварр. — С улыбкой она чинно поклонилась, красиво присев и взметнув полами юбки. — Это вы, барон, правильно меня раскусили.

Шарики защелкали у меня в голове, вырисовывая картину. В Роне я был представлен Пикскварам, помню, серьезный у них там мужчина заправляет, от него так и прет за версту казармой и сталью, вояка до мозга костей.

— Барон Томас Пикскварр кем вам приходится? — припомнил я его имя.

— Брат. — Тяжело вздохнув, она села рядом за стол, устало потирая виски. — Старший, у нас разница в два года, Томас всегда был серьезным мальчиком, не то что я, бедовая. Вы его видели, знакомы? Как он?

— Серьезный мальчик стал серьезным мужчиной, уже виски с проседью, дочка у него где-то моих лет, жену, кстати, тоже Лорой зовут.

— Я рада за него, хоть мы и расстались нехорошо, — тяжело вздохнув, начала она. — Давно это было, давно. Наше баронство, как вы знаете, немного западнее и южней, там больше степи и лишь маленьким язычком лес касается нас, у границы с Кемгербальдами. Так вышло, что мой отец тогда завяз в войне с орками-переселенцами, идущими по нашей степи вдоль границы в леса пиктов. Что их погнало, я не знаю, но помню, переселение у них было массовым, вот мой отец и встрял в войну, пытаясь завернуть их кланы с нашей земли.

С перерывами и паузами она ушла в воспоминания, тихим печальным голосом поведав мне о своей судьбе. О том к чему хоть раз, но прикасался каждый в своей жизни, о том, что мы всегда будем хранить в своей памяти, кто-то со смущением, кто-то с грустью, может быть, с болью. Любовь — да, есть такая штука на свете, странная и непонятная химия высших материй, но здесь

не просто любовь, а первая. Та, что без оглядки, не связанная условностями, дикая и необузданная. Первая.

Ей было шестнадцать, юна, чиста и полна надежд на будущее, а ему только-только исполнилось девятнадцать. Красавец мужчина, высокий, поджарый, волос цвета вороньего крыла, он вместе со своей семьей, беженцами, уходил от тягот войны, гонимый в безопасные земли кланами орков, не очень-то церемонившихся с людьми.

Родовой замок Пикскваров, Кюран, тогда служил чем-то вроде перевалочной базы для бегущих людей, где им выделяли место, худо-бедно давали шанс заработать себе на хлеб. Тогда-то они и познакомились. Он, его отец и два младших брата приносили в замок на продажу мелкую дичь, иной раз привлекались управляющим на работы то по саду, то со скотиной.

Такой загадочный, а от этого еще больше желанный, он отмалчивался, когда его спрашивали, кто он и кто его семья. Также доподлинно неизвестно, из каких они мест родом. Ну да не это главное, главное здесь — это чувство, что возникло между ними, взаимное, дикое и такое сладкое. Лорейн боялась, что скажут ее отец и брат, но неожиданно она поняла, что того же боится и ее возлюбленный, причем чуть ли не больше, чем она. Странно, ведь она дочь барона, кто может быть против такого союза со стороны простолюдинов? Оказалось, может и еще как, семья Патрика не просто состояла из оборотней, они были кланом рожденных чистокровок. Здесь, думаю, стоит пояснить нюанс информацией, почерпнутой мной из бестиариев сэра Дако. Дело в том, что, в отличие от тех же вампиров, к примеру, трансмутация перевертышей не постоянна, а, как вы сами понимаете, состоит из двух фаз или ипостасей. Первая — изначальная, то есть форма человека прямоходящего, и вторая — боевая трансформация уже, так сказать, рабочая. И, что характерно, штамм вируса может передаваться не только путем заражения крови, но и генетически, то есть зараженные люди вполне мирно себе клепают детишек, отчего мутация, естественно, увеличивается с каждым новым поколением и уже отсекает различные ненужные промежуточные стадии. Вот как, к примеру, те же Пенка и Молочко могут совершенно спокойно перетекать из одной формы в другую, в то время как человек, только-только приобретший вирус, вынужден быть привязанным к определенным внутренним часам, по которым организм подготавливал смену форм, накапливая примерно за месяц необходимый ресурс. Из-за этого срока, кстати, в легендах и идет такая привязка смены обличия к полной луне, на самом деле у разных особей разные сроки подготовки к мутации, но в общем и

среднем где-то от тридцати до сорока дней.

Патрик принадлежал клану, который в течение жизней нескольких поколений взращивал вирус, причем не просто взращивал, а по каким-то одному ему ведомым канонам и правилам, так как круг оборотней их семьи — это закрытая аристократия, где главы домов зачастую торгуют между собой породистыми щенками, то бишь, как вы правильно понимаете, своими детьми. Возможно, это дикость, но не стоит забывать, что, как и вампиры, оборотни также были вне закона. Но вот, в отличие от них, они оставались людьми в полной мере этого слова. Ели-пили обычную еду, ходили, стояли, спали. Все как у всех, лишь с дополнением. Любой из оборотней ничем не отличим от человека, вся жизнь от колыбели до могилы такая же, их трансмутация не прибавляла им жизни или защиты от болезней, не защищала от тяжелых ран, что в образе человека ты смертен, что в образе волка. Без всяких там серебряных пуль и святых технотанцев. Откуда ж ноги растут? Оттуда и растут, что, получив рану, зверь бежит, в то время как человек ляжет, подняв лапки кверху. Вот и пошла молва: раз убежал, значит, выжил, что, сами понимаете, далеко не факт.

Годы, десятилетия, да что там говорить — столетия научили этих людей осторожности. Пусть ты силен, пусть ты быстр, но эти мурашки-человечишки умудряются не то что волка — медведя, царя леса, палками так истыкать, что тот дух испускает. А уж потыкать разную животинку у нас, людей, всегда охотников тьма найдется. Вот и стали они закрыты, вот и не верят они всем и каждому. Посему и Лорейн, не кто-нибудь, а дочь барона, пришлась главе семьи не по нутру.

Это покруче будет всяких Капулетти, наши Ромео с Джульеттой собрались преступить все мыслимые и немыслимые законы людей, наплевав на статусы и положение семей, разорвав классовые оковы, а также войдя в противоестественный союз двух по сути родственных, но лишь однокоренных рас.

Бессовестные какие, я представляю, как их родители расстроились: мы вот такие в их годы не были! А самое обидное, что уже и не будем. М-да. В общем и целом, поцелуйчики-обнимашечки закончились тем, что они сбежали, та от тех, а тот от этих, затерявшись в толпе беженцев, колесивших неприкаянными тогда по всему баронству. Долго ли коротко, но осели в Когдейре, на краю глухомани, считай, в лесу. Жизнь начали не то чтобы безоблачно, но на удивление дружно, без каких-то серьезных конфликтов и разногласий. Наверное, тут стоит отдать должное Лоре, девочке, можно даже сказать, в какой-то степени изнеженной, но способной променять баронские

палаты и богатство одежд на вот такое нехитрое житие, когда приходилось работать двоим от рассвета до заката, но зато вместе. Вдвоем. Навсегда.

Красивая история с печальным концом. Любовь, чистая и настоящая, с тайной на двоих. Не уверен, но, по-моему, в наши дни такую любовь уже не делают небеса, или кто там за это наверху ответственный?

Ее слезы пусть останутся при ней, мне самому было тяжко и муторно от той картины, когда Патрик вернулся однажды из леса, застав избитую в слезах жену в изорванном платье. Что им пришлось пережить и что сказать друг другу, а может, и сделать, пусть останется там, в прошлом. Мне лишь осталось уточнить мелочи, открыв неизвестное в этой истории, а именно — тот день, когда в Мекту пожаловал барон Нафаль фон Когдейр.

Со слов Конпы, барон выглядел простачком, а вот в свете слов Лоры все выходило даже наоборот. Нафаль не просто собрал праздных зевак, были там и егеря, были там и знатные охотники, но, как я и догадывался, рыцарь там был непростой. Некий Шерман Ол'Рок, ни много ни мало, а командор бестиаров. Это получается что-то вроде сотника, капитана рыцарского ордена, специализировавшегося именно на бое с «нелюдью». Когда-то, в стародавние времена, данный орден был введен в королевстве из-за обилия опасных созданий, во множестве бегавших по округе и изводивших мирных граждан. Орден в принципе, наверно, нужный, ведь не все создания и трансморфы были способны адекватно воспринимать мир, не для того они создавались в военное время. Вот и Нафаль, не будь дурак, сообразил тряхнуть мошной, выписав из столицы этого узкого специалиста.

Тут бы, как говорится, и сказочке конец, но, то ли убоявшись содеянного, то ли в связи с другими какими-то обстоятельствами, Патрик вышел на свою семью, прося у них помощи и защиты, но его отец тут же вышвырнул прочь от порога, отрекаясь от сына. Но пришли под покровом ночи три брата с сестрой, в обход родительского запрета. Они-то и рассказали о грядущей беде, уже впятером растопив ту кровавую баню, в которой и искупался фон Когдейр.

— Как же барон сам уцелел, да еще с сыном? — спросил я.

— С сыном? — Лора недоуменно захлопала глазами. — Тут какая-то ошибка, я смогла уговорить клан не трогать отца и дочь. Нафаль фон Когдейр был другом моего отца, а я нареченной матерью малышки Ноны.

В этом мире было понятие «нареченные», близкое нашему понятию «крестные», только у нас это связано с религиозным обрядом, а здесь из стародавнего обычая вытекает: родители

«нарекают» своим детям, к кому те уйдут жить в случае их гибели, относясь к нареченным с большим почтением, как к родственникам. Так сказать, это вторые, запасные родители на всякий случай, плюс некий образ дружественных отношений между людьми.

— Ну не знаю. — Я пожал плечами. — В живых остались Нафаль и Нуггет Когдейры.

— Да уж. — Поежилась она, обхватив свои плечи руками. — Еще одна ошибка в череде прочих, совершенных за мою жизнь. Вот оно как вышло все, вот как жизнь ставит на место непокорных глупцов.

— Не надо. — Я взял ее за руку. — Не вини себя и не кляни судьбу, будь благодарна за те дни счастья, что ты была рядом с любимым и любящим человеком. Не каждому дано такое. К тому же вон у тебя Пенка с Молочком, красавицы какие, гордость твоя и, где бы он сейчас ни был, Патрика.

— Да, умнички. — Она улыбнулась, вытирая слезы. — Да только и здесь разлука идет по моим следам.

— Что еще? — Я опустил поднесенную ко рту кружку чая.

— Ты ведь не просто так пришел? — Взгляд стал вновь тяжел и внимателен к моим действиям. — Это ведь из-за последних смертей, тех пастухов из Поренки?

Я лишь кивнул, вновь поднимая кружку и отпивая терпкий разнотрав, что сказать, это действительно так.

— Это не я и не девочки, если ты вдруг так подумал. — Слезы опять проложили дорожки по ее лицу. — Это кто-то из клана, у девочек уже пару лет кровь идет, а для них самочки — ценный товар. Они — не то что я, приблуда, они рожденные, значит, чистые, по их меркам. Уже приходил старший из семьи, пока только звал, но это только пока. Те смерти означают, что к нам ходу нет никому, чувствую сердцем, заберут девочек у меня, боюсь, что судьбу мою бедовую хлебнут дочки сполна.

Ну вот как? Как он узнал об этом? Откуда старый разбойник Дако мог знать, что в Лисьем скоро прибавится жильцов? Я вот не знал, а он знает, это что, ясновидение? О нет, я понял, он просто сглазил, накаркал, старый хрыч, значит, сам виноват.

Чуть ли не до полуночи мы с Лорой проговорили, причем большей частью говорил я, уговаривая и убеждая ее в верности моего решения, потому что иначе бы я не смог, иначе уже нельзя, не смогу я по-другому, после того что она поведала мне, не смогу.

* * *

Еноты принесли ежа. Зачем, для чего? Понять было невозможно, а уж представить, как они его ко мне в постель затащили, так вообще умереть не встать. Уже второй день я иду окраиной леса к приграничью земель Когдейра с Кемгербальдами для воссоединения со своим легионом.

Место встречи изменить нельзя, небольшой приграничный форт Руата, надеюсь, хоть в этот раз не захваченный моими людьми. Последняя горячая точка в этом году и, надеюсь, во всей моей жизни. Что-то не по душе мне пришлась эта война, как-то подзабыл я, что на ней люди умирают.

Места были необжитые, большей частью лесистые, и компанию мне в моем пути составляли два безобразника, вот как сегодня припершие откуда-то ежика. Лора с дочками должна была своим ходом, минуя военные разборки, добраться в Лисий Хвост, где по моему письменному представлению ей окажут помощь. Посему путь мой был неспешен и не обременен попутчиками. Что, с одной стороны, позволяло насладиться тишиной и прояснить мысли, а с другой — периодически для поднятия тонуса вести односторонний диалог со своими подопечными зверьками.

Долго ли коротко, но на третий день, объехав стороной виднеющуюся чуть вдалеке деревеньку, вышел на небольшой пятачок земли, разделенный довольно-таки широкой по местным меркам речкой. По ее берегам проходила граница владений, а с пригорка был виден замок, охраняющий деревянный мост, насколько можно судить по карте, единственную переправу на отрезке чуть более чем в десять километров.

Легион порадовал, службу знали четко, еще на приближении встретил два разъезда, а сам лагерь не дремал, выставив караулы. Ну хоть здесь все по плану и без самодеятельности, Руата была в осаде.

— Приказание выполнили в полном объеме. На данный момент жертв как с нашей, так и со стороны противника нет, — отрапортовал семьдесят третий, встречая у разложенной для меня палатки.

— Разведка на связь выходила? — Я сбрасывал с лошадки свои пожитки, с блаженством представляя, как вытяну ноги после пути.

— Да, разведчик прибыл. — Он многозначительно посмотрел на солнце. — В данный момент отдыхает.

— Что-то сверх прогноза? — Енотов не интересовали вещи, так что они, уже переругиваясь, мяли мою постель.

— Думаю, да: барон Когдейр движется не так, как мы предполагали. Никаких остановок в захваченных крепостях,

дошел, узнал обстановку и тут же снова выходит маршем, сегодня он должен уже быть у Кугермата, следовательно, послезавтра у нас.

Ну вот, опять трудности. Семьдесят третий указал мне плотно закрытую палатку, где дневала Тина, куда я и залез, плотно прикрыв полог за собой, чтоб не допустить прямого попадания внутрь солнечных лучей.

— Ты где был? — с ходу начала она.

— Тут, недалеко. — Я попытался разглядеть ее, подслеповато щурясь от контраста дня и этого царства тьмы.

— От тебя пахнет женщинами и… — Она шумно втянула воздух носом. — Ежиком, что ли?

Оп-па, чего это она меня обнюхивает и допрашивает? Так скоро дойдет до того, что придется деньги в носки прятать от нее, как любой порядочный муж.

— Так, отставить меня обнюхивать, рядовой Тина. — Я постарался быть строгим, глядя в ту сторону, где, по моим предположениям, была она. — Женщины, ежики — все потом, давай вернемся к нашим баранам.

— А баранов ты когда успел завести? — удивленно осведомилась она.

— Каких баранов? — опешил я.

— Ну ты сам сейчас сказал! — обиженно донеслось из темноты.

— А! Ну так поговорка такая, мол, давай о делах, все остальное потом! — успокоил я ее.

— О делах? Хорошо. Ты где был и что это за ежики женского пола к тебе приставали?

— П-ф-ф-ф! — скопировал я Профессора, тяжело вздохнув. Нет, ну это невозможно, даже если женщина — вампир, она прежде всего женщина, а уже потом вампир. Я тут войну воюю, а она мне про ежиков! — Тина! Ну-ка соберись! — Я аж стукнул кулаком себя по коленке. Больно. — Быстро докладывай обстановку на фронте, солдат!

— О мой генерал! — Ну вот, начинается эта женская тягомотина под названием «Какая же ты скотина неблагодарная». — Не соблаговолишь ли ты снизойти с величия своего, чтобы выслушать отчет недостойнейшей из недостойных?

— Ладно, ладно, хватит! — Изобразив еще пару раз вселенский вздох печали, я был вынужден больше часа рассказывать о своих делах, периодически прерываемый уточняющими вопросами, лишь после этого получив исчерпывающую информацию по Когдейру и моей большой игре.

А подумать тут было о чем. По самым радужным прикидкам,

барон уже послезавтра будет здесь, а разница между ним и Гаричем хоть и составляет шесть дней, должна будет разделиться как минимум на четыре дня маршевого хода капитана с армией до рудников. Что ж получается? Плоховато получается. Нам нужно еще денек, а то и два на то, чтобы дать фору моим планам. Но Нуггет их, похоже, мне не собирается давать, то ли предчувствуя беду, то ли сгорая от жажды мести. Расчет мой на то, что каждая крепость даст мне как минимум день его остановки, не оправдался, плевать барон хотел на замки, а вот поквитаться со мной летел на всех парах.

Вот и задачка: рискнуть, поставив на то, что Гарич как-нибудь выкрутится сам, подставить его и его людей или опять подставить свою… ммм… шкуру под удар? Тут ведь какое дело, удар будет кулаком в тысячу человек, с учетом моих пяти десятков у нас у всех… ммм… шкура лопнет пополам, что называется, на британский флаг разорвут.

— Только не говори, что надо что-то придумать! — проворчала она из темноты.

— Не буду, ты и сама все прекрасно понимаешь. — Вздыхать больше смысла не было. — Давай всех своих, кто остался, активируй, переходите из разведки в диверсионный отряд. В прямое противостояние не входить, действуйте по ночам, вырезайте караулы, пугайте лошадей, портите телеги обоза, делайте что хотите, но растяните ему улыбку до ушей, чтоб на оскал стала похожа. Остановить все равно не остановите, так хоть немного замедлите, каждая минута будет настоящим подарком.

Раскрывшийся полог ослепил меня яркими лучами солнца. Поморщившись, с трудом распознал в фигурке, выскочившей на свет, миниатюрную Тину.

— Ты чего?! Погоришь ведь! — ахнул я ей вслед.

— Ну, вся уж точно не сгорю, — махнула она на меня рукой. — Работать надо, дорога каждая секунда.

— Вот только жертв мне не надо! — Я выскочил следом за ней из палатки. — Быстро назад!

— Ты, главное, себя береги. — Легкие, едва ощутимые пальцы нежно коснулись моей щеки. — Действуй.

Что-либо говорить было бесполезно, так как она уже перешла на бег, в считанные мгновения удаляясь от меня все дальше и дальше. Этакий неосторожный мазок художника на полотне пейзажа, скорость вампира поражала, вот, казалось, только что была здесь, а уже практически и не видно ее легкой тонкой фигурки.

— Семьдесят третий! — заорал я, увидев неподалеку своего угрюмого старшего сержанта.

— Барон! — вытянулся он по стойке передо мной.

— Пять человек вниз по течению, пять человек вверх по течению реки, пусть все камыши облазят, мне нужно точно знать, как далеко от этого моста находится следующая переправа. Остальные вон к той роще, рубите и вяжите плоты. Вопросы?

— Никак нет, ваше сиятельство! — рявкнул он, при этом расползаясь в улыбке. — Может, и в этот раз не помрем.

Ха-ха, тоже мне шутник выискался, у него не только морда мрачная, но и юмор на уровне.

Впрочем, я его понимал, ситуация та еще, а мыслей практически ноль. Все, что мне удалось придумать, это еще раз вспомнить про британский флаг, а именно про их «Юнион Джек», на который Нуггет предположительно собирается порвать мне… шкуру.

Этот самый английский Джек не просто крест, это три креста в одном. Крест святого Георгия, прямой красный на белом, покровитель британцев, далее наискосок наподобие Андреевского флага в тех же красно-белых тонах крест святого Патрика, знаменитого покровителя ирландцев. И в заключение сине-белый, также наискосок, крест святого Андрея, покровителя Шотландии. На шотландцев я и решил опираться, припомнив их старинную забаву. Задери юбку и покажи зад британцу, а потом быстро-быстро спрячься в камнях и скалах родной страны.

Да, те еще шутники были в свое время шотландцы, сколько нервов они своими попами потрепали британским Робин Гудам, один бог знает. Ну да не в них дело, а в тактике, которую я собирался применить. Как и прежде, драться мне совершенно не хотелось, ну вот почему-то ни капельки. Что-то, видимо, в воздухе такое витало, с запахом жареного, что совершенно отбивало у меня настроение помахать кулаками. А вот руками поработать пришлось неслабо, хорошо, что забрали инструмент из обозов после победоносного разгрома двух армий. Пришлось рубить и вязать бревна в плоты и не скажу, что забавы ради, все лишь с одной целью — задержать противника. А задержать его можно, лишь запутав и разозлив, в чем я, как надеюсь, мастер.

Однако даже у меня в этот раз волосы на голове дыбом встали от наглости и хамства моей же задумки. Ну да не буду пока забегать вперед, лишь скажу, что репетировать спектакль пришлось и днем, и ночью, выматывая и себя, и людей по полной, раз за разом повторяя маневры, чтобы никто не перепутал место сбора или же точку перехода.

Мост сожгли, перебравшись на ту сторону, снимая осаду. Впрочем, Руата не спешила открывать ворота и радостно махать флагами, мы по-прежнему были рядом, хоть и разделенные

разными берегами реки.

Первый отряд армии Нуггета, на взмыленных лошадях, как и предполагалось, подошел на второй день. Чуть больше двух сотен человек, усталые, грязные, без обоза и банальных вещмешков, они чуть ли не падали, вымотанные, похоже, не только дневным переходом, но и бессонными ночами, которые им организовали мои *vampirish partizanen*.

Оценив обстановку и увидев нас на противоположном берегу, они не стали форсировать события, лишь выставив караулы охранения примерно на километр в обе стороны от сожженного моста. С нашей же стороны тоже не предпринималось активных действий, мы, наоборот, встали на самом видном месте, демонстрируя свой неприхотливый быт, спешить некуда, формально мы хоть и у них под носом, но уже на земле Кемгербальда. Но, думаю, не оставит барон нас в покое, вот если бы мы хотя бы на день-два углубились на чужую территорию, то да — можно было бы и отступить, но не тогда, когда наглецы маячат прямо перед ними.

Остаток светового дня, а также всю ночь к Руате непрекращающимся потоком стекались разрозненные отряды огромной военной машины Когдейра. Зрелище было завораживающее, особенно ночью, когда все свободное место перед замком осветили сотни и сотни костров, да и утром легче не стало от неимоверного количества людской массы, сплошным черным ковром закрывающей землю.

Никаких разговоров или парламентеров ни с моей, ни с их стороны не было, что неудивительно. Но подождем главное действующее лицо, а именно Нуггета, на его чувствах, словно на волынке, я и собирался играть.

На следующую ночь к нам пришли мои диверсанты, все четыре бойца. Информация, принесенная ими, была радостной: благодаря их действиям мы уже отыгрывали день для капитана, осталось только нам сыграть правильно, чтобы вырвать для себя окончательную победу, поставив жирную точку в этой игре.

Барон, как и ожидалось, прибыл ближе к полудню, в сопровождении пехотных частей и части обоза, его вымпел установили сразу же посередине лагеря, а уже где-то через час к берегу реки подъехала конная делегация во главе с виновником торжества.

— Нуггет — подлая скотина! — тут же заорал я что было мочи, стараясь, чтобы как можно больше людей нас расслышало. — Сколько тебя, труса, можно ждать?! Я все твое баронство прошел вдоль и поперек, где ты прятался, собака?

— Да я!.. Да я вырву твое сердце, втопчу тебя в землю,

ублюдок! — Барон задыхался от ярости, потрясая кулаками и брызжа слюной. Ух, и зол же он был, ну и смешон немного: мелкого росточка, худенький, с тоненьким женским голоском — он больше походил не на грозного владыку этих земель, а на распекающую непутевого мужа кумушку.

— Что ты там пищишь?! Ну ни черта ж не слышно! — Я театрально взмахнул руками. — Можешь разговаривать, как мужик? Что ты там шепчешь?

Ох, и понесло его, да, уж это больная тема, всю жизнь мелкого задирали и дразнили, поди, и папочка его за это лупцевал, что нескладный такой вырос.

— Да что ты там лопочешь? — приложив руку к уху, сделал вид, что прислушиваюсь. — Ты вообще драться думаешь или опять тебя искать придется?

— Убь-ю-ю-ю! — в бешенстве завыл он. — Все вперед! Принесите мне его голову!

Надо сказать, сердце дрогнуло, когда весь лагерь, вся эта громада зашевелилась по его команде, ладони вспотели, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Ни черта не слышу твоего писка! — заорал я. — Трус поганый, сиди там, я сейчас сам к тебе приду!

Развернув коня, я вместе с легионерами скрылся за косогором, делая вид, что ухожу вверх по реке к ближайшей переправе, туда же, куда и двинулся гигантский поток его войск, на деле же выйдя из обзора и уходя ниже примерно на два километра, где были загодя приготовлены нами плоты. Переправились вместе с лошадьми где-то часа за полтора, уже на вражеском берегу доставая реквизит театра, а именно — гербовые накидки Когдейра, неспешным ходом с небольшим полукругом в обход Руаты возвращаясь назад.

Страх присутствовал, еще бы не бояться, но в моем прошлом был презабавнейший случай. Я тогда в командировке в Ленинграде-Питере был, на повышении квалификации, где познакомился с двумя коллегами из военного госпиталя, пока учились и квалифицировались, неплохо сдружились, чему способствовала тесная комнатушка в одном из общежитий, ну и, как водится по старой «гасконской» традиции, дело это сели обмыть. К вечеру соответственно, «наобмывались» чуть ли не до потери пульса, как это у врачей водится, вспоминая прошлое и дойдя до баек из армейской жизни. Тут-то дело и приобрело печальный поворот: оба знакомца били себя пятками в грудь, чуть ли не кидаясь друг на друга с криком, что в таком-то году, именно там-то и там они отдавали долг родине, проходя срочную службу на флоте, а именно на тяжелом крейсере «Киев».

Ох, и кричали они, ох и ругались, каждый обвинял другого в фальсификации, утверждая, что не видел другого в глаза до этого дня. Я тогда в примирительных целях стал спрашивать, мол, так и так, ребята, а кто за что отвечал, кто к какой службе относился?

Тут-то и выяснилась банальщина. Если на дулях объяснять, то один на носу просидел весь срок, а другой — на корме, и оба несли разные вахты, из-за чего и в глаза друг друга не видели, так как та плавучая дурмашина, как я понял, была еще тех размеров. Там еще потом было смешно, когда они выяснили, что и учились в одном институте, и совсем было несмешно, когда уже я поинтересовался: «Ребят, вы бы проверили, может, у вас и жена одна на двоих?»

Вот и здесь я решил затеряться в толпе среди себе подобных. Чем не идея? Пока обходили замок, выписывая полукруг, еще прошло примерно часа два неспешного хода, народец встречался, по дороге к сгоревшему мосту все еще подтягивался отставший обоз барона, брошенный им после нападок со стороны вампиров, а также из-за того, что он замедлял ход армии. Уже непосредственно перед Руатой провели небольшую разведку, выясняя диспозицию противника. Нуггет все еще переводил на тот берег войска, собирая там мощный кулак. Надо ему будет как-нибудь при случае пожать руку за его беспечность, он погнал всех и сразу, не задумавшись ни на секунду. Ни тебе перевалочного лагеря, ни тебе тылового полка, не осталось даже маленького взвода для встречи и организации подходящего постепенно обоза. Но не это даже стало подарком судьбы, а открытые ворота крепости, куда мы и въехали совершенно беспрепятственно, организуя сразу же на месте разгрузочные работы, привлекая к этому делу и местных пограничников. Как? Я подсказал семьдесят третьему представиться интендантом барона, мы должны встретить, согласно личному распоряжению Когдейра, весь провиант и прочее, разместив все это в стенах замка. Суета, а также наши решительные и напористые действия возымели успех, мы практически полностью прикарманили все имущество, которое Нуггет не тащил с собой, бросив своих людей на произвол судьбы.

Поделом ему. Безоружную стражу, а также часть людей с телег мы взяли в плен, не пролив даже капли крови. Оставив полтора десятка человек на охрану замка, сам не спеша выехал к реке, поджидая, когда же появится Нуггет, чтоб еще раз посмотреть ему в глаза, поздравив себя с еще не законченной, но успешно начатой аферой.

— Подлый трус! — орал я через реку, потрясая кулаком. — Я же сказал, жди меня и сражайся, как мужчина и дворянин! Ты не

достоин своих предков!

Это было что-то с чем-то: барон краснел, синел, бледнел и шел разноцветными пятнами, не в силах произнести ни слова, в то время как я поливал его грязью со всех сторон, когда он со своими командирами вышел к берегу, переправив свои войска.

— Сколько ты, подлый трус, еще будешь бегать?! — В этот момент, глядя на меня, сам Станиславский бы прослезился и, встав, рукоплескал бы моему таланту. — Из-за твоей трусости мне придется еще один замок брать штурмом! Сколько их у тебя еще осталось? Сколько мне еще их захватить, чтобы ты перестал от меня удирать?

Не дожидаясь ответа, я под испепеляющими взглядами вражеского войска спокойно въехал в ворота крепости, не забыв на прощание помахать им ручкой и закрыть их за собой. Нечего оставлять калитку открытой, когда кругом столько незнакомых людей. Моя миссия на ближайшее время выполнена, теперь бы устоять.

Естественно, мы отыграли у барона еще день, а если быть точным, суммируя все в целом, еще три. Так как в этот раз барон, опасаясь очередного моего финта ушами, разделил свою тысячу на три части, одних заставив переправляться выше по течению, вторых ниже, а третьих отправил на земли Кемгербальда, так сказать, следить за моими телодвижениями. Мне же, само собой, смысла бежать не было. Разве что, рассеяв свой отряд, попытаться поодиночке выходить, но на подобное я не решился, на радость Нуггета, осадившего Руату, в которой засел я.

Было до умопомрачения страшно — кипящий людской котел под стенами Руаты бурлил каким-то диким, многоруким и многоногим чудовищным спрутом, обхватывая нас в кольцо. Одно радовало, крепость была солидной и строилась на века, высота стен была примерно метров шесть, может, семь, а общая площадь замка могла спокойно перекрываться моим легионом по всему периметру. Небольшой пограничный форпост стал нашим вынужденным домом. В нем нам предстоит выжить любой ценой. Пережив, как я думаю, не один штурм, первый из которых захлебнулся тем же вечером, когда один из первых переправившихся отрядов попытался подойти к воротам с самодельным тараном, здоровенным срубленным бревном. Эти горе-вояки мало того что своих потеряли под обстрелом со стены, так и еще ушли не солоно хлебавши, когда я развел прямо у них под ногами кольцо Прая.

Своих легионеров приходилось беречь, так как постоянно бодрствовать я бы не смог, а караулы вовремя меня предупреждали об очередной попытке взять крепость силой.

Тогда уже, поднявшись на стену, я пускал в ход свои немногочисленные познания в боевой магии, расшвыривая солдат под стенами, словно тряпичных кукол. Да уж, магия решала, магия заставляла уважительно относиться к себе дикой мощью неподвластных простому человеку энергий. Но был во всей этой истории еще один камешек преткновения, о который я мог расшибить себе лоб, а именно Герхард Доу, прибывший в распоряжение армии Нуггета. Маг-наемник, маг, прошедший курс обучения, маг, который мог меня раскатать вместе со всей этой крепостью, как тесто под блинчик, чего он пока не сделал, думаю, исключительно из-за контракта на охрану Когдейра, а не на ведение боевых действий. Контракт сам по себе стандартный, насколько я понял, он предписывал магу не участвовать в разборках знати, из-за запрета короны внутренние разборки в королевстве строго регламентировались. Но, увы и ах, весь этот закон обходился аристократией на ура, взять хотя бы лимит на численное содержание личных войск, который по сути, но не по бумаге мой оппонент превысил минимум в пять раз. Даже я навскидку уже придумал способ обойти контракт, Нуггету было достаточно лично ринуться на приступ, чтобы маг последовал за ним, блокируя меня от и до. Томительное ожидание неизбежного лишь нервировало, не давая чувствам и душе спокойствия. Для окончательной реализации плана, по моим прикидкам, необходим еще день, не для Гарича с его походом, а для моего безопасного выхода из этой ловушки, в которую я загнал себя сознательно.

— Барон, похоже, начинается. — Семьдесят третий прервал мой завтрак и размышления, заставляя меня бегом подняться на стену, вглядываясь в расположение активизировавшегося противника.

Пехотные полки Когдейра во всеоружии занимали строй, а по полю неспешно, где-то даже с ленцой к замку шел один-единственный человек, совершенно без опаски вышагивая и с праздным любопытством вертя головой по сторонам.

Был он немного толстоват, ростом был чуть выше среднего, совершенно лыс и, что было заметно невооруженным взглядом даже издалека, очень любил украшения, поблескивая на солнце лучиками бликующего металла.

— Барон? — Семьдесят третий кивнул в ту сторону. — Маг?

— Похоже. Предупреди, чтоб народ не делал глупостей, что бы ни случилось. — Я покрутил по сторонам головой. — Слуг срочно пинками гони, чтоб прямо сюда тащили столик, фрукты, снедь разную, напитки, да побогаче, проследи, чтобы из личных баронских припасов.

— Ворота открываем? — Уже спускаясь, спросил он.

— Нет. — Я устало повел плечами. — Пока рано, пусть хотя бы потрудится брови нахмурить, а то как-то несолидно получится.

Получилось более чем солидно, еще на подступах к стене, метров за пятьдесят «Мак» стал писать с мага плетения, укладывая в память узоры. Сам я также внимательно его рассматривал, узнавая часть энергетических компоновок в построении заклинаний любимого мною мага-воздушника Эббуза. Да, именно воздух каким-то замысловатым узлом господин Герхард сейчас вязал силовыми нитями, выставляя как линейно, так и структурно замкнутые блоки задач. Мастер, действительно мастер, никакой цепочки и ниточки, как привык делать я. С таким узором, наверно, не один час придется возиться даже сэру Дако, а уж я так и подавно тут бессилен.

Легкий ветерок качнул волосы у меня на голове, порывом свежести возвестив о том, что маг дошел до контура формирования объекта либо же явления. Господин Герхард неожиданно резким росчерком, словно блоха с собаки, по пологой дуге, но необычайно быстро взвился в воздух этаким метеоритом, с погашением энергии уже на стене, и скакнул в мою сторону.

— Здравствуй, юноша. — Оказавшись в долю секунды мало того что на стене, но и в каких-то нескольких метрах от меня, он заставил вздрогнуть всех, я же от удивления даже невольно подался на пару шагов назад. — Рад видеть перед собой талантливого инициата, который в столь юные годы уже доставляет столько хлопот окружающим.

— Эм-м. — Я учтиво поклонился, пытаясь совладать с растерянностью и испугом. — Вы мне льстите, мастер, какие ж тут хлопоты? Сплошная суета в базарный день. Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии немного перекусить со мной?

— Смело! — Он весело мне подмигнул, потрепав по голове. — А главное, разумно! Молодец, мальчик.

Слуги, пыхтя и краснея, с трудом втащили на стену круглый дубовый столик, тут же накрывая его белоснежной скатертью и сервируя золотыми тарелками, давая нам время внимательней присмотреться друг к другу.

То, что было принято мной за избыток веса, оказалось чистой воды мускулатурой, Герхард Доу был самый натуральный Арнольд Шварцович Негер! Вблизи он внушал невольное уважение мощным размахом грудной клетки и дутыми шарами мышц на руках. Да уж, не говори «гоп», пока маг к тебе не запрыгнет! Толстяк не толстяк, а то, что я принял за бижутерию,

вообще оказалось нашитыми стальными бляхами доспеха. Издалека путаницу внес его широкий голубой плащ, скрадывающий нюансы.

— Прошу вас, господин Герхард! — Я жестом предложил ему выбрать место за столом. — День только начался, а вы уже в заботах. Надеюсь, не слишком вас утомил переход к Руате, я так понимаю, вы прибыли вчера вечером?

Ух, а глазищи у него какие — тяжелые, темно-темно карие, знаете, такие, в которых даже черноту зрачка не рассмотреть. С таким в гляделки не поиграешь, у него гляделки получаются в сумме как бы больше.

— Да нет, ничего утомительного. Правда, я изначально подозревал, что ваш капитан — всего лишь приманка, но барон Когдейр слишком самонадеян. — Он уселся за стол, тут же без церемоний отломив себе половину запеченной утки и сграбастав в тарелку кусок еще теплого хлеба. — Хороший ход, барон! Поздравляю, сыграли вы просто замечательно.

Усаживаясь напротив него, я предпочел начать с глиняного горшочка с тушеными грибами, дополняя это жареной колбаской, отдавая также должное свежему хлебу.

— Спасибо, — кивнул ему я, прожевывая.

— С Гердскольдами, конечно, подлый прием вы провернули, натравив их на нас, но, право слово, сделано было тоже мастерски! — Черные бусины глаз внимательно следили за каждым моим действием.

— Как говорится, на войне все способы хороши. — Я постарался не покраснеть от стыда, так как то, что я так мастерски совершил, было сами знаете чем.

— Страшно было в Норвшлице? — Он отложил утку, становясь серьезным.

— До конца жизни хватит. — Я тоже был серьезен, выдерживая его взгляд.

— С Кугерматом смешно получилось. — Он вновь вернул улыбку, опять принимаясь за еду. — А вот Руата — это ошибка.

— Думаете? — Я задумчиво помахал в воздухе куском колбасы. — Мне, наоборот, показалось, что здесь я по-настоящему набрал обороты.

— Хочешь со мной потягаться? — Он даже рассмеялся.

— А что, думаете, не потяну? — Я как бы оценивающе, но меж тем с улыбкой осмотрел его снизу вверх.

— Ты ведь понимаешь, что здесь и сейчас я захватываю крепость и убиваю твоих солдат? — Никакой иронии, холодная констатация.

— Конечно, конечно, дорогой мой господин Герхард! — Я

постарался сделать как можно более печальное лицо. — Война, она такая штука, без жертв никак.

— Учти, купить меня также не получится, так что не оскорбляй меня даже мыслью о деньгах. — А ведь ему самому дико интересно, что же я задумал!

— Даже мысли такой не было! — заверил я его. — Даже больше вам скажу: расценив ход наших боевых действий, полностью осознав мощь, выдвинутую против меня, готов без отлагательств приступить к акту капитуляции.

— Сдаешься? — В его голосе проскочила нотка разочарования.

— Конечно, сдаюсь. — Я перешел к травяному сбору, выбирая себе сладкую сдобу. — Надеюсь, вас не затруднит передать барону Когдейру, чтобы он составил акт, по которому мы будем взяты в плен?

— С чего ты взял, что кто-то будет составлять какой-то акт, гарантируя тебе неприкосновенность? — Он откинулся на спинку стула, жалобно скрипнувшего под его весом. — Я просто раскатаю тебя и твоих солдат, не оставив здесь камня на камне.

— О, господин Герхард, вижу, вы бывалый и старый солдат, прошедший не одно поле битвы.

Он поморщился, но проглотил это.

— Но, увы, с этого момента мечи отправляются в ножны. Речь пойдет о деньгах.

— Ты про казну Норвшлица? — кивнул он своим мыслям. — Нуггет вернет ее, взяв тебя в плен.

— Пусть даже так, но вы были не правы в своих заключениях о начале войны. — Я отсалютовал ему чаем.

— Что это значит? — Взгляд стал колючим, он весь подался вперед.

— Это не капитан был приманкой. — Я улыбнулся во все свои зубы, сколько их там уже было. — Думаю, эта информация уже к обеду, может, к вечеру дойдет до вас.

Повисла пауза, в течение которой я успел прикончить две булочки, а его лоб — раз десять сморщиться и распрямиться в тягостных думах.

— Где? — Он потянулся всем телом, поднимаясь из-за стола.

— Прииски… — Я не стал вставать, чтобы проводить его.

— Ах ты ж… — Он сжал и разжал свои огромные кулаки. — Больше недели ходу теперь до них! Каков хитрец!

— Приходится, господин Герхард, приходится. — Я долил себе еще чаю.

— Что ты хочешь увидеть в акте о капитуляции? — Он подошел к краю стены.

— Полная неприкосновенность мне и моим людям, а также отказ от претензий, — начал я загибать пальцы. — Извинения за нападение на Касприв, а также полное право по своему усмотрению распорядиться трофеями этой войны.

— Ты же понимаешь, что он не пойдет на это? — Маг не смотрел на меня, задумчиво разглядывая войска под стенами Руаты.

— А куда он денется? — Я пожал плечами. — Пойдет как миленький, правда, выторгует себе кое-что, но пойдет. Вы, кстати, ему в этом поможете.

— Я? — Он слегка повернул голову в мою сторону.

— Ну да, вы, — кивнул я. — Ему же нужно откуда-то брать денежки на оплату вашего контракта, причем немаленькие денежки, как я понимаю?

— Тебя это не касается, — довольно сухо произнес он.

— Конечно, не касается, — примирительно согласился я. — А вот вам стоит поволноваться.

— Странные дела: вроде бы ты проиграл, сдаешься, а такое ощущение пренеприятное от победы.

Он вновь активировал уже виденное мною плетение прыжка, скрываясь в мгновение ока за стеной, потом все так же не спеша, но уже в обратную сторону стал вышагивать к барону Когдейру.

— Хех. — Я с прищуром глядел ему вслед. — А кто вам сказал, что вы победили? Это пока еще цветочки, ягодки будут впереди.

* * *

Тине все же удалось незамеченной проскочить под стены Руаты, где ее под покровом ночи мои легионеры втащили на веревке в крепость. Денек выдался после ухода Герхарда Доу хоть и не суетным, но муторным, так как раз двадцать мне пришлось принимать гонца со стороны Когдейра с очередным бланком акта капитуляции, после чего, с умным видом прочитав его, подчеркивать какой-то из пунктов или непонравившуюся фразу, отправляя его обратно на доработку. Вообще-то, мне эта бумажка была нужна как зайцу стоп-сигнал. Мне нужен был еще один день и еще одна ночь, а также информация от разведбатальона, ну и чтоб убрался с арены этот наемный маг.

— Ну что? — Я валялся в постели, почесывая бока енотам и читая «Порядок управления потоком и малый энергетический круг заклинаний», некое пособие по теормагу, скачанное, так сказать, из личной библиотеки сэра Дако.

— С утра начнется. — Она упала на стоящую рядом кровать, предварительно занавесив два небольших окна-бойницы своим плащом и курткой.

Болтать по пустякам ни мне, ни ей не хотелось, так что, еще немного почитав, спокойно уснул, чтобы поутру вновь подняться на стену, где для меня уже приготовили столик, сервировав его под легкий завтрак.

— Как у нас тут обстановка?

Семьдесят третий стоял рядом, изображая истукана с острова Пасхи.

— Осталось их под стенами чуть больше четырехсот человек. — Он задумчиво окинул меня взглядом. — Сегодня еще до рассвета остальные ушли, могу предположить, выдвинулись утихомиривать капитана.

— Правильное предположение. — Я вдумчиво и с расстановкой выводил слой масла на свежей булочке.

— Похоже, господин маг опять изволит к нам в гости. — Он немного подался назад, негласным телохранителем становясь у моего плеча.

— А, господин Герхард! — Я улыбнулся влетевшему на стену здоровяку с усталым лицом невыспавшегося человека. Похоже, их дебаты и споры закончились далеко за полночь. — Решили почтить своим вниманием бедного военнопленного? Я, признаться, уже весь истомился в этом заключении, среди невзгод и трудностей военной жизни. Так что прошу к моему скромному столу.

— Невзгоды, говоришь, и лишения? — Он плюхнулся рядом, тут же ухватив одной рукой два пирожка. — Сразу тебе скажу, вот на столе лежит последняя редакция акта о капитуляции, больше ты ничего в нем не изменишь. Даже не так, больше тебе я лично ничего не дам в нем изменить!

— Интересно! — Я пальчиком поманил одного из прислуживающих мне легионеров, также пальцем показав ему, чтобы развернул бумагу и держал, пока я читаю. Нет, ну не решили же вы, что я брошу булочку с черничным вареньем и кружку чая из-за такой мелочи, как акт о моей сдаче в плен?

Так-с, что у нас тут? Ага, меня в плен, всех солдат убьют, ничего особенного, что еще? Верну все, что забрал, ага, конечно, прям сейчас побежал. О! А вот новенькое, Гарича я должен лично им отдать в руки, для их суда праведного. М-да уж, понаписали!

— Все равно будешь спорить? — Он жевал пирожки, наблюдая за моей реакцией.

— Я? Да вы что?! Ни в коей мере, даже в мыслях не было! — Уподобляясь настоящему чеширцу, превращаюсь в одну

сплошную улыбку.

— Что еще? — Он прямо бросил на стол недоеденные пирожки, словно ребенок, насупившись. — Что у тебя еще припасено?

— У меня? — Я невинно захлопал глазами. — Лично у меня — ничего.

— А… — Договорить он не успел, так как окрестности замка заиграли полковыми трубами и горнами, созывая войска к сбору.

— Ну да, ну да, гости, стало быть, пожаловали. — Я задумчиво потягивал чай, осматривая всполошившийся лагерь Когдейра. — Успели бы подготовиться к приему, а то не ровен час, прослывете нерадушными хозяевами.

— Какого хрена тут происходит?! — Он вскочил на ноги, тут же распуская узор свернутых силовых линий, прыжком срываясь со стены прямо в лагерь своих войск.

— А вот это мы сейчас и выясним, — вслед ему тихо произнес я.

— Барон? — Семьдесят третий вышел из-за плеча.

— Да, давай общий сбор, нечего нам тут больше делать, и так затянулась эта война. — Я залпом допил чай, поднимаясь со стула и отправляясь за своими вещами. — Пора домой, парни.

— Есть домой! — улыбнулся он, созывая сержантов для построения на марш.

Нуггету фон Когдейру, думаю, до конца его дней в кошмарах будет сниться сегодняшний день. День, когда он, что называется, умудрился *(censored)* упустить из своих рук все на свете — все, что у него было, есть и могло бы быть в будущем. А именно, все свои деньги, авторитет и иже с ними.

Поутру выше по течению начала переброску войск объединенная военная группировка Гердскольдов при поддержке барона Кемгербальда. Почему? Да все по тому же процедурному вопросу. Господа Гердскольды — мстить за невернувшихся солдат, общим числом под три сотни человек, а господа со стороны Кемгербальда отреагировали на донесение неких ночных гостей о том, что Когдейр нарушил границу владений, переправив на их землю под тысячу солдат.

Ох, дела! Четыре сотни испуганных хозяев земли сошлись в битве под стенами Руаты с объединенными войсками из соседних баронств, так как ума сначала поговорить, а потом уже махать кулаками ни у кого не хватило. Ну да, не мне их судить, мне совершенно до них нет никакого дела. Четко печатая шаг, мы уходили, огибая стены замка, вниз по течению, особо не скрываясь, но и не собираясь участвовать в общей свалке. С нас хватит, мы свое отвоевали, пора и честь знать.

Да, последнюю партию разыграть было нелегко, здесь мне существенную помощь оказал мой старый знакомый Олаф фон Кемгербальд, самостоятельно вызвавшийся провести через свои земли войска Гердскольда, добавив к их стальному кулаку свои пограничные гарнизоны. Небескорыстно, естественно, но за вполне умеренную плату он согласился утереть нос Нуггету, которого откровенно побаивались все бароны графства Мирт, уж слишком он сильно нарастил мускулы за последнее время, а тут мало того что выгода, так еще и другу помог, плюс вроде как воинственного соседа поставил на место. Но с Гердскольдами, конечно, беда. Их откровенно обманывали со всех сторон, хоть и не собирались изначально вообще их каким-либо боком касаться, но вышло так, как вышло, и не мне жаловаться. С почтенными Гердскольдами разберусь позже, выплатив им какую-нибудь сумму отступных. В конце концов, что я сделал? Напугал их деда, который махал клюкой и бранился в той крепости, как последний сапожник, ну да, тридцать два стражника их замка еще упокоились, но ведь тот же Нуггет их под три сотни упокоил, да еще и сейчас под Руатой неизвестно сколько положит. Да, мне совестно, но, надо признаться, вышло все как нельзя кстати, а те же Гердскольды вполне могли сначала поговорить да узнать, что вообще происходит, а не лезть, размахивая саблями, в эту мясорубку, глядишь и не *(censored)* использовали бы их все кому не лень.

Легион из этой войны выходил прибарахлившись, что называется. Во-первых, мы теперь все ехали верхом, благодаря резерву Нуггета с его обозом, да не просто верхом, а еще каждый вел в поводу по три сменные лошадки, не говоря уже о том, что в этот раз три телеги, идущие с нами, были, правда, не с золотом, но груженные неплохой ковки оружием. Да, утянули арсенал из Руаты, да и с обоза самое лучшее сняли. Вообще, надо сказать, легиону срочно нужны стрелки. Эта война показала, что пилумы — это, конечно, хорошо, но против тех же лучников мы существенно проигрываем в точности и дистанции, а также в сумме нанесенного урона. Это я прочувствовал, когда мои солдаты стали отстреливаться с осажденной крепости, вооружившись луками пограничников, в избытке хранящимися в Руате. Ну да, это дела домашние, о них поговорим потом. Сейчас же мы шли вниз по реке, делая редкие привалы, лишь на второй день выйдя к следующему мосту, способному выдержать наши груженые телеги. Войну в этот день можно было считать оконченной, так как мы окончательно покинули землю Когдейра. Уходя все дальше и дальше в земли Кемгербальда, с которым у меня была договоренность о беспрепятственном проходе,

прямиком на юго-восток, где через две с половиной недели мы должны наконец-то войти в земли Рингмара, наш родной дом.

Путь неблизкий, но для меня такой долгожданный; эти без малого три месяца скитаний, брожений, сражений и ночевок под открытым небом порядком меня поизмотали. Все, чего хотелось, это тупо попасть наконец домой, вытянув ноги у камина, осознавая, что вся эта свистопляска окончена.

— Барон, разрешите обратиться? — К телеге, в которой я валялся, почитывая литературу, подъехал семьдесят третий, дожидаясь моего кивка. — Народ спрашивает, тут по пути будет небольшой городок Авен, нельзя ли нам там денечек… эм… ну…

— Цирк посмотреть? — пришел я ему на помощь, вспоминая наш путь к Кугермату.

— Ну да, — заулыбался он. — Цирк, стало быть, глянуть.

— Только если денек, и без всяких мордобоев, — кивнул я. — Война окончена, мы на территории друзей, смотри, под твою ответственность, если не уверен…

— Все будет прилично, барон! — сверкнул он глазами. — Если кому в морду, то только за дело, вы уж не серчайте!

— Ну так, значит, так. Денек на цирк — это ж святое дело солдату, — улыбнулся я.

— Во-во! — поддержал он, отъезжая от меня к своим, чтобы обрадовать народ.

Ради бога, пусть покуражатся, заслужили «душегубчики» мои, кровью своей заработали, хоть мне с ними не по пути, но на нормальной постели в каком-нибудь трактире отоспаться не помешает, в телеге оно тоже хорошо, да только спину ломит.

Авен, как и все зодчество местных реалий, выглядел чуть более чем уныло. Грязь, помои, серые камни и такие же серые люди, правда, побольше моего Касприва немного, ну да и мой городок теперь жемчужиной выглядит среди прочих равных.

На окраине нашли небольшой постоялый двор, где смогли худо-бедно разместить обоз и снять мне небольшую комнатку с матрасом, набитым соломой. Настоящие апартаменты для знатных людей, я даже заставил хозяина притащить в комнату здоровенную бадью с горячей водой, в которой полчаса отмокал, смывая с себя пот и грязь дорог. Блаженство, после водных процедур я себя ощущал свежим, словно заново родился. Шевелиться вообще было лень, так что после того как слуги унесли мою ванну, заказал себе еду в комнатушку, развалившись на кровати и открывая очередную страничку из многотомных трудов по магии из теперь уже моей библиотеки.

В дверь постучались, отвлекая меня от моего просвещения. Вообще-то, слуги бы уже вошли после стука, тут у них просто с

этим, значит, кто-то в гости пришел, раз стоит, мнется на пороге. Покряхтывая, отворил дверь, тут же роняя челюсть до земли. Весь проход от верха и до низа занимала фигура хорошо знакомого мне Герхарда Доу, улыбающегося плотоядной улыбкой хищника.

— Добрый день, барон! — сверкнул он глазами. Эх, надо совершенствовать следилку «Мака», не пробивающего своим ультразвуком стены, а то так ко мне сам Нуггет на порог заявится, а я не буду знать.

— Чтоб ты сдох, проклятый ублюдок! — Из-под руки здоровяка мага высунулась всклокоченная голова барона Когдейра с перекошенным от злости лицом. — Я вырву твое сердце голыми руками!

Вот те на! Я чуть на задницу не плюхнулся, увидев это чудо, пламенеющее гневом. Вот так ситуация! И куда теперь мне прикажете бежать?

— Так-с, — проскрипел старческий голос третьего посетителя, пока невидимого мне из-за мощной фигуры Доу. — Ну-ка, отошли оба, дедушка глянет, кто там такой выискался, обидел вас, немощных.

Немощный Герхард, словно танк, с трудом стал разворачиваться на пороге, ущемив не только в правах, но и физически злобного Нуггета. За ним стоял сухонький старичок с длинной, до пояса седой бородой.

— Здрасте, — ляпнул я первое, что пришло мне на ум.

— Здравствуй, здравствуй, — прокряхтел старик, войдя в комнату и потеснив в сторону меня. — Ты, я вижу, отобедать решил? Не пригласишь к столу?

— Отчего же, — немного собравшись с мыслями и видя, что меня пока не собираются убивать, осмелел я. — Буду только рад хорошей компании. Прошу вас, господа, заходите, сейчас слуг кликну, пусть еще блюда несут.

Пока суд да дело, перебрасывались незамысловатыми фразами со словоохотливым стариком и Доу, наблюдая за нервным тиком на лице Когдейра. Слуги внесли дополнительные стулья, вновь сервировали стол, периодически поднося новые блюда.

— Отдай деньги! — змеей прошипел барон, усаживаемый Герхардом за стол. — Убью!

— У меня, дорогой мой барон, лишних денег нет. — Я отсалютовал ему кружкой, в которой было налито разбавленное вино. — Впрочем, как я понимаю, теперь и у вас.

— Ты должен вернуть казну и все с приисков, — пробасил здоровяк, уплетая еду со своей тарелки.

Ну, в принципе, все понятно. Даже настигнув меня, застав

врасплох, они и пальцем меня не тронут, так как все, что есть в баронстве, вернее было, практически полностью покинуло либо покинет в ближайшее время их территорию. Даже дурак уже сложил бы два плюс два, уяснив, что Гарич два раза успеет уйти из-под их удара, прежде чем они хотя бы дойдут до места, где он был неделю назад. А что они хотели? Такова суровая правда жизни. Одно лишь непонятно, неужели они настолько наивны, рассчитывая пустым трепом меня запугать? Или же похищение будет?

— Кому я должен, я прощаю. — Я ел не спеша, с удовольствием наблюдая за злобой и ненавистью, источаемой своим разгромленным врагом. — Признаюсь, удивлен вашим появлением, а также вашей простотой и наивностью, с которой вы вдвигаете свои требования.

— Не спеши отказываться, сынок, — блеснул своим хитрым взглядом старик. — Мы, кстати, ведь еще не познакомились?

Я задумчиво окинул его взглядом с головы до ног, демонстративно и как бы оценивающе вскинув бровь.

— Ну что ж, Альфред Лин, надо полагать? — На лице старика, а также барона и Доу отобразилось удивление. — В самом деле, к кому вы еще могли бы обратиться за помощью, как не к защитнику?

Дальше ели в полной тишине, каждый при своих мыслях, лишь Нуггет сидел, стиснув зубы и сжимая в руках столовый нож, так что побелели костяшки на кулаке. Да уж, не ожидали они, что авторитетом защитника не смогут продавить свои требования. Все-таки прямой наместник короля.

— Мы можем еще как-то договориться? — Ого! Наконец-то хоть что-то здравое слетело с бледных губ барона. Может, он еще и не безнадежен?

— Мы можем все. — Я задумчиво уставился на маринованную луковицу, насаженную на вилку и вознесенную мной над столом а-ля «Бедный Йорик». — Вопрос лишь в том, а оно нам надо?

— Мне так точно, — буркнул, продолжая трапезу, здоровяк Герхард.

— Юноша, я ведь могу воспользоваться правом обратиться с личной просьбой к королю, — тихо так произнес Лин.

— Конечно, можете, а также это может сделать и уважаемый сэр Дако. — Я подмигнул ему заговорщицки. — А также защитник Кемгербальдов, не говоря уже о без вины виноватых Гердскольдах.

— Вы, я вижу, подготовились. — Старик уныло гонял в тарелке куриное крылышко. — Но я все равно рискну, мне

небезразлична судьба Когдейров.

— Знаю, знаю про ваше родство. — Я махнул рукой. — Все знаю и все понимаю. Только и вы должны понять, что убит барон Каливар — и это раз, уничтожена деревня Дальняя — и это два, пострадали люди в Каспривe — и это три. Ваш родственник несет за собой смерть, его амбиции настолько задевают интересы соседей, что они сами готовы ринуться на него, лишь щелкни пальцами.

— Вы сами ненавидите меня и презираете! — Нуггет стукнул кулаком по столу. — Все, где бы я ни появился, смеются надо мной! Кто за спиной, а кто, как твой покойный отец, в лицо, унижая меня прилюдно!

— Ты делаешь только хуже, немедленно закрой рот! — Лин с легкостью дотянулся до барона, отвесив ему звонкую пощечину. — Не позорь семью!

Ох, и неприятное это зрелище — так унизить парня, еще и передо мной. Терпеть не могу, когда старшие вот так поступают со своими детьми, отчитывая их прилюдно или браня последними словами. Учителя тоже мне выискались, да вас за такое самих пороть надо. На парня жалко было смотреть, может быть, если бы не такие вот учителя рядом, из него вырос бы совсем другой человек. Всю жизнь терпеть побои от папочки, теперь от этого великовозрастного деда, день за днем тяготиться грузом их мудрости, не находя выхода своим желаниям и амбициям. Да уж, жизни этого по большому счету еще совсем молодого паренька не позавидуешь.

— Ты и ты. — Я ткнул пальцем в Лина и Герхарда. — Вышли отсюда, с вами разговор окончен.

— Ты что себе позволяешь, щенок?! — Дед вскочил из-за стола, сжав кулаки. — Ты не забыл, с кем говоришь?!

— Послушай меня, защитник. — Я хмуро уставился на него. — Сейчас ты выйдешь отсюда и поедешь туда, где тебе предписано быть королем. Потому что ты для меня никто и звать тебя никак. Ты нарушил сейчас своим визитом больше законов, чем мы с Нуггетом, вместе взятые, потому будь так любезен, покинь помещение, а если хочешь потягаться, так учти, что вся операция произошла с негласного одобрения двух защитников.

Блеф, лицо истинного игрока в покер, в конце вскинутая бровь — все это возымело действие. Альфред Лин, прожигая меня взглядом, вышел из комнаты.

— Господин Герхард, вас также попрошу выйти и подождать своего нанимателя снаружи, — обратился я к здоровяку. — Слово дворянина, тут барону телохранитель не понадобится, мы будем говорить, война окончена.

Доу задумчиво смерил меня взглядом.

— А в тебе есть стержень, парень. — Он вытер руки прямо о скатерть, поднимаясь из-за стола. — Ну и яйца у тебя, конечно, стальные должны быть, чтоб в таком тоне говорить с защитником, любые другие оторвут и выкрутят, оглянуться не успеешь.

Мы остались вдвоем: я, хмурый с ленцой разбирающий куриную грудку с маринадом, и Нуггет, по лицу которого ручьями текли слезы, а на щеке все еще алел след от пощечины. Вот спрашивается, оно мне надо было влезать со своими заветами в этот храм тоски смертной? Еще и ругаться с этим дедом, который может меня по стенке щелчком пальца размазать. Тьфу на меня, какой я размазня. Вон враг сидит — повержен, сломлен, весь в слезах, а я что? По головке его буду гладить, мол, не переживай, мы тебе новую войну купим, что ты так расстраиваешься, следующая война обязательно будет еще лучше этой! Нашел тоже кого жалеть, он моего формального папочку на тот свет отправил, за что, конечно, не мешало бы руку пожать, но вот за Дальнюю как его простить? Как простить за старика Охту и бедную Ишу?

— Не реви. — Я налил в кружку разбавленное вино, подталкивая ее к нему. — Выпей, успокойся.

— Я не реву, — всхлипывая и утирая нос, сказал он, отпивая глоток.

Да уж, угораздило же паренька родиться в семейке извергов с такой комплекцией и натурой. Небольшого росточка, с правильными, немного женственными чертами лица. А руки? Руки маленькие, пальцы подвижные, словно у музыканта. Да уж, ему не на коне скакать с шашкой наголо, а на балу стихи дамам читать нужно, и голос тихий, не командный, нет, определенно этому парню нужно было родиться девочкой. Была же у него сестра, та, с которой его оборотни перепутали, что немудрено с такой мордочкой.

— Успокоился? — Я откинулся на спинку стула, вперив взгляд в потолок.

— Я и был спокоен, — все еще шмыгая носом, ответил он.

— Хорошо. Значит, будем разговаривать. — Поднявшись из-за стола, вышел в коридор, где дал заказ слугам принести чаю. — Ты мне вот что скажи: за что всю мою деревню вырезали, когда на Каливара шли?

— Пикты-то были, не мои люди. — Он, потупившись, опустил голову. — Мы даже не знали, я в это время лучников с пехотой лесом вел в засаду на барона.

— А в Касприв зачем пиктов отправил? — Мы немного помолчали, дождавшись, когда уйдет слуга, принесший нам

терпкий отвар трав.

— У меня среди их племен люди есть свои. — Он с интересом, совершенно без злобы стал на меня смотреть. — Они дали весточку, что один из их морских ярлов в поход идет и, скорей всего, мою границу грабить будут. Вот я и решил перенаправить удар, немного, конечно, доплатив этим разбойникам. Все равно ты маг, проредил бы их ряды в любом случае.

— А три сотни бойцов зачем у границы поставил? — Я маленькими глоточками отпивал горячий напиток.

— Ну ясно же, что мстить станешь. — Он виновато пожал плечами. — Кто ж знал, что с таким размахом?

— В Роне тогда зачем злорадствовать приходил? — Попивая местный чай, вдруг осознал, что здесь-то еще нет сахара! Вот еще один бизнес-проект вырисовывается.

— Запугать хотел. — Он покраснел и замялся, не зная, куда деть руки. — Все надо мной смеются, а я подумал, что хоть тебя запугаю, чтоб в будущем не лез ко мне.

— Ясно. — Я выбил дробь пальцами по столу. — Деньги-то тебе сейчас зачем?

— К-к-как это зачем? — Он аж поперхнулся чаем. — Это же деньги!

— Понятно, что не говняшки куриные, я тебя спрашиваю, зачем именно сейчас ты столько суеты развел? По сути что я у тебя забрал? — Для более доверительной беседы я пересел к нему поближе, чем неожиданно вызвал целую бурю эмоций — от смущения до испуга. — Ты с управляющими-то успел поговорить?

— Нет, не успел. — Он и вправду, словно девица, залился румянцем и захлопал ресницами.

— Ну так я тебе скажу. — Я подлил ему в кружку еще чаю. — Первое — это деньги, которые лежали в казне и нигде не использовались, а второе — это вообще не деньги.

— Как это не деньги?! — вскинул он брови.

— Вот так и не деньги. — Я наставительно поднял палец. — Это золото, которое только-только намыли, а его еще предстоит очистить, переплавить, а уж потом превратить в деньги. Так что по сути я избавил тебя от ненужного.

— Да что ты такое говоришь?! — Он смотрел на меня как на умалишенного.

— Ну сам посуди: казна лежит, и ты с нее уже ничего не берешь, а с золота еще не берешь. Понимаешь? — Я развел руками. — Так что я определенно не вижу смысла в такой панике, что вы тут со своим защитником устроили. Да, в следующем году по весне придется тебе сбавить обороты с армией, распустив

половину, но это лишь тебе на пользу, я уже говорил и повторю: такая сила не останется безнаказанной, мало того что до короля дойдет, так еще и соседи ополчатся.

— Но мне же… как же… я же… — Он растерялся, не в силах подобрать слова. — Это же, в конце концов, просто мое!

— Ну знаешь ли, я тоже деньги не из воздуха беру, а ты, между прочим, деревню уничтожил, и полгорода по твоей вине разрушено. — Про то, что убытки в основном из-за торнадо, естественно, говорить не стал. — Так что будем считать, что ты у меня за это прощения попросил, презентовав некую сумму на восстановление.

— Да за такие деньжищи три таких города можно построить и под сотню деревень!

— Так, ты вот давай не мелочись, между прочим, ты мне еще папеньку на тот свет отправил! — решительно начал я торговаться, вскинув бровь.

В общем и целом, к концу вечера мы хоть и не стали приятелями, но по крайней мере лед между нами растаял. Думаю, сам Нуггет в принципе неплохой парень, диковат, правда, и нелюдим, но вполне адекватен и не сразу, но идет на общение, если на него не давить и не затрагивать его разбухшее эго, сформировавшееся из-за воспитания горе-родителей.

К концу дня мы еще раз встретились, отужинав в общем зале постоялого двора с вновь присоединившимися к нам Герхардом Доу и стариком Лином. Надо отдать должное старому защитнику — он больше не лез с нравоучениями, вполне мило и адекватно ведя себя за столом. С самим Нуггетом мы договорились о встрече в моем Лисьем замке, куда я его пригласил в гости, но чуть попозже. Он пока оставался здесь, дожидаясь своего управляющего делами баронства, чтоб более конкретно вести со мной диалог о компенсации моих трат на войну и о возврате части стоимости трофеев, а именно казны и золота, которое экспроприировал капитан Гарич. Ну да ради бога, все равно моей целью было не обогащение и с меня не убудет, к тому же сквайр Энтеми, мой управляющий, сможет мне выбить ряд бумаг с подсчетами и растратами, по которым, думаю, я порядочно нагрею Когдейра. Главное здесь не деньги, а политика. Ведь свой статус человека, на которого лучше не замахиваться, я более чем веско аргументировал, пройдясь армейским сапогом по земле соседа вдоль и поперек. Думаю, впредь этой записи в резюме мне хватит, для того чтобы отвадить от себя жадных до поживы соседей, а уж наладить мир с позиции своей силы мне и подавно не составит труда.

Вечер закончился на вполне дружелюбных нотках, лишь под

конец, выдав мне маленький секрет, а именно — неприметную фигуру одного из постояльцев двора, кутавшуюся в капюшон плаща в одном из дальних темных углов зала. Уже поднимаясь к себе в комнату, я скользнул по открывшемуся вроде как случайно лицу незнакомца взглядом, тут же ловя всколыхнувшееся на адреналине сердце. Это был Леофоль, защитник со стороны эльфов, собственной персоной. От удивления я запнулся на лестнице. Ничего себе! Как я мог его не увидеть раньше? Как его мог не увидеть «Мак»? Я быстро вывел «следилку» компьютера, проверяя его исправность. Черт! Все было в норме, кроме того, что эльф на карте, даже маркированный мной, не высвечивался. Этот маг блокировал мою поисковую систему! Но как? Пока я пытался привести свои чувства в порядок, Леофоль, кивнув мне на прощание, вышел прочь, оставив между нами на будущее еще кучу вопросов.

* * *

Две недели пути пролетели как один день, растянувшись в ленту дороги, шли ходко, конным ходом отмеряя и оставляя за спиной километры пути. Пока хорошо, пока еще не осень, хоть уже и не полноценное лето, но без дождей и с полуденным жаром, пусть временами на ночных стоянках мы ощутимо промерзали.

Народ пересекал границу Рингмара с криками радости и похлопываниями друг друга по плечам и спине. Все же душегубы, а ничто человеческое им не чуждо. Радовались, что живые, радовались, что вернулись, радовались, что все позади. А уж я как радовался на третий день ходу, высмотрев наконец стены родного Лисьего, так вообще не передать. Ох, и соскучился я по дому, по знакомым и родным лицам, по ребятне и даже старому ворчуну Дако. Девчонки вымахали за лето, загорели, рыжульки Кемгербальдовы так еще и конопушками покрылись, моя маленькая Пестик-Ви уже превратилась в болтушку, правда, еще немного коверкала слова, а Герман хвастался своими уловами, расстраиваясь, что не хватает длины рук, чтобы передать истинные размеры пойманных кашалотов.

Как же хорошо было дома прижиматься к груди графини и баронессы! Нет, дома оно, конечно, и так хорошо, но вот прижиматься было особенно здорово. Прибыла и уже успела преобразиться Лора со своими дочками Пенкой и Молочком (ну не помню я их настоящих заковырок-имен), да уж, теперь это не лесная волчица, живущая на отшибе в жалкой лачуге, теперь это

вновь баронесса Лорейн фон Пикскварр со своими умницами дочками. Надо будет сквайру Энтеми руку пожать и как-то отблагодарить. Сквайр не стал скупиться, приютив моих гостей, что называется, по первому классу, выделив лучших портных для комплектации гардероба как самой баронессы, так и ее юных прелестниц.

— Ну иди, иди сюда, победитель. — Сэр Дако, смущаясь не меньше моего, прилюдно заключил меня в объятия, похлопав по спине. — Поздравляю, сынок.

Вы не представляете, какое это блаженство — принять наконец-то полноценную ванну и отдраить себя до скрипа душистым куском мыла. Это почти как к груди прижиматься, от избытка чувств и хорошего настроения пел самозабвенно, чем несказанно потешал людей, оглашая своими воплями стены замка.

Но были, конечно, и не самые лучшие встречи. Испытывая определенную толику угрызений совести, проведал графа Десмоса, уже пришедшего в сознание, но еще далекого от поправки. Да уж, не может небо постоянно быть безоблачно-голубым, где-то и когда-то обязательно прибегут серые тучки.

Никаких дел, бумаг, беготни и суеты. У меня недельный отпуск, в связи с предстоящей суетой урегулирования последствий войны. Еще в пути и не вернулся Гарич, еще не прибыл Нуггет со своим управляющим, а мои письма Олафу Кемгербальду и Гердскольдам не дошли до адресатов. Все это еще предстоит связать воедино, сглаживая острые углы и выстраивая политику партии на ближайшую пятилетку, так как война — это не конец, война — это новый виток жизни, после которого предстоит строить все снова, по крупицам собирая все то, что успели разбросать.

Пока отдых и рыбалка, рыбалка и отдых, тишина, покой и то блаженное медитативное состояние ничегонеделанья, когда душа отрывается от тела, уносясь на просторы нирваны, оставляя пустой сосуд, который наполняется покоем реки, красотой небесного светила, поземкой тумана и тихим шелестом прибрежного всплеска воды. Все это делает тебя невообразимо прекрасным и возвышенным существом, этаким воплощением Будды, который прижался к груди… Вот опять куда-то меня не туда завернуло. Видать, взрослеет тело.

Ну да, радость сейчас другая, ведь с первым ночным понижением температуры в каждом приличном водоеме начинается сезон большой охоты, или, по-народному, «жор». С этого времени и до первого ломкого стекла льда на воде хищная рыба активируется после сытного лета, пытаясь как следует

отъесться еще не уснувшей и нагулявшей жирок мирной рыбки. А уж задача рыболова в это время — не прощелкать, выходя на протоки и течение, соблазнять обманками янтарно-зеленых, мощных, полированных щук либо же алокрылых шипастых окуней-разбойников, а уж если найдешь волшебную ямку, то и царя преступного мира хищных рыб, судака, чьи «щечки» в свое время ценились в царской России дороже икры осетровой.

Нет, вру, конечно, царь у них там другой, но его время уже на исходе, сомы уже отходить потихонечку начинают на покой, ну да мне до этих великанов дела нет, идет «жор», а значит, размена не будет.

Ну слабость это моя, мой «бзик» и моя страсть, что ж тут поделать? Каждому свое, а вот мне в душу запало это дело. В ущерб учебе, бизнесу и времени, которое я мог бы провести с близкими, я долгой зимой пытал ювелиров, которые по моим эскизам, а также благодаря раздражающему дыханию в затылок, так как я постоянно нависал над ними, сделали мне комплект блесен, разновесовых, простецких колебалочек, а также эксцентриков, известных как «кастмастер», ничего сверхумного, ничего затейливого, все просто и испытано столетиями. Правда, для ухищрения проводки пришлось долго ломать голову над катушкой, вспоминая адские доисторические и до боли в одном месте знакомые кругляши советского производства «Нивы».

Когда и где впервые появился спиннинг, неизвестно, но спиннинговая снасть предполагает наличие катушки. Без нее нет и не может быть спиннинга. Будучи человеком от природы любознательным, в свое время я пытался провести для себя небольшой экскурс в прошлое, обнаружив первое упоминание этого вида рыбной ловли аж в начале XIII века (1190–1227 гг.), там какой-то старый китаец изобразил на старой китайской картине старого китайца. Тот китаец, который Ма Юань, был художником, правда, при виде того, что он изобразил, я долго чесал темечко, пытаясь понять по азимутам, данным знающими людьми, какая из кракозябр — старый китаец со старокитайским спиннингом.

Запутанно? Ну да ладно, с китайцев не убудет, а вот я долго мучился, проходя путь первооткрывателей, экспериментируя с деревом, костью, рогом, чередуя все это с медью и бронзой. В конце мучений выдавая ряд катушек своей сборки, каждая весом килограмма под полтора. Что поделать, высокие технологии.

Вам, понятное дело, дела нет до всех этих рыболовных утех, да я бы не рассказывал, если б не странный случай, произошедший уже под вечер последнего дня недели.

— Улич, щупак за локоть, берем?

Мы с Германом качались в маленькой лодочке, уже немного подуставшие в лучах заходящего солнца.

— Не, отпускай. — Я глянул на щучку, выуженную им, выважива примерно такую же к деревянному борту. — Таких уже под три десятка набили, да и поднадоела щука, на «горбачей» бы нарваться, как позавчера.

— Это да, — вздохнул он. — Позавчера чудо была, а не рыбалка, таких здоровяков я в жизни не видел.

— Хе-хе, — посмеялся я. — Теперь в воду без штанов, поди, страшно лезть? А вдруг червячка твоего откусят?

— Хых, — улыбнулся он. — Да уж, повезло нам на них выйти, матерые ребята были.

— Что, домой идем или для затравочки под интерес еще покидаем?

— Улов был богатым, так что сегодня уже больше брать смысла не было.

— Давай посидим, — как-то печально произнес он.

— Ты что куксишься? — спросил я.

— Да так, — попытался отмахнуться он.

— Нет, уж ты расскажи. — Я отпустил свою щучку, понаблюдав, как она на прощание махнула мне хвостиком.

— Мужиков нам с тобой надо, — молвил сей отрок, разрывая шаблоны и заставляя меня всеми силами собраться и не подумать сдуру чего неприличного.

— Ну-ка, парень, соберись и сформулируй мысль немного по-другому, пока я тебя из лодки не вытолкнул. — Я, конечно, ничего «такого-этакого» не подумал, но тылы лучше беречь смолоду.

— А что я такого сказал? — Он удивленно заморгал глазами.

— Ну знаешь ли… — засмущался я. — Ты давай мысль развивай, а я послушаю.

— Да девки замордовали! Их в Лисьем целое море! — с жаром начал он свою печальную историю.

Знаете, когда приходишь к кому-нибудь в гости, а там девочки у них подрастают, так вот кошка в такой семье обязательно будет ходить по дому с накрашенными когтями, с мордой в губной помаде и в каком-нибудь платочке или бантике. Вот так вот и у меня получилось. Герман для девчат был той самой кошкой, с которой они игрались днями напролет, всячески строя его на свой лад. А зная немного флегматичного и умиротворенного Германа, могу предположить, что он даже убежать от их кипучей натуры не в состоянии. Это все равно что убегающую и несущуюся на всех парах черепашку отловить.

— Улич, ты или отправь меня куда, или еще мужиков набери,

чтоб я не один с ними мучился! — закончил он свою печальную историю. — А то кругом, куда ни кинь, везде они!

— Ну ты вон на рыбалку-то сам ходишь, — попытался его успокоить я.

— Так и здесь же они! — топнул он ногой, заставив опасно накрениться лодку.

— Да где ты их тут видишь? — Улыбнулся я. — Уже неделю как с утра уходим, к вечеру лишь приползаем.

— А навки? Ты их что, не считаешь? — Как-то опасливо произнес он, озираясь по сторонам. — С твоим приходом их меньше стало, а вот до того одна даже удочку у меня украла!

— Это еще кто такие, Герыч? Кто тут еще до тебя домогается, покоритель ты этакий женских сердец? — Я уселся на лавочку, сматывая свою снасть.

— Да ну тебя! — надулся он. — Вон та наглая, что сперла снасть, уже полдня на нас пялится, а ты как будто и не видишь!

— Чего? — Удивлению моему не было предела. — Какие навки? Кто тут за нами наблюдает?

— Ну вон же, вон! — Он показал куда-то перед собой, где ничего не было видно.

— Ну-ка, посторонись, дай глянуть. — Мы, балансируя руками, медленно поменялись местами, чтобы я смог рассмотреть таинственных наблюдателей. — Да тише ты! Держись! Лодку не переверни.

После этого акробатического номера я с носа утлой лодчонки стал в вечерних сумерках осматривать берег.

— Ох ты ж елки-моталки! — воскликнул я, заметив метрах в пятидесяти выше на берегу женщину. Голую. — И давно ты ее наблюдаешь?

— Ну с полдня где-то, — задумчиво пожал он плечами.

— А мне почему не сказал?! — заорал я. — Я тут, как дурак, целый день эту рыбу таскаю, а там такое!

— Чего такого-то? — захлопал он ресницами.

— Как чего?! — страшным шепотом зашипел я. — Она ж голая!

— Да пусть хоть в бобровой шапке. — Герман насупился. — Толку-то? Она ж все равно рыба рыбой.

— Сам ты рыба рыбой! — Я сурово поджал губы, вновь поворачиваясь к кхм… в общем, туда. — Выдумаешь еще такое…

Ого! А ведь и действительно! У прекрасной мадемуазель, расположившейся на небольшом плесе, только торс был человеческим. От удивления и осознания этого факта я даже онемел на мгновение. Самая настоящая русалка! Вот это да, вот это номер, эльфы, гномы, орки, всякие там вампиры с этими

самыми, как их там, оборотнями — все это ерунда на постном масле! А вот это, я вам скажу, шедевр и воплощение мечты моей! Вот тебе хочешь — женщина, а поверни другим концом — улов для рыбака знатный. В общем, заверните мне две… нет, три… а ладно, беру все, что есть!

— Ну как? — ехидно так осведомился он, видя мой ступор.

— Живородящие. — Самое умное, что я смог придумать.

— Что это значит? — опешил он.

— Значит, икры не будет, сиси видишь? — Я даже спиной ощутил, как он краснеет и смущается. Да уж, там было от чего смутиться, хочу вам сказать. — Раз есть сиси, значит, не будет яйца откладывать, сразу детеныша выдаст.

— Ну ты это… того… — На него смотреть было жалко, в такую степень смущения его, наверно, даже мои девчонки не вгоняли, когда при нем наряды беспардонно меняли, крутясь у зеркала. — Что-то и вправду темнеет быстро, давай домой, наверно?

— Ага, сейчас пойдем, — вздохнул я. — Дай еще пять минут на… закат… полюбоваться.

— Тогда подвинься. — Опять размахивая руками и балансируя, чтоб не свалиться с лодки, потихонечку пристроился рядом. — Дай тоже на закат полюбоваться.

В общем, вот такие чудеса иногда происходят на рыбалке, закаты тут ого-го, понимаешь. Неделя пролетела быстро, и хочешь не хочешь, а в дела пришлось впрягаться, разгребая ворох бумаги, что заботливо мне принес сквайр, поджидая меня для сведения всего этого воедино.

Сам сквайр Энтеми улизнул от этой рутины и с блеском в глазах убежал купаться в золоте, как Скрудж Мак-Дак из небезызвестного мультфильма. Благо объем захваченной казны Когдейра это позволял. С трофеями возня еще предстоит будь здоров, особенно с чистым золотом, что на следующей неделе должен доставить капитан. Его операция прошла на ура, он, словно ледокол, смел все преграды, практически не встретив сопротивления, выгрызая из плоти барона Нуггета еще один жирный кусок.

Эх, дела мои делишки, надо похвалить себя любимого, толстею я и богатею, правда, с пустыми карманами, ни одна копеечка пока не ложится мертвым грузом в казну, все в раскрутке и обороте. А кое-что даже мимо кассы тут же уходит на уплату долгов. Заводики мои тихо-мирно загрязняют атмосферу этого мира, принося плоды цивилизации и осчастливливая человечество, ну и меня любимого. Кто бы мог подумать, что зубной порошок, щетки для зубов, расчески, мыло и дешевое

шаблонное нательное белье смогут вывести меня на такие баснословные суммы, благодаря которым я смог развернуть уже десяток кузниц, выплавляя металл-сырец. Гномы в свою очередь в своих горнах пережигали и переминали его в качественную сталь для нужд баронства и производственных мощностей.

Востребовано было все, чего ни коснись, а производство стекла и зеркал просто пугало меня суммами, приходящими с продаж. Но все в дело, все в бизнес и раскрутку, рано, пока рано почивать на лаврах, предаваясь неге и безделью. Нет, можно было бы и остановиться, мне для счастья мало надо, уже до конца дней моих хватит, но нельзя. Не могу, слишком много хочу исправить по своему разумению, так как не приемлю того, что есть, и знаю, как оно может быть.

Ну не понимаю, как можно позволять людям умирать с голоду либо же тупо околеть на морозе. Как можно прозябать в такой серой беспросветности и безграмотности? Грязь, болезни — все это заставляло меня морщиться каждый раз, выглядывая в окна своего замка. Мне в начале года пришлось даже указ по баронству выпустить, столкнувшись лбом с местными светилами от медицинской науки. Вы не поверите, но тут очень распространена теория, что мыться категорически нельзя. По их представлению, рождаясь, человек от матери получает на тело этакую защитную пленку, и, соответственно, смывать ее нельзя, она и так очень хрупкая, собственно весь процесс старения, согласно их взглядам, не что иное, как стирание этой пленки. Да уж, наслушался я тут теорий, хорошо, что не додумались дырки в черепе сверлить при головной боли, чтоб какого-нибудь демона прогнать из головы. Я же законом приказал гнать грязных людей из селений и города, а приверженцев подобных вышеописанных учений при поимке и обнаружении пороть розгами до полного просветления сознания. Ну а что делать? Мне тут для полного счастья еще холеры с чумой бубонной не хватало.

Надо сказать, что этот указ чуть не лишил меня большей половины жителей моих земель, я, словно князь Владимир Ясно Солнышко при крещении Руси, макал этих чумазых варваров в воду, и, как Петруччо-реформатор, рубил бороды этим ортодоксам. Да уж, если б не старый добрый закованный в сталь кулак гвардейцев, даже не знаю, как бы справился.

В Лисьем меж тем подобрался уже проверенный контингент лаборантов из местных тетушек-травниц, бабок-повитух и знахарок, в общем, весь цвет современной медицины, исправно эксплуатирующий мою лабораторию, выводя на поток рецептуру одобренных мной лекарств, настоев и выжимок.

Что я выпускал? Да, собственно, немного, по моим

представлениям, но и немало в масштабах этой дикости. В основном противовоспалительное, различные грудные сборы, которые смог вспомнить. Даже ряд выжимок, которые в малой степени купировали нейроны в нервных окончаниях, притупляя боль. В общем, не бог весть что, но по крайней мере от гриппа и температуры у меня уже не помрут. Тут вообще печальная статистика, как таковой переписи населения, а также возрастосчисления не ведется, но то, что зафиксировали по прошедшей зиме, было из рук вон плохо. Тут вообще, как правило, дети, родившиеся зимой, не жильцы. Этакий казус, так сказать, не повезло, вот если бы баба-дура подождала до лета, то да, а так, мол, сама виновата, нечего в снегу рожать. Меня тут как-то один из каспривских купцов в дом зазвал, с семьей знакомил, так у него два сына, первого зовут Панер, а второго знаете как? Ага, тоже Панер, второй зимой родился, думали, по-любому околеет, вот и не стали мудрить с именем, а он возьми и не помри. Вот смеху было, словами не передать.

Касприв же расцветал, тут прям глаз уже местами радоваться начинал, особенно ночью, когда все было скрыто под покровом снега. Всю весну и лето заключенные и жители города в добровольно-принудительном порядке перекапывали у меня улицы, выводя дренажи, сливы и дождеприемники, отводным каналом выводя все на отстойные ямы за городской чертой. Тут не просто пришлось траншеи копать, а и еще камнем все это дело выкладывать во избежание вымывания грунта, да и дороги внутригородские облагораживать. Хых, матушку Россию вспомнил, когда в центре города из лужи достали целую телегу, затонувшую в ней в незапамятном году. Хороший городок получится лет через пять, а уж когда в силу пойдет проект нового квартала с Нижним Городом, который будет передан в вотчину гномов, так вообще красота. Там, правда, пока посмотреть не на что, в этом году, похоже, даже с землей не закончат, под фундаменты, так как из-за того, что в каких-то считанных метрах уже река, все котлованы буквально за два-три дня наполнялись водой, которую по полдня приходилось перекачивать ручными помпами, теряя драгоценное время. Впрочем, как уверили меня гномы, все идет по ожидаемому пути, пока ничего экстраординарного. Им в этом году главное выбрать больше грунта, давая просадку на основную массу по площади, а вода сама утрамбует, делая пробку из отложений и вымытых твердых частиц. К тому же почти закончены водосборные ямы, которые часть грунтовых вод будут оттягивать на себя, а уже с весны начнется закладка каменного подземного русла для скапливающейся воды. В общем, раз эти бородачи спокойны,

значит, и мне переживать не о чем, тут из моих задумок лишь десятиэтажка будет, ее выборка грунта под фундамент в этом году точно закончится, так что со следующего года уже можно будет начинать закладывать подвальный этаж да опорные блоки. Это поистине глобальный размах в строительстве, такого тут не делали и, наверно, еще не скоро смогут сотворить. Не панельный, конечно, из плит, но каркасно-блочный с закладкой несущих и наружных стен кирпичом, думаю, потяну. Благодаря гномам даже прокат арматуры наладили из их прочной стали, так что, думаю, бояться нечего, они же и свою смесь бетонную под раствор предложили, схожую практически один в один с прародителем нашего цемента, портлендским раствором, на котором до сих пор стоит старый Лондон, омываемый старушкой Темзой.

Со временем все будет, со временем, лишь бы со всеми этими протуберанцами и поворотами жизни увидеть все это своими глазами да потрогать руками. Работы непочатый край. Пыхтит народ, работает, развивается, не без ошибок, конечно, не с легкостью, но явно с интересом, причем не только каким-то иллюзорным внутренним, а с вполне себе «шкурным». Потому что я плачу, я кормлю, я одеваю и не даю в обиду, что в современных реалиях неслыханная благодетель для аристократа, местечкового царька. Тут даже народ стал добровольно проситься в легион, узнав об их преференциях, стража и гвардейцы просили командиров поговорить со мной о переводе их под знамя легиона, ну да этого я совершенно точно делать не буду. Легион — это инструмент, причем такой, об который можно порезаться, и о его будущем мне еще предстоит договариваться в скором времени с вышестоящими инстанциями. А вот с местной стражей, выполняющей функцию полиции, придется что-то решать, причем в ближайшее время, так как их доблесть и отвага, проявленная при грабеже пиктами моего города, до сих пор заставляла меня стиснуть от злости зубы. Ну да это пока все в проекте, вот зимой свободного времени много, сяду и вспомню знаменитые слова первого императора Белоруссии, который по телевидению в свое время сказал, что он «перетрахивал свой правительственный аппарат, перетрахивает его и будет перетрахивать впредь».

Но, конечно же, гордостью моей стал легион, из-за которого столько разговоров. Возвратившиеся с войны солдаты получили все до последнего сержантские нашивки, принимая под свое командование уже поджидающее их пополнение. Ни много ни мало, а теперь в новеньком, отстроившемся учебном корпусе, а не в палатках, как до этого, у меня было размещено сто семьдесят человек, из которых, с учетом постепенно приходящих в себя раненых, в реальных боевых действиях побывало шестьдесят,

бойцов. Неплохо, совсем неплохо, я думаю. Сам корпус легиона все еще строился, но имеющийся состав к этому времени вполне себе комфортно размещался в трех казармах, которые успели закончить за лето до сезона осенних дождей. В главном корпусе, где еще шла полным ходом внутренняя отделка, сданы шесть учебных кабинетов, закрытый зимний спортзал, а также банный корпус и кухня с тремя столовыми, все это уже сдано и служит по назначению. Да, а семьдесят третий стал капитаном и первым начальником всего учебного корпуса, молодец, злыдень, с его хваткой в управлении людьми и страшнющей мордой другого кандидата не найти. У меня лежало его дело, где содержалось его жизнеописание, но я не стал смотреть, уж слишком он хорош на этом месте, а узнав о его грехе, не знаю, смогу ли руку ему протянуть. Ну не верится мне, что он просто сотовые телефоны у малолеток отжимал, явно зверюга матерая.

Время в делах и хлопотах летит незаметно, вернулось с победой мое воинство под предводительством Гарича, сияющего, как привезенный им презренный металл, и гордого, оттого что чисто выполнил свою миссию. Хороший мужик, действительно солдат до мозга костей, живет своим делом, переживая за выполнение задач. Я хотел ему дать титул лэра за труды его тяжкие, но сквайр сказал, что мой диковатый капитан вообще-то сэр, потомственный дворянин, сын рыцаря. Вот такие дела, ну да оно и понятно, мы привыкли, вернее, создали стереотип, что аристократы — это больные, утонченные, ни на что не годные создания, забывая, что славу их фамилий начинали вот такие угрюмые, деловитые личности, которые вполне и по сусалам могут зарядить сгоряча. Но на этом удивление не окончилось, капитан моей гвардии Гарич был не кем иным, как наследником рода Ол'Рок. Кто это? Напомню, получается, его папенька был тем самым Шерманом Ол’Роком, командором ордена бестиаров, что упокоил Мектийского лютня, мужа баронессы Лорейн фон Пикскварр, проживающей в данный момент у меня вместе с двумя своими дочерьми. Вот же незадача, тут прямо мексиканский сериал у меня под боком получается, лишь бы волчицы не прознали, да и как Гарич, узнав это, поведет себя, еще большой вопрос, хочу я вам сказать.

Ну и наконец, стали собираться власть имущие, вершители судеб этой оконечности мира с его окраин. Первым, как ни странно, прибыл Олаф Кемгербальд со своей женой баронессой Роу, женщиной такой хрупкой и миниатюрной, что диву даешься, как она смогла выносить под сердцем аж пять огненно-рыжих комочков визжащего счастья, облепивших своих родителей с ног до головы, чуть ли не сбивая их с ног. Приятные люди, улыбчивые

и, похоже, искренне счастливые в своем браке, пусть небо им подарит еще тысячу лет жизни, что в этом, что в другом мире, такое нужно ценить и уважать. С ними же прибыли Рамус и Трим Гердскольды, красавцы мужчины, тут же взятые на прицел девчатами из моей банды, с ними приехал защитник Руперт Нонстог, седобородый старик, слепленный по образу и подобию моего сэра Дако. Ну и последним к нам с опозданием присоединился зловредный Альфред Лин, прибывший вместе с Нуггетом и Герхардом Доу, а также леди Нимноу, сухая высокая женщина с пронзительным взглядом, которая и была управляющим делами Когдейров.

Все в сборе, заседание можно считать открытым.

* * *

С Гердскольдами пришлось повозиться, если их защитника взял на себя Дако, по-свойски навешивая ему лапши на уши, то мне достались два брата, пылающие праведным гневом и толком не понимающие, как так вышло, что они приняли участие в чужой войне. Они то на Нуггета переключали свой праведный гнев, то на меня, а в сумме могли реально остаться с носом при дележке слонов, так как по большому счету что Когдейру, что мне было плевать на их трудности с высокой колокольни. Нуггет спокойно тыкал им в лицо незаконным перемещением вражеских войск по своей территории, чуть ли не напрямую заявляя, что вы, мол, парни еще мне должны будете, а я разводил руками и пожимал плечами, мол, крепость не грабили, так, немножко похулиганили, а войска ваши вон тот товарищ разгромил, мы в это время в кустах сидели, а потом еще ваших раненых перевязывали, за что, наверно, неплохо бы и отблагодарить.

— Да вы вообще, что ли, совести не имеете?! — вступился за своих подопечных Нонстог, стукая сердито кулаком по столу. — Использовали нас в своих разборках, а теперь в сторону?

Первым, конечно, сдался я, так как, по совести говоря, они и вправду не только из-за своей глупости имеют бледный вид, но и из-за глупости еще кое-кого. Совестно было, посему я, ничтоже сумняшеся, легкой рукой из захваченной казны Когдейра выплатил в фонд помощи обиженных и обездоленных две тысячи золотых монет, отчего Нуггет побледнел, а его управляющая леди Нимноу сломала в руке перо для письма, видимо, представив себе, что в ее руке сейчас находится моя шея. Милая тетенька, дралась, как берсерк, за каждый грошик, не собираясь отступать ни перед какими доводами, добившись в конце концов того, что я ее банально сбагрил Энтеми, так как только он в состоянии противостоять этому титану экономики.

Олаф Кемгербальд не просил ничего, они с Нуггетом постреляли друг в друга глазками, с ходу подмахнув мировую, отказываясь от взаимных претензий. Так что по большому счету деловой разговор остался незаконченным лишь между Рингмаром и Когдейром. Хоть между нами уже и был диалог, но все равно спешить не стоит, сквайр все еще готовит расходы, а леди Нимноу пока придерживает свои выписки при себе, не желая сразу выкладывать все козыри на стол. Мне же, с одной стороны, было вроде как и все равно, но с другой — подобное вливание в экономику моих земель — это скачок в будущее на пару лет

вперед. Так что отдавать награбленное нельзя, хоть и совестно.

Рамус и Трим, сграбастав компенсацию от меня, всецело переключились на Нуггета, постепенно сдающего свои позиции, братья расположились у меня в гостях с комфортом и с удовольствием предавались неге. А именно — настоящей финской бане, организованной в Лисьем. Это нововведение пришлось господам по вкусу, особенно с пивом и вяленой рыбкой, которые я поставлял им щедрой рукой, с удовольствием разделяя их радость. В этом вопросе я не патриот матушки России, за годы своей жизни, немного крутанувшись по свету, душа моя всецело прикипела к финской парилке, отметая все традиции и гламур. В Стамбуле пробовал как-то их знаменитые мраморные банные плиты, скажу я вам, это баловство чистой воды. Заходишь, вроде тепленько, ложишься, тебя мнут и вертят, а уже через пять минут понимаешь: жарку бы, жарку сюда, а то что-то на этом мраморе ноги мерзнут, ну сами подумайте, что за баня, куда в носках надо ходить? А в русской бане меня смущают все эти игрища с вениками, все это садо-мазо и куча голых мужиков, не привык я, когда надо мной кто-то постоянно лазает в ванной и трясет пиписькой, как-то это не располагает к расслаблению. Но вот финскую парилочку я возлюбил всей душой, ах, красота! Ну, во-первых, я вам как медик скажу, сухой жар с частым вдыханием носом — потрясающая вещь, получше любых ингаляционных аппаратов. Ваш *sinus paranasales,* носовые пазухи, вам спасибо скажут. Во-вторых, ваш эпидермис, то бишь кожа, сама без принудиловки и поколачивания вениками, начинает транспортировать кровь, а также без мыльно-щелочных растворов открывает поры, просто и без насилия выводя избыток воды из организма. В-третьих, это кайф от того, как дышит в жаре лес, дерево отделки выделяет в воздух ферменты остаточных масел, ну а если на раскаленные камешки еще плеснуть толкового ячменного пивка — ох лепота!

Гердскольды оказались с пониманием, лбы здоровые, иной раз так наплещут в парилочке на камни, что я выскакиваю с глазами навыкате, плюхаясь в бассейн, чувствуя, как от контраста волосы на голове шевелятся. А эти кони ржут только да пиво ведерками наяривают. Хорошие ребята. Мы с ними успели о многом поболтать, бесхитростные, простодушные, где-то даже наивные, но хорошие люди. Странно только поведение Нуггета, сколько мы его ни звали с собой, ни в какую на контакт не идет, нелюдимый какой-то. Сидит сиднем днями напролет в своей комнате, ни с кем не общается. Как-то даже жалко его, что ли.

— Морду бы ему начистить, — высказался по этому поводу Рамус, наяривая уже второго окушка горячего копчения и заливая

все это пивом. — Сколько его знаю, все время такой, да и папенька у него не лучше был.

— Да, семейка у них вся с головой не дружит. — Трим вроде как постарше был и наверняка в свое время пересекался с Нафалем фон Когдейром. — Случай, конечно, что им жизнь перевернул, препаршивейший вышел, но ведь не повод же это, чтоб зверем до конца жизни на всех кидаться?

— Это ты про Мекту? — набив рот, спросил Рамус.

— Угу. — Трим разлил по кружкам пиво. — Все их беды оттуда. Ты в курсе той истории, Улич?

— Ага. — Да уж, кто, как не я, сейчас в курсе тех событий? Правда, об этом рассказывать парням не стоит. — Жалко его даже как-то. Может, если б не его папочка придурочный, нормальный бы парень был? Вместе бы пиво пили, рыбку ели, вот в парилочке бы с нами сидел, а не торговался, как купчина прожженный, за войну.

— Вот то ж! — поддержали меня парни, стукаясь кружками. — Вот скажи нам, Улич, по совести ну неужто мы много просим?

— Да нет вроде, все по чину да с толком, — покивал я, тоже отпив пару глоточков за компанию.

— Все-таки хороший ты парень, Улич. — Рамус приобнял меня, уже, видимо, слегка окосев от выпитого. — Ты в следующий раз, как захочешь кому войну какую устроить, напрямую к нам обращайся, без всяких там крепостей, ладно?

— Хех! — Я помахал рыбкой. — Вы бы видели, как нас ваш дед клюкой своей охаживал! Вот боевой перец! Так костил, так косточки перебирал!

— Да, дед когда-то лихой рубака был, — отсмеявшись, сказал Трим. — Он нас с Рамусом еще пацанами порол, как нашкодим. Силен был мужик, сдает, правда, в последнее время.

— За его здоровье, долгих лет ему жизни! — поднял я кружку.

— За здоровье! — поддержали меня братья.

«Наздоровкались» они в тот вечер, словами не передать, да еще и меня, мальчишку, слегка подболтали, я хоть и чисто символически, но тоже был веселенький. Ну и, как водится, потянуло на общение с женским полом, есть у нас мужиков старинная традиция: «Выпил? Немедленно признайся кому-нибудь в любви!» Обязательное условие — утром про это даже не вспомнить.

— Парни, я вас умоляю, только не к баронессе фон Каус! — Рамус закинул меня себе на шею, а Трим, пошатываясь, пер какую-то балалайку местечкового пошива, уверяя меня, что

играет на ней как бог. — Прирежет, как пить дать! Парни, одумайтесь!

В простынях, как римляне в тогах, наши благородия под вечер выползли из бани, ища общения. На свою голову я поддержал их пробудившуюся страсть к песнопениям, исполнив на бис пару раз «Очи черные», с запозданием понял, что разбудил в них нездоровую тягу к приключениям, с ходу смекнув, кому в замке можно адресовать фразу: «Очи черные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные». Да, только южанка Лесса подходила к этой песне.

— Парни, поворачиваем назад, она так мечом фьють-фьють, что мало не покажется. — Сидя на шее покачивающегося Рамуса, я все еще безнадежно пытался прикрыть свой тощий зад простынкой.

— Не сцать! — Твою дивизию, даже сквозь время и пространство мужики пронесли эту присказку всех приключений и неприятностей. Трим, стукая балалайкой по ступенькам, ущипнул какую-то служанку за зад, уже пятую или шестую по счету. — Мы все понимаем, правда, Рамус?

— А то! — отозвался мой Боливар. — Мы-то сразу все поняли!

— Вы бы меня просветили, чтоб и я понял. — Я учтиво и успокаивающе кивал каждой взвизгнувшей девице, до которой смог дотянуться гогочущий Трим.

— Это — любовь, барон! — воскликнул Рамус, стукнув меня при входе в двери головой о верхнюю притолоку. Мало того что высокий сам, так он еще пьян в дымину, с ужасом я подумал еще, наверно, о десятках трех, может, четырех дверных проемов, ожидающих впереди.

— Какая еще любовь? — Я растирал ушибленный лоб.

— Большая! — Рамус.

— Настоящая! — Трим.

— Ты втюрился по самое «не могу» в нее! — Оба гоготали.

— Уж мы-то знаем. — Рамус.

— А то, все понимаем! — Трим.

Дальше они заплетающимися языками поведали мне политику партии по вопросу взаимовыручки со стороны старших опытных товарищей, всегда готовых просветить молодежь на нелегком любовном фронте.

— Ты, если че не знаешь, спрашивай. — Трим отвлекся от прислуги, бренча своим музыкальным инструментом, видимо, после пары лестничных пролетов тот нуждался в легкой настройке.

— Да, спрашивай, потому как мы тебя только до постели

доведем, дальше — сам! — залился смехом Рамус, тут же поддерживаемый братцем.

Вот кони, ну надо же было им пива так налакаться, хотя стоит отдать им должное, в каждом, наверно, литра по четыре сидит, а то и больше, с утра, считай, квасят. Взять да шваркнуть обоих кулаками воздушными и свалить по-тихому? Нет, стыдно, вроде вместе сидели, братались, друзья-товарищи вроде как. Вот же незадача, придется песни петь баронессе, если та, конечно, не поубивает нас ко всем чертям.

В общем, долго ли коротко, но пока я уворачивался от дверных косяков и свечных люстр, братцы, поплутав по коридорам, доставили меня к запертым дверям комнаты. Как истинный аристократ, Трим, все еще бренча на своем инструменте, стукнул ногой в запертую дверь.

— Кто там? — послышался с той стороны испуганный голос. — Подите прочь, я никого не жду!

— Открывай, прекрасноглазая! — заорал, казалось, на весь замок Рамус.

— Пришел воздыхатель твой ненаглядный! — заорал ему в тон Трим. — Будем сейчас в любви тебе признаваться!

— Пошли вон, пьянь поганая! — тут же пришел ответ с той стороны.

— Что она сказала? — задумчиво осведомился у своего брата Трим.

— Кокетничать изволят, — с высоты своего опыта веско высказался Рамус. — Флиртует с нами, понимаешь ли.

— А-а-а! — воскликнул просвещенный Трим, со всей дури вмазав ногой в дверь. — Открывай сейчас же! Не ставь у любви на дороге заслонов!

— Парни, спокойней, дама стесняется, — попытался я охладить их пыл.

— На то она и дама! — тут же поучительно ответил мне Рамус.

— Угу! — поддержал его Трим, разбегаясь и впечатываясь плечом в дверь, снося одну из створок напрочь и вваливаясь внутрь со страшным грохотом. — Им на роду написано стесняться!

Ох ты ж боже мой! Я схватился за голову, вот это номер мы тут отчебучили, вот это братцы дают жару! Ну и влетит мне от моего женского коллектива с сэром Дако во главе! Рамус, стукнув меня еще раз о притолоку, протиснулся бочком внутрь апартаментов, где на полу все еще возился оглушенный братец, при этом моя простынка зацепилась за один из торчащих гвоздей. Крак! Порвалась простынка, сходя с моего торса, и белым

знаменем повисла на косяке, оголяя меня, Аполлона, со всех сторон.

Бедная баронесса предстала перед нами практически во всей красе. Похоже, она сама недавно принимала ванну, так как стояла посредине комнаты, прикрываясь коротеньким полотенцем, из-за которого были видны только ее перепуганные громадные глаза сверху и две красивые стройные ножки снизу, а также сквозь мокрую ткань — два обвода довольно увесистых, судя по всему, кругляшей груди.

— О прекрасноглазая! — взревел Рамус, снимая меня, красивого, с шеи и ставя на круглый чайный столик вместо подставки.

— О чаровница, чей облик свел с ума не одну сотню мужчин! — ожил, поднимаясь с пола, Трим.

— Пришел к тебе, влюбленный и объятый пламенем! — Рамус.

— Сжигаемый огнем! — Трим.

— Опаленный твоей красотой! — Рамус.

— Да просто уже пепел, а не человек! — Трим.

— Ага-ага! — Рамус.

— В общем, валяй, Улич! — Трим звонко шлепнул меня по голой заднице, беря первые аккорды песни на своей балалайке, цимбале или что там за хрень вообще была у него?

А что я? Я и дал, во весь голос, что ж тут оставалось делать, не бежать же прочь, посверкивая в полутьме коридоров полужопицами?

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас, как боюсь я вас,
Знать, увидел вас я в недобрый час!
Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Орал от души, отставив ножку и изображая из себя Шаляпина, Трим рвал струны за весь оркестр, а Рамус вытирал бегущие по щекам слезы, растрогавшись до глубины своей пьяной души. За других говорить не стану, но нам троим понравилось, могли бы еще пару раз повторить на бис, если бы не сбежавшийся народ.

— Какого хрена вы тут устроили?! — возопил сэр Дако в окружении собравшихся домочадцев, а также толпы любопытных

слуг. Ого, а я и не заметил, когда к нам на огонек подтянулся народ.

— Э-м-м-м… — развел я руками.

— Н-у-у-у… — протянул Расмус, прячась за братца.

— Это все он! — Палец Трима уперся мне в грудь, а также сотня глаз собравшихся стала дружно в тишине обозревать меня с головы до ног тяжелым взглядом. — Говорит: люблю, не могу, пойдемте, парни, петь буду!

Вот же гад! Я же их отговаривал, чертей безрогих! Ну спасибо вам, братцы-засранцы! В полной тишине я стоял, хлопая глазами, беспомощно взирая по сторонам, абсолютно голый и растерянный до умопомрачения. Такого поражения не видела земля, ну и стыдобища, я вам хочу сказать! Как же я хотел в этот миг сквозь землю провалиться.

— Опа-на! — нарушил тишину громким шепотом на ползамка пьяный и покачивающийся Рамус. — Гляди, братан, а фон Каус, вон в толпе стоит!

— О! И точно! — Трим уронил свою мандолину на пол, она жалобно звякнула при падении. — А кому ж мы тогда пели?

Толпа дружно перевела взгляд на скрывающуюся за полотенцем незнакомку, растерянно и беспомощно моргающую на нас из-за своего хлипкого убежища. Я еле сдержался, чтоб не ляпнуть: «Гюльчитай, открой личико!» Ведь и вправду, если Лесса фон Каус сейчас стоит вместе со всеми домочадцами и гостями замка, то кто ж тогда эта девушка, которую мы тут перепугали до смерти? Волосы черные, глаза темные, кожа белая, нет, определенно у меня таких девиц нет. Деметра разве что, но она более хрупкая и опять же одетая, с остальными девчонками с любопытством изучает мой стручок.

— Дамы и господа! — попытался я взять все под контроль, балансируя на хлипком столике. — Прошу всех успокоиться, все будет нормально! Рамус, едрить! Сними меня с этой хрени, пока я не навернулся!

Лучше бы я промолчал… да, определенно, лучше бы… Но, увы, я стронул с места эту пьяную мощь, которая споткнулась и толкнула другую пьянь, которая, уже зацепившись о валяющуюся под ногами арфу, или как там этот гобой называется, шлепнулась лицом, вытянув вперед свои руки, которыми и опрокинула стол. Так я был запущен практически на орбиту этой планеты — кверху задом через спину и со всей дури об пол. От удара я даже дышать не смог.

— Глянь, что делает! — завистливо восхитился Рамус, показывая Триму на меня пальцем. — Я бы так точно не смог!

— Угу! — также восхитился Трим. — Круто у него

получилось!

От приземления и последующего удара об пол на секунду я, похоже, даже вырубился, так как реально потемнело в глазах. Охая, ахая и сдерживая брань из-за присутствующих детишек, попытался встать с пола, ухватившись за какую-то тряпочку, практически без сопротивления соскользнувшую мне в руки. Пару раз растерянно мигнув глазами, я перевел взгляд с полотенца в своих руках на скрывающуюся все это время за ним девушку, понимая, что, к своему стыду, опять натворил делов.

— Вау! — взревели братцы.

— Демоны подземелья! — вскричал пришедший со всеми Альфред Лин, хватаясь за сердце и оседая на руках Дако и Нонстога.

— Ну дела! — Олаф Кемгербальд покачал головой.

— Как такое может быть? — хором ахнули графиня и фон Каус.

Толпа, всколыхнувшись, замерла в изумлении, с недоверием глядя на юную прелестницу, все это время скрывавшую от нас и от всего мира свою суть.

— Барон Когдейр! — строго и сурово так с пола с сердитым прищуром разглядывал я Нуггета. — Сейчас же объясните мне, где ваша пиписка!

— Слыш, Улич! — хихикая, подал голос Трим. — А у них, у девочек, они вот такие!

— Ага! — вклинился его братик. — Кренделечком!

* * *

Уже ночью я сидел у себя в комнате, держась руками за голову. Ну конечно! Конечно же оборотни не могли ошибиться, выполняя просьбу Лорейн фон Пиксквар! Это мы, люди, смотрим своими глазами и не видим! А они, волки, не только глазами смотрят, но и носом, они не могут ошибиться. Они знают все, они по твоим вчерашним следам на земле смогут сказать, какого ты роста, откуда и куда шел и что ел на завтрак. Как же я не догадался, что Нуггет фон Когдейр давно уже мертв, а его место занимает его бедная сестренка? Бедная, измученная своим папочкой-изувером девушка, Нона фон Когдейр.

Вот я лопух, ведь все было у меня перед глазами! Впрочем, не один я и не один год кряду обманывался этим бледнолицым, большеглазым бароном. Да и обманывался бы, наверно, и по сей день, не учуди я этим вечером со своими пьяными дружками Гердскольдами такую оказию.

Поистине, один дурак кинет камень в ущелье — целая тысяча мудрецов не сможет его оттуда достать. Ну и дела! Какая-то забитая, замученная всеми и каждым девчонка умудрялась водить за нос полкоролевства, ведя свою политику, свою войну и свою землю своим путем. Надо же, какая судьба у человека, прям как я, только без… или вернее с… кренделечком, как выразился Рамус сегодня.

Я тоже не я, нет на самом деле никакого Ульриха фон Рингмара, давно уже нет. М-да. Невольно я раскрыл тайну своей коллеги-обманщицы, всеми правдами и неправдами скрывающей от людей истинное лицо, даже как-то совестно стало на душе и тоскливо. Жалко девчонку стало.

Почему? Потому что это не Земля и не просвещенный двадцать первый век со своей сплошной женской эмансипацией. Здесь по закону ее после смерти отца регент должен был отдать за кого-нибудь замуж либо же сдать в монастырь затворницей, ну или проще всего удавить по-тихому, а не как сейчас позволять ей вытворять что в голову взбредет. Это ж какие деньжищи кто-то терял из родни все эти годы?! Н-да, затрудняюсь даже представить, что теперь будет. Тут, пожалуй, не то что по головке не погладят, тут костром или виселицей попахивает. Вон Альфред Лин уже сейчас порывается испепелить на месте «поганую тварь», предавшую род и закон. Старого хрена, к сожалению, все же откачали после сердечного приступа, случившегося с ним в комнате Ноны. Сама же девушка сейчас взаперти сидела, заливаясь слезами, правда, компанию узнице составили все девчата, от мала до велика, из моего батальона. Сердобольные осуждающе глядели в мою сторону, нося неожиданно найденной баронессе чай и успокоительное, подбирая ей наряды и всячески успокаивая.

Женская дивизия в солидарности игнорировала нас, мужской контингент, не пуская никого на порог, а уж с ними спорить было не только накладно, но и чревато неприятностями, так как главой и верховным главнокомандующим этой армии была графиня Шель де Красс. Графским титулом здесь среди нас, мелкоты, мог только Герман Мирт похвастаться, да и то по достижению совершеннолетия.

Но, увы, скорей всего, когда скандал дойдет до столицы, лжебарона не спасет даже защита графини, уж слишком это тяжкий грех по понятиям местного мира. Жаль, вправду жаль девушку, ведь по большому счету талантлива, да и как военачальник навела тут шухеру в свое время, заставив всех пусть и не уважать, но побаиваться себя.

Дверь в мою комнату распахнулась, впуская внутрь

развевающийся ворох юбок баронессы фон Каус.

— Ульрих! — Она обхватила мои плечи. — Ты должен ей помочь и все исправить! Она ни в чем не виновата!

— Да знаю я. — Тяжело вздохнув, опустил голову.

— Ты представляешь, ее покойный отец с детства вбивал в нее эту дурь кулаками и розгами! — По ее лицу текли слезы. — Он просто сумасшедший! Он отказывался принимать смерть наследника, мучая свою дочь, заставляя ребенка быть тем, кем она не могла бы стать никогда!

Разрыдавшись в голос, она выбежала прочь, оставляя меня опять одного, правда, ненадолго. В комнату вошла графиня, также вся в слезах, тут же заключая меня в объятия и рыдая навзрыд.

— Как же чудовищен этот мир, Ульрих! — говорила она. — За что?! За что он с ней так поступил? Она же его дочь, она любила его! Она любила не меньше, чем он, свою мать и своего брата! Как отец мог так поступить со своим ребенком?

Как? Не знаю, я не могу дать ответы на все вопросы, я даже не могу иной раз нести ответственность за свои действия. Да уж, мир непрост, несладок и не пушист, подобно небесным облакам. Всему есть место под солнцем, любви и ненависти, радости и печали. Жизни и смерти. Почему к одним он ласков, а к другим колюч? Почему? Я не знаю, я многого не знаю и даже больше скажу — многого не хочу знать, не хочу видеть ту, другую, сторону медали, где притаились мрак, боль, отчаянье и чьи-то слезы. Я очень этого не хочу, но, увы, все это рядом, подчас не нужно даже оборачиваться.

Про этот мир дикости и говорить не приходится, но, увы, до сих пор и на Земле есть вещи, от которых хочется зажмуриться. С теми же девочками — сколько мужиков до сих пор кривятся в роддомах? У меня медсестра была знакомая, перевелась к нам из одного из родильных домов, так она иной раз рассказывала страсти, когда мужья бросали своих жен, мол, раз девочка, то сама езжай, сама рожай, сама выхаживай и расти, мне оно не надо, не наследник, значит, не родной. Бывало, и на УЗИ пары расходились, а уж о восточных странах так и говорить не хочется, там ребенка неугодного до сих пор выбросить могут, как собаку. Здесь же папаша, похоже, реально умом тронулся, вытворив такое. Даже представить невозможно, чего девочка натерпелась.

После ушедшей графини успокаивал стайку рыжуль Кемгербальдов с моей малышкой Ви, дружным хором уговаривающих меня что-то придумать, а уж за ними пришла разбитая Лорейн Пикскварр со своими дочками, и я битых два часа успокаивал ее, занимавшуюся самобичеванием и берущую вину за

все, что случилось, на себя. При чем здесь она? Она, что ли, родила на свет дурака, издевавшегося над своей дочкой? Или, может, вина ее в том, что ее муж мстил ублюдкам, посягнувшим на его жену? Нет, на себя много можно грехов навешать, но этот грех не ее, не ее это вина, что смогла сохранить свою нареченную от гибели. Здесь, в этой истории, и без нее грешников хватает.

Некоторое время вновь сидел один, задумчиво перекладывая бумаги у себя на столе либо же тупо пялясь в маленькое окошко-бойницу. Мыслей вообще не было, все как-то сумбурно, дико, сплошная мешанина чувств и обрывков каких-то слов.

— Я посижу у тебя? — В комнату проскользнула Деметра, забираясь с ногами в кресло. — Препоганейшая история, почти как и моя жизнь, не находишь?

Да уж, вот еще одна боль на сердце, еще один ребенок амбициозных родителей, не останавливающихся ни перед чем на пути к своей цели. Что мне ей сказать? Она даже не плачет, она свои слезы уже давно выплакала, на долгие годы вперед плакала. Так уж вышло. Так распорядилась судьба. Что можно сказать? Ничего. Сейчас я ничего не могу сказать ей. Она не очень общительна, здесь хоть нашлись ей друзья, но маман растила ее в свое время под жесткой пятой ненависти к окружающим, не отпуская от себя ни на шаг. Из-за этого мы долго не могли найти с ней нужных тем, чтобы хоть как-то растопить вековечный лед, пролегший между мной, Германом и ею, девочкой, теперь по сути ставшей никем в этом мире, девочкой, не имеющей права даже на свое имя, не то что на жизнь.

— Знаешь, а ей повезло, что все случилось так, как случилось. — Она следила за тем, как я, заложив руки за спину, вышагиваю по комнате. — Тогда, в Роне, когда ты подобрал меня на улице, я не понимала, что ты за человек — как ты можешь, отправив, по сути, на виселицу мою мать, проявлять заботу обо мне.

— Она попросила меня, ты же знаешь. — Мне было совестно смотреть в ее сторону.

— Знаю, и этого я тоже не могла понять очень долгое время. — Она закрыла глаза и обхватила руками колени, поджав их к груди. — Но потом я поняла и тебя, и мать. Ты просто такой человек, ты не сможешь уйти в сторону, а значит, этой девочке, так же как и мне, повезло, что рядом есть ты.

— В этот раз, даже пойдя всем наперекор, вряд ли смогу что-либо изменить. — Вновь усевшись за стол, я обнаружил ее легкий силуэт уже в дверях.

— Сможешь, — долетели до меня ее слова. — Я верю сможешь.

Мне б ее уверенность. Что-то женщины совсем меня извели, разбередив чувства. Не хотел бы я, ох, не хотел бы влезать во всю эту историю. Тут могут и хребет переломать, я же и сделать ничего толком не смогу! Прятать беглую преступницу от многочисленных претендентов на регентство Когдейра? Противоречить королю? Да еще неделя-две — и пойдут, наверно, первые шепотки по столице, купцы у меня в Касприве бойко мотаются, для торговли используя речной путь. А в том, что уже сейчас слух пошел по земле, и сомневаться не приходится слишком много народа было свидетелями моей выходки, одних только слуг под два десятка человек.

Жалкие остатки ночи я проспал прямо за столом, в конце концов выключившись просто от физической усталости. Днем женский коллектив по-прежнему держал оборону, никого не допуская к Ноне, а сэр Дако созвал в общем зале защитников, не забыв пригласить меня.

— Ну что, Лин, обделался ты по-крупному? — Нонстог злорадно потирал руки.

— Да пошел ты! — Альфред Лин нервно дергал ногой.

— Так, успокоились! — Дако хлопнул ладонью по столу. — Тут не только с Лина спросят, но и с остальных защитников! Мы должны были знать, мы должны были отследить этот вопрос!

— Да уж, а Нафаль-то каков оказался… — подал голос я, разливая старикам горячий чай по кружкам. — Сэр Лин, кто теперь в династии главнейший?

— Да никого. — Старик скривился, словно от целого куска лимона. — В этом-то вся и загвоздка, за это-то король и накажет, мы допустили, что пресекся один из знатнейших и древнейших родов королевства.

— Это полбеды. — Нонстог отхлебнул маленький глоточек из поданной кружки. — Главная беда — это грызня, что начнется теперь между баронами Мирта.

— Ну за всех я не скажу. — Я сел в свободное кресло, также беря в руки кружку. — Но думаю, что Кемгербальд не станет участвовать в переделе, хоть его земли и рядом, а уж мне и подавно лишние рты не нужны.

— Ты не понимаешь. — Сэр Дако махнул на меня рукой. — Во-первых, король может прислать совершенно непричастного представителя какого-либо из многочисленных родов, а во-вторых, золото. Даже если сейчас ни ты, ни Олаф не горите желанием влезать в эту бучу, то в скором времени жизнь вас заставит, плюс ко всему Когдейр — это граница с пиктами, если перед ними не будет кто-то, кто сможет показать им зубы, они устроят по-настоящему крупномасштабный набег.

— Гердскольды точно влезут, — совершенно буднично сообщил Нонстог. — Пикскварам далеко, но ради поживы могут примкнуть к кому-нибудь в союзе.

— Да уж, вариантов исправить ситуацию у нас практически нет. — Дако откинулся на спинку кресла, рассматривая потолок.

— Надо паршивку срочно выдать замуж! — Лин хлопнул кружкой по столу. — Надо найти достойную кандидатуру, чтобы успокоить это болото и сдержать накаляющиеся страсти!

— Как вариант, — согласно кивнул Нонстог. — Только как найти кандидатуру среди местных, достаточно авторитетную, чтоб на него не кинулись войной, да еще с поддержкой хотя б одной из семей Мирта?

— Хм! — Сэр Дако с прищуром уставился на меня.

— Хм! — Лин так и вперил в меня свой взор.

— Думаете, сработает? — Нонстог окинул меня взглядом, словно я стоял на витрине.

— Воу! — Я поднял руки. — Спокойно, отцы, спокойно! Только меня сюда не вмешивайте!

— Кемгербальд тебя однозначно поддержит. — Сэр Дако стал загибать пальцы. — Для Гердскольдов ты вообще теперь свой в доску, Пикскваров тут никто не берет в расчет, но даже на них ты сможешь надавить.

— Это еще как? — Нонстог с интересом рассматривал меня. — Неужели и вправду ты нашел пропавшую сестру Томаса?

— Вот проныра! — рассмеялся Лин. — Ну и ученика ты себе нашел, Дако!

— Так, господа защитники! — Я нервно поерзал в кресле. — Это идея плохая, и я в ней отказываюсь принимать участие! Ищите другие варианты!

— Хватит и этого, — кивнул своим мыслям Лин. — Сегодня же отправлю письмо королю.

— Я еще несовершеннолетний! — До меня стало доходить, что, похоже, они серьезны, как никогда. — Мне через четыре-пять лет в академию уезжать, королю служить!

— Вот как раз все сходится! — хлопнул Лин по коленке рукой. — Будет кому за землей присмотреть, пока ты в отъезде!

— Да вы охренели, что ли?! — Я вскочил, опрокидывая свою кружку на пол. — Я отказываюсь участвовать во всем этом!

— Ну-ка сядь. — Сэр Дако упер в меня свой тяжелый взгляд. — Что за паника? Девицу какую-то испугался? Ты вообще представляешь, что может начаться тут, если разразится дележ? Сколько людей погибнет, в какую пучину все эти земли погрузятся неизвестно на сколько лет!

— Опять же дело-то твое, можешь и не жить с ней. — Лин

провел большим пальцем по шее, как бы намекая на возможный вариант в скором времени стать вдовцом.

Вот это да — без меня меня женили! Порассуждал, называется, о судьбах бедных женщин в этот темный век! Самого только что выменяли на двух верблюдов и одно кашемировое полотенце. Собрались старики, мыслью пораскинули, да и решили судьбу-судьбинушку: быть сим молодым людям отныне мужем, стало быть, и женой.

Хотя чего еще можно было ожидать? Надо же, гуманисты какие, кровь людская прольется, давай уж, барон, защити горемык! Я сел на место, безвольно опустив плечи, формально я еще могу им показать дулю, но вот в реальности, похоже, все уже решено. Достаточно одному из этих старых перцев «стукануть» наверх, и мой брак будет освящен королем, заботившимся о судьбе своего королевства.

— А может, посмотреть, кого из столицы пришлют, может, толкового? — неуверенно начал я, впрочем, не испытывая особых надежд.

— Да кого они прислать могут? — ворчливо начал Лин. — Какого-нибудь подхалима и мота, что разорит все в пух и прах.

— Да уж, при дворе ушлые ребята отираются, — покивал Нонстог. — Все заложит, продаст да обратно уедет деньги проматывать.

— Опять же верно ты подметил, пока совершеннолетия не достигнешь, только помолвка будет. — Дако нравоучительно поднял палец. — А помолвка — это не свадьба.

— Да нет, свадьба будет, — улыбнулся Нонстог.

— Это еще почему? — насупился Дако.

— Ну извини меня, мой дорогой, когда все до столицы дойдет, либо свадьба, либо голову с плеч. Не дадут ей даже дня без наказания прожить, — говорил Нонстог.

— Пожалуй, он прав. — Лин кивнул. — Не простят ей подобных вольностей.

— Значит, я не подхожу? — Я аж подскочил на своем кресле.

— Ну почему же? Думаю, король одобрит твою кандидатуру, невзирая на твой юный возраст, — успокоил меня Лин. — Прецеденты, насколько мне известно, уже были в истории. Правда, в основном девиц малолетних выдавали замуж, ну да, как говорится, все когда-нибудь случается впервые.

Выйдя из комнаты, оставил стариков обговаривать нюансы, направляясь к виновнице кордебалета. Мой враг, мелкий проныра барон, а теперь в будущем, похоже, моя жена, должен, то есть должна, знать о своей судьбе. Она должна сама сделать свой выбор, иначе я не пойду на такой шаг, чего бы это мне ни стоило.

Я могу по-разному к ней относиться, я могу сочувствовать ей, переживать с ней, но я не смогу жить с ней рядом, если между нами по-прежнему война. Да, боевые действия окончены, да, она проиграла и разбита, но я не уверен, что она сломлена и спокойно опустит руки. Ох, что-то мне подсказывает, что не все так просто будет с этой мадам, не одного уровня это человек, там слоев, что на цыганке разноцветных юбок. Мне самому ни холодно ни жарко от того решения, что приняли защитники. Надо будет, вытяну не то что Рингмар с Когдейром, весь Мирт переделаю по своему образу и подобию, но я не привык шагать по головам. Да, она сейчас никто, корова, грубо говоря, на продажу. Но и, как показал Лин, по горлу пальцем не смогу.

— Стойте, барон, сюда нельзя! — Перед дверями стояла Лесса, видимо, как самая боевая из охранения.

— Всем выйти. — Не обращая на нее внимания, прошел в комнату. — Мне нужно поговорить с Ноной.

— Она не желает никого видеть. — С кресла поднялась графиня, впрочем, не одна она, почти весь женский батальон осел в гостиной Когдейра.

— Пошли вон отсюда! — Я мало того что гаркнул на них, так еще размолотил один из шкафов, в мелкую щепу разнеся его с грохотом по комнате. Ну не было у меня настроения политесы тут со всеми ними разводить, объясняя, что до чего.

Опустив головы, они выскочили испуганно прочь, оставляя меня одного. Нона, видимо, пряталась в спальне, ну да ломиться туда пока не стану, барышни тут, в гостиной, неплохо устроились — чаек, вареньице, плюшечки какие-то, без ложной скромности тут же принялся подъедать за ними, задумчиво разглядывая останки шкафа.

— Нона! Давай выходи, а то печенье уже кончилось, — крикнул я баронессе, наливая себе еще кружечку чая. — Учти, когда я доем варенье, меня уже не остановить, рухнут преграды, сам войду.

— Что тебе еще от меня нужно, Ульрих? — Хм, а в платье, с этой мальчиковой короткой стрижкой маленький Наполеон ничего так смотрится. — Тебе мало было пройтись войной по моим землям? Тебе мало было разрушить мою жизнь? Что, что еще ты от меня потребуешь?! У меня больше ничего не осталось!

Глаза хоть и заплаканные, но сверкают бойко, кулаки сжимает, ух, раззадорилась, того и гляди кинется на меня.

— Ну. — Я задумчиво смерил ее взглядом. — Тут народ посовещался и решил, что с тебя еще брать и брать, так что не скромничай.

— Что? — Она растерянно опустила руки. — О чем ты?

— Жить хочешь? — Я похлопал ладонью по диванчику, приглашая ее сесть рядом. — Если да, присаживайся, разговор будет долгим.

* * *

Осень — время обострения у поэтов, шизофреников и прочих людей тонкой натуры. Тихая, спокойная, без шумных дождей и расхлябанности дорог, впрочем, может, еще рано, еще все будет. Красиво, что ни говори, тут золото, там алый цвет, кое-где редким вкраплением еще просматривается зелень, все смешалось радужным калейдоскопом под лучами еще яркого, но уже совсем нетеплого солнца.

По городку развесили прямо среди улиц разноцветные флажки и вымпелы, народ с утра балуется халявой — поставленными по перекресткам и площадям винными бочками, по фабрикам и заводикам объявлены выходные, все замерло в ожидании столь знаменательного события, как торжественное бракосочетание барона Ульриха фон Рингмара с баронессой Ноной фон Когдейр.

Жмут. Реально, эти новые высокие сапоги мне жмут. Тесноват камзольчик, а воротничок рубашки с кружевным отворотом подобен удавке наемного убийцы, стягивающейся на моем горле. Я вместе с братками Гердскольдами, уже где-то успевшими изрядно принять на грудь, сидел в здании магистратуры Касприва, ожидая, когда моя невеста в Лисьем прихорошится, приведя себя в порядок, согласно всем канонам боевой женской раскраски, а также облачится в соответствующий действию наряд. До тех пор нельзя. Сидим, ждем гонца, гости также в Лисьем, где будет официальная церемония, ну а я здесь. Жду сигнала, когда мне будет дозволено оседлать Уголька, чтобы предстать пред ясны очи своей возлюбленной.

В октябре и в ноябре
Каждый зверь в своей норе
Сладко спит и видит сны
В ожидании весны.

Только маленькую Катю
Вынимают из кровати,
Умывают в пять минут,
В садик за руку ведут.

Вот так и со мной — всем радость и веселье, а меня в пять минут одели, стянули, причесали, дали пару капель вина для храбрости, и теперь сиди, жди. А я что? Сижу, жду. Куда я денусь? Волнительно, правда, все это, ну что ж тут поделать, если для меня это все впервые и вновь. Не получилось у меня в прошлой жизни пройти этот путь, так зато в этой судьба распорядилась так, что хочешь — не хочешь, а надо. Кемгербальды, Гердскольды со своими родителями, прибыли Пиксквары, а также мой драгоценный хмурый дядюшка, барон Турп. Все собрались, даже регент де Миртов прибыл, а с ним еще два защитника, выводя старичков в ранг полного боевого комплекта. Да уж, народу было порядочно, но, увы, местечковыми все не обошлось. Увы и ах, прибыли гости из столицы, некий Гурт Вангкор, глава всех защитников по королевству, а с ним представительница королевской династии, графиня де Кервье, бабушка нашего короля. М-да. Бабуля прибыла, как и ожидалось, ни много ни мало, а с личным письменным указом короля, где мне недвусмысленно предписывалось любить назначенную мне жену.

Гурт Вангкор, его наикрутейшее наикрутейшество, был очередным пополнением стариков-разбойников, такой же древний сыч с холодным взглядом умных и расчетливых глаз. Именно ему предстояло провести церемонию, официально соединив нас с Ноной узами брака. Надо отдать ей должное, держалась она молодцом, видимо, прекрасно и без чужих подсказок понимая все нюансы и перипетии этой истории. Впрочем, чего еще от нее ждать? Она столько времени прекрасно сама справлялась с управлением своими землями, и уж точно лекцию на тему «Преступление и наказание» ей читать не нужно. Молодец девочка, судьбу приняла без слез и криков, по-деловому впрягаясь в новую для себя роль. Не то что я — с перекошенной мордой лица уже месяц хожу да тяжкие думы думаю. Конечно, между нами не было, нет и не будет любви, но по крайней мере обузой она точно не станет, умная и толковая барышня, буду надеяться, что не со злом в сердце. Да, где-то в глубине души не верю ей. Не могу поверить, уж слишком она хорошая притворщица и пусть и бывший, но довольно опасный и хитрый враг.

— Едут. — Трим Гердскольд оторвался от окна, поправляя лацканы своего нарядного одеяния. — Ну что? Едем?

— А что, есть варианты? — расхохотался Рамус, опрокидывая в себя еще один кубок с вином. — Готов выслушать любые предложения!

— Сначала банкет, Улича отопьем. — Трим также приложился к кубку. — Потом, если ничего в Лисьем не

обломится, сюда вернемся, говорят, за городом цирк встал…

— Цирк? — Я осмотрел его с головы до ног.

— Ты не подумай чего! — Рамус расплылся в улыбке. — Обычно там такие номера показывают!

— Да, видал я как-то, что там могут показать, — хмыкнул я. — Ладно, парни, по коням.

На улице какие-то специально обученные ребята стали дуть в медные дудки, противным резонансом оглашая окрестности, и тотчас по улицам повыскакивал народ, размахивая кто платками, кто флажками, кто какими-то цветочками.

— Слава барону Рингмара! — кричал кто-то в толпе.

— Счастливых вам лет и долгой жизни с молодой супругой! — также голосили там.

— Счастья молодым! — горланила чья-то глотка.

Ух, ну и дела, к такому я был не приучен, пока мы неспешно лабиринтами улиц покидали город, жители успели мне столько всего наговорить, что еще чуть-чуть — и я бы сгорел от стыда.

Ох, и тяжела ты, доля баронская, мне мало того что невесту отписали, так еще к ней строгим надзирателем-маменькой достопочтимая бабушка короля вызвалась быть. Это уже позже я узнал, что графиня Кервье прибыла не столько по своей инициативе и воле короля, сколько по личной просьбе графини де Красс, взявшей шефство над Ноной Когдейр. Вот вам и графские возможности, Шель де Красс могла многое, все-таки титулы тут решают все.

— Славный барон Рингмар! — заорал Трим на пару с Рамусом, когда мы наконец добрались ко входу в замок. — Прибыл славный барон!

Взревели трубы, заиграли музыканты, а по ковровой дорожке ко мне стали выходить знатные гости, чтоб засвидетельствовать свое почтение.

— Ну, удачи, — облапил меня здоровяк Олаф Кемгербальд.

— Счастья вам. — Его жена, не сдерживая слез, расцеловала меня в щеки.

— На долгие года! — официально пожал мне руку Томас Пикскварр, пропуская вперед свою жену, также в слезах пожелавшую мне любви.

— Быстро ты растешь. — Турп натянуто улыбался, обнимая меня. — Вовремя я от тебя отскочил, тут и затоптать могут.

— Ах, сынок, слова — пустое, жизнь покажет, что там как дальше будет. — Старик Дако потискал меня, грустно улыбнувшись.

Где-то с час я обнимался и целовался с представителями собравшейся знати, принимая от них поздравления и теплые

слова. Мужчины держались сдержанно и по большей части официально, женщины же, познавшие во всех нюансах, а также дополнениях историю моей свадьбы, не сдерживали слез и вздохов, так как такого рода *romantic* впечатлял их не хуже, чем сериалы домохозяек моего мира. Это ж надо же, вы только представьте! Бедная девочка с такой судьбой! Такая непокорная, а папенька у нее у-у-у-у… а там еще оборотни, а там еще и потом еще, и вот они уже вместе, а он ей песни пел! Ага! Представляете, штурмом брал ее покои, чтобы песни петь! А песня-то какая! Ах, любовь, ах, как все красиво! И она, бедняжечка, буквально из-под плахи под венец идет! Тьфу, мракобесие! Я, когда впервые услышал интерпретацию этого женского романа, что тетки передают со всевозможными прикрасами по секрету, друг дружке на ушко, то чуть не утонул во всех этих розовых тонах.

В общем, пока я дошел до покоев своей возлюбленной, левое плечо вымокло от слез, а правая рука болела от рукопожатий, настроение было пришибленно-возвышенным, улыбка неестественно прекрасной, мыслей — ноль.

— Баронесса Нона фон Когдейр! — объявил кто-то из прислуги, открывая мне дверь.

Ух, прямо дух захватывает, как быстро из женоподобного мальчика можно сварганить самую настоящую сердцеедку! М-да, а красивая она, что ни говори, не зря ей в образе мужчины столько шпилек досталось по поводу ее вида. Тяжело было прятать свою суть.

— Баронесса. — Я низко поклонился.

— Барон. — Красиво и изящно присела она.

— Прекрасно смотритесь, — невпопад ляпнул Рамус Гердскольд, получая локтем в бок от брата.

Если б Трим его не стукнул, уж я бы точно! Нуггет, тьфу ты, Нона почти на голову выше меня, что неудивительно, девице уже двадцать пять, в то время как мне только десятый год от роду.

Дальше, держась за ручки, мы неспешно, с остановками прошли украшенными коридорами в главный зал. Там в белой хламиде Гурт Вангкор, облеченный властью глава защитников, стал толкать красивую, запутанную и до жути скучную речь о долге, любви, ответственности и всем том, что старики любят «впаривать» молодым людям, с серьезным видом потрясая пальчиком перед носом.

— Мы все здесь сегодня собрались, в этот знаменательный день, чтобы засвидетельствовать данной нам властью, перед законом и небесами, брак этих двух юных и прекрасных молодых людей, во славу продолжения древних родов Финора! — Старик каркал без остановки и бумажки, сияя взглядом и крупными

залысинами. — От родов пусть засвидетельствуют брак!

— Я барон Эрхард фон Турп, я свидетельствую перед законом и небесами за род Рингмар! — Долговязый барон вышел вперед, становясь рядом со мной.

— Я сэр Альфред Лин, я свидетельствую перед законом и небесами за род Когдейр! — Старый защитник встал со стороны Ноны.

— Если же есть здесь кто-то, кто против этого брака либо же знает причину, по которой этому браку не бывать, пусть выйдет и говорит либо же умолкнет навсегда с этих пор! — Старик, а вместе с ним я оглядел присутствующих, но добровольцев в зале, похоже, не наблюдалось. Хоть бери сам выходи. — Тогда властью, данной мне королем, соединяю этих молодых людей узами брака, нарекая их отныне мужем и женой! Да благословят вас небеса!

— Да благословят вас небеса! — дружно взревели гости, подскакивая со своих мест.

— Жених может поцеловать невесту, — довершил церемонию Вангкор.

По моему жесту один из братцев заплетающейся походкой принес мне маленькую скамеечку, обитую бархатом, на которую я, покачнувшись, взобрался. С легким смущением вспотевшими от волнения руками я поднял легкую вуаль баронессы.

Нет, ну что это такое? Чего она плачет? Я же так не смогу, я же сейчас сам разревусь! По ее щекам катились без остановки дорожки слез, темные глаза на белой коже смотрелись двумя завораживающими бездонными озерами глубокой воды. Ох, ну и дела, ну и дела…

Медленно, словно в замедленном кино, я наклонился к ее лицу, касаясь губ.

* * *

Замок не спал, народ все еще балагурил, несмотря на поздний час. Люди пели, люди ели, люди отдыхали и веселились, а старики-разбойники палили в ночную тьму яркими россыпями огней салюта.

Хорошо, красиво, невольно я даже позавидовал всем им, всем этим людям, не знающим даже половины тех чувств и мыслей, что витали в моей голове. Нас с Ноной отпустили в наши покои, и формально у нас сейчас наша первая брачная ночь.

Первая брачная ночь.

М-да. Я уже давно выбросил из своей головы и сердца все эти бредни про любовь, смиряясь с мыслью, что, похоже, навсегда

останусь один, так и не создав семью. Что же изменилось? Ничего. Мы сидели весь вечер рядом, мы улыбались, мы целовались, а потом поднялись к себе, где она, не говоря ни слова, заперлась в одной из комнат, оставляя меня в гордом одиночестве смотреть в окно на тот праздник жизни, что охватил замок.

Ожидал ли я чего-то большего?

Черт меня побери, похоже, да, иначе бы не чувствовал себя сейчас так разбито и погано. Ну да ладно, мне не привыкать сидеть в одиночестве ночами перед окном. Эх, жизнь моя жестянка, а ну ее в болото. Расклеился что-то, надо собраться.

Где-то час я потратил на то, чтобы произвести перепись того барахла, что мне подарили на свадьбу, и всего пять минут на то, чтобы подсчитать деньги. Стало еще грустней. Вот жмоты, сожрали пять телят и под десяток хрюшек, а заплатили как за кошку средней упитанности.

Тяжело вздохнув, я откинулся на спинку кресла, закидывая ноги на стол.

— Ах ты ж мать-перемать! — От неожиданности и испуга я кувыркнулся через спинку назад, растянувшись на полу.

В оконном проеме со стороны улицы, в свете вспышек посылаемого в небо салюта стояла растрепанная вампиресса. Мой телохранитель. Тина. Стояла, тяжелым взглядом нечеловеческих глаз прожигая меня.